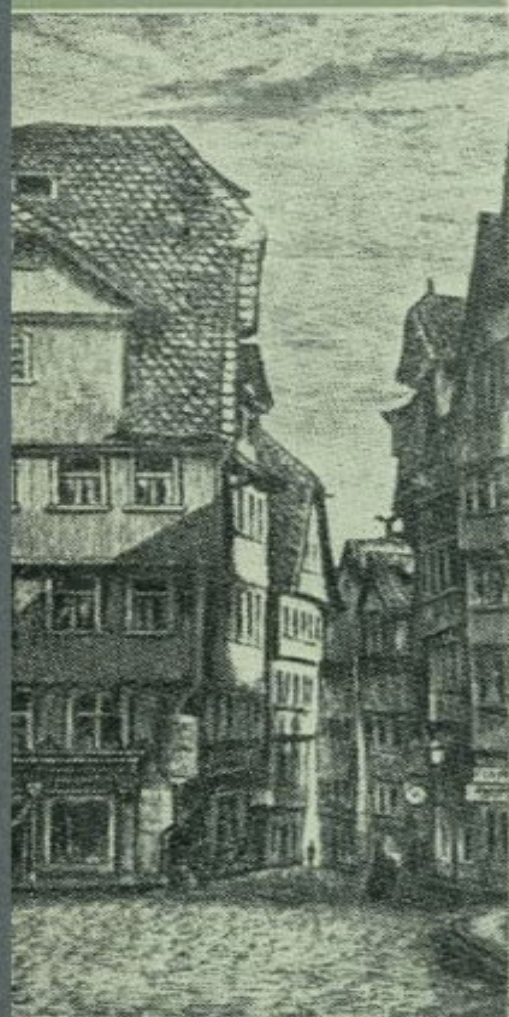

БРАТЯ ГРИММ

Т. Терстнер

FREIHEIT, n. Libertas, proprius abgestorben für seine freikillende regny.
 FREIHEITLIEBEND, libetatis amator.
 FREIHEITSBAUM, n. arbor, portica libertatis:
 Dann ihnen steht vor die Seele
 allen, sie pflanzen mit Lust die neueren Bäume d. Freiheit. Je
 wenn wir nur hier oft den Freiheitbaum erntet haben 14, 282; Je
 hat in vaffen, sein Freiheitbaum sehr in blauen, die staadten
 jugendworte werden eingewill. J. P. Mit. 1, 165; Die Sonne hat
 schalenreiche von nieden laubenden; diesen deutschen Freiheit brän
 weil die menschen vornehmen den samen gottes und, weil es er
 kann nur als Freiheitbaum nicht. freih. bünd. 105 in der Schen
 FREIHEITSBRIEF, n. tabulae libertatis, privilegium
 FREIHEITSBUND, n. 1-18 181

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Сказки братьев Гримм известны всему миру. Но это лишь часть в поистине огромном и разнообразном творческом наследии братьев Гримм: они с успехом занимались грамматикой германских языков, мифологией и историей права. Они являются крупнейшими знатоками немецкого фольклора. А знаменитый «Словарь немецкого языка» — фундаментальная работа братьев Гримм — и поныне не потерял своего значения.

- [Г. Герстнер](#)
  -
  -
  - [Предисловие](#)
  - [Ханау, первые впечатления](#)
  - [Штайнау, детство](#)
  - [Годы учебы в Касселе](#)
  - [Марбургские студенты](#)
  - [Якоб Гримм впервые в Париже](#)
  - [Трудное начало профессионального пути](#)
  - [Между классикой и романтизмом](#)
  - [На нехоженных дорогах научных поисков](#)
  - [По следам сказок](#)
  - [После Лейпцигской битвы](#)
  - [Во время Венского конгресса](#)
  - [Второй том сказок](#)
  - [Будни, полные труда](#)
  - [Результаты этих лет](#)
  - [Последние годы в Касселе](#)
  - [Из Касселя в Геттинген](#)
  - [Библиотекари и преподаватели](#)
  - [Счастье и испытания геттингенских лет](#)

- [«Геттингенская семерка»](#)
- [Утешение в труде](#)
- [Приглашение в Берлин](#)
- [Среди теорий и исследований](#)
- [Большой и малый мир](#)
- [Годы политики](#)
- [«Словарь немецкого языка»](#)
- [Бок о бок со «Словарем»](#)
- [Часы прощания](#)
- [Послесловие](#)
- [Основные даты жизни братьев Гримм](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

■

- [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 7

---

(603)

Г. Герстнер

БРАТЬЯ ГРИММ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

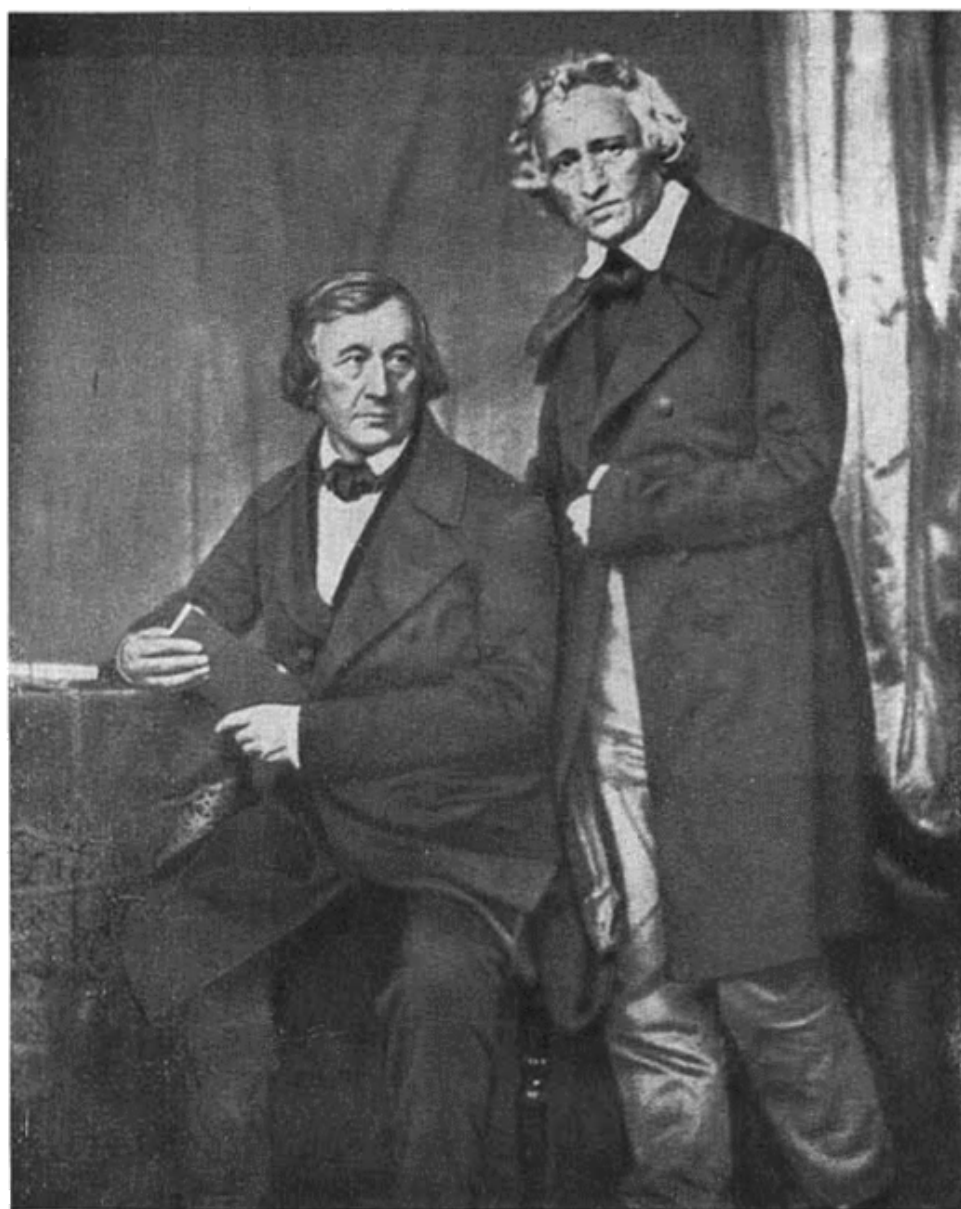
*

Перевод с немецкого
Е. Шеншина

Предисловие и комментарии
Г. Шевченко

© Издательство «Молодая гвардия», 1980 г.

Wilhelm Grimm   Jacob Grimm.

Предисловие

Предлагаемая книга фактически является первым на русском языке обстоятельным очерком жизни и творчества братьев Гримм. Потребность в такой книге назрела уже давно, и ее издание сможет в известной мере восполнить этот пробел и в основном удовлетворить интерес широкого советского читателя к личной судьбе и направлениям научных поисков Якоба и Вильгельма Гримм.

Книга принадлежит перу западногерманского писателя Германа Герстнера, автора ряда беллетризованных биографий, в том числе книг о Камиле Демулене, Фритьофе Нансене, Кристофе Вильгельме Хуфеланде, Людвиге Уланде, а также книг для детей и юношества, стихотворных сборников и переводов. Над изучением фактов биографии и творческого пути братьев Гримм Г. Герстнер работал более двадцати лет; кроме настоящей книги о братьях Гримм, им написаны еще две — «Братья Гримм. Иллюстрированная биография» (1952 г.) и «Братья Гримм в царстве поэзии и языка» (1961 г.), а также целый ряд статей по этой теме, опубликованных в периодической печати ФРГ. Многие знают художественный фильм «Волшебная страна братьев Гримм», снятый киностудией «Метро Голдвин Майер» по сценарию Г. Герстнера.

Братья Гримм — Якоб и Вильгельм — относятся к числу универсальных умов своего времени, то есть к той чрезвычайно редкой породе людей, разносторонне одаренных и удивительно трудолюбивых, перед именами которых обыкновенный человек охотно ставит слово «гениальный», испытывая к ним чувство глубокого

уважения, иногда, быть может, смешанного со смутным недоверием.

При воспоминании о Байроне, Китсе, Новалисе испытываешь всякий раз чувство горького сожаления, что таким высокоодаренным людям выпал на долю несообразно короткий срок жизни. По отношению к братьям Гримм судьба оказалась щедрее — Вильгельму было отпущено 73 года, Якобу — 78 лет. И если у Вильгельма периоды повышенной творческой активности сменялись периодами спада, что частично обуславливалось ухудшением здоровья, то жизнь Якоба Гримма являла собой непрерывный напряженный труд и одержимый научный поиск, плоды которого вместе с достижениями Вильгельма дают нам право относить обоих братьев к числу великих людей своего времени.

Братья Гримм принадлежат к категории тех знаменитых людей, которых, пожалуй, больше почитают, чем знают, если не считать их популярности как собирателей сказок. А деятельность братьев Гримм была большой и разносторонней, она охватывала многие и очень разные, на первый взгляд кажущиеся совершенно чуждыми друг другу области — скандинавскую мифологию и историю права, собирание произведений немецкого фольклора и занятия грамматикой германских языков, текстологические штудии по немецкой средневековой литературе и поиски надежного научного метода в гуманитарных науках, этнографические исследования и составление исторического словаря немецкого языка и еще многое другое. И в каждой из этих областей знания их вклад трудно переоценить. Если попытаться в двух словах определить роль Якоба и Вильгельма в любой из этих областей, то надо будет сказать, что они являются ни больше ни меньше как основателями обширной комплексной науки — германистики, охватывающей

самостоятельные науки о языке, литературе, истории, праве, культуре, быте и нравах германских народов.

Книга Герстнера отличается многими достоинствами своего жанра: достаточно широким охватом биографического материала, включающего в себя массу бытовых деталей и сведений о «второстепенных персонажах», что способствует требуемой полноте картины, единым стилем книги и последовательностью изложения. Немалым достоинством книги является также, на наш взгляд, явное предпочтение точному факту, а не вымыслу. Хочется выделить как удавшиеся главы, рассказывающие о событиях вокруг «геттингенской семерки» и последовавшей за ними ссылки Вильгельма и Якоба, — они написаны с должным драматизмом, на хорошем уровне и читаются с большим интересом.

Несколько необычен ракурс повествования. Стремясь сделать свою книгу доступной для максимально широкой аудитории, Герстнер явно избегает изложения научных концепций братьев Гримм и больше рисует их нам с бытовой стороны, говорит о чисто человеческих проблемах в жизни Якоба и Вильгельма. Такое художественное решение задачи тоже имеет право на существование — в мировой литературе можно найти не так уж мало подобных примеров. Однако этот способ имеет и свои издержки. Портреты могут получиться менее объемными и масштабными (что как раз и имеет место в книге Герстнера), чем если бы автор не побоялся ярче осветить этапы духовной биографии и показать напряженную работу самостоятельной мысли своих героев. Оставаясь верным избранному пути, автор порой увлекается популяризаторством и явно упрощает суть излагаемого предмета и те мотивы, которыми руководствуются братья Гримм в ряде ситуаций.

В освещении исторических событий Герстнер с крайней осторожностью подходит к их оценке. В

изложении событий, связанных с революцией 1848 года, ни разу, например, не упоминается «Манифест коммунистической партии». Неверно трактуются у Герстнера причины и движущие силы этой революции. Имя Гегеля упоминается только в связи с получением им университетской кафедры, и ни слова не сказано об исторической роли гегелевской диалектики. Некоторое недоумение вызывает также склонность Герстнера проводить параллели между развитием художественной культуры, литературы главным образом, и быстрым техническим прогрессом в XIX веке. Нельзя также признать удавшимися попытки автора дать панораму состояния литературы в те или иные периоды времени — картина выглядит порою фрагментарной и неясной.

Наследие братьев Гримм огромно, и давать исчерпывающую его характеристику в рамках предисловия вряд ли возможно, да это и не входит в нашу задачу; вместе с тем представляется целесообразным дать некоторые дополнительные сведения, отсутствующие или недостаточно отчетливо сформулированные у Г. Герстнера.

Мысленно возвращаясь к далеким временам детства, мы волей-неволей думаем о сказке, красочные образы и мотивы которой входят неотъемлемой частью в круг детского сознания.

Три века назад, в эпоху классицизма в европейском искусстве на народную сказку смотрели как на «низкий» вид устного творчества («нянькины сказки»), не заслуживающий сколько-нибудь серьезного внимания. Да и в другие периоды развития культуры находилось немало людей, видевших в сказке только крайне примитивный, полупервобытный вид искусства, раздражающий и в чем-то даже оскорбляющий эстетическое чувство цивилизованного человека.

Такое отношение к сказкам вело к тому, что об их сохранении и изучении мало кто заботился. Сказка жила своей естественной, стихийной жизнью в народе, в памяти энтузиастов-сказителей, часто даже не знавших грамоты, и многих тысяч ее любителей.

Братья Гримм, движимые идеей сохранения древних устных и письменных памятников литературы, проделали обширную и кропотливую работу по сбору, записи, частичному редактированию и изданию немецких сказок центральной части Германии. Их двухтомный сборник «Детские и семейные сказки» (1812–1815 гг.) явился первым в истории солидным собранием немецких народных сказок.

Правда, у братьев Гримм были предшественники.

За сто с лишним лет до появления на свет гриммовского сборника, в 1697 году, французский поэт Шарль Перро вопреки господствовавшему пренебрежению законодателей придворного искусства к устному народному творчеству издал сборник «Сказки моей матушки Гусыни». Он был небольшой по объему — всего восемь сказок. Весь читающий мир познакомился тогда с Красной Шапочкой, Спящей красавицей, Синей Бородой, Котом в сапогах.

Значительно позднее, во второй половине XVIII века, появились первые сборники сказок в Германии. Наиболее известным среди них является большой сборник немецкого писателя Иоганна Карла Августа Музеуса «Немецкие народные сказки» («Народные сказки немцев») в восьми томах (1782–1786 гг.). Однако сказки Перро и Музеуса отличались от гриммовских тем, что они подверглись основательной литературной обработке, из-за чего их следует относить не к народным, а к литературным сказкам.

Предельно внимательное и бережное обращение с фольклорным богатством своего народа (и других народов), сохранение не только содержания, способа

развития сюжета, направленности, идеи сказки, но и ее неповторимой индивидуальной языковой формы — вот основной принцип, которого почти в равной мере придерживались и Якоб и Вильгельм Гримм в работе по изданию сказок. Но их роль не свелась только к собирательству и записи сказок, хотя это уже сам по себе гигантский труд. У Герстнера хорошо описано, с какими трудностями им приходилось сталкиваться во время этой работы. Собранные ими сказки были получены из разных источников и разных областей, а потому заметно отличались одна от другой по языковой окраске, колориту, бытовым реалиям, по стилю и интонациям рассказчика. Поэтому братья Гримм решили осуществить некоторую их редактуру, чтобы, сохраняя неизменным дух и строй сказки, достичь определенного единообразия их формы и добиться такого впечатления, что все они как бы рассказаны одним рассказчиком. От человека, берущегося за такую работу, требовались тонкое чутье формы и стиля и хороший вкус. Эту важную и ответственную задачу с блеском решил Вильгельм Гримм.

Сборник сказок братьев Гримм вначале не имел четкого целевого назначения, поскольку он был задуман как издание, способное удовлетворить запросы всех категорий читателей — и массового читателя, и людей науки, и людей искусства.

Уступая настоятельным рекомендациям писателей-романтиков «гейдельбергского кружка», в первую очередь Арнима и Brentано, с которыми братья Гримм находились в дружеских отношениях, они пошли по пути придания сказкам большей литературности. Точнее, эту работу взял на себя Вильгельм, а Якоб предпочел в ней не участвовать.

Подготовленное Вильгельмом второе издание (1819 г.) существенно отличалось от первого. В дальнейшем Вильгельм продолжал литературную

правку сборника, идя по пути «сказочной стилизации», придания ему большей выразительности и единообразия формы.

Сколь последовательно более поздние варианты отклонялись от первоначального, столь же последовательно снижалась научная ценность гриммовского сборника. Тем не менее ряд сказок остался в первоизданном виде, в некоторых из них была сохранена живописная диалектная окраска языка, в сборнике содержались сведения о том, где, когда и в чьем пересказе была записана та или иная сказка, а издание 1822 года Вильгельм снабдил примечаниями, в которых, кроме текущих пояснений к сказкам, мы находим теоретические обобщения, уже содержащие общие контуры мифологической теории братьев Grimm.

У завзятых любителей фольклора и ученых, естественно, особый интерес проявлялся именно к первому изданию сказок. Но оно быстро разошлось и со временем стало библиографической редкостью. Большой радостью для исследователей немецкого фольклора было известие о том, что в одном из монастырей Верхнего Эльзаса найдена первая рукопись сказок братьев Grimm. История этой находки такова. 2 июля 1809 года, а потом еще раз, 3 сентября 1810 года, Brentano, решивший заняться изучением сказок, просил братьев Grimm прислать ему собранные ими материалы. У Grimms не было оснований отказать Brentano, и в конце октября 1810 года они послали ему копию рукописи с просьбой вернуть после ее использования. Но получилось так, что Brentano не возвратил ее Grimms. Много лет спустя его бумаги вместе с рукописью попали в Эленбергский монастырь траппистов и чудом сохранились. Основная же рукопись, с которой Grimms изготовили копию для Brentano, не сохранилась — после выхода в свет сборника сказок она, по всей вероятности, была уничтожена за ненужностью.

«Эленбергская рукопись», как ее теперь называют, содержит 25 сказок, записанных Якобом, 14 — Вильгельмом и 5 — их знакомыми, а также несколько преданий и фрагментов. Сказки по тексту этой рукописи были изданы Йозефом Леффцем в 1927 году в Гейдельберге и переизданы Манфредом Леммером в 1963 году в Лейпциге.

«В каждой сказке есть элементы действительности», — писал В. И. Ленин^[1]. Несмотря на подчеркнутую фантастичность повествования, на якобы полный отрыв от логики и фактов повседневной жизни, ее забот и проблем, на нарочитую «несерьезность», в ней прямо или косвенно отражается жизнь народа, круг его интересов, система ценностей, его идеалы, его культура. Несмотря на «запрограммированную» непритязательность повествования, в сказках нетрудно найти самые жесткие жизненные реалии, отражающие антагонизмы бедности и богатства, власти и бесправия.

Многие любители фольклора отмечают обилие «жестоких сцен» в гриммовских сказках. С этим трудно спорить, но не стоит торопиться идти по пути скороспелых и поверхностных умозаключений (что-де поскольку в сказке отражается душа народа, то, следовательно, ей, видимо, не чужда эта жестокость). Природа этого явления совсем иная — просто в гриммовских сказках пусть несколько больше, чем в сказках других народов, нашло свое отражение глубоко укоренившееся, смутное и бессознательное ощущение присутствия жестокости в круговороте самой повседневной жизни, где каждого человека на каждом шагу подстерегает смерть, болезнь, несчастный случай, большие и малые катастрофы, войны, стихийные бедствия и тому подобное.

Иногда читателя гриммовских сказок озадачивает то, что некоторые из них повторяют сказки других народов. Так, например, среди сказок братьев Гримм

есть своя «Золушка», «Красная Шапочка», «Спящая красавица», то есть варианты известнейших сказок Шарля Перро. Но надо сказать, что наличие сходных сюжетов и мотивов — вещь вообще характерная для народной сказки, да и для всей народной поэзии. Приведем для иллюстрации несколько примеров. Сказку, очень похожую на ту, что имеется в сборнике братьев Grimm под названием «Девушка-дикарка», можно найти в английских сказках, и там она называется «Тростниковая шапка», во французских ей соответствует «Дочь испанского короля», в норвежских — «Кари-замарашка», в японских — «Хатикацуги» и т. д. Сказку братьев Grimm «Девушка-безручка» с достаточной точностью повторяет словацкая сказка «Безрукая девушка», сказку «Три ореха» — норвежская «Три тетушки» и итальянская «Вот тебе семь!», сказку «Румпельштильцхен» — английская «Том-Тит-Тот», сказка «Мужичок и черт» очень похожа на русскую «Корешки и вершки», с той лишь разницей, что вместо медведя в гриммовской сказке одураченным остается черт. Природа этого явления все еще не изучена достаточно глубоко и всесторонне, так же как не изучена еще до сих пор история сказки у разных народов. Вполне возможно, что в отдельных случаях действительно имело место заимствование сюжетов, но столь же вероятно и то, что здесь не меньшую роль сыграла культурно-историческая общность развития разных народов, даже не связанных друг с другом, а также повторяемость круга жизненных и бытовых ситуаций.

Над изучением этого явления бились многие десятки ученых различных научных школ и направлений. Братья Grimm, являющиеся представителями так называемой «мифологической школы» в фольклористике, считали, что общность мотивов в устном народном творчестве разных народов, иногда даже географически очень

отдаленных друг от друга (например, немцев и индусов), объясняется общностью происхождения этого творчества, истоки которого, по их мнению, следует искать в древнейшей мифологии, общей для всех индоевропейских народов.

Другие ученые пытались объяснить это родство единством национальных и общечеловеческих моментов, простым заимствованием сказочных сюжетов («теория миграции»), биологическим сходством рас и народов, старались найти какое-то объяснение путем кропотливого сопоставления реалий фольклора с историей каждого народа. И хотя в фольклористике с течением времени одна школа сменяла другую и претендовала на единственно верное толкование этого явления, все они давали лишь частичное его объяснение.

Жизненная и творческая судьба братьев Гримм оказалась неразрывно связанной с интереснейшей эпохой развития немецкой литературы — с эпохой романтизма. Романтизм — сложное и многоликое явление мировой культуры — возник в Европе на рубеже XVIII–XIX веков. Три десятилетия романтической литературы в Германии дали миру совершенные образцы высокого искусства.

Стихию жизненного и духовного обновления, вдохновлявшую писателей этой эпохи, открытие возможности свободы и движения, острое ощущение обнаруживающейся ненадежности старых общественных устоев, казавшихся ранее незыблемыми как гранит, предчувствие рождения новой эпохи, пусть еще неясно какой, — все это принесла с собой в умы немцев французская революция 1789–1794 годов. Она, по выражению Энгельса, «точно молния ударила в этот хаос, называемый Германией»,^[2] взбудоражила ее общественную жизнь и общественную мысль и

послужила предвестием глубоких социальных перемен в этой лоскутной феодальной империи, состоявшей из более чем 360 больших и маленьких княжеств.

Реакция немцев на итоги французской революции была двоякой. С одной стороны, свержение старой, обветшавшей феодальной монархии, крамольные идеи равенства и свободы, провозглашавшиеся якобинцами, оказывали на немцев мощное электризирующее воздействие, создавали освежающую атмосферу новых, передовых идей. С другой стороны, практика революционного террора по отношению к врагам революции и первые годы буржуазного развития Франции у многих вызвали разочарование в итогах французской революции и сомнения в самой возможности осуществления передовых идеалов.

В этих условиях и рождается романтизм в Германии. Он начинается с деятельности кружка энергичных и весьма одаренных молодых литераторов в Йене (отсюда и название — «иенский романтизм»), собиравшихся в доме братьев Шлегелей, Фридриха и Августа, начиная с 1796 года. В него входили Новалис, Людвиг Тик и близко стоявший к нему Вильгельм Генрих Вакенродер, философы Фихте и Шеллинг и естествоиспытатели Риттер и Стеффенс.

Иенские романтики, переосмысляя идеи просветительства, немецкой классической философии (в лице Канта) и французской революции, стремились к радикальному духовному раскрепощению человека; задумываясь над возможными путями совершенствования человека, они уже не верили во всеислие разума, как, например, французские просветители Вольтер и Дидро, ибо сами они стали свидетелями того, как разумные принципы французской революции, которая была закономерным завершением просветительской эпохи, породили на практике весьма неразумные общественные порядки и гораздо больше

доверяли чувству и творческому началу в человеке. Рациональному познанию мира они предпочитали интуицию гениально одаренной личности. Особая роль в системе их воззрений отводилась искусству — оно рассматривалось ими как высшее проявление человеческих возможностей и человеческой культуры, а путь к высшей ступени человеческого совершенства они видели в развитии художественного дарования. «Придет прекрасная пора, — писал Новалис, — и люди ничего читать другого не будут, как только прекрасные произведения, создания художественной литературы. Все остальные книги суть только средства, и их забывают, лишь только они уже более не являются пригодными средствами — а в этом качестве книги сохраняются недолго»^[3].

Для иенского романтизма было характерно программное соединение поэзии и философии.

«...Всякое искусство должно стать наукой, — писал в этой связи другой теоретик иенского романтизма, Фридрих Шлегель, — всякая наука — искусством; поэзия и философия должны объединиться»^[4]. Призыв стремиться к высшей ступени духовности искусства, творимого гениальной личностью, — в этом смысл основополагающих высказываний иенских романтиков. Философия же, которой должен следовать романтический поэт, — это, по словам Ф. Шлегеля, не идеализм, не скептицизм, не эмпиризм, а «творческая философия, исходящая из идеи свободы и веры в нее», раскованная философская импровизация самостоятельно мыслящего человека. Рождающееся новое искусство должно было, по мысли писателей-романтиков, преодолеть всякую ограниченность «классического искусства», стать всеохватывающим и по предмету изображения, и по многообразию художественных форм, стать, по выражению Ф. Шлегеля, «прогрессивной, универсальной поэзией».

Хотя гениальность и подразумевалась иенскими романтиками как главная черта нового искусства, однако оно отнюдь не мыслилось ими искусством элитарным, искусством для избранных, посвященных. «От всякого следует требовать гениальности, без того, чтобы мы рассчитывали при этом на успех», — заявлял Ф. Шлегель^[5]. Такой взгляд на искусство был тесно связан с раннеромантической концепцией человека как существа творческого, таящего в себе скрытые необъятные возможности, как личности, неисчерпаемой в своем богатстве и глубине. «Ни один человек не тождествен другому», — писал философ и теолог Фридрих Шлейермахер, близко стоявший к кружку иенских романтиков. «В жизни каждого есть некая минута, подобная серебряному блеску у неблагородных металлов, когда этот человек, то ли приблизившись к существу высшему, то ли от прикосновения некой электрической искры, бывает поднят над самим собою и достигает высочайшей вершины, доступной ему»^[6].

Историю иенского романтизма можно сравнить с короткой и яркой вспышкой на литературном горизонте. Все богатое художественное и философское наследие иенской школы укладывается в считанные годы — с 1798 года и примерно по 1805 год. Поздний немецкий романтизм имеет более долгую историю и представляет собой еще более пестрое явление, чем ранний. Творчество Эрнста Теодора Амадея Гофмана, одного из крупнейших его представителей, имеет много точек соприкосновения с эстетикой венского романтизма, а по ряду направлений и развивает ее, опираясь на иную и весьма оригинальную систему художественных средств. Большое место в позднем немецком романтизме занимает так называемый гейдельбергский литературный кружок (отсюда и название «гейдельбергский романтизм»), в который входили Ахим фон Арним, Клеменс Брентано и братья Гримм. На

близких к ним эстетических позициях стоял Йозеф Эйхендорф. Особняком, не будучи связанными ни с какими литературными группами, стояли в позднем романтизме Генрих фон Клейст, Адальберт Шамиссо и позднее молодой Гейне.

В то время как иенскому романтизму был присущ пафос гениально одаренной личности, романтизм гейдельбергский в известном смысле являл собой его противоположность. Ему была свойственна тяга к народности, к патриархальности, к «естественной» поэзии и фольклорным источникам — народным сказкам, песням и преданиям. Гейдельбергский романтизм в отличие от иенского вырастал уже на совершенно иной почве, в совершенно иных социально-исторических условиях — наполеоновских войн (1806–1813 гг.), оккупации Германии и ее национального унижения, в условиях пробуждения и консолидации национального самосознания. Эти обстоятельства наложили рельефный отпечаток на искусство поздних романтиков, особенно гейдельбергских, и в нем порой отчетливо звучат националистические нотки.

Хотя поздний романтизм (как и немецкий романтизм вообще) исчерпывает себя в литературе в основном уже в конце второго десятилетия XIX века, духовные связи с ним у братьев Гримм остаются на долгие годы. И мы ничуть не погрешим перед истиной, если скажем, что романтиками по своему строю мыслей братья Гримм были и оставались всю жизнь.

Связи братьев Гримм с романтизмом не исчерпываются только литературными. В равной мере, если не в большей, они простираются на область их научных изысканий — филологических, исторических и юридических. Если поздний романтизм определил интерес к фольклору и национальной старине, то ранний романтизм оказал сильное воздействие на

формирование их научного метода. Об этом важно сказать еще и потому, что с именем Якоба Гримма связывается становление сравнительно-исторического метода в филологических и вообще гуманитарных науках и целой исторической школы.

Мысль о необходимости рассматривать любое явление в системе связей с прошлым, выявлять определенные закономерности в смене больших периодов истории, идея генезиса и преемственности исторических эпох впервые нашла настоящих приверженцев в лице ранних немецких романтиков. Выработка концепции истории литературы как единого процесса, как закономерного движения от одной большой эпохи развития культуры к другой является значительным достижением иенского романтизма.

Большое влияние на формирование исторического подхода в работах братьев Гримм оказал их университетский преподаватель, профессор права Фридрих Карл фон Савиньи. «Настоящее может быть понято только из прошлого»^[7], — учил он.

Помимо исторического рассмотрения предмета как основной заповеди молодой исторической школы в науке, для ее методологии были характерны еще два очень важных принципа. Во-первых, требование отвлечься от привычных представлений, от смелых гипотез и авторитетных теорий, а вместо этого вернуться к первоисточникам и заняться тщательным их изучением. Во-вторых, требование меньше предаваться общим рассуждениям и чистому теоретизированию, а больше внимания уделять конкретным фактам, частностям и деталям, ибо только хорошее знание «мелочей», по мнению сторонников такого подхода, может создавать основу для надежных обобщений.

Это внимание к факту, к частности, к мелочи в изучаемом предмете очень характерно и для Гриммов, особенно для Якоба. Стремление досконально изучить

любую деталь, самую мелкую, во всей ее индивидуальной неповторимости и красочности дает себя знать в любой его работе. Говоря о своих первых научных публикациях, Якоб в письме к Савиньи 18 ноября 1808 года, опираясь на свой личный опыт, подчеркивает, что «никогда нельзя в статье просто излагать свое мнение по тому или иному вопросу, сложившееся в результате соответствующих исследований...Лишь в неторопливом и всестороннем изложении деталей как раз все удовольствие, а потом уж можно коротко резюмировать свои выкладки; я убежден, что тот, кто знает дело в деталях, сможет сказать о нем что-нибудь стоящее. А эти пространные рассуждения и ничего не доказывающие общие изложения нашей поэзии и истории мне просто противны».

Утверждение сравнительно-исторического метода в германской филологии и других научных дисциплинах, оформление целой исторической школы было определенным шагом вперед в развитии гуманитарных наук; оно открыло новые широкие перспективы научных исследований и способствовало многим новым научным открытиям. Вместе с тем со временем стали видны пределы применения этого метода и его ограниченность. Нетрудно видеть, что изучение предмета немислимо без изучения его истории, но одной историей наука о том или ином предмете отнюдь не исчерпывается. Именно по этой причине «сравнительно-историческая школа» в гуманитарных дисциплинах к середине прошлого столетия постепенно стала отходить на второй план.

Подвижническая деятельность братьев Гримм в деле практического собирания и сохранения произведений немецкого фольклора не ограничилась сказками. Ободренные хорошим приемом, оказанным «Детским и

семейным сказкам», братья Гримм решили продолжить начатую ими работу, теперь уже сосредоточив усилия на народных преданиях. Эта работа, собственно говоря, была начата ими давно — почти одновременно с собиранием сказок. И вот в 1816 году она увенчалась выходом в свет объемистого сборника «Немецких преданий».

Что такое сказка, знают все. А вот что такое предание, знает, вероятно, не каждый. В своем предисловии к этому сборнику братья Гримм как раз и намечают некоторые различия между этими двумя видами (или жанрами) народной поэзии. Сказка и предание во многом родственны друг другу и по форме и по содержанию. Но есть у них и вполне уловимые различия. Сказка — продукт свободного художественного вымысла, и в этом качестве она нами и воспринимается; предание же, о каких бы фантастических вещах в нем ни говорилось, претендует на историческую достоверность. Предание в отличие от сказки точно указывает время и место действия, полнее дает имена и титулы действующих лиц. Если действие сказки, как правило, проходит в «некоем царстве, тридевятом государстве», то предание начинается иначе, в довольно деловом тоне, например, так: «В феврале 1605 года во владениях герцога Генриха Юлиуса Брауншвейгского, в миле от Кведлинбурга...» произошло такое-то событие («Серебряный источник», № 161). Сказка, отмечают братья Гримм, художественнее, поэтичнее предания, в последнем же больше истории. Сказка существует сама по себе, ее сюжет понятен каждому независимо от географических широт; предание привязано к какой-либо известной географической местности, известному историческому факту или исторической личности. Предания отличаются «более простым и более решительным стилем, они

требуют от слушателя большей серьезности и размышлений»^[8], говорится в предисловии к сборнику.

Вот одно предание из этого сборника — «Игрушки великанов» (№ 17): «Много лет тому назад хозяевами замка Нидек в Эльзасе, того, что на высокой горе, недалеко от водопада, были великаны. Однажды юная великанша спустилась в долину, чтобы посмотреть, что делается там, внизу, и подошла к самому Хаслаху. Она увидела, как на небольшом поле возле леса крестьяне пахали землю. От удивления она остановилась, посмотрела на плуг, на лошадей и на людей — очень все это ей было в новинку. «Вот тебе на, — сказала она, подходя ближе, — это я, пожалуй, возьму с собой». Она встала на колени, разложила на земле свой передник и сгребла в него рукой все, что было на поле. Весело, вприпрыжку побежала она домой, перемахивая со скалы на скалу, и даже там, где скалы были такими крутыми, что человеку надо было бы с трудом карабкаться, ей стоило сделать один шаг, чтобы сразу быть наверху.

Хозяин замка сидел как раз за столом, когда она вошла. «Дитя мое, — сказал он, — что ты там такое принесла — ты вся сияешь от радости?» Она живо раскрыла свой передник и дала ему взглянуть. «Что там так барахтается?» — спросил он. «Это — мои милые игрушки. Таких хорошеньких игрушек у меня не было ни разу в жизни». Она стала вытаскивать и ставить на стол одно за другим: плуг, крестьян, лошадей, — она бегала вокруг и хлопала в ладоши от радости, глядя, как там все забавно двигалось туда и сюда. Тогда отец сказал: «Дитя мое, это совсем не игрушки, я вижу теперь, что ты натворила. Иди и отнеси их назад в долину». Девушка стала плакать, но это не помогло. «Крестьянин — не игрушка, — сказал он очень серьезно, — и перестань хныкать. Собери их всех осторожно и отнеси на то место, где ты их взяла. Если крестьянин не будет

возделывать свое поле, то нам, великанам, в нашем высоком гнезде нечего будет есть».

Предания, так же как и сказки, проникнуты поэтическим и детски наивным восприятием мира и его явлений; при всей их фантастичности в них нет ничего случайного, что так или иначе не затрагивало бы жизненно важных человеческих проблем и выходило бы за пределы знакомых и общепонятных тем. В них, как и в сказках, преломилась извечная вера человека (или, может быть, желание верить) в то, что любое зло бывает в конце концов наказано и что добро торжествует. Так, например, предание «Танец мечей в Вайсенштайне» (№ 166) повествует о том, как благородные обитатели замка Вайсенштайн обеспечивали себе средства на жизнь одним способом — бандитизмом, совершая грабительские набеги на близлежащие деревни, пока их не постигло суровое возмездие от рук потерявших терпение крестьян.

В одном из преданий говорится, что таинственный дух, обитающий в угольных шахтах, одетый в монашескую рясу, жестоко покарал штейгера, притеснявшего горняков («Дух, обитающий в горах», № 2); в другом рассказывается о том, как дьявол унес богатую невесту, обещавшую выйти замуж за бедняка и нарушившую свое слово («Дьявол уносит невесту», № 209), как он же покарал трактирщицу, бессовестно обманывавшую посетителей («Подкова дьявола», № 208). В том, что предание «предостерегает от зла и наполняет нас радостью, когда совершается добро», братья Гримм видели «существо и добродетель немецкого народного предания».

Преданиям, как и сказкам, присуще ограничение горизонта мировосприятия кругом бытовых вещей и понятий, а вместе с тем наивно-мифологический взгляд на мир. Немецкие предания изобилуют сверхъестественными явлениями (к мужу, например,

возвращается умершая жена, и их жизнь продолжается как ни в чем не бывало, даже рождаются дети, — «Иоганн из Пассау», № 95, или читатель знакомится с человеком, умевшим отсекаать головы и приставлять их обратно, — «Лилия», № 94), в них в переизбытке встречаются гномы, призраки, русалки, черти и т. п.

Иногда в основе предания лежит просто необычный бытовой эпизод из народной жизни или живописная жанровая сценка. Таково, например, предание «Ссора из-за межи» (№ 287): «В Вильмсхаузене, одной гессенской деревне, расположенной недалеко от Мюндена, между соседними общинами возник спор о том, где должна проходить граница между ними. Никто толком не мог сказать этого точно. Решили взять рака и пустить его по полю, из-за которого и возник спор. Где рак прополз, там и установили граничные камни. А так как он полз криво, то и граница получилась с сильными изгибами и углами. Такой она осталась и по сей день».

Сборник «Немецких преданий» братьев Гримм состоял из двух частей: в первой части были помещены предания, привязанные к какому-либо месту (их еще называют географическими), а во второй — предания, рассказывающие о каком-то историческом событии или известной исторической личности (их условно называют историческими). Предания исторические столь же пестры и разнообразны по колориту, как и географические. Они рассказывают о готах, гуннах, лангобардах, франках, о королях Албоине и Карле, Людвиге, Лиутпранде, об императорах Генрихе и Вильгельме, здесь есть предания о Зигфриде и Лоэнгрине и, наконец, о Мартине Лютере. В качестве примера исторического предания можно привести знаменитое предание об Албоине, короле лангобардов, и его жене Розамунде (№ 400).

«После смерти Турисенда, короля гепидов^[9], его сын и наследник Кунимунд снова нарушил мир, заключенный

ранее с лангобардами. Но Албоин разбил воинственного противника, победил в бою самого Кунимунда, а из его черепа сделал себе чашу. Розамунду, дочь Кунимунда, одну из своих пленниц, он решил взять себе в жены. Слава о подвигах Албоина гремела повсюду, и имя его воспевали в песнях не только лангобарды, но и баварцы, саксонцы и другие германские народы. И еще рассказывают многие, что в его времена хорошо умели ковать оружие.

Как-то однажды Албоин, сидя в Вероне и совершая трапезу, велел королеве налить вина в ту чашу, которую он сделал из черепа ее отца, и говорит ей: «Выпей вина вместе со своим отцом!» Розамунде больно было слышать это, но она взяла себя в руки и решила отомстить. Она отправилась к Хельмихису, оруженосцу короля и своему молочному брату, и стала его просить убить Албоина. Но Хельмихис не согласился и посоветовал только поручить это дело Передео, храброму воину. Честный Передео, однако, наотрез отказался участвовать в этом злодеянии. Тогда Розамунда пошла на хитрость и тайком спряталась в постели своей служанки, к которой наведывался Передео. Вскоре появился Передео и, сам того не ведая, провел ночь с королевой. Совершив грех, Розамунда спросила Передео, за кого он ее принимает, и, услышав имя его подруги, сказала: «Ты ошибаешься, любезный, это я, Розамунда, а теперь, раз уж ты содеял непоправимое, я даю тебе выбор — убить Албоина или самому пасть от его руки». Тут Передео понял, что от злодейства ему никак не уйти, и дал свое согласие убить Албоина.

Однажды пополудни, когда Албоин уснул, Розамунда велела соблюдать тишину в замке, убрала подальше все оружие, а меч Албоина крепко-накрепко привязала к его кровати, так что его нельзя было ни оторвать, ни вытащить из ножен. Тогда она, по совету Хельмихиса,

впустила Передео. Албоин, пробудившись ото сна, увидел грозившую ему опасность и хотел было достать меч, но это ему не удалось; он схватил скамейку и некоторое время упорно ею защищался. В конце концов смелый и могучий воин, победивший столько врагов, оказался беззащитным перед хитростью и коварством своей жены. С плачем и причитаниями хоронили его лангобарды. Его могила находится у самой лестницы, ведущей в королевский замок. Герцог Гизильберт открывал потом могилу, чтобы взять оттуда меч и украшения. Он говорил потом, что видел Албоина».

Трудно переоценить значение этого сборника братьев Grimm для сохранения и популяризации такого весьма специфического вида народного творчества, как предание. Вместе с тем судьба этого сборника оказалась менее счастливой, чем судьба «Детских и семейных сказок». Хотя многие из преданий обрели настоящую известность только после выхода в свет гриммовского сборника и стали хрестоматийными, породив немало подражателей, все же общий интерес к нему был не так велик, как к сборнику сказок. «Немецкие предания» по сравнению с «Детскими и семейными сказками» выдержали лишь незначительное количество переизданий.

Удивительным является тот поворот в творческой биографии Якоба Гримма, который произошел в промежутке между 1815 и 1819 годами. В течение тринадцати лет занимался он собиранием народных сказок. И вот спустя всего четыре года с момента выхода в свет второго тома «Сказок» выпускает огромный труд — «Немецкую грамматику», в котором почти с нечеловеческой обстоятельностью и методичностью разрабатывает историю и грамматическую структуру германских языков, начиная с готского, подробнейшим образом останавливаясь на

каждой эпохе их развития, — сказочник Якоб Гримм вдруг становится классиком языкознания и повергает своим многотомным трудом в изумление весь ученый мир.

Его «Немецкая грамматика» явилась принципиально новым в истории изучения германских языков трудом, неслыханным по размаху, глубине и широте охвата материала, заложившим прочный фундамент для научных исследований в этой области. Его предметом стал не только и не столько современный Гриммам немецкий язык, сколько путь его становления и основные эпохи его развития.

Пользуясь уже определившимися принципами сравнительно-исторического изучения языка, Якоб Гримм оперирует очень конкретным материалом готского, древне-, средне- и нововерхненемецкого, англосаксонского, древнескандинавских (включая древнеисландский), шведского, датского и других языков. Этот огромный труд охватывает вопросы фонетики, морфологии, синтаксиса, словообразования и словарного состава германских языков, — и в каждом из этих больших разделов Якобу Гримму удалось сделать ряд ценнейших наблюдений и интересных открытий.

О масштабе труда, проделанного Якобом Гриммом в процессе создания «Немецкой грамматики», и о его заслугах перед наукой очень хорошо сказал Генрих Гейне: «...Якоб Гримм сделал для языкознания больше, чем вся... Французская академия со времен Ришелье. Его «Немецкая грамматика» — исполинское создание, готический собор, под сводами которого все германские племена, словно гигантские хоры, поднимают голоса, каждое на своем наречии... Человеческой жизни и человеческого терпения не могло хватить, чтобы собрать эти глыбы учености и чтобы скрепить их воедино из сотен тысяч цитат»[\[10\]](#).

В предисловии к «Немецкой грамматике» Якоб Гримм изложил основные принципы построения своего труда. «Я противник общих логических понятий в грамматике, — писал он, утверждая свой подход в противовес широко распространенной в ту пору «философской» трактовке этого предмета, — они создают только видимость строгости и целостности определений, но мешают точному наблюдению, которое я считаю душой языкознания. Кто не признает наблюдения, результаты которого в своей непреложности... смеются над любой теорией, тому никогда не проникнуть в непостижимый дух языка». «Надежность и точность грамматики как таковой, — говорится далее в предисловии, — может быть достигнута не иначе как путем полного перечисления всех примеров, относящихся к данному правилу фонетики или морфологии, — не для фиксации частных ради самих частных, а имея в виду то, что наглядный обзор этих примеров таит в себе совершенно непредсказуемые преимущества и возможности».

Трудно судить, какой раздел «Грамматики» больше других удался Якобу Гримму, но есть мнение, что наибольшую ценность в его труде представляет собой фонетическая часть. Столь подробно, основательно и систематически разработанной исторической фонетики германских языков до Гримма просто не существовало.

Исследуя становление звукового состава семьи германских языков, Якоб Гримм, помимо блестящего владения предметом, проявляет удивительно тонкое чутье языка и незаурядные комбинационные способности, поражающие до сих пор самых талантливых лингвистов, занимающихся германской филологией. Поэтому бессмысленно было бы пытаться перечислить все обилие новых наблюдений, которые удалось сделать Якобу Гримму только в разделе фонетики. Так, опираясь на работы датского лингвиста

Расмуса Кристиана Раска, он более отчетливо сформулировал «закон передвижения» согласных, то есть закон соответствия определенных групп согласных в германских языках определенным группам согласных в древнегреческом, латинском, древнеиндийском, славянских и других индоевропейских языках. Много новых наблюдений и предложений внес Якоб Grimm и в другие разделы своей исторической «Грамматики». Так, например, принцип деления глаголов на слабые и сильные он распространил и на склонение существительных. Важное значение среди прочих проблем, затрагиваемых его «Грамматикой», Я. Grimm придает проблеме диалектов; он подчеркивает, что диалекты заслуживают того, чтобы ими занимались ради них самих, а не рассматривали их как вспомогательное средство в изучении литературного языка. Я. Grimm выдвигает свою теорию распространения и угасания диалектов, предлагает целый ряд методических рекомендаций, например, как определять границы диалектов в древних языках и по каким элементам грамматики лучше всего определять диалекты. На дискуссионный вопрос о том, существовали ли в Германии XII-XIII веков единый народный язык, Я. Grimm отвечает утвердительно.

«Немецкую грамматику» Я. Grimm написал за очень короткий срок; безостановочное продвижение вперед такого гигантского труда требовало от него большого напряжения, и на повторное прочтение написанного и корректуры уже не хватало сил. Якоб сам прекрасно понимал, что его труд отнюдь не свободен от недостатков и неточностей, что его можно было бы сделать стройнее и о многом сказать лучше. И надо отдать должное немецкому ученому Карлу Лахману, который оказывал Якобу в этот трудный период твердую моральную поддержку, убеждая, что тот создает эпохальный труд, что его придирчивость к себе излишне

строга и что отдельные погрешности работы ничуть не умаляют ее ни с чем не сравнимых достоинств и с успехом будут впоследствии устранены его учениками.

Важно отметить, наконец, что для самого Якоба Гримма смысл создания «Немецкой грамматики» не исчерпывался решением чисто лингвистических проблем, сколь бы важны они ни были. Исследование языка и его истории было в глазах Якоба и его брата Вильгельма еще одним подходом к изучению и освоению истории и культуры своего народа.

Следующим — после «Грамматики» — этапным трудом Якоба Гримма явилось фундаментальное исследование «Немецкая мифология» (1835 г.). В нем материализовался наконец давний замысел Якоба Гримма реконструировать германскую мифологию, объяснить ее и вернуть ей хотя бы частицу того авторитета, которым она пользовалась во времена германской древности и которого она, по мнению братьев Гримм, вполне заслуживает.

«Немецкая мифология» явилась одной из важнейших работ из целого комплекса исследований, задуманных братьями Гримм в связи с поставленной ими перед собой долгосрочной задачей всестороннего изучения преданий и, пожалуй, завершающей работой в этой области. «Основой основ предания является миф, — пишет Я. Гримм в предисловии к «Немецкой мифологии», — то есть вера в богов... Без такой мифологической основы нельзя понять предание, так же как, не зная происшедших конкретных событий, нельзя представить себе историю»^[11].

Слово «мифология» вообще имеет два основных значения: во-первых, это совокупность фантастических представлений о мире, заключенных в преданиях (мифах) того или иного народа, и, во-вторых, это наука, занимающаяся изучением мифов. У Якоба Гримма оно

употребляется и в том и в другом смысле, в зависимости от контекста.

Создавая эту работу, Я. Гримм преследовал две основные цели: 1) собрать буквально по крохам отрывочные сведения, касающиеся мифологических представлений древних германцев, и систематизировать их; 2) показать родство германской и скандинавской мифологии.

Интерес к мифологии как самостоятельной области философских, историко-литературных и фольклорных исследований по-настоящему родился в эпоху романтизма; этот интерес велик как в раннем, так и в позднем романтизме, хотя истоки его в том и другом совершенно различны. Но так или иначе, а именно романтизм дал мощный толчок глубокому и всестороннему изучению мифов разных времен и народов, в том числе и мифов германской древности, и именно немецким романтикам братья Гримм в большой степени обязаны и своими мифологическими устремлениями.

Занимаясь мифологическими изысканиями, немецкие романтики преодолевали пренебрежительное отношение к мифу, бытовавшее в предшествующую эпоху — эпоху Просвещения. Просветители трактовали миф как сознательный вымысел, как басни и рассказы, распространявшиеся хитрыми жрецами и охочими на выдумку поэтами.

Вот поэтому всем, кто публиковал свои первые работы по мифологии, приходилось не только идти вразрез с утвердившимся безразличным, а то и пренебрежительным отношением к мифам, но и преодолевать известную косность и противодействие в ученом мире. «Немецкой мифологии пришлось очень нелегко — лишь с большим трудом отвоевала она себе доступ в круг научных исследований», — говорил позднее Якоб Гримм в своей лекции «О двух найденных

мной стихотворениях времен немецкого язычества», прочитанной в Берлинской академии наук 3 февраля 1842 года.

Правда, занимаясь мифами, романтики впадали в другую крайность и видели в мифах таинственное и совершенное воплощение народной мудрости, граничащее с откровением.

Вопросы мифологии занимают одно из важных мест в эстетической теории иенских романтиков — Новалиса, братьев Шлегелей, пожалуй, больше других — Шеллинга. Идею о том, что мифология может быть кем-то вымыслена, выдумана, Шеллинг решительно отвергал^[12]. Мифология по Шеллингу — это единственно возможный архаичный способ выражения народного самосознания, и источником, порождающим мифологические формы, является само человеческое сознание. Правда, он считал, что мифология появляется вместе с появлением различных народов — вместе с расщеплением единой божественной сущности и сама по себе является ее реликтом.

Значительное влияние на мифологическую концепцию братьев Гримм, и в первую очередь Якоба, оказали идеи Шеллинга о национальном духе как основе и источнике многих материальных явлений жизни. И вот теперь, после выхода в свет «Немецкой мифологии» Я. Гримма, в западноевропейской филологической науке окончательно утверждается взгляд на мифологию как на продукт «бессознательно творящего духа», некой «коллективной души» и одновременно как выражение сущности народной жизни.

Книга Я. Гримма представляет собой не беллетризованное собрание древнегерманских мифов, рисующее нравы и облик обитателей германского Олимпа на манер мифов Древней Греции, а вполне академический трактат. Здесь, как и в других своих работах зрелого периода, Якоб оперирует огромной

массой фактического материала, опираясь на самые разнообразные фольклорные и исторические источники, включая греческих и римских авторов, охотно пускаясь в головокружительные лингвистические изыскания и исторические экскурсы. Он терпеливо и внимательно прослеживает генеалогию германских богов, устанавливает параллели с родственными фигурами античной, скандинавской и восточной мифологии, описывает основные изменения, происходившие в облике, «призвании» и «характере» этих богов, отмечает различия в понимании того или иного божества у разных германских народов.

В поле зрения Якоба Гримма попадают не только боги и герои, но все то, что так или иначе облекается фантазией древних германцев сверхъестественными свойствами и играет важную роль в их системе воззрений на мир и природу. Отдельные главы посвящены небу и звездам, дню и ночи, миру, душе, деревьям и животным, колдовству, призракам, смерти и болезни. Важное место отводится у Я. Гримма религиозным обычаям и суевериям древних и современных ему германских, славянских и романских народов.

Реконструкция немецкой мифологии, вещь сложная сама по себе, усугублялась, как известно, рядом обстоятельств, связанных с христианизацией Германии. Смена язычества христианством проходила далеко не гладко.

Христианство пришло в Германию как враждебная язычеству религия, организовывавшая свои богослужения на латинском языке, непонятном простому народу. Совершать привычные обряды, верить в местных германских богов объявлялось преступлением, а языческие храмы и святые места подлежали разрушению или, по крайней мере, превращению в христианские. Хотя эта борьба

носителей новой религии в Германии не всегда и не везде была крайне радикальной, а нередко сочетала насилие с тактическими уступками, но так или иначе она ставила целью уничтожение языческой культуры и очень во многом здесь преуспела. «Историю языческих воззрений на мир будет тем легче писать, чем дольше отдельные народы оставались в стороне от обращения в новую религию», — отмечал Якоб Гримм во введении к «Немецкой мифологии»^[13].

В связи с этим в ходе восстановления древнегерманской мифологии от исследователя требовались, помимо хорошего знания истории, умение различать те элементы верований и обрядности, которые сохранились в неизменном виде еще со времен язычества, от верований, образовавшихся в процессе взаимовлияния язычества и христианства, в ходе которого языческие боги были дискредитированы и превращены в «низшие» существа германской мифологии. «Самые показательные примеры огрубления и фальсификации поэтических преданий времен язычества, — пишет Я. Гримм в предисловии к «Немецкой мифологии», — приводятся в 26-й и 27-й главах книги; эльфы и великаны превращены (христианством. — *Ред.*) в чертей, прорицательницы — в ведьм, и даже Вотан выродился в страшного охотника, а Хольда и Берта стали просто пугалами для детей; вороны Вотана переданы теперь во владение дьяволу».

«Немецкая мифология» Якоба Гримма получила широчайшее признание и в Германии, и за ее рубежами и стала авторитетным трудом, способствовавшим окончательному оформлению и утверждению в филологической науке влиятельной мифологической школы, имевшей много приверженцев.

Во второй половине XIX века идеи мифологической школы претерпели существенную трансформацию и частично были вытеснены теорией заимствования,

солярно-метеорологической,
исторической и другими.

психологической,

Последним совместным трудом братьев Grimm и самым грандиозным явился «Словарь немецкого языка». Работу над ним братья Grimm начали еще в 1838 году и продолжали до конца своих дней. Словаря, даже отдаленно сопоставимого с гриммовским, до той поры не существовало, и им, помимо огромных усилий на текущий сбор материала по каждому слову, приходилось одновременно разрабатывать сами принципы составления словарей подобного масштаба. Труд братьев Grimm был задуман как исторический словарь немецкого языка, вмещающий практически весь его словарный состав, в котором бы указывались значение каждого слова в разные эпохи развития языка и его этимология, а также давались примеры употребления данного слова в живом немецком языке со ссылками на источник. Словарь выходил в свет отдельными небольшими выпусками, которые потом объединялись в объемистые тома. Первый выпуск (Lieferung) появился на свет в 1852 году. С началом работы братьям Grimm стало ясно, что для создания словаря потребуется не 10–15 лет, а гораздо больше, и для его завершения, быть может, не хватит целой человеческой жизни. Хотя ученым помогали друзья и ученики, все же им удалось довести словарь только до шестой буквы алфавита — буквы F (до слова «Frucht» — плод). Основную тяжесть этой адской работы вынес на себе Якоб как человек, отличавшийся крепким здоровьем и выдающейся работоспособностью. Им были обработаны все слова, начинающиеся с букв A, B, C, D, E; слова на букву F обработал Вильгельм.

После смерти Вильгельма и Якоба работу над «Словарем немецкого языка» продолжили их последователи — Ф. Вайганд, М. фон Лексер, А. Гёце,

М. Гейне, Р. Хильдебранд и другие видные германисты, мужественно продолжавшие начатое Гриммами дело практически без помощи со стороны государства. Только в 1908 году «Словарь» под свою опеку взяла наконец Прусская академия наук в Берлине. В 1929 году благодаря усилиям группы лингвистов во главе с А. Хюбнером было начато составление «Словаря» на основе новых лексикографических принципов. В последующие, тридцатые, годы работа над «Словарем» существенно активизировалась при участии в ней целой плеяды молодых и способных лингвистов. После окончания второй мировой войны (с 1946 года) «Словарем» стали заниматься уже две академии — Немецкая академия наук в Берлине и Академия наук в Геттингене (Западная Германия), но ведущую роль сохранила Берлинская академия. Большие заслуги лингвистов ГДР во главе с академиком Теодором Фрингсом на завершающем этапе создания «Словаря» (выпуск его был закончен в 1961 году) были по достоинству отмечены правительством Германской Демократической Республики.

Итак, «Словарь» создавался сто с лишним лет и стал самым основательным историческим словарем не только в истории составления немецких словарей и немецкой лексикографии, но и вообще в мировой истории. Правда, столь длительное время его создания и участие в составлении большого числа ученых различных школ и направлений в германистике не могли не наложить своего отпечатка — он получился неоднородным и по охвату материала, и по способу изложения, и по трактовке тех или иных явлений в немецком языке. Эти недостатки, в том числе и неоднородность лексикографических принципов, предполагается устранить в новом издании, подготовка к выпуску которого была начата сразу же после завершения первого издания. Берлинская академия наук ГДР взяла

на себя ответственность за буквы А — С, Геттингенская — за D — F. К настоящему времени уже завершено издание первого тома (буква А), начатое в 1954 году, и шестого (буква D), начатое в 1970-м. Как и во времена братьев Гримм, словарь выходит отдельными небольшими выпусками (примерно по 7 выпусков на каждый том). Издает его известное и авторитетное лейпцигское издательство «Хирцель».

Дистанция размером почти в полтора века, лежащая теперь между нами и братьями Гримм, позволяет нам быть более строгими и трезвыми в оценке деятельности этих ученых и их идейного наследия, чем это было возможно, скажем, сто лет назад, позволяет избегать некритичной восторженности в ее восприятии и одновременно удерживаться от слишком поспешных выводов противоположного свойства.

Знакомясь с творчеством братьев Гримм, мы снова и снова проникаемся уважением к их человеческим качествам, к масштабу их таланта, к их целеустремленности и преданности науке. Конечно, многое в их мировоззренческих и научных выводах сегодня представляется не только спорным, но и прямо неприемлемым для нас. Это понятно: их мировоззрение и научные представления сформировались под активным воздействием вполне определенных исторических условий Германии начала XIX века. На их гипертрофированную любовь ко всему немецкому в свое время указывал еще Н. Г. Чернышевский: «...одною из главнейших пружин, вызвавших труды этого великого исследователя (Я. Гримма. — *Ред.*), была односторонняя тевтомания, стремление доказать путем науки, что германцы искони были племенем, высоко превосходившим все остальные племена своими умственными и нравственными качествами, своим общественным развитием»^[14].

Не укладывается в рамки современных научных представлений и идея Гриммов о божественном происхождении мифов и языка. Многие другие их научные мысли и гипотезы не выдержали проверки временем, были отвергнуты или оттеснены другими, более точными и близкими к истине. Так, например, уже доказана несостоятельность утверждений Якоба Гримма о том, что все явления германского фольклора имеют очень древнюю историю.

И все же прав был Вильгельм Шерер, который писал о «непреходящей ценности» основных работ братьев Гримм, несмотря ни на какие погрешности и ошибки: «... найдется многое, что можно сформулировать иначе в ходе последующих научных исследований, многое будущая наука сочтет ошибкой, но тот импульс, который исходил от них, и те новые цели, которые они указали, являются вечными, потому что они теперь стали неотъемлемыми от процесса развития науки, и каждый новый ее побег несет в себе его частицу»^[15].

Заклячая этот краткий очерк, хочется отметить, что, несмотря на отдельные недостатки, факт выхода в свет книги Г. Герстнера можно только приветствовать: она даст возможность многим почитателям этих великих ученых в Советском Союзе ближе познакомиться с их жизнью.

Г. Шевченко

Ханау, первые впечатления

Со смертью австрийской императрицы Марии-Терезии в 1780 году и кончиной ее врага и союзника короля прусского Фридриха Великого в 1786-м завершилась целая эпоха. На немецкой земле эта эпоха оставила крупные политические образования — австрийские и прусские земли-провинции, а вместе с ними и многочисленные мелкие княжества, на тронах которых величественно восседали сиятельные самодержцы. Они все еще пытались подражать блеску французских королей, хотя на Францию уже грозно надвигалась революция.

Сочинения Вольтера, Монтескье и Руссо становились огненным знаменем новой эры. Крамольные книги, открыто направленные против княжеского самовластия, произвола и деспотизма, появляются и в Германии. «Эмилия Галотти» Лессинга, «Разбойники» Шиллера, произведения молодого Гёте, Гердера вносят в затхлую атмосферу феодальной Германии свежий дух бунтарства и брожения, будоражат умы и сердца, восприимчивые к идеям равенства и свободы. Барометр истории показывал бурю.

В это смутное время, за несколько лет до начала французской революции, родились братья Гримм. Родиной семьи Гриммов была земля Гессен, точнее — бывшее княжество Ханау. Здесь еще в 1650 году их предок Иоганн Гримм служил смотрителем почтовой станции «У белых коней». Прадед и дед братьев были священниками кальвинистской церкви на земле Гессен. Отец, Филипп Вильгельм Гримм, родившийся в 1751 году, предпочел юридическую карьеру. Начав как адвокат, затем становится «княжеским городским и земским писарем» в Ханау. В 1783 году он сочетался

браком с Доротеей Циммер, происходившей из семьи юристов.

4 января 1785 года у Доротеи Циммер и Филиппа Вильгельма Гримма в Ханау родился Якоб Гримм, а через год, 24 февраля 1786 года, на свет появился его брат Вильгельм.

Семья Гриммов увеличивалась — родились еще братья Карл, Фердинанд и Людвиг Эмиль, ставший впоследствии известным художником.

На улицах французской столицы гремела «Марсельеза», штурмовали Бастилию, а маленький гессенский городишко, казалось, был надежно защищен от невзгод. Бурные события, сметавшие все на своем пути, пока еще не вторглись в детскую семью Гриммов. В идиллической атмосфере этого немецкого городка все выглядело так, будто окружающий мир был в полном порядке. Управление велось по старинке, но средние слои были довольны своей жизнью. Среди соседей-мещан не было ни чрезмерно большого достатка, ни гнетущей тяжелой нужды. Для этих трудолюбивых и жизнерадостных людей семья по-прежнему была центром жизни. Дети с самого начала познавали цену скромного существования, гордились тем, что заработано своим трудом.

Якоб и Вильгельм, конечно, не сохранили воспоминаний о доме на главной площади в Ханау, в котором они родились. Ведь родители вскоре переехали в другой дом, недалеко от городской ратуши, в Длинном переулке. Для детей именно этот дом стал родным. Здесь они играли: Вильгельм прятался наверху, в гостиной, служившей одновременно столовой, но Якоб быстро отыскивал его, а затем они выскакивали в тесный двор, где прислуга распиливала дрова.

Зимой в гостиной уютно потрескивал огонь в камине, мать неторопливо и с удовольствием мыла детей теплой водой, сладковато пахнувшей вином, но братьям эта

процедура была совсем не по душе. Вот весной намного лучше: опять можно распахнуть окно прямо в переулок и бросить малышам мяч. На крышах соседних домов играет солнце. Мать стоит у окна и с интересом наблюдает за происходящим на улице.

По праздничным дням, бывало, мать надевала на Якоба фиолетовый камзол с кружевным воротником и зеленым шарфом; Вильгельма облачали в белое платье с красной лентой, волосы завивали. Что и говорить, братья восторга при этом не испытывали.

Куда приятней была им простая куртка и полная свобода бегать и прыгать в соседнем саду. Тянуло их в мастерскую перчаточника на другой стороне улицы.

С ранних лет начались первые совместные уроки Якоба и Вильгельма. Взявшись за руки, они шли в сопровождении служанки через рынок Нового города к учителю французского языка. По дороге иногда останавливались и с любопытством смотрели на флюгер — золотой петушок, вращавшийся на острие колокольни. Вместе ходили и к родственникам. Недалеко от них жила сестра отца — бездетная вдова. Именно тетя Шлеммер обучила детей азбуке, читала с ними катехизис и познакомила их с основами счета. Уже тогда ее поражало, с каким вниманием Якоб воспринимал все наставления и как быстро научился читать и считать.

Несколько раз в неделю братья навещали дедушку с бабушкой. Дедушка Циммер был советником канцелярии в отставке. Во время Семилетней войны ему пришлось многое пережить, что и определило его взгляды на жизнь, сделало его мягким и доброжелательным. Внуки радовали дедушку — способные. И уж как он удивился, когда Якоб однажды прочел вслух статью из газеты. В другой раз, когда Якоб, взобравшись на стул, начал читать проповедь, советник улыбнулся — мальчик, наверное, станет, как и его предки, священником-кальвинистом.

В Ханау, в привычном кругу люди чувствовали себя уютно и в безопасности. И когда зимой вместе с отцом дети ехали в санях по заснеженной дороге через голый лес, и когда в жарко натопленном деревянном доме при свете горящих свечей слушали, как отец решал с крестьянами юридические вопросы, и когда потом, вечером, в темноте возвращались в Ханау — это было счастливое возвращение в родной дом, с которым, казалось, ничто не могло сделать грозное время.

Но однажды мирная жизнь этих людей была нарушена. На императорский престол вступил Леопольд II. Гессенский ландграф собрал в окрестностях Франкфурта крупное войско для охраны императора. Семья Гриммов направилась в экипаже к военному лагерю, чтобы полюбоваться парадом войск. Малыши с любопытством смотрели на проходившие маршем полки. Как четко печатают шаг! Как блестят ружья на солнце! А когда загрохотали пушки, экипаж задрожал. То было настоящее представление! Дети наслаждались великолепным спектаклем. Разве могли они знать тогда, что вскоре эта игра превратится в чреватую смертельной опасностью действительность? Даже взрослые вряд ли думали о том, какие события назревали в далекой французской столице. Мало ли о чем там кричали якобинцы! Король все еще сидел на своем троне, и пока никто не знал, как широко разгорится пожар революции. Это был 1790 год.

Штайнау, детство

Якобу Гримму было шесть, когда отца назначили управителем и судьей в его родной Штайнау, расположенный неподалеку от Ханау, в верхнем течении реки Кинциг, среди лесистых отрогов Шпессарта, Фогельсберга и Рёна.

И вот весной 1791 года, громохоча по неровной дороге, медленно тащился запряженный лошадьми экипаж. За окнами проплывает цветущий боярышник. Луга по берегам говорливого Кинцига покрыты свежей зеленью. Дети с любопытством высовывались из кареты. Вильгельм, сидевший на сундучке у ног матери, весь вытягивался в надежде что-нибудь углядеть. Наконец показался приветливый Штайнау, окруженный венцом гор и лугов. Даже дождь в этот момент не мог бы испортить им радость встречи. Дым поднимался над красными крышами и таял, не долетая до колоколен.

Возле дома управителя карета остановилась. Пока отец нетерпеливо и не без гордости открывал ворота своей будущей резиденции, мать помогала ребятишкам благополучно выбраться из экипажа. Самому маленькому, годовалому Людвигу Эмилю, помощь материнских рук была особенно необходима.

У парадной лестницы солидного, выстроенного из камня здания стояли две липы. Первый этаж, выложенный из крупных тесаных блоков, смотрел на улицу сводчатыми окнами. Над ним располагался второй этаж, фахверковая конструкция^[16] которого держалась на несущих консолях разной формы. С парадной стороны через круглую башню можно было попасть в комнату, где управитель решал судебные дела. Дом оказался большим и просторным. Столь же просторным был и

двор, несмотря на амбар, конюшню и коровник, дровяной сарай и разный инвентарь.

Папаша Гримм был счастлив, что перебрался сюда со своей семьей. Ведь Штайнау не был глухим местечком: расположенный на оживленной дороге из Франкфурта в Лейпциг, он был связан со всем тогдашним миром. На протяжении пяти лет дом в Штайнау давал приют семье Гриммов.

Вот как проходил день в этом доме. Якоб и Вильгельм просыпались в своей светло-зеленой спальне, а, пока они одевались, в соседней комнате с шумом закипал чайник. Отец, перед завтраком прочитав утреннюю молитву, сидел все еще в халате и курил трубку, а слуга заплетал и пудрил косу его парика. После завтрака братья занимались с воспитателем в гостиной, куда часто приходила посидеть и мать. А отец в это время в служебном кабинете вершил дела городка и окрестных деревень. Управитель он был добросовестный, с посетителями разговаривал весьма приветливо.

Днем дела задерживали его, поэтому обедали с опозданием. За обеденный стол садились девять человек — в Штайнау родилась еще дочь Лотта, а кроме того, сюда переехала сестра отца, вдова Шлеммер. После обеда в гостиной наводили порядок, мыли посуду. А дети помогали. Наконец наступала пора молотить кофе. В послеобеденное время отец любил выходить в сад: если это было осенью, он срезал на десерт кисти созревшего винограда. Или заходил в птичник посмотреть кур и уток. Как заботливый хозяин, он придирчиво проверял, все ли в порядке в конюшне и коровнике. После обхода возвращался в гостиную — на столе уже ждали синие кофейные чашки дрезденского фарфора. Затем воспитатель звал братьев опять заниматься, а папаша Гримм шел работать в свой кабинет. Мать такого большого семейства тоже не

сидела сложа руки. В доме всегда хватало шитья и вязанья, к обеду следующего дня нужно было перебрать чечевицу, почистить яблоки — дел было много.

Когда кончались уроки в четыре часа дня, для братьев наступало замечательное время: они могли побегать в саду или во дворе, погоняться за ягнятами или поглазеть на голубей, поиграть с кроликами и покормить из рук почти домашних дроздов и коноплянок. К радости ребят, в доме были собаки, к тому же держали двух гнедых меринов и черного английского жеребца Англичанина.

Ужин опять собирал вместе всю семью. После вечерней трапезы все оставались еще посидеть за столом. Играли в лото. Иногда заходили друзья, знакомые — мужчины курили трубки, потягивали пиво. Частым гостем в доме бывал старший лесничий Мюллер; он сажал детей на колени верхом и подбрасывал их. Потом детей отправляли спать.

Серые, будничные дни прерывались иногда веселыми праздниками. Управитель Гримм облачался в синий фрак, украшенный золотыми аксельбантами и воротником из красного бархата. Если же он собирался выезжать верхом, надевал сапоги с серебряными шпорами и кожаные штаны. Якоб и Вильгельм с восторгом разглядывали своего отца в роскошном фраке или же в зеленом охотничьем костюме. О, этот управитель стал уважаемым человеком! Особо важных гостей он принимал наверху, в своей приемной, богато обставленной дорогими казенными креслами. Его предшественники далеко не все были честные и порядочные люди — детям рассказывали, как по дому глубокой ночью бродил призрак давно умершего управителя, наказанного за страшные преступления. Да, в этом доме детям с самого раннего возраста внушалось чувство верности и долга. Быть честным и порядочным. Бережно и экономно расходовать заработанные деньги.

Примером были сами родители, которые трижды взвешивали в руке крейцер, прежде чем его истратить.

При всей скромности и бережливости семья жила в дружбе и согласии, в доме много было поводов для веселья — вручение золотых подарочных медалей в дни рождения или празднования рождества. Вечером, в канун рождества, дети в нетерпении ожидали, когда откроется дверь в комнату, где стояла наряженная елка, и прислушивались. И вот наконец звенел веселый колокольчик! Открывалась дверь — в комнате переливалась и сверкала рождественская елка, украшенная золотыми и серебряными яблоками и орехами, горящими свечами. Каждому была приготовлена тарелочка с печеньем и сладостями, детям — игрушки, и уж совсем необыкновенными были медали, блестящие всюду.

Постепенно Якоб и Вильгельм осваивались в Штайнау, открывали для себя новые улицы и дома, становившиеся их детскими владениями. На всю жизнь в их памяти осталась площадь в центре городка с шумящим фонтаном, ратушей, школой, церковью св. Екатерины и старым замком. Особо примечательным было каменное здание ратуши с глубокими винными погребками, парадным залом и большими залами для собраний. Мимо этого здания братья Гримм проходили несчетное число раз — зимой, бросая снежками друг в друга, летом, наблюдая за аистом в гнезде на крутой крыше. Около ратуши, в длинном доме, вытянувшемся вдоль улицы, жил учитель Цинкхан, много лет учивший братьев. Ему было в то время за пятьдесят. Зимой он обычно одевался в черный, а летом — в голубой или фиолетовый костюм. Неотъемлемыми атрибутами старого учителя были очки, болтавшиеся на тесемке, и внушительных размеров бамбуковая трость — ученики побаивались его. Раскурив трубку, он начинал урок: «Ну, чертенята! Кто знает слова?» В то время, когда он

изрекал свои премудрости и вдалбливал в головы учеников латинскую грамматику, его жена, случилось, громко кричала с лестницы: «Что варить на обед?» В ответ неслось: «Готовь тефтели, жена!»

Пока готовились тефтели, в дело вступала трость — ведь тогда еще применялись телесные наказания. Якобу же удавалось отделаться лишь легкой порцией по сравнению с другими — у него, как признавал сам Цинкхан, была «неуемная, истовая жажда учения». Вильгельм тоже вскоре понял, что благодаря прилежанию и внимательности можно легко избежать побоев старого учителя.

Церковь св. Екатерины была для братьев волшебным местом — ведь в этой старой церкви их дед больше сорока лет был священником. И когда он, будучи уже в преклонном возрасте, шел к церковной кафедре, ему всякий раз приходилось проходить мимо могилы его молодой жены и детей, которые рано умерли и были похоронены здесь, вблизи алтаря.

Раздавался звон «железного парня» — старый колокол, тоже достопримечательность городка, управитель протягивал детям праздничный гостинец — грецкий орех в сахаре и шагал вместе с ними к церкви. На семейной скамейке были вырезаны инициалы отца — Ф.В.Г. (Филипп Вильгельм Гримм). Якоб открывал перед отцом книгу псалмов, а Вильгельму разрешалось бросить в церковную кружку монету. Лучи солнца проникали через высокие окна Церкви и освещали надгробные плиты родственников. Женщины нюхали принесенные цветы или розмарин. И тут раздавалось пение — торжественное и праздничное.

После службы можно было побродить по соседнему замку: каменные стены, рвы, угловая башня — он казался настоящим сказочным дворцом. Таинственно и неясно вырисовывались ворота, подъемный мост, живописно обвитый плющом, флюгер, а под ним темный

каменный орнамент готического здания. Рядом располагалась часовня. По углам угрожающе громоздились бастионы. Если прислушаться, то можно услышать, как шепчутся духи давно минувших лет. А не был ли это на самом деле дворец Спящей красавицы? Немного воображения — и дети видели принцев и принцесс, шествовавших через залы сказочного дворца.

Главная улица городка Штайнау с многочисленными фахверковыми домами была столь же примечательна, как и его центр. На этой улице и в маленьких переулочках поблизости мальчики знакомились с трудом и искусством ремесленников — здесь можно было увидеть, как работают седельщик, сапожник, портной, мясник, ткач; понаблюдать, как кузнец бьет по наковальне; последовать за пастушкой, гнавшей гусей, за стадом овец. В одном из переулков была лавка пекаря, откуда сестрица Лотта приносила свежий сдобный хлеб; по мостовой двигались, подпрыгивая, прибывшие издалека экипажи и сворачивали на отдых к постоялому двору «У быка». На улице можно было увидеть странных людей на повозках, громко возвещавших о начинающихся представлениях канатоходцев и шутов с медведями. Разве все это не персонажи старых сказок? Разумеется, дети первыми приветствовали проходивших по улице знатных лиц города — господина аптекаря, городского писаря, господина доктора Вагнера, почтительно снимали шапки перед господином хирургом Готтшалком.

А еще в переулках можно было поиграть с друзьями. Со Штеффелье или Класхеном бегали братья к городской стене. Здесь из земли били два ключа: зимой теплые, а летом холодные. Настоящий волшебный уголок! Как утверждали жители Штайнау, аисты именно отсюда приносили младенцев.

Пришло время, и братьям разрешили самостоятельно выходить за городские ворота. Там их особенно

привлекал сад, принадлежавший семье Гриммов. Это был знаменитый сад с пасекой неподалеку от реки Кинциг. У входа возвышалась огромная липа. В центре сада — беседка с каменным столом и массивными скамейками. Здесь обычно сидела матушка Гримм и наблюдала за играющими детьми. А дети резвились, смеялись, гонялись друг за другом — пятеро братьев и младшая сестричка Лотта в белом платице.

В саду росли яблони, груши и другие фруктовые деревья, овощи — одним словом, все, что требовалось, чтобы прокормить семью. И всюду цветы — желтофиоль, левкой. Сад был такой огромный, что скошенной травы хватало на прокорм двух коров.

Старый, глухой садовник ухаживал за садом. В нем было прекрасно в любое время года, особенно на пасху, когда дети искали в траве и среди щавеля пасхальные яйца. А какой аромат стоял летом! От церкви св. Екатерины доносились удары колокола; дети, притаившись, наблюдали за сорочьим гнездом на липе; кот Гравус нежился в траве; среди ветвей выглядывали краснощекие яблоки. Отсюда едва виднелась каменная стена с воротами и башнями, окружавшая город.

Любили братья и прогулки по окрестным лесам. Уединившись в лесной тишине, узнавали по голосам дятлов и скворцов; им казалось, что они понимают, о чем щебечут синицы и овсянки. Впоследствии в сказках братьев Гримм зазвучали все лесные голоса, впервые услышанные ими здесь, в лесах около Штайнау. В лесу пахло первоцветом, ландышем и тимьяном. Страстные собиратели трав и растений на протяжении всей жизни, братья именно тогда положили начало своим коллекциям.

Но беззаботная жизнь братьев Якоба и Вильгельма в доброй и дружной семье Гриммов, среди свободной природы все чаще омрачалась тревожными известиями, долетавшими и сюда, в этот тихий городок Штайнау.

Девяностые годы XVIII столетия — это французская революция и так называемая коалиционная война, которую вели Австрия, Пруссия и другие государства против революционной Франции. Гессен тоже был вовлечен в эти события.

С востока на запад и с запада на восток по дороге, на которой как раз лежал Штайнау, тянулись колонны солдат. Перед изумленными жителями прошло пестрое многообразие мундиров — французы и австрийцы, голландцы и пруссаки, майнцы и гессенцы. Во время обстрела Майнца в 1793 году ребятам казалось, что они слышат грохот далеких орудий.

Конечно, мальчишки, как им и положено, были любопытны, и матушка Гримм во время маршей очень беспокоилась за них. По дорогам бродили пьяные солдаты, мародерствовали, отбирали хлеб, мясо, торговали крадеными вещами. По ночам братья видели из окон дома на лугах сторожевые костры солдат; на следующий день на смену одним появлялись новые отряды. Гремела военная музыка; по дорогам двигались маркитантские повозки, нагруженные тушами забитых быков и свиней. Шли раненые солдаты — руки, головы обмотаны окровавленными тряпками. Пушки тянули с помощью крестьянских лошадей. Среди скота вспыхивали болезни. Жителям городка приходилось отдавать сено и солому, стулья и скамьи, иначе солдаты врывались в их дома и, не считаясь с хозяевами, забирали все сами. Мир не был больше идиллией. Теперь он был полон опасных неожиданностей. Это было видно хотя бы потому, что служебные дела отца становились все напряженнее. Подростков пугали разговоры взрослых. Они узнали, что в 1793 году казнен французский король, а позднее, в 1794-ом, на гильотине погибли революционеры Дантон и Демулен. Это был уже далеко не мир сказок. Вокруг царил неприкрытый страх

и ужас. Дедушка Циммер из Ханау постоянно слал тревожные письма своим внукам в Штайнау.

И все-таки дети в семье управителя чувствовали себя в безопасности. Папаша Гримм вел дела так, что семья была защищена от невзгод. Проходившие войска щадили дом управителя и его обитателей.

И вдруг семью Гриммов постигло несчастье. Перед новым, 1796 годом папаша Гримм заболел воспалением легких. Якоб, как самый старший — ему тогда было одиннадцать лет, — писал полные надежд письма дедушке в Ханау. А смерть неумолимо приближалась. 10 января 1796 года глава семейства скончался в возрасте 45 лет, оставив на этом свете сорокалетнюю вдову с шестью детьми-сиротами на руках. Остались на полках одинокими и заброшенными многочисленные книги в красных и зеленых переплетах, бумаги и письма, собранные аккуратным хозяином.

В серой рассветной мгле Якоб в одной ночной сорочке прошмыгнул к двери, слегка приоткрыл ее и заглянул в комнату, где при свете свечи гробовщик снимал мерки. Якоб расслышал, как он сказал своему помощнику: «Человек, который здесь лежит, заслужил гроб из чистого серебра». 12 января, утром, Якоб видел из окна, как несколько мужчин, держа в руке лимоны и розмарины, вынесли черный гроб. Отца, который любил людей, а они любили его, похоронили на кладбище около городской стены.

После похорон Якоб как глава семьи сделал в семейной библии запись о смерти отца. Затем оповестил о печальном событии родственников. Он плакал — отец никогда больше не погладит его по голове.

После смерти мужа вдова Гримм с детьми должна была выехать из дома управителя. Осиротевшая семья временно нашла приют в здании Гуттистского госпиталя, самом старом в городке Штайнау. Но этот романтический дом оказался слишком тесным для них.

Уже через несколько месяцев матушка Гримм купила часть дома около «Старого погребка», недалеко от ворот с мостом. Здесь она прожила до 1805 года.

1796 год. Снова начались бои между австрийскими и французскими войсками. Французский полководец Журдан был разбит у Амберга австрийским эрцгерцогом Карлом и вынужден отойти на левый берег Рейна. Во время отступления французская солдатня угрожала и Гессенской земле. В письмах в Штайнау дедушка Циммер писал, что «все в большой тревоге и озабоченности из-за проходящих масс людей».

Едва опасность миновала, как смерть снова вошла в семью Гриммов. До сих пор в хлопотах по дому помогала сестра отца, энергичная, быстрая тетушка Шлеммер. Но в декабре того же года, который отнял у нее брата, она сама слегла от тяжелой болезни. Почувствовав однажды ночью приближение смерти, она попросила сноху прочесть молитву. Матушка Гримм начала читать молитву больных. «Нет, нет, сестрица, — возразила тетушка, отличавшаяся особой силой духа, — найди молитву умирающих».

Смерть отца и тетушки сильно подействовала на Якоба и Вильгельма. Будто взрослые, делили они теперь с матерью заботы о семье, о младших братьях и сестренке. Конечно, дедушка из Ханау постоянно помнил о них. Конечно, сестра матери, камеристка ландграфского двора в Касселе Генриетта Циммер, тоже участливо помогала племянникам. Якоб и Вильгельм хорошо понимали всю ответственность перед младшими, обязанность служить им хорошим примером. Ведь на их глазах мать, жизнь которой проходила теперь исключительно в заботах о шестерых детях, согнулась под тяжестью невзгод, а ее тонкое лицо становилось все бледнее, все больше появлялось морщин.

В Штайнау Якоб пережил еще одно важное событие в своей жизни. В вербное воскресенье 1798 года в церкви св. Екатерины состоялась его конфирмация, и он впервые подошел к причастию. «Большого благоговения я не испытывал больше никогда», — признавался Якоб позднее.

Братьям недолго оставалось теперь ходить в школу. Якоб с грустью признался матери, что ему в Штайнау больше нечему учиться. Говоря это, он заплакал, ибо всем сердцем полюбил этот городок, родину своего отца. Мать задумалась — ведь ей предстояло многое взвесить и решить, чтобы двое ее старших сыновей могли учиться дальше.

Годы учебы в Касселе

Летом 1798 года матушка Гримм держала совет со своей сестрой, камеристкой кассельского двора Генриеттой Филиппиной Циммер: как устроить Якоба и Вильгельма в Кассель, в школу более высокой ступени. Генриетта, «душа которой была наполнена самой чистой и самоотверженной любовью» к племянникам, согласилась принять их в Касселе и дать кров и пищу. После этого матушке Гримм ничего не оставалось, как примириться с отъездом сыновей. Да и вряд ли она была в силах дать детям больше, чем приличное образование.

Сентябрьским днем 1798 года тринадцатилетний Якоб и двенадцатилетний Вильгельм сидели в украшенной коронами почтовой карете, отъезжавшей из Штайнау. В последний раз они взглянули на дом, сад, увидели, как медленно поднимается туман между яблонями, и у них защемило сердце. Братья прощались с детством. Матушка роняла слезы, кивала им вслед.

Новые, свежие впечатления во время их путешествия в почтовой карете и частая смена лошадей постепенно развеселили братьев, и к месту учебы они приближались уже преисполненными самых радужных надежд. Сначала они прибыли в Ханау, где их встретил дедушка Циммер. Во Франкфурте заботу о братьях взял на себя обер-почтмейстер Рюппель. Их кормили, угощали кофе, почтмейстер даже сводил на представление гастролировавшей в это время в майнцской столице труппы с дикими зверями, слонами, тиграми, попугаями и обезьянами. Потом показал не перестававшим удивляться подросткам музей восковых фигур, где были выставлены восковые скульптуры императоров, королей, генералов и прочих исторических

лиц в натуральную величину. По вечерам в гостинице их кормили вкусным ужином, и они ложились спать. На следующее утро в шесть часов, прежде чем почтовая карета отправится в путь, им вручалось рекомендательное письмо для почтмейстера следующей станции. Так братья Гримм благополучно добрались наконец до Касселя.

Тетушка Циммер, как придворная дама, не имела самостоятельного хозяйства, поэтому определила племянников столоваться у одного из придворных поваров. Сразу же она одарила своих подопечных разными полезными мелочами — численниками, шелковыми кошельками. Якоб и Вильгельм были вполне довольны таким началом в новом для них мире. Уже вскоре братья поняли, что в преподавании их бывшего учителя Цинкхана в Штайнау кое-что оставляло желать лучшего. Конечно, их научили прилежанию и усидчивости. Но при поступлении в лицей, который впоследствии был преобразован в гимназию имени Фридриха, обнаружились значительные пробелы в их образовании. Якоба, правда, сразу же зачислили в начальный класс первой ступени. А вот Вильгельму пришлось брать дополнительные частные уроки, прежде чем он смог к пасхе 1799 года попасть в тот же класс. Обычно в гимназии обучались семь или восемь лет. Братья Гримм благодаря прилежанию и способностям так быстро овладевали материалом, что, перескочив несколько классов, закончили гимназию через четыре года.

Во время учебы в гимназии братья старались придерживаться советов, которые получали в письмах из Ханау и Штайнау. Дедушка писал внукам, что они постоянно должны видеть конечную цель, которая позвала их в Кассель, и проявлять максимум прилежания на уроках, благодаря своему трудолюбию закладывать «основы будущего благополучия и тем

самым доставлять радость всей семье». «Избегайте поэтому сомнительных компаний, которые могут втянуть вас в нехорошие дела, — предостерегал он, — ищите общения с разумными людьми, от которых вы могли бы перенять что-либо полезное для себя, но прежде всего бойтесь бога — начало всяческой мудрости. И какое же удовольствие будет для вашего старого дедушки постоянно получать обо всем этом приятные вести!»

Однако дедушке недолго пришлось получать эти вести. 22 ноября 1798 года девяностолетний старик, намного переживший свою жену, не болевший никогда, заснул и не проснулся. Его смерть потрясла не только внуков. Матушка Гримм признавалась, что со смертью дедушки забот намного прибавилось. «Удар за ударом, — вздыхала она, — моя бедная голова идет кругом».

Матушка со страхом думала о том, что станет с детьми, когда и ее призовут небеса. Ведь тогда старшие сыновья не смогут продолжать учиться. И она предостерегала их от легкомысленных буршей, старалась внушить, что они не могут позволить себе тех удовольствий, которые были естественными для их сверстников. «Благодарю бога, — писала она после смерти дедушки своим сыновьям в Кассель, — что хоть вы здоровы. Продолжайте и дальше так же учиться мне на радость и особенно старайтесь во всем доставлять приятное доброй тетушке. За всю жизнь вы не сможете отблагодарить тетушку за ту любовь, которую она проявляет к вам».

Якоб и Вильгельм старались быть достойными этой любви, старались оправдать ожидания старших. Многие часы учебы в Касселе, с 1798 по 1802 год, ушли на изучение географии, естествознания, антропологии, этики, физики, логики и философии, но основу преподавания составляли филологические и исторические дисциплины. Якобу гораздо приятнее было

бы изучать только языки и историю — уже тогда он испытывал к этим предметам особый интерес. По шесть часов ежедневно проводили братья в лицее, к этому добавлялись еще четыре-пять часов домашних занятий. Здесь, дома, с особым удовольствием, участием и большим терпением помогал им в изучении французского и латинского языков воспитатель пажей Дитмар Штёр. Выходило, что юноши занимались по десять-одиннадцать часов в день, фактически с утра до вечера, и на отдых почти не оставалось времени. Якоб, жадно воспринимавший и усваивавший все новое, годы спустя говорил: «Вообще нас все же слишком перегружали; несколько свободных часов были бы нам очень полезны».

Несмотря на перегрузки, Якоб довольно бодро выдержал годы учебы в лицее. Он был худощав и строен, почти изящен, но вместе с тем более вынослив, чем мечтательный Вильгельм. Без особого вреда для здоровья Якоб перенес и сидячий образ жизни, и постоянный недостаток свежего воздуха, и эту вечную зубрежку, и отсутствие всяких спортивных занятий. Вильгельм же, переболев скарлатиной, стал жаловаться на боль в груди и тяжесть при дыхании. С этих пор дорога в лицей, особенно зимой, при холодном ветре, дувшем навстречу, стала даваться ему нелегко.

Иногда братьям удавалось урвать свободный часок-другой, и они использовали его для рисования. Занимаясь самостоятельно, они стали искусными рисовальщиками. Когда Якоб и Вильгельм несколько позднее показывали свои рисунки дома, все приходило в восторг, особенно младший брат Людвиг Эмиль. И кто знает, не под влиянием ли и впечатлением от рисунков старших братьев Людвиг Эмиль стал тоже заниматься рисованием. В историю искусств он вошел как известный гравёр и живописец. Одновременно с занятиями рисованием братья увлеклись коллекционированием.

Особым видом коллекционирования стали выписки из самых разных книг, которые они при своих скромных средствах не могли приобретать. Сбольшой аккуратностью выписывали они интересные, понравившиеся им места в тексте в специальные тетради.

Благодаря трудолюбию и целеустремленности братья выдвинулись в число хороших учеников в лицее. Когда по субботам проводилась недельная проверка, Якоб, светлая голова и почти всегда первый ученик в классе, блестяще отвечал на все вопросы.

Вильгельм же не всегда мог угнаться за братом. В лицее Якоб впервые столкнулся с несправедливостью. Он знал, что перед законами и обычаями все равны. Но почему же тогда один преподаватель, обращаясь ко всем ученикам на «вы» — так было принято, ему упорно говорил «ты»? Неужели только из-за того, что он из провинции? «Подчеркивание такого неравенства, — возмущался Якоб, — преподаватель никогда не должен себе позволять, так как это очень остро воспринимается учениками».

Из кассельских учителей особой любовью пользовался ректор лицея профессор Рихтер, слывший к тому же серьезным филологом. Несмотря на преклонный возраст, ему была свойственна живая и располагающая к себе манера общения, за что он пользовался симпатией питомцев. Были и другие: проректор Хосбах, неуравновешенный, человек настроения; преподаватель по имени Роберт, не пользовавшийся среди учеников абсолютно никаким уважением, а потому на его уроках всегда был шум и гам. Этот лицей, как позднее писал Якоб Гримм, «отнюдь не мог быть причислен к самым совершенным заведениям такого типа». И все же ученики получали в нем основательную подготовку для поступления в университет.

Среди друзей Якоба и Вильгельма в кассельский период учебы были будущие писатели Эрнст Отто фон дер Мальсбург и Пауль Виганд. Мальсбург позднее поддерживал дружеские отношения с романтиком Тиком, сам писал романтические стихи и переводил Кальдерона и Лопе де Вега. Виганд стал юристом и историком, опубликовал много исторических исследований. Эта дружба сохранилась на долгие годы и после лицей. Свидетельство тому переписка братьев Гримм с Мальсбургом и Вигандом.

В свободное время братья Гримм с друзьями гуляли по Касселю, иногда выбирались за город, где ловили бабочек или собирали растения. Как и их сверстники, они любили помериться силой, попроказничать, стукнуть иной раз друг друга ранцем, обменяться во время скучных уроков стихами собственного сочинения. Однако это не мешало им быть старательными и целеустремленными учениками, но пай-мальчиками они не были. Проявлять рвение им приходилось в силу необходимости, чтобы как можно быстрее при своих скудных средствах окончить лицей.

В этом возрасте братья Гримм много читают — поначалу все подряд, без разбора. У них еще нет собственного суждения, что хорошо, а что плохо. Особенно любили они стихи и баллады, собирая их целые тетради, зачитывались мудрыми баснями Лафонтена. Иметь свои собственные книги — это желание становилось все сильнее. А поскольку с карманными деньгами было не густо, то братья Гримм с друзьями часто появлялись у букинистов и старьевщиков в поисках дешевых изданий.

Годы учебы в Касселе, постоянно требовавшие от Якоба и Вильгельма старания и упорства, имели и приятные моменты. Каждый год, осенью, после одиннадцатимесячной разлуки с матерью братья приезжали на несколько недель домой, в Штайнау, к

«Старому погребку». А поскольку и при этом доме Гриммов были коровник, конюшня, сарай, небольшой сад и огород, то для братьев каникулы означали возвращение в деревню. По указанию матери резали поросенка, и братья могли есть досыта. Мать прямо-таки расцветала за эти несколько недель! По вечерам она зажигала в доме самодельные свечи и просила братьев рассказывать о школе. Якобу и Вильгельму хорошо было дома: они по-отечески интересовались успехами братьев и сестренки, рассказывали о своих учителях и друзьях. Гуляли по улицам Штайнау, раскланиваясь со всеми. И опять возвращались в сказочный мир детства.

Веселые каникулы вновь сменялись напряженными школьными буднями в Касселе. Но воспоминания о матушке и тетушке Генриетте помогали им пережить трудные дни. Свою благодарность братья стремились выразить в простых, но искренних стихах. Якоб по случаю нового, 1802 года преподнес тетушке такое рифмованное поздравление:

Туда, туда, к небесным светлым сферам,
Я возношу признательную речь
О благородстве сердца, страсти веры
Плюс бережность, чье благо стоит свеч.

Мою мольбу, что смешана с отрадой,
Услышит тот, кто в небе нам Отец.
И будут доброте твоей наградой
Благословенье — здесь, а там — венец [\[17\]](#).

Благодарностью нена словах, а на деле были отметки в аттестате Якоба об окончании лица, полученном им на пасху 1802 года из рук ректора. В письменном отзыве, приложенном к аттестату, было сказано: «Прекрасные дарования и усердие сего

благородного юноши заслуживают самой высокой похвалы. Проявляя редкое упорство в овладении науками и изящными искусствами, преподаваемыми в сем лицее, он обнаружил не только свои природные склонности и таланты, но и благородное и похвальное стремление развивать и совершенствовать их своим трудом».

После этого Якобу открылась возможность поступить в университет. Лишь одно омрачало его радость — предстояло на некоторое время расстаться с братом Вильгельмом, которому прежде всего нужно было вылечиться от астмы.

Марбургские студенты

В 1802–1804 годах, когда Якоб Гримм был уже студентом Марбургского университета, в Германии под влиянием политики Наполеона произошли события, которые в какой-то степени коснулись и братьев Гримм. Упразднены некоторые немецкие государства. Подвергнуты конфискации монастырские владения. Проложены новые внутригерманские границы. Введены новые звания и должности.

Родина братьев Гримм, небольшая область Гессен-Кассель, была возведена в ранг курфюршества^[18].

В то время университеты представляли собой учебные заведения, где все были на виду, где преподаватели и студенты хорошо знали друг друга. В Марбургском университете тогда насчитывалось всего около двухсот студентов; среди них был и Якоб, избравший юриспруденцию своей будущей специальностью, правда, его всегда влекла к себе природа, таинственный и нераскрытый мир растений — он не раз подумывал об изучении ботаники. Но в память об отце он решил стать все же юристом. Отец всегда пытался пробудить в мальчике любовь к этой профессии, объясняя ему положения и правила свода законов; он даже записывал различные случаи из своей практики, которые могли бы в дальнейшем пригодиться сыну.

В то время как Якоб осваивал азы юриспруденции, Вильгельм из-за приступов астмы был месяцами прикован к больничной койке. Только к весне 1803 года ему стало лучше, и Якоб перевез его в Марбург. Вильгельм тоже поступил на юридический факультет. Братья опять вместе будут учиться в университете,

помогать друг другу. Правда, и в Марбурге Вильгельму требовалось регулярное врачебное наблюдение.

Марбург, в котором проходили студенческие годы братьев Гримм, был значительным и интересным городом. Много архитектурных памятников, в том числе готическая церковь св. Елизаветы, шпиль которой уходил высоко в небо, с витражами, склепами и картиной Дюрера. Как и полагается, над городом возвышался древний замок, откуда открывался великолепный вид на долину, окрестности Марбурга: холмы, поросшие деревьями, луга, покрытые зеленым ковром, ручьи, журчащие в высокой траве. Этот чудесный пейзаж манил братьев — они бегали к роднику, наблюдали за солнцем, золотившим деревенские крыши, погружались в мечтания, сидя под старой вербой.

Но, к сожалению, слишком мало времени было у братьев для подобных прогулок. Как и в лицее, день их был отдан занятиям в университете. Денежные средства по-прежнему были скудны, жили они с «большими ограничениями», как отмечал с горечью Якоб, им так ни разу и не удалось получить хотя бы незначительную материальную поддержку от государства. А ведь мать, вдова государственного служащего, воспитывала пятерых сыновей. В то же время другие студенты получали большие стипендии, как, например, их соученик Отто фон дер Мальсбург, происходивший из семьи богатых землевладельцев и принадлежавший к респектабельному сословию гессенского дворянства. Братьям приходилось подавлять в себе горькую обиду на несправедливое и неравное отношение со стороны властей. Это в то же время придавало им силы, делало их более упорными, более настойчивыми. Кому пришлось выбиваться из самых низов, думал Якоб, тот может гордиться достигнутым гораздо больше, чем тот, кому успехи давались легко благодаря происхождению

и богатству. Они слушали лекции по логике и истории, естественному, государственному, частному и уголовному праву; изучали юридическую методологию и порядки наследования по закону; постигали тайны истории римского права; не было пропущено и обязательственное право, не говоря уже об институциях и пандектах — своде законов римского права. Иногда лекцию читали так быстро, что ее удавалось законспектировать лишь наскоро, с пометками, а уж потом дома переписать.

Имена большинства тогдашних преподавателей Марбургского университета не представляют особого интереса для читателя. Зато имя Фридриха Карла фон Савиньи относится к числу тех, кто оказал наибольшее влияние на братьев Гримм, их жизнь и творчество. Юрист, специалист по истории римского права, ставший позднее министром, Савиньи был одним из самых молодых профессоров — всего на шесть лет старше Якоба Гримма. В 1803 году он опубликовал книгу «Право владения», заложив тем основы исторической школы права^[19].

Как-то на одном из занятий, которое проводил Савиньи, Якоб написал работу, посвященную толкованию каких-то законов. Молодой профессор хорошо отозвался о студенте, сказал, что тот безукоризненно правильно решил поставленную задачу. Эта оценка воодушевила Якоба. Довольно часто ему приходилось носить учителю на дом работы других студентов — у них установились личные контакты, и Якоб получил приглашение пользоваться богатой библиотекой состоятельного Савиньи. Вскоре лекции Савиньи стали для Якоба самыми любимыми, а учителя своего он боготворил.

Летними днями 1803 года Якоб часто бывал у Савиньи. Минувя небольшой дом на Барфюсерштрассе, входил в узенький переулочек, затем опять кружил, как

по винтовой лестнице, до самого кладбища, откуда открывался прекрасный вид на город с уходящими вниз крышами и садами. Пройдя вдоль каменной стены, Якоб попадал в переулок уже ступенью выше. А вот и дом, как гнездо прилепившийся к одной из больших ступеней. В этом доме жил Савиньи, и никакие внешние заботы не мешали его научным занятиям. Слуга открывал дверь и провожал посетителя в освещенные солнцем комнаты. Мягкая мебель, светлые стены и развешанные по ним медные гравюры — все располагало к дружеской и приятной беседе. А за окном — долина, река Лан, луга по ее берегам и далеко-далеко в нежной дымке едва видимые очертания гор.

Хозяин дома был высок и худ. Одетый в серый сюртук и коричневый с синими полосами жилет, задумчиво стоял он среди книжных полок. А книг у профессора было много, очень много. И Якоб мог не только смотреть на огромные шкафы, заполненные книгами, но, поднявшись по лестнице, брать книги, читать их и даже уносить с собой.

Вильгельм Гримм, как и его брат Якоб, тоже с упоением слушал лекции Савиньи. Профессор читал живо и свободно, отнюдь не стремясь ослепить слушателей красотой риторики. Он был разносторонне образован, знал и любил литературу и иногда, чтобы оживить свои лекции, читал стихотворения или отрывки из «Вильгельма Мейстера» Гёте.

Внимательно, умно, с большой человеческой чуткостью Савиньи вводил братьев Гримм в мир научных исследований — именно у своего учителя научились они ценить историзм в рассмотрении общественных явлений, от него переняли умение во всем придерживаться определенного метода как в учебе, так и в научном поиске.

Молодые студенты в это время с большим интересом следили за появлением новых произведений веймарских классиков. Но прислушивались и к голосам представителей нового течения в литературе — немецкого романтизма. Первая и, как оказалось, решающая встреча братьев Гримм с романтизмом также произошла в студенческие годы благодаря другу и наставнику Савиньи. В конце XVIII столетия, в эпоху коренных исторических сдвигов и катастроф в духовной жизни Европы, возникло новое течение, обращавшееся к историческому величию прошлого. Представители этого течения не удовлетворялись более реальностью повседневного бытия, классической размеренностью, рационализмом, их влекла вселенская бесконечность, они стремились к звездам.

В 1803 году Якоб Гримм получил от Людвиг Тика переработанные им и только что изданные «Песни швабских миннезингеров». И это в значительной степени определило дальнейшую творческую судьбу Якоба. Уже предисловие к песням вводит в мир немецкой средневековой поэзии: «Весна, красота, страсть — это их постоянные темы, которые никогда не могут нас утомить. Как колонны и своды церкви становились вместилищем мирского, так и религия — как высшее начало — окружала поэзию и действительность, перед которой с одинаковой любовью смирялись все сердца. Поэзия не была борьбой против чего-то, она ничего не доказывала и не спорила против чего-либо, она просто выражала заранее во всей своей прекрасной непосредственности веру в то, что хотела воспевать. Отсюда этот непринужденный, наивный язык того времени, эта очаровательная игривость, это постоянное наслаждение весной, ее цветами и ее блеском, восторженные дифирамбы прекрасным женщинам, жалобы на их неприступность или радость по поводу разделенной любви. Поэзия не ищет мыслей,

не ищет каких-то особых выражений, каждое слово встает в строку само собой, по собственному желанию, а самая большая изысканность и пышность проявляются ярче всего в естественной простоте или детской шутке с музыкой и рифмой».

Эти слова о почти забытой немецкой поэзии средневековья и характеристика любовных песен, данная Тиком, вызвали у Якоба желание самому познакомиться со стихотворениями, написанными на средневерхненемецком языке.

В 1758–1759 годах цюрихский профессор Йоганн Якоб Бодмер по Гейдельбергской рукописи^[20], часть которой хранилась в Париже, опубликовал сборник песен миннезингеров швабского периода. Якобу Гримму повезло, что он обнаружил именно эту книгу в библиотеке Савиньи: стоя на лестнице-стремянке, он рассматривал корешки книг и вдруг увидел ту, которую давно хотел прочитать. Много лет спустя Якоб писал об этой счастливой находке: «И вдруг я увидел то, что даже не надеялся когда-нибудь увидеть. Помнится, около входной двери, справа, в самой глубине шкафа стояла книга форматом в четверть листа — бодмеровское собрание песен миннезингеров; я схватил ее, впервые в жизни открыл и прочитал: «Господин Якоб фон Варте и господин Кристиан фон Хамле». Стихи были на странном, наполовину непонятном немецком языке. У меня возникло предчувствие, что я еще не один десяток раз буду перечитывать эту книгу от корки до корки и что она мне будет постоянно необходима. Я очень хорошо помню, как несколько лет спустя я попросил в Парижской библиотеке рукопись, на основе которой создавалась эта книга, чтобы посмотреть прекрасные рисунки-иллюстрации и, конечно, выписать для себя отдельные места. Один только вид таких книг будил во мне неукротимое желание читать наших старинных поэтов в подлиннике и учиться их понимать».

Якоб и Вильгельм Гриммы лишь по традиции и обязанности изучали юридическую казуистику. Встреча и духовное знакомство с ранней немецкой поэзией стали началом их самого пристрастного внимания к этой литературе. Jakob, а позднее и Вильгельм обратились к истокам немецкой поэзии, которая постепенно раскрывала им свои прекраснейшие страницы. Старинный язык зачаровывал, в удивительном сиянии обнаруживался незнакомый мир, приоткрывалось поразительное богатство всей средневековой поэзии. Все чаще братья откладывали в сторону юридические казусы. Научное чутье подсказывало им, как много нового можно обнаружить в поэтическом богатстве прошлого, в языке предков. Юриспруденция представляла собой уже в значительной мере обработанное поле, в то время как изучение древней Германии только начиналось. Это была целина, привлекавшая к себе исследовательский ум братьев.

В Марбурге братья Гримм познакомились через Савиньи с одним из ведущих авторов немецкого романтизма, Клеменсом Brentano, и его друзьями-романтиками. В 1803 году Brentano вступил в брак с Софьей Меро. Савиньи в 1804 году женился на сестре Brentano — Кунигунде.

Здесь же братья встретились с другой сестрой Brentano — Беттиной, ставшей на долгие годы другом Якоба и Вильгельма Гриммов.

В марбургской квартире Клеменса Brentano часто собирались его друзья. Говорили о больших переменах в жизни немецких княжеств после образования высшей имперской палаты депутатов. Конечно же, с некоторой провинциальной гордостью отмечали, что Гессен-Кассель стал курфюршеством. Но главным предметом их бесед была все же поэзия.

Верные ученики Савиньи смотрели на Brentano с обожанием — ведь поэт только что выпустил свое

произведение «Годви, или Каменный портрет матери» (1801 г.) — в высшей степени необычное и причудливое произведение, говорившее о незаурядном таланте и буйной фантазии автора. Иногда беседы, во время которых подавали чай и красное вино, затягивались допоздна. И тогда уходившим светили на лестнице тяжелым серебряным светильником. По темным Марбургским улицам братья возвращались в свою скромную комнатку.

Бывая у Брентано, братья Гримм все больше убеждались, что юридическая и административная карьера — это не то, к чему их влекло сильнее всего. Исследовать неоткрытые области поэзии и языке, сказать здесь что-то свое — вот что должно стать для них главным. Но, бедные студенты, они, конечно, понимали, что не могут позволить себе роскоши свободного, без постоянных забот существования. Всякий раз, приезжая на каникулы домой, в Штайнау, они вспоминали о том, что забыли включить в свои планы существенный пункт — зарабатывание денег.

Когда братья появлялись в Штайнау в обычном для студентов того времени одеянии: во фраках ярко-красного цвета с черными бархатными воротниками и обшлагами, в кожаных штанах до колен и в высоких блестящих ботфортах, да еще со шпорами, — мать была счастлива, а младшие братья и сестра смотрели на них с уважением. В доме опять жарили цыплят, пекли пирог со сливами. Опять они навещали знакомых, бывали на праздниках, свадьбах у друзей или скакали верхом по окрестностям — местам детства. Случалось, заезжали в соседние деревни. Встречались со старыми знакомыми, беседовали о политике, о Наполеоне. Но всякий раз спешили домой, где их ждала к ужину матушка. Ведь ей хотелось хотя бы в каникулы поменьше отпускать их от себя. Но проходило время, и сыновьям надо было

уезжать, чтобы успеть к началу лекций. Как она печалилась, вновь расставаясь с ними!

Якоб Гримм впервые в Париже

Подходивший к концу 1804 год принес Франции — западному соседу Германии — большие перемены. Референдум утвердил решение сената о превращении Франции в наследственную империю. Папа римский помазал Бонапарта на престол, и тот короновался 2 декабря 1804 года в Париже под именем императора Наполеона I.

Савиньи как раз в это время совершал научную поездку по городам, работал в библиотеках, собирал материал по истории римского права. В Париже, куда он приехал, намереваясь поработать в Национальной библиотеке, у него украли чемодан со всеми его записями. Савиньи объявил о пропаже и в качестве вознаграждения обещал сто луидоров, но чемодан не вернули. Ученому ничего другого не оставалось, как по памяти восстанавливать свои записи, иногда обращаясь к книжным фондам парижских библиотек. Эта работа требовала очень много времени, и Савиньи стал искать помощника. Только Якоб Гримм, один из самых способных учеников, может ему в этом помочь. В январе 1805 года Савиньи написал в Марбург письмо и предложил Якобу как можно быстрее приехать в Париж.

Для Якоба это предложение было неожиданным. Шел уже последний семестр, и он собирался к пасхе или в крайнем случае летом сдать экзамен и приступить к самостоятельной работе. Но предложение любимого профессора было так заманчиво! Ведь он будет жить в Париже, в той самой квартире, которую Савиньи снял для себя и своей молодой жены Кунигунды Брентано. Якоб понимал, что в Национальной библиотеке в Париже он сможет не только делать выписки из юридических трактатов — у него будет достаточно времени, чтобы

среди великого множества рукописей отыскать произведения старогерманской поэзии.

Но, прежде чем согласиться, Якоб написал письмо матери и тетушке Циммер с просьбой одобрить его поездку в Париж. Условия работы, предложенные Савиньи, как считал Якоб, были выгодными. Кроме того, он надеялся, что, приобретя опыт, ему будет легче найти место по возвращении на родину. Тетушка не возражала. Мать также была согласна, хотя и с «тайным страхом». Ей всякий раз было не по себе, когда она представляла, как в зимнюю стужу почтовая карета с трудом пробивается по глубокому снегу. И молилась за своего сына.

Экипаж благополучно пересек Рейн около Майнца, а затем проследовал в Мец через Вормс, Франкенталь, Кайзерслаутерн, Саарбрюккен. И опять, как когда-то в детстве, он любуется кафедральным собором. «Это изумительная церковь, — записал он в путевом дневнике, — самая прекрасная из всех, которые я видел, огромной высоты окна с витражами, выполненными из цветного стекла чистейших тонов». Приятное впечатление произвела на него долина Марны, когда он, оставив позади Верден, достиг окрестностей Шалона.

А как рада была его матушка, когда в феврале 1805 года Якоб сообщил наконец ей о своем благополучном прибытии в Париж. В течение этих длинных зимних недель дороги она часто вставала по ночам посмотреть в окно, какая погода. В письмах она сообщала, что зарезали поросенка на 250 фунтов и что сделали особенно толстую колбасу к возвращению сына.

Вильгельм, оставшийся в Марбурге, после отъезда брата долго грустил и чувствовал себя совсем одиноким. С тоской писал он брату в Париж: «Когда ты уехал, мне казалось, что мое сердце разорвется, что я этого не выдержу. Ты не представляешь, насколько ты мне

дорог. Когда я по вечерам сижу один дома, то мне кажется, что ты можешь появиться в комнате из любого угла...

Время бежит ужасно быстро; прошло уже четырнадцать дней, как ты уехал, но без преувеличения могу сказать, что мое сердце все еще обливается кровью. Внешне я, кажется, уже привык, но внутренне — совсем нет, и на это еще потребуется много времени. Когда я представляю, что глазам твоим открывается целый огромный мир, то просто не знаю, о чем писать. Я вижу только тебя здесь, у меня, вижу, как ты расхаживаешь по комнате».

Конечно, современному читателю этот эмоциональный язык девятнадцатилетнего юноши может показаться странным, даже может у кого-то вызвать улыбку. И тем не менее эти чувства были настоящими, ибо каждый из братьев ощущал другого частью самого себя. Якоб и Вильгельм настолько были связаны друг с другом, их жизнь, взгляды и судьба были настолько неразделимы, что они и в литературу вошли как *Братья Гримм*.

Из Парижа Якоб пишет брату в ответ такое же нежное письмо: «Мы больше никогда не расстанемся, и если одного из нас пошлют в другое место, то и второй тут же последует за ним. Мы так привыкли к нашему содружеству, что разлука для меня равносильна смерти».

Тем временем Якоб в Париже прилежно выполнял задания Савиньи. Кроме воскресений, он ежедневно работал в Национальной библиотеке с десяти утра до двух часов дня, выверял юридические тексты, учился расшифровывать старые манускрипты, делал выписки из рукописных и печатных материалов. Дома, в кабинете Савиньи, выписанные тексты сравнивали с уже имевшимися у них и подвергали их научному анализу. В свободное от этой напряженной работы время Якоб

занимается исследованиями старонемецкой литературы. По просьбе Вильгельма Якоб отыскивает из 160 тысяч рукописей Национальной библиотеки самые древние, достойные особого внимания и изучения.

Когда библиотека была закрыта, по воскресеньям, Якоб знакомился с французской столицей. Он уже досконально изучил старый город с его историческими памятниками. Его поражало это смешение рас на улицах: негры, турки, греки, сновавшие среди французов; но Якоб быстро привык, что в городе мирового значения, каким был Париж, уже тогда сосуществовали люди самых различных национальностей. Пригороды с их однообразными строениями интересовали Якоба меньше. Только в Фобур Сен-Жермене его привлек Люксембургский дворец, где размещалась картинная галерея. В коллекции галереи — произведения Дюрера, Ван-Эйка, Беллини, большие полотна Рубенса. Из итальянцев ему особенно понравился Тициан — его картину «Возлюбленный» он назвал «неописуемо прекрасной». Долго стоял замороженный у античных скульптур. «Если я еще раз пойду туда, — писал он брату Вильгельму, — я ничего не буду делать, буду стоять перед Рафаэлем, Лаокооном и Аполлоном и смиренно преклоняться перед ними».

Да, в этом городе, куда по указанию Наполеона доставлялись из походов шедевры искусства разных стран, было что посмотреть! Столица империи не скупилась на роскошь и великолепие. Парижу с Лувром в центре готовилась роль блестящего города мира.

Дешевые развлечения, пустые столичные забавы были чужды Якобу. Если уж он и выходил по вечерам, то только в театр, и только вместе с Савиньи. В Париже тогда было восемнадцать театров, и спектакли шли каждый день. Вот только репертуар менялся очень редко. Якоб довольно хорошо владел французским языком, а потому позволял себе давать оценку

просмотренным вещам: комедии считал плоскими, трагедии часто казались смешными. Правда, любил трагедии Корнеля и Расина, но иной раз и они казались скучными. Ему нравилась точная игра актеров, чего не было, скажем, на немецкой сцене, но осуждал публику, которая награждала аплодисментами каждого актера при выходе и уходе со сцены, мешая тем самым ходу действия. Правда, зритель кое-что получал за свои деньги — за вечер театры давали тогда по несколько пьес, стремясь как можно лучше развлечь публику, а это длилось обычно четыре-пять часов.

Кроме Савиньи и его жены, Якоб мало с кем встречался в Париже. В это же время во французской столице находился Эрнст Отто фон дер Мальсбург, товарищ Якоба по лицу. Он был официально прикомандирован к своему дяде — гессенскому посланнику при дворе Наполеона. Сразу же по прибытии в Париж Якоб получил от Мальсбурга в знак дружбы прекрасное издание французских трагиков.

Знакомясь с французской литературой, Якоб не забывал и немецких поэтов, в частности, веймарских классиков — об этом есть важные свидетельства парижского периода. Когда в мае 1805 года один из парижских журналов сообщал о смерти Шиллера, Якоб написал Вильгельму: «Сообщение о смерти любимого Шиллера меня просто потрясло!» Несколько недель спустя в письме к брату он выразил свое глубокое уважение к другому веймарцу: «Гёте — это человек, за которого мы, немцы, никогда не сможем достойно отблагодарить господ бога; он представляется мне фигурой, равной Рафаэлю».

Все четче вырисовывались планы на будущее. О своем твердом решении оставаться после возвращения из Парижа в Гессене и там искать себе работу Якоб сообщил тетушке Циммер. Он хотел бы стать преподавателем. Хорошо, если бы это была служба,

которая не занимала бы его с утра до вечера, а оставляла время для занятий научной работой.

Якоб видел смысл своего существования только в продолжении исследований. Он мечтал не об уютной и удобной жизни, а о такой, которая позволяла бы ему совмещать ежедневную работу с научными занятиями. Естественно, Якоб думал и о том, чтобы освободить мать от забот о большой семье. Вильгельм, постоянно писавший из Марбурга, разделял взгляды брата. В ответном письме на предложение Якоба жить и работать вместе он писал: «Ты пишешь о том, что мы должны всегда оставаться вместе. Это всегда отвечало моим желаниям, так как я чувствую, что никто меня так не любит, как ты, я же, конечно, тоже люблю тебя искренне и нежно».

Все это время Вильгельм поддерживал их студенческую комнату в Марбурге в образцовом порядке. В ней был поставлен новый письменный стол. Распустились цветы — желтофиоли — как бы в ожидании, хотя Якоб еще не сообщил дату своего приезда. Библиотека братьев за это время значительно увеличилась, переплетчик привел в порядок все книги.

Вскоре, естественно, возник вопрос о месте их будущего совместного проживания. Еще в Париже Якобу виделся Кассель — столица гессенского курфюршества — тем городом, который скорее всего мог бы дать им возможность «жить скромно и уединенно», вместе трудиться. Братья предложили матушке продать имение в Штайнау. И она согласилась.

В августе 1805 года, когда Якоб находился еще в Париже, мать переехала в Кассель, в квартиру в Марктгассе — Рыночном переулке, которую сняла ее сестра. Генриетта Циммер заблаговременно отремонтировала просторную квартиру и даже закупила продукты, так что матушке Гримм осталось только переехать. Квартира ей понравилась, да и сестра жила

неподалеку. Матушка стала готовиться к приезду старших сыновей.

Наступил сентябрь. Наконец Якоб с Савиньи выехали из Парижа. Он специально поехал через Марбург, чтобы захватить брата Вильгельма. Радостной была встреча Якоба и Вильгельма с матерью, младшими братьями и сестренкой. Семья снова была вместе!

Трудное начало профессионального пути

Поездка в Париж помешала Якобу закончить обучение в университете — сдать экзамены. Еще год осталось учиться и Вильгельму. Младшие в семье Гриммов ходили в школу.

Якоб понимал, что забота о большой семье целиком ложится на него, а потому надо позаботиться о должности. Зимой 1805/06 года он пытается получить место ассессора или секретаря. В январе становится секретарем Гессенской военной коллегии. Его жалованье составляет сто талеров.

Конечно, скучная работа секретаря в военной коллегии вряд ли могла нравиться Якобу. С тоской вспоминает он Париж, где остались древние рукописи, интересная исследовательская работа. К тому же пришлось расстаться со своим модным костюмом, сшитым в Париже, и втиснуться в негнувшийся военный мундир. По обычаю того времени полагалось носить парик и пудрить волосы — Якоб смирился и с этим. Во время изысканий в парижском собрании рукописей он особенно увлекся средневековой прозой и поэзией. И в Касселе все свободные от службы часы он отдает этому увлечению. Особую радость испытывал, если ему удавалось увеличить свою библиотеку, приобретя редкую старинную книгу.

Приближалась весна 1806 года, полная надежд. В мае Вильгельм должен был сдать экзамены и ожидать назначения на службу. И тогда в семье Гриммов будет уже два кормильца. Оба брата в свободное время, конечно же, будут заниматься исследованиями. Для молодых людей без состояния такой путь хотя и не обещал быть слишком удобным, но единственно

возможным. Однако их планам не суждено было осуществиться, по крайней мере сейчас.

Летом 1806 года Франц II вынужден был отречься от германской императорской короны. «Священная Римская империя германской нации» распалась. Была создана очередная, четвертая, антинаполеоновская коалиция. После разгрома прусских войск под Йеной и Ауэрштедтом в октябре слава Наполеона как полководца еще больше укрепилась. Пока гессенский курфюрст Вильгельм I пребывал в надежде, что Наполеон не станет посылать против него свои полки, французы уже приближались к его столице. Они спокойно подошли к Касселю и 1 ноября заняли его. Их провели туда один из маршалов Наполеона и брат императора, король Людовик Голландский. Гессенский курфюрст бежал за границу.

«Тот день, день крушения всего существовавшего до сих пор уклада, — писал Вильгельм Гримм, — будет постоянно стоять перед моими глазами. Вечером в последний день октября я с некоторым беспокойством наблюдал вдали сторожевые костры французов; однако поверить, что Гессен попадет под иностранное господство, я смог не ранее чем на следующее утро, когда увидел, как в город мимо старого замка во всем военном блеске входили французские полки. Вскоре абсолютно все изменилось — чужие люди, чужие обычаи; на улицах — чужой, громкий говор».

Мог ли в этой ситуации молодой юрист Вильгельм Гримм надеяться на получение места? Якоб еще некоторое время держался на службе. Сразу же после оккупации военная коллегия была преобразована в комиссию войскового снабжения. Поскольку Якоб хорошо говорил по-французски, ему пришлось вести многочисленные переговоры с представителями оккупационной власти. Но работать с теми, кто захватил дорогой его сердцу Кассель, было выше его сил. И летом

1807 года он уволился. Решиться на такое было, конечно, нелегко — это означало лишиться средств к существованию. Но и терпеть унижения он не мог и не хотел. Напрасно Якоб надеялся получить какое-нибудь место в публичной библиотеке Касселя — всякий раз брали другого.

Так в заботах о хлебе насущном прошел год. Печальные события приносили разочарованным молодым людям лишь новые тревоги. Наполеон принудил Пруссию к унижительному Тильзитскому миру, в результате чего она теряла территории по левому берегу Эльбы. Здесь было образовано Вестфальское королевство. Младший брат Наполеона Жером стал его королем и вел в своей резиденции — Касселе пышную и праздную жизнь и действовал по принципу: «Завтра опять повеселимся!»

Именно в эти месяцы, когда никто уже не верил в будущее, когда земля страдала от оккупации, в семью Гриммов вошло еще одно горе. «После того, как прошел полный горя и тревог 1807 год и начался новый, с постоянно обманчивыми перспективами, — писал Якоб, — мне вскоре пришлось пережить самый сильный удар в моей жизни. 27 мая 1808 года в возрасте всего 52 лет умерла дорогая наша матушка, которую мы все горячо и нежно любили и которая в свой смертный час не могла утешить себя тем, что хотя бы один из шестерых детей, печально стоявших у смертного одра, теперь материально обеспечен».

Якоб и Вильгельм помнили этот день всю жизнь. Навсегда сохранили они образ матери, доброй и нежной. Вот сидит она за рабочим столиком, протягивает сыновьям худые, такие ласковые руки. Иногда она открывала «Грандисона», богатый приключениями роман Ричардсона, свою любимую книгу, или пьесу Геллерта «Стыдливая пастушка», в которой играла когда-то сама.

Но минуло время поучительных семейных романов, равно как и забавных пасторальных пьес. На улицах раздавались шаги французских солдат. Да и нельзя долго предаваться трауру, какой бы тяжелой ни была утрата. Двадцатитрехлетний Якоб, как самый старший, должен теперь заменить всем и мать и отца. Братья и сестра Лотта помогали вести хозяйство в доме, хотя установленный матерью порядок выдержать было весьма трудно. Теперь Якоб искал работу с большей настойчивостью. В конце концов, думал он, не остается ничего другого, как предложить свои услуги Жерому — новому главе Вестфальского королевства. Неожиданная помощь пришла от историка Иоганна фон Мюллера, который в 1808 году стал генеральным директором министерства просвещения Вестфалии. В свое время Мюллер указывал на большую ценность средневерхненемецкой поэзии, в особенности «Песни о Нибелунгах», и поэтому интересы братьев Гримм были ему близки и понятны. Он предложил секретарю королевского кабинета доверить Якобу Гримму управление личной королевской библиотекой в кассельском замке — Вильгельмсхёе, именовавшемся в то время Наполеонсхёе. В июле 1808 года Якоб получил эту должность.

Французы были весьма великодушны. Им было вполне достаточно, что молодой библиотекарь имел несколько опубликованных научных работ — никакой проверки они устраивать не стали. Секретарь кабинета отказался и от инструктирования, потребовав от Якоба только одного — написать крупными буквами на двери библиотеки: «Bibliothèque particuliere du Roi» — «Личная библиотека короля». Библиотека занимала комнаты цокольного этажа. За работу вначале обещали две тысячи франков в месяц, но уже через некоторое время эту сумму увеличили до трех тысяч. Служба была нетрудная. Жером и его придворные лишь изредка

появлялись в библиотеке. У Якоба было достаточно свободного времени. Никто не возражал, если он занимался своими исследованиями даже в рабочее время. Сам король-«весельчак» относился к своему библиотекарю весьма корректно и дружелюбно. Как-то февральским утром 1809 года король подошел к Якобу и сообщил, что назначает его аудитором Государственного совета, место в библиотеке остается также за ним. Новая служба открывала перед Якобом большие возможности. Еще раз повысили жалованье на тысячу франков. В семью пришел достаток. Как жаль, что матушке Гримм не довелось порадоваться вместе с ними. Зато у тетушки Циммер стало радостно на душе.

И все же эти годы нельзя было назвать спокойными. Новые хозяева Якоба были ему чужими, а потому путь, на который он ступил, был ненадежным. Но о перемене места Якоб пока не мог даже думать — ведь он был кормильцем семьи. Пришлось поволноваться, когда Якоба чуть было не забрали в солдаты. К счастью, жребий пал не на него! Еще одна была забота — Вильгельм до сих пор не имел постоянной работы. Правда, писал статьи в «Гейдельбергские литературные ежегодники». Его болезнь, от которой он страдал в студенческие годы, после смерти матери стала внушать еще **б**ольшие опасения. Дыхание учащалось, едва он поднимался на несколько ступенек. Временами он ощущал острую боль в груди — все больше беспокоило сердце. Иногда оно болело так сильно, что Вильгельмом овладевало чувство панического страха.

Было ясно, что при таком состоянии здоровья ни о какой работе не могло быть и речи. Хорошо, если ему удастся по мере сил заниматься наукой. В 1809 году Вильгельм решил пройти курс лечения на курорте в Галле у профессора Иоганна Кристиана Рейля. Может быть, это облегчит его страдания.

В конце марта экипаж через Веймар добрался до Ауэрштедта, где недавно разыгралась страшная битва. Пока меняли лошадей, почтмейстер рассказывал о кровопролитных сражениях. Луна освещала местность. Здесь, под этими холмами, покоились двадцать тысяч погибших. Сколько еще жертв потребуют наполеоновские походы?

В Галле Вильгельм жил у философа и естествоиспытателя Генриха Стеффенса. Профессор Рейль навещал больного. Он внимательно выслушивал Вильгельма, рассказывавшего о своем недуге. Во всем облике и манерах профессора чувствовалась уверенность. И она, эта уверенность, внушала больному надежду на исцеление. Осмотрев пациента, профессор пришел к выводу: работу сердца нельзя признать нормальной, оно бьется как бы через силу, находясь под большой нагрузкой. Для лечения потребуется несколько месяцев.

Профессор назначал больному растирания из крепких настоев трав, железистые и солевые ванны. Но прежде всего советовал своему пациенту изменить образ жизни, отказаться от напряженной работы и побольше гулять в окрестностях Галле. Следуя советам профессора, Вильгельм поднимается на гору Гибихенштайн, любуется прекрасным видом долины и горной реки. Это благотворно подействовало на него — он чувствовал себя уже несколько лучше.

Якоб, беспокоясь за брата и ничего так сильно не желая, как выздоровления его, часто писал в Галле: Вильгельм не должен ни в чем себе отказывать, а о деньгах уж он как-нибудь позаботится.

Письма брата поддерживали Вильгельма и помогали ему с особым настроением выполнять все предписания профессора. Иногда воспоминания возвращали его к тем мучительным ночам, когда он всякий раз со страхом ожидал наступления сна и чувствовал «в тишине, долго

не засыпая, странные толчки крови и физически ощущал, как страх подбирался к сердцу». Ванны и лечение профессора вернули ему сон. Только странные сны по-прежнему вселяли в него смутную тревогу.

Здесь, в Галле, знакомых у Вильгельма было мало. Да и когда заводить знакомства — почти все время уходит на лечение. Композитор Иоганн Фридрих Рейхардт — один из немногих, с кем Вильгельм в то время дружил. После образования Вестфальского королевства Рейхардт некоторое время служил в Касселе придворным капельмейстером. Он сам и его семья были к Вильгельму исключительно внимательны и добры. По словам Вильгельма, музыкант — «человек с восприимчивым, благородным сердцем». Из его вещей Вильгельм ценил прежде всего музыку к песням Гёте. В сентябре лечение закончилось, но до работы было еще далеко.

Якоб по-прежнему служил библиотекарем у Жерома. Разве мог он отказаться от этой должности? И хотя продолжал служить у брата Наполеона, это отнюдь не было признанием наполеоновского господства, поддержкой режима диктатора. Якоб, как и все немцы, тяжело переживал невзгоды оккупации.

Появилась слабая надежда на изменение обстановки, когда в 1809 году герцог Фридрих Вильгельм Брауншвейгский и майор фон Шиль подняли в Северной Германии знамя освобождения. В начале 1809 года на юге восстали тирольские крестьяне под предводительством Андреаса Гофера. Но ни прусское, ни австрийское правительство не поддержали освободительную борьбу. Победа Наполеона при Ваграме и отторжение по Венскому миру значительных территорий Австрии — все это заставляло думать, что Европе вряд ли скоро удастся высвободиться из железных лап Наполеона.

В такой обстановке семья Гриммов могла продержаться лишь при одном условии — если Якоб и впредь день за днем будет выполнять свои несложные обязанности ученого библиотекаря. Именно в эти годы, полные опасностей и невзгод, когда многих просто парализовало ощущение полной безысходности, Якоб и Вильгельм Гриммы приступили к осуществлению грандиозных литературных планов, и это было своего рода подвигом.

Между классикой и романтизмом

Дружба Якоба и Вильгельма Гриммов с Клеменсом Брентано, начавшаяся еще в студенческие годы в Марбурге, сблизила братьев с поэтами-романтиками.

В 1805 году в Гейдельберге Клеменс Брентано и Ахим фон Арним, проработав большое количество книг и рукописей за последние триста лет, решили выпустить сборник немецкой лирической народной поэзии. Первый том появился в 1806 году по названию «Волшебный рог мальчика». В дальнейшем он был дополнен и расширен уже при участии братьев Гримм. Скольким поэтам и музыкантам дал он плодотворный импульс в их творчестве!

В октябре 1807 года в письме к своему другу Арниму Брентано подчеркивал, в частности, как важно в этой работе заручиться сотрудничеством и братьев Гримм: «Крайне необходимо, чтобы ты был со мной, приезжай, так как сколько же можно откладывать работу над второй частью «Волшебного рога». Надеюсь, твоя шкатулка с песнями с тобой, у меня же их накопился целый воз. Мы можем здесь этим заняться исключительно успешно, даже лучше, чем тогда, в Гейдельберге, потому что здесь есть двое очень милых и верных друзей по фамилии Гримм, которых я когда-то заинтересовал старонемецкой поэзией. И вот после двух лет прилежного и очень последовательного обучения я встретил их настолько подготовленными, с таким количеством записей, с такими знаниями и с таким пониманием самых различных направлений всей романтической поэзии, что боюсь, при всей их скромности, они просто не понимают, каким богатством владеют. Обо всех вещах они знают гораздо больше, чем

Тик, очень трогательно усердие, с которым они изящным почерком переписывали старинные стихотворения из книг, например, германские героические сказания или многочисленные рукописи, которые по бедности не могли приобрести. Их младший брат, Фердинанд, у которого очень красивый почерк, будет переписывать нам песни. А сами они поделятся всем, что у них есть, а это много! Ты полюбишь этих прекрасных людей, которые спокойно и сосредоточенно трудятся, чтобы когда-нибудь написать хорошую историю германской поэзии».

Второй и третий тома «Волшебного рога мальчика» были подготовлены уже при участии братьев Гримм и выпущены в 1808 году.

Как-то во время пребывания Вильгельма Гримма на курорте в Галле появился Brentano и пригласил его от имени фон Арнима отправиться вместе в Берлин. Арним писал, что, уж коли Вильгельм находится недалеко от Берлина, он должен навестить его. Вначале Вильгельм сомневался: только что он заплатил за ванны и врачу, и у него оставалось всего 18 талеров. Но Brentano не принял всерьез финансовую стесненность Вильгельма и сердито заявил, что у него достаточно денег для этой поездки. Если же Вильгельм не хочет взять деньги в подарок, то, может быть, не откажется в счет будущих гонораров? Вильгельму не хотелось расстраивать друга, а кроме того, нельзя же упускать такую возможность в спокойной обстановке поработать в библиотеке фон Арнима.

В сентябрьские дни 1809 года Арним «очень ласково и тепло» принимал Brentano и Вильгельма Гримма. Здесь, в Берлине, он представил своих гостей друзьям, Вильгельм познакомился со многими интересными людьми — актерами, художниками, писателями, со знатоками старонемецкой литературы. С одним из них,

Фридрихом фон дер Хагеном, Вильгельм вел долгие споры о возникновении «Песни о Нибелунгах». Ходили в театр. Пьеса «Гёц фон Берлихинген» Гёте очень понравилась Вильгельму. Большой город произвел на него сильное впечатление. «Берлин самый прекрасный город, который когда-нибудь я видел, — писал он тетушке Циммер, — так же прекрасен Потсдам, который по большей части состоит из одних дворцов. Замок огромен и великолепен, как и Сан-Суси, где жил Фридрих Великий, но в этих огромных дворцах ничего не слышно, кроме собственных шагов и собственного голоса, так они и стоят безлюдные и заброшенные, и я не могу Вам даже сказать, как странно и печально себя здесь чувствуешь. Местность некрасивая — весь Берлин расположен на большой плоской песчаной равнине, и только с одной его стороны находится большой вырубленный лес, который называется Тиргартен и в котором, в общем, довольно красиво».

Из тех недель, что Вильгельм пробыл в Берлине, большую часть времени он провел в трудах. Забранные решетками окна его рабочей комнаты выходили во двор. Он сидел в окружении книг, и ему хотелось все это самым тщательным образом проработать. Он хотел привезти в Кассель что-нибудь важное, чтобы показать брату, что его поездка в Берлин была полезной и в литературном плане. На столе среди других книг лежал толстенный том песен мейстерзингеров.

Конечно, Вильгельма интересовало, над чем работают его друзья. Brentano был увлечен «Романсами о четках», а Арним заканчивал первую часть пьесы «Галле и Иерусалим». Вильгельм Гримм считал это произведение прекрасным, от него «веяло ароматом и свежестью».

В Берлине Вильгельму работалось хорошо — ведь королевский двор все еще пребывал в Кенигсберге, и не было обычной для этого города дворцовой суеты. Из

всех членов королевской семьи в Берлине осталась лишь гессенская наследная принцесса Августа, сестра прусского короля и невестка королевы Луизы, получившая впоследствии титул курфюрстины Гессенской. Она занимала часть замка. Вильгельм Гримм засвидетельствовал свою преданность королевской фамилии — посетил наследную принцессу и выразил свое искреннее почтение женщине, чей ум, образованность и убеждения он глубоко уважал.

Пребывание Вильгельма в Берлине было интересным и полезным. Дружба братьев Гримм с романтиками Арнимом и Brentано после этой поездки стала еще теснее. Правда, с годами Brentано от них отдалился, но Арним остался им верен до самой смерти. Тогда же творческие интересы братьев Гримм перекликались с интересами обоих поэтов-романтиков.

В ноябре 1809 года Вильгельм, закончив лечение в Галле и погостив в Берлине, должен был наконец возвращаться домой, в Кассель. Арним тепло попрощался со своим гостем. Три ночи и два дня Вильгельму пришлось без отдыха трястись в почтовой карете. Уже наступили холода. Путь из Берлина до Галле, где экипаж сделал первую остановку, был нелегок. Дальше дорога шла на Веймар. И снова Вильгельм отсчитывает дни — теперь уже морозные, декабрьские — то в открытой для всех ветров коляске, то в закрытом почтовом экипаже.

В Веймаре у него было два дела. Прежде всего он хотел засвидетельствовать свое почтение Гёте. Вильгельм, как и его брат, испытывал глубочайшее уважение к этому человеку, еще будучи студентом, преклонялся перед великим веймарцем.

А еще Вильгельм собирался поискать в Веймаре и в расположенной неподалеку Йене старинные рукописи для брата.

11 декабря, устроившись в гостинице и переодевшись, он сразу же попросил проводить его в дом Гёте и передал рекомендательное письмо от Арнима. Но Гёте чувствовал еще недомогание после только что перенесенной болезни и не мог принять в этот день своего юного посетителя. Однако он был настолько внимателен, что предложил Вильгельму свою ложу в театре, где шла пьеса Коцебу «Жители маленького города».

На следующий день Вильгельм был приглашен на квартиру Гёте. Возможно, Гёте не только от Арнима, но и от других, может быть от Савиньи, слышал о братьях Гримм, об их великолепных коллекциях и глубоких познаниях в области древненемецкой литературы.

Слуга встретил Вильгельма в прихожей, украшенной скульптурами и портретами в нишах. По широкой парадной лестнице поднялись на второй этаж. У входа на полу черными буквами выложено: «Salve» — «Приветствую». Сбоку величественно застыл огромный канделябр. Через комнату, увешанную картинами, Вильгельма провели в кабинет хозяина: всюду рисунки и резьба по дереву. Двери окрашены в матовый коричневый цвет, золотые ручки в виде львиных голов — все производило впечатление необыкновенной строгости и чистоты. Вильгельму пришлось немного подождать, пока вышел сам Гёте. Он был одет торжественно — в черное, с двумя орденами.

«Я часто видел его портрет, — рассказывал Вильгельм брату о своем визите, — изучил его до малейших черточек, и тем не менее я был поражен величием, совершенством черт, простотой и добротой его лица. Он любезно пригласил меня сесть и начал дружескую беседу».

Со своим молодым гостем Гёте вел разговор как с равным. Говорили о «Песне о Нибелунгах», о северной поэзии, об Эдде^[21] и древних датских героических

песнях, которые Вильгельм Гримм только что перевел. Зашел разговор и о произведениях немецкой прозы прошлых лет, в частности о «Симплициссимусе». Вильгельм был растроган тем, что этот великий человек так проникновенно и заинтересованно разговаривал с молодым, неизвестным еще юношей. Во время разговора в течение часа Гёте не позволил себе даже намек на заносчивость или снисходительность, чем еще больше укрепил симпатии молодого человека.

А на другой день Вильгельма пригласили к обеду, от часу до четырех. Во время обеда Гёте удивил гостя еще одним талантом — замечательного хозяина. «Обед был на редкость приятен, — писал Вильгельм, — паштеты из гусяной печени, зайчатина и тому подобные блюда. Он (Гёте) был еще приветливее, говорил довольно много и все время приглашал меня выпить, указывая на бутылку и тихо что-то бормоча, что он вообще часто делал; было славное красное вино...»

За столом сидели также Христиана Вульпиус, жена Гёте, которую Вильгельм нашел весьма милой, и секретарь поэта. Поговорили о портрете Беттины Brentano, который сделал Людвиг Эмиль Гримм. Гёте хвалил гравюру, считая, что тонкий резец художника создал портрет, весьма близкий к оригиналу и притом замечательный по композиции.

По вечерам Вильгельм ходил в театр, обычно сидел в ложе Гёте. Он еще не раз навестил писателя, и всегда его принимали тепло, приглашали к обеду. Проявляя особый интерес к исследованиям братьев Гримм, Гёте помог Вильгельму получить ряд рукописей из библиотеки герцога.

В Веймаре Вильгельм не только наносил визиты, он, как и хотел, тщательно перерыл все библиотеки в городе и в Йене в поисках памятников средневековой немецкой поэзии, перелистал пергаментные рукописи, тщательно просматривая страницу за страницей.

Перебирая пожелтевшие манускрипты, подобно золотоискателю, открывал несметные сокровища — забытые старые тексты.

Вильгельм был доволен своей поездкой в Веймар — ведь, кроме исследований, он лично познакомился с Гёте, и у него сложилось собственное представление об этом человеке: «Я думаю, увидеть его собственными глазами невероятно полезно для понимания его стихов. В них то же соединение прекраснейшей, чистейшей и благороднейшей натуры, которую здравомыслящий человек сразу же распознает и начинает уважать, и той в высшей степени своеобразной, особенной культуры... Удивительный взгляд его глаз вызывает полнейшее доверие, хотя и удерживает нас на расстоянии». Вильгельм всю жизнь хранил преданность таланту Гёте, который, по его словам, «представлял собой характер народа в полном его расцвете».

Со своей стороны, и Гёте был настолько тронут скромными и самоотверженными усилиями братьев Гримм, что вскоре после пребывания Вильгельма в Веймаре направил Якобу нужные ему рукописи и письмо, в котором, в частности, было написано: «Мне будет очень приятно, если в этих томах Вы найдете интересные, значительные вещи, расшифруете и опубликуете их. Тем самым Вы еще больше обяжете всех нас и еще больше умножите Ваши заслуги в этом жанре литературы».

Нужно сказать, что в то время братья Гримм не опубликовали еще ни одной книги. Но их статьи уже обращали на себя внимание. Конечно, разница в возрасте была слишком большой, чтобы между Гёте и братьями Гримм могли установиться более тесные личные контакты. К тому времени Гёте уже написал большую часть своих творений, а братья Гримм только-только готовились печататься. Позже, желая и надеясь на дальнейшее внимание Гёте к их творчеству, они

неоднократно посылали ему свои книги. Сами же на протяжении всей жизни были не только почитателями, но и прилежными читателями произведений Гёте.

Уходя корнями в романтизм, братья Гримм навсегда сохранили признание классического духа, который так полно олицетворяло собой все творчество Гёте.

На нехоженных дорогах научных поисков

Вильгельм возвратился в Кассель в первых числах января 1810 года, как раз ко дню рождения Якоба.

В этот и в последующие годы Европа все еще была в состоянии войны. Император Наполеон находился в зените своей власти и славы. В 1812 году «великая армия», насчитывавшая полмиллиона солдат, среди которых были пруссаки и австрийцы, начала военные действия против России. Пожар Москвы стал первым поражением наполеоновской армии и началом ее конца — счастье изменило корсиканцу. В начале 1813 года в войну с Наполеоном вступила Пруссия. Фридрих Вильгельм III опубликовал воззвание «К моему народу!». В августе того же года к антинаполеоновской коалиции России, Пруссии и Англии присоединилась Австрия. В октябре, во время Лейпцигской битвы, названной «битвой народов», наполеоновская армия была разбита. Наполеону пришлось отступить за Рейн. Творение Наполеона — Рейнский союз распался. Рожденные в то смутное время государства исчезли с географических карт так же быстро, как и появились. Изгнанные князья возвращались в свои резиденции. В конце 1813 года союзные армии ступили на землю Франции. В марте 1814 года империя Наполеона пала...

Якоб Гримм продолжал служить библиотекарем в замке Вильхельмсхёе. Иногда, правда, ему становилось не по себе. С каким удовольствием он покинул бы Кассель, если бы можно было вести умеренную жизнь, не думать о куске хлеба, а посвятить себя целиком и полностью исследовательской работе. Ему хотелось отправиться в путешествие по свету, чтобы узнать и понять вокруг происходящее.

В скромной и незаметной с виду работе библиотекаря иногда возникали острые моменты. Так, однажды для каких-то целей потребовался именно тот зал замка, в котором были размещены самые ценные собрания книг. Якобу было приказано немедленно очистить шкафы, и книги перетаскали в темный подвал. Обязанностью Якоба было содержать книги в образцовом порядке. То, на что ушли месяцы упорных трудов, было разрушено в одно мгновение. Драгоценные тома были свалены в кучу, нужную книгу найти стало невозможно. И только после огромных усилий, к его великой радости, из этого хаоса было извлечено несколько тысяч самых ценных книг и заново расставлено в кассельском замке. Едва была завершена эта работа, как ноябрьской ночью 1811 года в замке вспыхнул пожар. Якоб бросился спасать свои сокровища; задыхаясь от дыма, на ощупь продвигаясь вдоль стен, вместе с выделенными для помощи солдатами он нашел дорогу к книгам: удалось спасти большую часть библиотеки. В последующие дни он обдумывал, как заново собрать все книги в одном месте. К прежним добавилась еще личная библиотека королевы. И всю эту гору книг нужно было разобрать, систематизировать. Книги сложили в одной из комнат замка, большая часть которой была заставлена зеркалами и всякими изделиями из стекла. Только их королевские величества мало заботило это. Но когда однажды королева пожелала получить кое-какие книги для чтения, разобрать эту груду книг и найти нужные за короткое время оказалось невозможным. День и ночь трудился он, как поденщик. Это обстоятельство помогло: были заказаны новые шкафы, и Якоб стал вновь наводить порядок в библиотеке.

Размеренная, расписанная по часам и минутам жизнь была необходима как раз такому человеку, как Якоб

Гримм. И все-таки этого ему было мало. Он хотел бы продолжать свои исследования.

«Уже самое начало этих исследований, — признавался позднее Якоб, — было трудным, но отрадным. С невыразимо горькой болью я видел Германию, свою родину, униженную, лишенную всяких прав, потерявшую даже свое название. В то время мне казалось, что все надежды рухнули и все звезды закатились; и лишь постепенно, с трудом я пришел к мысли о необходимости вновь связать нити начатой работы и удерживать их в своих руках, как бы ни было печально вокруг. Это оказалось не напрасным — я как-то внутренне выпрямился, и моя работа стала продвигаться».

Вильгельм писал об этих годах: «Преодолеть гнетущую атмосферу того времени помогала, конечно, и напряженная работа с древнегерманскими поэтическими текстами. Вне всякого сомнения, грозные события тех лет и потребность углубиться в тихий мир науки способствовали возвращению к жизни этой давно забытой литературы; но смысл ее не сводился только к поискам утешения в прошлом, теплилась, конечно, надежда и на то, что начатая работа будет хоть немного способствовать приходу нового времени».

Именно эта надежда вселяла в братьев мужество вести еще до освобождения Германии от Наполеона поиски и исследования. Братья Гримм как оригинальные и незаурядные умы не могли себе позволить пользоваться материалами из вторых рук, им нужны были первоисточники, и они снова и снова обращались к забытым и заброшенным средневековым рукописям, которые пылились на полках многих библиотек, как далекие отголоски прошлого.

С этой целью в 1810 году Вильгельм совершил «литературное путешествие», которое привело его в университетскую библиотеку Марбурга. Здесь он

разыскал редкие древнегерманские манускрипты. Якоб же, который не мог так свободно распоряжаться своим временем, добирался до библиотечных сокровищ иными путями. Так, он обратился с «настоятельной просьбой» к одному из своих знакомых в Трире внимательно посмотреть, нет ли там в близлежащих монастырях рукописей древней немецкой поэзии. Его интересовали тексты с древнейшего периода по XVII век. В этом же письме он признавался, что еще во время своего пребывания в Париже в 1805 году с Савиньи он принял твердое решение самым основательным образом изучить древнегерманскую литературу: «С тех пор мой интерес к истории и поэтическому искусству наших предков усиливался все больше и больше».

На протяжении пяти лет братья Гримм интенсивно работают в новой научной области, публикуют ряд статей. Лишь после этого стали думать о выпуске своих собственных книг.

Первые литературные и научные выступления братьев Гримм относятся к 1811 году, когда Якоб опубликовал работу «О старонемецком мейстерзанге», а Вильгельм напечатал перевод «Древнедатских героических песен, баллад и сказок». Одновременно Якоб напряженно работает над испанскими романсами, которые он обнаружил в одном старинном издании. «Это были замечательные, удивительно поэтичные вещи и притом крайне редкие», — писал о сборнике его брат. Но тогда Якобу не удалось договориться с кем-нибудь из издателей о выпуске книги. Она появилась лишь в 1815 году под названием «*Silva de romances viejos*» — сборник старинных испанских романсов. Вильгельм в 1813 году издает переведенные им «Три древнешотландские песни».

Еще до падения Наполеона Якоб при поддержке Вильгельма занимался изучением животного эпоса «Лис

Рейнхарт» («Рейнеке-Лис»), исследовал историю его сюжетов. Однако книга вышла лишь в 1834 году.

Хотя братья Гримм и работали согласованно и через всю жизнь пронесли чувство братской любви и привязанности, каждый сохранял свою индивидуальность, которая проявлялась как в характере, так и в методе изучения, а отчасти и направлении исследования. Так, Якоб обладал строгим аналитическим умом исследователя, Вильгельм же, будучи более «художественной натурой», занимался преимущественно собиранием, классификацией и изданием памятников древней поэзии. Хотя он и снабжал издания старинных песен учеными сопроводительными статьями, а сборнику «Древнедатских героических песен» предпослал внушительное предисловие, в первую очередь его привлекало в них мастерство поэтического перевода. «Вновь раскапываются и извлекаются на свет источники отечественной поэзии», — писал он в предисловии к «Героическим песням».

В то время о поэзии северных стран известно было мало, и Вильгельм хотел привлечь к ней внимание. «Солнце Гомера, — писал он, — простерло свое сияние и на эти ледяные горы, рассыпало свои драгоценные камни по зеленым долинам... Таким мне представляется достойное удивления богатство эпической поэзии — стихи глубочайшего внутреннего содержания, которые когда-либо возникали в душе человека». Увлеченный самобытностью древней нордической поэзии, проникнутой духом мифов, Вильгельм превозносил эти песни. Восходящие к языческим временам, они имели для Вильгельма чистое звучание подлинно народной поэзии. В них жила давным-давно прошедшая эпоха с ее невероятно ярким бытием, когда люди еще не научились скрывать радость и горе, мужество и преданность, боль и страдание. «Что мы любим во всех этих песнях, —

признавался Вильгельм, — такэто звучащую в них скорбь или радость сердца. Мы должны почитать их как нечто самое высокое, ибо из них одних исходит все то, что можно выразить правдой, красотой, поэзией или чем-либо еще. В том-то и состоит большое отличие фольклора от искусства, что он не ведает пустынь и восторженно полагает, будто целый мир, зеленый и свежий, весь проникнут и воспламенен поэзией, и еще знает, что все находится под властью неба, что нет ничего такого, что ускользнуло бы от его внимания, вплоть до волоса на голове. Поэтому фольклор не содержит ничего, кроме того, что необходимо, поэтому он презирает внешний блеск, как певчие птицы — яркие перья».

В работе над «Древнедатскими героическими песнями» Вильгельм проявил себя как прекрасный поэт-переводчик. Предисловие к песням он закончил такими словами: «В Швеции есть сага о старике, который сидит на дне морском и живет вечно, окруженный музыкой, подыгрывая на арфе танцам эльфов; у детей, которые приходят на берег и видят, как он одинок, он пробуждает желание петь. Так пусть же эти песни пробуждают такое же желание!»

Только что вышедшую из печати книгу «Древнедатских героических песен» Вильгельм послал Гёте, который в ответ написал ему очень теплое письмо и сообщил, что высоко ценит древнюю скандинавскую поэзию. Гёте благодарил Вильгельма за то, что тот открыл в поэзии древних северных народов много такого, что до тех пор оставалось неизвестным и что «благодаря удачному расположению из многих отдельных произведений создал одно целое произведение». Работа Вильгельма была с одобрением воспринята и ведущими скандинавскими учеными.

Так братья Гримм со своими первыми опубликованными книгами уверенно входили в научный

и литературный мир. Каждому изданию предшествовала долгая и кропотливая подготовительная работа. И хотя братья публиковались каждый под своим именем, они всегда помогали друг другу. При издании некоторых книг их сотрудничество становилось настолько тесным, что невозможно было разграничить работу, сделанную каждым из них, и они просто подписывались: «Братья Гримм». Так они и вошли в сознание многих и многих читателей.

В первых их совместных научных трудах нашла отражение эпическая поэзия древних германцев. В 1812 году они издали два прекрасных эпических памятника раннего средневековья: «Песнь о Гильдебранте» (конец VIII в.) и «Вессобруннская молитва»^[22] (начало IX в.). Оба достойные похвалы произведения древневерхненемецкой поэзии: «Песнь о Гильдебранте», хранившаяся среди рукописей в Касселе, и «Вессобруннская молитва», находившаяся в Мюнхене, — были известны еще до братьев Гримм. Однако впервые лишь братья Гримм обратили внимание на то, что оба произведения не проза, что перед ними бесценные поэтические творения, написанные аллитерационным стихом, дошедшие из самой ранней эпохи германской поэзии.

Уже первые научные труды братьев Гримм показали, что их сотрудничество себя оправдало, что их внимание направлено на наиболее существенное. Успешной работе способствовало также счастливое обстоятельство: «Песнь о Гильдебранте» хранилась в Касселе, а значит, братья всегда имели перед собой первоисточник.

Этот документ древнейшего эпоса германцев братья Гримм особенно высоко ценили. В предисловии к изданию они писали: «Из несомненно чудесной, богатой песнями поэзии древнейших немцев без малого утеряно почти все, из оставшегося и дошедшего до нас вряд ли

есть более прелестный фрагмент, чем отрывок из «Песни о Гильдебранте». Вильгельм Гримм в одном из более поздних писем к Гёте сообщил о «Песне»: «Как самое древнее немецкое стихотворение, подлинность которого, к счастью, сомнению не подлежит, оно остается чрезвычайно удивительным и дает пусть только одну, но зато светлую картину своего времени, которая, как это свойственно песням Эдды, при всем своеобразии кажется естественной».

Одновременно братья Гримм занимаются текстами «Песен Старшей Эдды». В 1811 году им удалось получить ненапечатанную Эдду, и они захотели ее опубликовать. «Это восхитительные вещи», — заметил Вильгельм. Они обладают «замечательными сокровищами древней скандинавской литературы». В одном из писем к Гёте Вильгельм с восхищением писал: «Эти песни представляются мне такой сильной и величественной поэзией, что я должен их причислить к самому замечательному из того, что нам оставлено каким-либо народом из эпохи строгого и высокого стиля».

О предстоящей публикации братья сообщили во «Всеобщей литературной газете», выходившей в городе Галле, а в 1812 году в тюрингенской «Утренней газете для образованных сословий» они еще раз написали о своем намерении издать «Старшую Эдду»: «Если надо высказать наше мнение о поэзии этих песен, то нам представляется, что она принадлежит к величайшему и самому прекрасному из того, что когда-либо трогало человеческую душу. По своей глубине и выразительности она может стоять в одном ряду с любой другой. Сюжет рисует нам картины божественно чистой жизни, а вместе с тем и приближение ее неизбежной гибели из-за измены ей, которая, распространяясь все шире и шире, губит в конце концов весь род. Образы предстают во всей их красоте и том

особом блеске, которым мифы наделяли всех, кто находился рядом со своим прародителем, который был не кем иным, как богом».

Говоря о необходимости издания Эдды, братья Гримм ссылались на Гёте, который еще в своем «Учении о цвете» указывал: «Если мы внимательно посмотрим на развитие до нас отдельных эпох, стран, местностей, то увидим, как из темного прошлого нам навстречу повсюду выходят великолепные образы деятельных, совершенных людей, мужественных, красивых и добрых. Гимн человечеству, к которому так любит прислушиваться бог, не смолкал никогда, и мы сами испытываем божественное счастье, когда ощущаем гармоничные излучения всех эпох и стран то в виде голосов или хоров, то в виде фуг, а то и в виде великолепного, полнозвучного пения».

Братья Гримм захотели вновь заставить звучать гимн во славу человечества, издав Старшую Эдду, и заявили об этом во всеуслышание — как бы в пику политике Наполеона, который присвоил своему новорожденному сыну титул римского короля и тем самым считал свое господство увековеченным. И никакие происходящие в это же время события не могли помешать им «старательно возделывать свое поле», по их же выражению. Правда, прошли еще годы, пока это издание появилось в 1815 году.

Другим совместным изданием братьев Гримм стала стихотворная повесть «Бедный Генрих» Гартмана фон Ауэ. В одной из статей в 1812 году Якоб писал, что относит ее «к самым великолепным произведениям нашей древней поэзии». «Эта повесть, наполненная такой добротой и чистотой, — говорилось в статье, — вышла из глубины души поэта, и его мастерство нельзя сравнить ни с чем другим, как со скромной, чистой добродетелью самого произведения. В ней на месте каждый слог и каждое слово — ни убавить, ни

прибавить, а чистое, освежающее впечатление подобно аромату благоухающих трав».

После «битвы народов» при Лейпциге в 1813 году, когда Германия была очищена от наполеоновской оккупации, после ликвидации Вестфальского королевства и восстановления Гессенского княжества братья сочли прямо-таки своим долгом опубликовать близкую к легенде повесть о бедном Генрихе, проникнутую духом самопожертвования. Ведь во время освободительных войн многим пришлось пролить кровь, отдать жизнь за родину. Воодушевленные освобождением их родины от долголетней оккупации, братья Гримм опубликовали призыв подписаться на это творение Гартмана: «В это счастливое время, когда каждый приносит какую-то жертву своей родине, мы хотим заново издать эту древнегерманскую повесть, простую, проникновенную и искреннюю книгу о бедном Генрихе, где показано, как с детской верностью и любовью отдает он в жертву свою кровь и самое жизнь своему господину и щедро вознаграждается за это богом. Перевод на современный язык сделает эту старинную немецкую легенду доступной всем народной книгой. Для ученых-специалистов сообщаем, что текст старого издания, в котором имелись ошибки, исправлен по недавно обнаруженной в Риме рукописи, снабжен критическим комментарием. Остается только исследовать лежащий в основе произведения миф». Вместе с Эддой повесть «Бедный Генрих» вышла как совместная публикация братьев Гримм лишь в 1815 году.

Еще до Лейпцигской битвы в 1813 году братья Гримм решили основать журнал «Altdeutsche Walder» — «Старонемецкие леса» — с целью изучения старинной немецкой поэзии, ее памятников, а также языка и обычаев прошлых столетий. За много лет у братьев накопилось столько материалов, что им захотелось

познакомить читателя с «Парцифалем»^[23] и «Песней о Нибелунгах», с героическими песнями и светскими хрониками, поделиться своими познаниями в области грамматики и стихосложения, этнографическими наблюдениями. «Если однажды будет признано исключительное богатство нашей старой поэзии, — писали они, — то этим будет достигнуто немало».

Братья Гримм, обращаясь к прошлому, занимались им не ради него самого, но стремились быть полезными и для своего времени: «Мы уважаем превосходящую власть современности, которой должна служить древность, подобно тому, как великие люди прошлого не могут называться мертвыми, ибо они постоянно живут в нашей памяти и заставляют о себе думать. Кто пожелал бы оспаривать такое отношение к жизни, тот пренебрег бы уроками истории и уподобил бы эти древние стихотворения недоступному острову среди моря, где солнце впустую растрчивает свой свет, а птицы поют, не издавая звуков».

Публикуя старинные рукописи и научные статьи, братья хотели тем самым «разбудить покоящиеся веками творения, воскресить дремавшую в тени милую сердцу мудрость старины». Их тревожило, что надолго затянувшиеся войны могут нанести урон древним рукописям, что многие могут затеряться и тогда читатель не узнает о величайших памятниках прошлого. Во вступительной статье к первому номеру журнала «Altdeutsche Walder» они писали: «Собирание и издание рукописей необходимо прежде всего потому, что в суматохе времен хранение отдельных экземпляров становится недостаточно надежным, что традиции прошлого угасают, распыляются и теряют свое лицо. А сохранение неповторимой индивидуальности диалектов и различных вариантов произведения имеет для истории языка и литературы огромное значение, поскольку на

этом языке говорили тысячи людей и через тысячи людей до нас дошли эти поэтические памятники».

Стремление братьев Гримм сохранить в чистоте, сделать древние сказания достоянием многих нашло поддержку не только их единомышленников, но и таких специалистов, как Бенеке и Доцен, которые написали для журнала ряд статей. Но большинство материалов было написано самими братьями. Филологические исследования, проведенные на базе «совместного, значительно возросшего собрания произведений древнегерманской поэзии» и опубликованные в журнале, значительно обогатили только зарождающуюся тогда науку — германистику.

В 1813 году вышел первый номер журнала «Altdeutsche Walder». В 1815 и 1816 годах были опубликованы два последующих. Так в самом начале научного пути, чему предшествовали годы тихой, незаметной и кропотливой работы, братья Гримм добились первых, и весьма значительных, результатов.

Если бы братья Гримм и дальше следовали только по этому пути, то вошли бы в историю науки как талантливые ученые-исследователи, ученые-искатели и одни из основателей науки — германистики. Но им этого казалось мало. Уже тогда, занимаясь филологическими проблемами, они стали собирать сказки и легенды. И на этой ниве молодые ученые собрали поистине богатый урожай.

По следам сказок

Как-то Вильгельм Гримм записал, что он и Якоб «сами, совершенно одни, а потому очень медленно, в течение шести лет» собрали первый том сказок, который появился в 1812 году. Значит, начало работы относится примерно к 1806 году, когда на немецкой земле хозяйничал Наполеон. Это было время, когда ломались границы, шатались и рушились троны, на смену одним порядкам очень скоро приходили другие.

В это тревожное и смутное время братья Гримм открыли в сказках, внешне далеких от современной им жизни, нечто такое, что оказалось прочнее пушек, сотрясавших мир.

В этом же, 1806 году друзья братьев Гримм — Арним и Brentano издали первый том старых немецких народных песен — «Волшебный рог мальчика». Естественно, что Арним и Brentano, так же как братья Гримм, ратовали за возрождение и сохранение для будущих поколений великого наследия прошлого — сказок, легенд, песен. Арним уже тогда обратился к общественности с просьбой наряду с собиранием народных песен «не забывать об устных преданиях и сказках». Художник-романтик Филипп Отто Рунге откликнулся на это обращение, послав в Гейдельберг значительное количество сказок. Одну из них Арним опубликовал в своей «Газете для отшельников».

Таким образом, все было подготовлено для создания книги сказок. Нужно было только терпение, кропотливый труд ученого, бережное отношение к простому разговорному языку, чтобы записать народное слово и донести его до читателя. Если научные исследования опирались на рукописные и печатные собрания библиотек, то со сказками дело обстояло

совсем иначе — еще предстояло только собрать по крупицам все то, что жило в народе и передавалось из уст в уста. И братья Гримм приступили к собиранию первого тома. Впоследствии Вильгельм сказал: «Нашим единственным источником были устные сказки и предания, которых, впрочем, оказалось не так уж мало — нам удалось собрать около шестидесяти весьма приятных вещей; и мы надеемся, таким образом, опубликовать кое-что совершенно неизвестное». Конечно, прежде всего они обратились к источникам в их гессенском окружении.

В Касселе была аптека, принадлежавшая семье Вильдов.

Хозяин этой аптеки, господин Вильд, владел солидным домом, этажи которого выступали один над другим, а многочисленные переходы, лестницы и кривые пристройки образовали причудливый лабиринт. В нем жили шесть его дочерей и один сын. Аптекарью не приходилось задумываться о будущем своих детей. Он был состоятельным человеком, владел в окрестностях Касселя земельным участком и садами. С этой семьей Гриммы были соседями, и братья с юности дружили с ней.

Жена аптекаря, фрау Вильд, великолепно рассказывала сказки: маленькая и изящная, она сидела напротив Вильгельма и поведала ему историю вошки и блошки, которые «вместе вели хозяйство и варили пиво в яичной скорлупке. Вдруг вошка упала в скорлупку и ошпарилась, а блошка начала громко кричать и плакать...».

Дочери фрау Вильд тоже знали много сказок, в особенности Гретхен и Дортхен. В ту пору Дортхен Вильд, молодая, простая и непосредственная девушка, встречалась в саду или в теплице со своим будущим мужем Вильгельмом Гриммом и рассказывала ему сказки, услышанные ею в родительском доме. Это были

«Столик, накройся», «Госпожа Метелица» и «Шесть лебедей».

Думала ли тогда Дортхен, что ей суждено будет прожить долгие годы в мире и счастье с Вильгельмом? Откуда же знала девушка столько легенд? Конечно, что-то она слышала от матери. Но в доме аптекаря была еще экономка — вдова Мария Мюллер, потерявшая мужа на войне. Шестидесятилетняя женщина, которую все называли «бабушка Мария», была родом из местности, где народ сохранил особенно много сказок, и передавались они в своем первозданном виде от стариков к внукам. У бабушки Марии была отличная память, и она щедро делилась своим богатством с братьями Гримм, рассказывая им сказки. Они-то, эти сказки, и вошли в первый том. «Мальчик-с-пальчик», «Братец и сестрица», «Девушка-безручка», «Красная Шапочка» и «Спящая красавица» — эти сказки, обошедшие весь мир в обработке братьев Гримм, были рассказаны ею. Пусть же вспоминается бабушка Мария всякий раз, когда вновь послышится: «Жила-была маленькая, очаровательная девочка. Ее любили все, кто только взглянет на нее, но больше всех ее любила бабушка. Она даже не представляла, что бы ей еще можно было сделать для внучки. Однажды она подарила ей шапочку из красного бархата. Шапочка ей так была к лицу, что девочка не хотела носить ничего другого, и прозвали ее Красная Шапочка...»

Какое бесценное богатство хранила в себе эта женщина! Целый день работала она в многодетной семье аптекаря, и только вечером могла продолжить свой рассказ о принце, который спустя сто лет отыскал в зарослях колючей ограды дорогу к Спящей красавице: «Он пошел дальше, всюду спали придворные; еще дальше спали король и королева. Было так тихо, что слышно было собственное дыхание. Наконец он вошел в старую башню — в ней лежала Спящая красавица. Ее

красота так поразила принца, что он нагнулся и поцеловал ее, и в тот же миг она проснулась!..» Эту сказку о верности и любви, такой нежной и бережной, такой простой и вместе с тем возвышенной, рассказанную когда-то скромной женщиной и дошедшую до нас как сказка братьев Grimm, вот уже столетия читают и не перестают восхищаться многие поколения.

Многие сказки первого тома были услышаны братьями Grimm также в семье Хассенпфлуг, точнее сказать — от сестер Амалия (Мальхен) и Жанетты. Отец их был высоким правительственным чиновником в Касселе, а брат Людвиг женился впоследствии на Лотте, сестре братьев Grimm. Амалия славилась особенной красотой и умом, Жанетта — как очаровательная рассказчица. От девушек семьи Хассенпфлуг братья записали такие сказки, как «Черт с тремя золотыми волосами», «Кот в сапогах» и «Король Дроздобород».

Были, конечно, и другие женщины, тоже знавшие множество сказок и щедро делившиеся с братьями Grimm своим богатством. Одной из них была фрау Ленгард, няня в семье Савиньи. «Целый клад, — писал о ней знавший ее Арним и добавлял: — Я хотел бы стать хорошим горняком, чтобы раскопать этот клад и получить сокровища — детские сказки!» Этих пожилых женщин, привыкших рассказывать детям, совсем не просто было заставить рассказывать сказки взрослым.

А вот какую историю пережили братья Grimm с одной женщиной, которую называли «марбургской сказительницей». От Brentano они узнали, что в марбургской больнице давно находится женщина, которая буквально начинена сказками. В свое время Brentano слышал от нее их немало, но с годами многие забыл. И вот братья Grimm решили разыскать эту сказительницу. В 1809 году их сестре Лотте пришлось остановиться в Марбурге, и они попросили ее разузнать

об этой женщине. В Марбурге Лотта провела несколько недель, но возвратилась в Кассель ни с чем. Расстроенный Якоб писал брату, находившемуся в это время в Галле: «В пятницу возвратилась Лотта. Со сказками ничего не получилось. Лотта пригласила эту женщину, но она в первый день сказала, что должна собраться с мыслями, а на второй заявила, что ничего не помнит. А потом и Лотта уехала. Кого бы послать в Марбург, чтобы еще раз поговорить с женщиной?»

В этих словах было такое отчаяние, что в следующем, 1810 году Вильгельм сам отправился в Марбург, чтобы разговорить «марбургскую сказительницу». Напрасно он ждал ее прихода — не могла она поверить в то, что взрослые люди хотят просто послушать ее сказки. Ей казалось, что над ней будут смеяться, если она станет ходить и рассказывать ученым людям свои сомнительные истории. Это же были всего-навсего рассказы для детей. Ей и в голову не приходило, что их можно всерьез собирать и даже издавать. Она боялась также насмешек других женщин в больнице, опасалась, что над ней будут издеваться. Вильгельму, правда окольным путем, все же удалось выудить из нее всего две сказки.

Начальник больницы попросил женщину рассказать его детям несколько сказок, а детям старушка отказать не могла. Дети рассказали сказки отцу, а он записал их и передал Вильгельму. Весьма сложный путь. Это еще раз показало, что собирание устного фольклора трудный процесс, что сказки не лежат на полках готовенькими, а люди, которые их знают, встречаются далеко не на каждом шагу. И нужно иметь терпение, упорство, обладать верной интуицией и страстью собирателей, чтобы найти все самое лучшее, самое ценное, самое необходимое.

Братья вновь и вновь обращаются за помощью к сказительницам. Дочь священника Фридерика Маннель

рассказывает им много легенд и сказок. Среди них «Птица — открыватель сокровищ», которая заканчивалась классической фразой: «И если они еще не умерли, то здравствуют до сих пор».

По свидетельству Германа Гримма, сына Вильгельма, в подготовке первого тома сказок большую помощь оказывали сестра Брентано — госпожа Йордис, а также Ахим фон Арним и Август фон Гакстгаузен. Помогал в работе над сказками теолог и германист Фердинанд Зиберт. Драгунский вахмистр в отставке Иоганн Фридрих Краузе, живший неподалеку от Касселя, передал братьям, хотя и не бескорыстно, несколько «настоящих солдатских сказок». Он сам называл себя «бедным простофилей» и с удовольствием и нижайшей благодарностью брал у братьев за свои истории поношенное платье. И когда этот оборванный инвалид рассказывал им сказку «О скатерти, ранце, шапке-пушке и роге», он, по-видимому, вспоминал о тех временах, когда с гордым хвастовством выступал перед своими боевыми товарищами, повествуя им героические легенды Шварценфельса: «Солдат стукнул по своему ранцу и выпустил оттуда пехоту и кавалерию, которые и побили войска короля. На следующий день король послал еще больше народа, чтобы покончить со старым солдатом. Но он ударял по ранцу до тех пор, пока из него не вышла целая армия. Потом несколько раз повернул вокруг головы свою шапку, и появились пушки; враг был разбит и обращен в бегство. После этого был заключен мир, и его сделали вице-королем и отдали ему в жены принцессу».

Братья Гримм обращались за помощью чаще всего к пожилым людям, поскольку именно они могли поведать подлинные, народные истории, а не вымышленные; именно пожилые люди хранили в памяти пришедшие различными путями через века легенды, сказки — все, чем так богат народ. Отличать подлинно народные

сказки от подделок помогал братьям их немалый исследовательский опыт. И как истинные исследователи, они не ограничивались только собирательством и составлением сборников. Сохраняя сказочные сюжеты в их первозданном, нетронутом виде, не нарушая строй, композицию, особенности речи героев, братья в то же время давали собранному материалу собственную языковую форму. Они нашли тот своеобразный стиль, отличающийся проникновенностью и простотой, благодаря которому эти сборники сказок распространились по всему миру. Братья не стремились к дословному, рабскому повторению услышанного от сказительницы. Самым важным для них было сохранить во всей чистоте и передать смысл и дух записываемых преданий и легенд. В отличие от Брентано, который свободно обращался со сказочными сюжетами, переделывал их в зависимости от художественной задачи, братья Гримм ничего не меняли и тем более не искажали. Конечно же, записывая услышанное, они задумывались над той или иной фразой. Конечно же, были и противоречия во взглядах. Якоб больше был склонен к научной достоверности. Как издатель, он, касаясь своих методов и принципов, писал: «Переработка, доработка этих вещей всегда будут для меня неприятными потому, что они делаются в интересах ложно понятой необходимости для нашего времени, а для изучения поэзии они всегда будут досадной помехой». Ему нелегко было уступать Вильгельму — стороннику художественной и поэтической обработки. Но поскольку братья безоговорочно признавали необходимость сохранения всего исторического, то уже в процессе изложения окончательного варианта сказок дело до существенных расхождений не доходило. Оба бережно подходили к сказкам, стремясь записать их почти без изменений, нигде не урезая, лишь литературно обработав, так,

чтобы они вновь заиграли во всем своем поэтическом блеске. Точность, пунктуальность Якоба и поэтическое чувство формы Вильгельма давали то незаменимое сочетание творческих качеств, благодаря которому братьям удалось совершить чудо — сохранить и довести до нас произведения древнего народного творчества, а вместе с тем выдержать их в едином языковом стиле. А это способствовало целостности восприятия всего сборника сказок.

«Мы старались сохранить сказки во всей их первозданной чистоте, — писали братья Grimm. — Ни один эпизод в них не выдуман, не приукрашен и не изменен, так как мы стремились избежать попыток обогатить и без того богатые сказочные сюжеты за счет каких бы то ни было аналогий и реминисценций». Но, с другой стороны, они подчеркивали: «Само собой разумеется, что стиль и построение отдельных частей по большей части принадлежат нам».

В подтверждение этого Герман Grimm писал в своих воспоминаниях о творчестве Вильгельма и Якоба Grimmов: «В сознании большинства людей, которые в настоящее время наслаждаются сказками братьев Grimm не как дети, а задумываются над их возникновением, родилось представление, будто они были слово в слово записаны по рассказам: ходившим среди людей, так что если бы Якоб и Вильгельм Grimмы не опередили собирателей последующих поколений, то эти последние могли бы с точно таким же успехом присвоить эту «народную собственность». В том виде, в каком сказки были преподнесены братьями Grimm народу, они *вновь* стали народной собственностью лишь постольку, поскольку эти сказки были преподнесены ими. До редакции братьев Grimm они таковыми не являлись».

Поэтому братья Grimm явно поскромничали, когда на титульном листе первого сборника сказок написали:

«Собрано братьями Гримм». Лишь в результате обработки братьями сырая руда собранного материала была облагорожена и переплавлена в золото непреходящих ценностей.

В 1812 году, после шести лет напряженного труда, наконец стало ясно, что из собранного материала может получиться приличная книга. Арним, навестивший в это время братьев в Касселе, поддержал их и предложил выпустить книгу немедленно. Позже Вильгельм писал: «Это он, Арним, проведя у нас в Касселе несколько недель, побудил нас к изданию книги! Он считал, что мы не должны долго задерживаться с этим, так как в стремлении к законченности дело может слишком затянуться. «Ведь все написано так чисто и так красиво», — говорил он с добродушной иронией. Он ходил взад-вперед по комнате, читал отдельные страницы, в то время как ручная канарейка, удерживая равновесие изящными движениями крыльев, сидела на его голове и, казалось, чувствовала себя очень уютно в его густых волосах».

Арним связался с издательством Раймера в Берлине. В конце сентября братья направили рукопись издателю. Книгу предполагалось выпустить еще до рождественских праздников. Раймер обещал выплатить гонорар, как только будет продано определенное количество экземпляров. Братьев это устраивало. Вильгельм записал: «Предложение Раймера нам весьма приятно, а его условия для нас вполне приемлемы». Тогда братья и мечтать не могли о втором издании, хотя при всей своей скромности они были убеждены, что подготовили нужную и полезную книгу. С верой в это Якоб писал другу Арниму, когда рукопись была отослана Раймеру: «Получится ценная и интересная книга, я с каждым днем все больше понимаю, какое важное значение эти старинные сказки имеют для всей истории поэзии».

И вот незадолго до рождественских праздников 1812 года Якоб держал только что изданную книгу «Детских и домашних сказок». Один из первых ее экземпляров получил, естественно, Арним с посвящением его жене и маленькому сыну Йоганну Фреймунду. В ответ Арним с благодарностью писал братьям: «Только что получил от Раймера для моей жены вашу книгу сказок. Очень неплохо издана, в хорошем переплете, с золотым обрезом, я бегло перелистал ее и пока припрятал у Савиньи — чтобы вручить на рождество. Большое спасибо вам от моего сына, книга очень приятная, и ее наверняка будут хорошо раскупать».

С тех пор книга сказок каждый год в числе других подарков к рождеству радовала и детей и взрослых. Не устарели сказки и сегодня — их знают во всех странах, их читают, их любят. Пожалуй, здесь будет уместно привести несколько отрывков из предисловия к сборнику, где братья подробно разъясняют смысл своего труда: «Когда буря или другое несчастье, посланное небом, уничтожает все посеvy, мы считаем за благо, если возле межи, заросшей живой изгородью из травы и мелкого кустарника, все же осталась нетронутой хоть маленькая полянка и на ней несколько отдельных колосков. Как только засветит ласковое солнышко, они скромно и незаметно пойдут в рост, и ни один серп не сожнет их преждевременно, чтобы заполнить амбары. К концу лета, когда они нальются и созреют, к ним приблизятся нежные и чуткие руки, они соберут колосок к колоску, аккуратно перевяжут и понесут домой с большей осторожностью, чем носят целые снопы; они будут служить пропитанием на всю длинную зиму, может быть, от них останется то единственное семя, которое необходимо для будущего посева. Так было и с нами, когда мы, обратившись к богатству немецкой поэзии прошлых веков, увидели, что от этого огромного богатства не сохранилось ничего, что потерялась даже

память о нем, а остались только народные песни да эти наивные домашние сказки. Места за печкой, кухонные плиты, чердачные лестницы, сохранившиеся еще праздники, луга и поля с их тишиной, а прежде всего светлая фантазия как раз и были той живой изгородью, которая оберегала и передавала их от одного поколения другому...

По-видимому, наступило самое время собрать и записать эти сказки, поскольку все реже можно встретить тех, кто мог бы знать их и хранить в памяти... Внутреннее содержание этих произведений проникнуто той единственной чистотой, благодаря которой дети представляются нам такими чудесными и счастливыми; кажется, что у них такие же голубые, блестящие глаза...

Эта наивная близость к нам самого большого и самого малого таит в себе неописуемое очарование, и мы предпочли бы услышать беседу звезд с бедным, брошенным в лесу ребенком, чем самую изысканную музыку. Все прекрасное в них выглядит золотым, усыпано жемчугом, даже люди здесь встречаются золотые, а несчастье — это мрачная сила, ужасный великан-людоед, который, однако, терпит поражение, так как рядом стоит добрая фея, знающая, как лучше всего отвести беду...

В этом — объяснение того, что из сказок так легко выводится добрая мораль, применимая и в реальной жизни. И хотя не в этом было их назначение и не для того они слагались, эти качества порождаются ими, подобно тому, как из здорового цветка вырастает хороший плод без какого-либо участия человека. Тем-то и сильна любая истинная поэзия, что она никогда не может существовать без связи с жизнью, ибо она из нее возникает и к ней же возвращается, как возвращаются к месту своего зарождения облака после того, как они напоят землю».

Братья знали, что сказочными сюжетами богаты все народы всех эпох, они распространены не только в Европе, но и у народов с менее развитой культурой — например, в Африке.

Выражаясь образно, они говорили, что поэзия сказок «происходит из того вечного источника, который покрывает росой все живое, и даже одна-единственная его капля, удерживаемая крохотным листочком на дереве, может сиять всеми цветами радуги в лучах утренней зари». Братья, конечно же, понимали, что своим сборником сказок они открыли людям то прекрасное, ценное, что есть у каждого народа. Предисловие к сборнику они закончили такими словами: «Мы передаем эту книгу в доброжелательные руки, думая при этом о великой и доброй силе, заключенной в них, и хотим, чтобы она не попала к тем, кто не желает дать даже эти крохи поэзии бедным и слабым».

После Лейпцигской битвы

Вскоре после выхода в свет первого тома «Сказок» братья Гримм начали собирать материал для второго. Работать в тиши кабинета, за письменным столом, было их единственным желанием.

Шел 1813 год. Позади пожар в Москве — поражение Наполеона, но пока еще нельзя было сказать, что звезда его закатилась навсегда. Весной Наполеон вновь одерживает победы при Грос-Гёршене и Баутцене.

Братья Гримм научились уже воспринимать внешние события с определенным хладнокровием. Выполняя свою ежедневную работу как обязательно поставленную задачу, они видели в этом творческом постоянстве глубокий смысл. И хотя дальнейший ход сражений был неясен, Вильгельм писал другу юности Паулю Виганду: «Мы, как странники, пережили одно за другим дождь, бурю, солнечные дни, и, когда облака закрывали горы, мы все равно были уверены, что над ними светит солнце; а когда оно взойдет — это в руках божьих. И мы продолжаем работать; и нет в этой жизни лучшей работы, чем наша».

Еще до октябрьских дней у Лейпцига, когда союзные войска оттеснили французов на запад, существование Вестфальского королевства оказалось под угрозой. В один из последних сентябрьских дней в Кассель ворвался русский генерал со своими казаками. Брат Наполеона король Жером поспешно бежал. Едва русские покинули город, с подкреплением возвратился Жером, считавший, что не все еще потеряно. Но вскоре король почувствовал, что долго ему здесь не продержаться, а потому решил захватить с собой за Рейн хотя бы произведения искусства и другие ценности.

Якоб Гримм как королевский библиотекарь получил приказ «упаковать находящиеся в Касселе и Вильгельмсхёе наиболее ценные книги для отправки во Францию». Вместе с секретарем кабинета Брюгьером, весьма образованным человеком, он поехал в замок Вильгельмсхёе, чтобы попытаться спасти хоть часть книг для Гессена. Но приказ был строг, и даже Брюгьер не мог его отменить. Приказа же упаковывать рукописи не было. Эти манускрипты имели локальную ценность, относились к истории Гессена и не представляли для короля Жерома какого-либо интереса. Остальные книги упаковали и увезли в Париж. В 1814 году, после успешного наступления коалиционных войск, книги вернулись в Кассель.

Вестфальское королевство доживало последние дни. Государственная власть приходила в упадок, порядок соблюдался лишь внешне. Вест о победе союзников в «битве народов» при Лейпциге 16-19 октября быстро достигла города. Жером в целях поддержания престижа решил еще раз публично продемонстрировать прочность королевских позиций в Касселе: нарочито медленно проскакал он по улицам города в сопровождении блестящего эскорта. «На его желтоватом, по-итальянски тонком лице, — писал Вильгельм Гримм, свидетель спектакля, — лежала печать искусственной холодности, а всем своим видом выражал он заботу о собственной внешности. Он отдавал приказы и снова отворачивался с совершенно отсутствующим взглядом. По-видимому, ему было досадно терять так легко доставшуюся корону. Он, конечно, не хотел намеренно доставлять неприятности своим подданным, но не испытывал к ним и добрых чувств; а потому, наверное, не мог по-настоящему ощутить эту боль, тем более что он привык к переменам судьбы».

Окончательное бегство Жерома 26 октября имело для Якоба и неприятные последствия — он остался без

постоянного места работы.

21 ноября 1813 года после семилетней ссылки курфюрст Вильгельм I возвратился в Кассель. «Долгожданное возвращение старого курфюрста, на которое почти не надеялись, — писал Якоб Гримм, — сопровождалось неопишуемым ликованием; моя радость была не меньше — я вновь увидел дорогую тетушку в свите курфюрстины, которую однажды навестил в Готе. Мы бежали по улицам за открытым экипажем; увешанным гирляндами цветов». Не меньший восторг испытывал и Вильгельм: «Восстановление Гессена было отпраздновано с самой искренней радостью, я никогда не видел ничего более трогательного и захватывающего, чем торжественный въезд княжеской фамилии. Люди везли экипаж не в порыве минутного энтузиазма, а так, как будто на родину возвращалось нечто исключительно дорогое и близкое, по которому все истосковались. В этот момент мне казалось, что нет такой надежды, которая в будущем не исполнилась бы».

В первые дни Якоб еще не мог рассчитывать на службу у курфюрста придворным библиотекарем с хорошим жалованьем, но, по крайней мере, имел достаточно оснований полагать, что находится «на хорошем счету» при дворе курфюрста, а потому вправе претендовать на какую-либо работу. Продвигавшимся армиям союзников требовались не только солдаты, но и дипломаты. Здесь-то и можно было использовать Якоба Гримма — находчивого молодого человека, прекрасно говорившего по-французски. Что ж, надо отложить научную работу в сторону и попробовать себя на дипломатическом поприще, тем более здоровье позволяло это, чего никак нельзя было сказать о Вильгельме, которому оставалось одно — самостоятельно продолжать начатые совместно исследования.

16 декабря 1813 года Якоб направил своему сюзерену следующее прошение: «В надежде, что в теперешних условиях я более всего был бы полезен отечеству на дипломатическом поприще, и полагая, что благодаря старательному изучению истории являюсь более-менее подготовленным для этого, я осмеливаюсь просить Вашу светлость милостиво предоставить мне место секретаря посольства».

23 декабря Якоб был назначен секретарем посольства. Через несколько дней ему предстояло сопровождать гессенского посланника графа Келлера в ставку союзных войск. Времени было мало, и он оставил личные вещи «в полном беспорядке». Якоб ступил на совершенно новое для себя поле деятельности. Вильгельм с сестрой Лоттой оставались дома в Касселе. Младшие братья Людвиг Эмиль и Карл ушли добровольцами на войну против Франции.

После того как Наполеон отклонил мирное предложение, гарантировавшее ему границу по Рейну, союзники повели наступление. Большая часть войск под командованием Шварценберга форсировала Рейн у Базеля, генерал Блюхер перешел реку в ее среднем течении у Кауба и Кобленца, Бюлов вел наступательные бои с Северной армией у Мааса. Через три месяца успешно продвигавшиеся полки стояли уже у ворот французской столицы. 31 марта 1814 года союзники вошли в Париж, 6 апреля в Фонтенбло Наполеон отрекся от престола. Его резиденцией был определен остров Эльба, по существу же он стал местом ссылки, где для свергнутого императора исключалось всякое участие в событиях мировой истории. 30 мая того же года в Париже был подписан первый мирный договор, восстановивший границы Франции 1792 года, то есть донаполеоновской эпохи.

Что же произошло в жизни Якоба за эти несколько месяцев? Как сложились его отношения с новым

начальством?

Посланник граф Келлер, по словам Якоба, «не был урожденным гессенцем. Это был уже пожилой, добродушный, иногда своенравный, вспыльчивый человек, которому не хватало настоящей гессенской закваски. Но, — добавлял Якоб, — кто бы стал в то необыкновенное время обращать внимание на каждый всплеск его характера?» Из Касселя вначале Якоб поехал в Марбург. Он прибыл туда в 11 часов вечера последнего дня 1813 года и с удивлением увидел, что теперь в старых переулках, так хорошо знакомых ему еще со студенческих времен, горели фонари. Сопровождаемый мерцанием фонарей Якоб к полуночи добрался до гостиницы. Всюду его окружали ликующие люди. И вот новогодний салют известил о том, что наступил новый, 1814 год. Люди верили, что это будет счастливый год.

Следующей остановкой на его пути был Франкфурт. Здесь Якоб навестил семью Brentano и других друзей. В гостинице, где Якобу пришлось жить бок о бок с русскими, пруссаками и австрийцами, оживленно обсуждались политические и военные события. Потом был Дармштадт, где он послушал бой башенных часов замка. И, наконец, Гейдельберг. Город на Неккаре с его привлекательными домами и красивыми окрестностями особенно нравился Якобу. Он осмотрел художественную коллекцию Сюльписа Буассере, который под влиянием романтиков много сделал для сохранения произведений старых школ живописи. Якоб знал Буассере и раньше, теперь же он увидел у приветливого хозяина «великолепные картины, в особенности старых фламандских мастеров Ван-Эйка и Мемлинга». Оценил совершенство красок, перспективу, четкость и ясность форм, отработанность деталей и глубокий смысл полотен. С не меньшим восхищением он рассматривал гравюры с изображением Кёльнского собора, которому

Буассере посвятил ряд специальных исследований. Конечно же, Якоб побывал в библиотеке, осмотрел недавно подаренные ей ценные книги и, к великой радости, обнаружил среди них северные саги, которые могли бы пригодиться ему и Вильгельму для исследовательской работы. Таким образом, во время этого путешествия на Запад Якоб не только выполнял миссию секретаря посольства, но и, как истинный ученый, интересовался искусством и литературой — всем, что может стать в мирные дни предметом его исследований.

Следующая остановка — Карлсруэ. Вновь с восхищением осматривает он архитектурный ансамбль города, где дома «необыкновенно уютны и милы». Воспользовавшись случаем, Якоб навестил поэта Йоганна Петера Хебеля, известного своими «Алеманскими стихотворениями» и книгой «Сокровища рейнского друга дома», чей талант отметил Гёте. Расхаживая взад-вперед перед гостем в аккуратно прибранной комнате, Хебель курил трубку и тепло говорил о древнедатских песнях, изданных Вильгельмом, — он прочитал их трижды. Само собой разумеется, что в Карлсруэ Якоб осмотрел местные библиотеки и книгохранилища. Среди пятисот монастырских рукописей ему удалось отыскать целиком рукопись на пергаменте «Титурель» из эпического цикла о Парцифале.

Тем временем Вильгельм из Касселя писал брату о домашних делах: хотя стол Якоба, заваленный бумагами, и выглядит осиротевшим, он продолжает и в отсутствие брата начатую вместе работу. С нетерпением следит за новостями и надеется на скорое заключение мира.

А Якоб уже был на пути в Базель через Фрейбург. Даже на промежуточных остановках успевал он просмотреть все самое значительное, интересное,

сделать нужные записи. Во Фрейбурге побывал в кафедральном соборе — очень понравились витражи и роспись алтаря. В Базеле вновь столкнулся с действительностью, напомнившей ему о войне, — пестрая толчея солдат на берегу Рейна.

В холодные январские и февральские дни Якоб вместе с посланником ехали в запряженном лошадьми экипаже по чужой стране. Эта дипломатическая поездка, конечно же, была небезопасной — не раз он становился свидетелем политических и военных событий, пока войска медленно приближались к Парижу.

Прибыв во Францию, Якоб и там находит время, чтобы побывать в библиотеках, отыскать среди множества рукописей нужное, ценное, и опять верил, что придет время и они пригодятся ему.

В это время он пишет брату письма, полные сочувствия к населению, пострадавшему от войны. В феврале 1814 года из Лангр: «Местность и так бедная, да еще проходящие солдаты обирают... Вообще же большинство военнопленных отпускают домой». В другой раз: «Только что прибыли пленные, в большинстве своем совсем молодые ребята. Здесь опять похолодало, и сердце обливается кровью, когда видишь, как они страдают от мороза и голода». И еще: «В Бар и Труа нищета ужасная. Большинство деревень опустело, на дорогах мы видели раздетые трупы людей, сторожевые костры и горящую деревню». Или: «Нужно видеть собственными глазами, что приходится испытывать солдату. Самое ужасное — болезнь, госпиталь и плен. За местечком Комбофонтен я на днях видел молодого австрийца, умиравшего прямо посреди дороги, по которой шли войска, и солдаты обходили умирающего. Мимо проходили равнодушные люди, а он умирал под открытым небом, и никто не знал, будет он хотя бы похоронен или нет. Говорят, в Бар непогребенные трупы вызвали эпидемию, похожую на

чуму; в этом несчастном городе сейчас осталось всего тридцать или сорок обитаемых домов».

Якоб устал от бесконечных переездов, приходилось заниматься сущими пустяками, и не было возможности сосредоточиться на серьезной работе. Да, никак нельзя было сказать, что жизнь разъезжего секретаря нравилась ему. Беспокоился он и о младших братьях, участвовавших в походе. Как и все, кого война вырвала из привычной колеи, он страстно желал и надеялся на скорейшее наступление мира.

«Самое главное, чтобы был достигнут подлинный мир, — таким же настроением писал в те дни и Вильгельм известному германисту Георгу Фридриху Бенеке. — Кроме царства небесного, все остальное достанется нам как есть, и мы всерьез займемся нашим собственным хозяйством, чтобы с радостью в сердце наверстать упущенное за время войны».

Страшные картины войны сопровождали Якоба и на последнем участке пути к Парижу. «Самым ужасным, — писал он брату, — на этой дороге для меня было множество вырытых из земли трупов, лежавших прямо на дороге. Один из них был голый, как мумия, с вытянутыми руками, а люди проходили мимо, не бросив даже горсти земли. Насколько чище и правильнее были, в общем-то жестокие, обычаи у древних народов. Так, у Гомера убитых после боя сжигали, а пепел аккуратно собирали и уносили с собой. Родственники того погибшего все еще считают его живым и еще не скоро получают весть о его смерти. И никогда не узнают о его ужасной гибели».

Наконец в один из апрельских дней 1814 года Якоб Гримм прибыл в Париж. Девять лет прошло со времени той поездки, когда он приехал обследовать для своего учителя Савиньи библиотеки. Сейчас Якоб прибыл во французскую столицу с иной миссией — секретаря посольства. Прибыв в Париж, Якоб, к великой своей

радости, узнал, что его младшие братья Карл и Людвиг живы.

Служба в посольстве не отнимала много времени, и все свободные часы Якоб проводил в библиотеке. Ему удалось на сей раз обнаружить рукопись Вальтариуса (Вальтера) с неизвестным предисловием и еще несколько рукописей с текстами животного эпоса. Сказками о животных, например латинскими элегическими стихами о волке и лисе, он занимался и раньше. Тут Якоб чувствует себя в своей стихии. В отличие от сегодняшних ученых, которые имеют возможность сфотографировать первоисточники, Якоб строка за строкой переписывал по-латыни. Пребывание в Париже было ограничено — поэтому надо было спешить. В течение трех недель он переписал около семи тысяч стихов. Но это не было простое механическое переписывание — переписывая, он глубже знакомился с текстом и почерком писца.

30 мая 1814 года наконец был заключен мир. Якоб распрощался с Парижем. В это время в Вене шла подготовка к конгрессу. И Якоб вместе с гессенской делегацией должен был принять в ней участие. Но, поскольку открытие конгресса перенесли на более позднюю дату, появилась возможность на некоторое время съездить в родной Кассель.

12 июня в 5 часов утра карета выехала из Парижа. Через Эперней, Шалон, Верден прибыли в Мец, где по старой привычке Якоб сразу же отправился в библиотеку; в ней было добрых шестьсот томов рукописей, но каталог отсутствовал. Пришлось просматривать том за томом, чтобы определить, есть ли в них интересный для него материал. В Страсбурге он также просмотрел всю библиотеку в поисках нужных рукописей, ему удалось особенно точно сверить текст «Бедного Генриха». Здесь он осмотрел архитектурные памятники — понравился Страсбургский кафедральный

собор: «Собор поистине удивительный, и на него невозможно наглядеться!»

В начале июля 1814 года Якоб прибыл в Кассель и нашел там большие перемены. Еще в начале года в Кассельской библиотеке освободилось место второго библиотекаря, и Вильгельм подал прошение. Ему было 28 лет, и в ученом мире его имя уже достаточно известно. Он получил место, правда, не библиотекаря, а секретаря, к тому же нижеоплачиваемое. После принятия присяги на новом месте Вильгельм, как было положено, нанес визит курфюрсту. Каждый день в отведенные часы он находился в библиотеке: проверял книжные фонды, регистрировал и каталогизировал поступившие книги, которых было немало. С коллегами сложились хорошие отношения, да иначе и не могло быть — ведь характер у него был покладистый. Пока Якоб находился во Франции, Вильгельм, возвратившись домой со службы, продолжал начатую совместно работу. Трудился над вторым томом сказок, материал для которого набирался гораздо быстрее, чем для первого. Одновременно Вильгельм следил за выходом «Старшей Эдды» и вел переговоры с издателем и типографией.

Еще одна забота была у Вильгельма — переезд на новую квартиру. Хотелось, чтобы после возвращения из Парижа Якоб в новой квартире обнаружил прежнюю, знакомую обстановку и мог спокойно продолжать работать. Конечно, если служебные дела будут оставлять для этого хоть какое-то время. Чем же была вызвана эта необходимость перемены жилья? Во-первых, в центре города со старыми домами и узкими улочками постоянно была угроза пожара. А братья особенно беспокоились за сохранность книг и собранных рукописей. Мог погибнуть труд многих лет. Во-вторых, денежная стесненность. Братья располагали очень скромными доходами. Как тогда было принято, они просили домовладельца снизить плату за квартиру, но

хозяин дома не соглашался. За эти же деньги в новом квартале города можно было снять целый этаж с великолепным видом на сады и горы. Конечно, нелегко было расстаться со старой квартирой: уютно, все расставлено по вкусу. К тому же в этом доме жила и умерла их матушка. Непросто было перевезти все книги и расставить на новом месте, а также домашний скарб, прежде перебрав и отбросив ненужное, лишнее. Наконец после всех сомнений Вильгельм снял третий этаж в доме, которым заканчивалась Вильгельмсхёер Аллее; дом выглядел богато, а стоил при этом недорого. Аккуратный всегда и во всем, Вильгельм тщательно просмотрел все старые книги и записи, оставшиеся еще от деда и отца. Интересовавшие его бумаги — а их скопилось немало — он сложил в выдвижной ящик стола. Тогда он как бы положил начало семейному архиву.

В новой квартире Вильгельм прежде всего установил и отремонтировал книжные шкафы и стеллажи. Домашним хозяйством занималась Лотта. Наконец в доме по Вильгельмсхёер Аллее все было расставлено в должном порядке, и Вильгельм смог написать Якобу следующее: «Дом тихий, похожий на деревенский, с великолепным видом в вечернюю пору, просторный — в нем столько же места, сколько и в старом, даже, может быть, больше. А поскольку везде теперь порядок, то я во многом даже выиграл, например, мне удалось выделить каморку для одних только старых книг, пакетов, нашей «Песни о Гильдебранте» и т. д. Я буду рад, если тебе все это понравится». С почти женской тщательностью Вильгельм создавал уют в новом доме.

Якоб вернулся в Кассель уже в новый дом, где все было готово к его приезду. До отъезда на Венский конгресс оставалось несколько недель. И Якоб с ощущением того, что он снова дома, что рядом дорогие его сердцу брат и сестра, сел за письменный стол. О

своем настроении в это время он писал Бенеке: «Я работаю, как обычно, без отдыха и доволен жизнью — мои книги, слава богу, вернулись невредимыми и сейчас со мной. Встреча с ними, прежние исследования, оживление, которое царит в Германии, — все так захватывает меня, что я и не думаю о будущем». Целиком поглощенный творчеством, в те дни он не думал о дальнейшей дипломатической службе в Вене и признавался Паулю Виганду: «Видел бы ты, сколько у меня здесь работы: Эдда, «Бедный Генрих» и второй том сказок должны быть подготовлены к печати; о том же, что я привез с собой, не могу пока даже думать».

Во время Венского конгресса

Приближалась осень 1814 года, и Якоб с сожалением оставляет свой письменный стол в Касселе, чтобы отправиться в Вену. Мелкие немецкие государства, естественно, тоже хотели быть представлены на конгрессе — так Якоб оказался в качестве секретаря посольства гессенского курфюрста в Вене. И опять он проделывает долгий путь в экипаже через Марбург, Франкфурт, Ашаффенбург, Ханау — город, в котором он родился. Ему весьма понравился Вюрцбург с высокими каменными домами, в особенности резиденция Нойманна: «Великолепный дворец со знаменитой лестницей, красивой и импозантной формы на итальянский манер». К дворцу примыкал сад, «прелестный и чистый». Особое восхищение вызвал Нюрнберг с его длинными стрелами — улицами и законченным городским ансамблем. В Регенсбурге он нашел «прекрасным собор и широкий Дунай». От Регенсбурга их путь лежал вниз по Дунаю. Крупных судов, конечно, в то время еще не было. В каюте сидели четверо делегатов: наследный принц, два графа, один из которых, граф Келлер, был главой гессенской делегации, и Якоб Гримм. Каюта была так мала, что четверо пассажиров едва в ней разместились. Рядом была еще меньшая каюта — для трех слуг. Кроме этих пассажиров, на борту находились еще шкипер со своим помощником и несколько парней, помогавших грести. Путешествие было не из приятных. Разговоры с дипломатами были Якобу не по душе, к тому же он почти поссорился с наследным принцем, «который с обычной глупостью обрушивался на якобинцев». Куда приятнее было оставаться на палубе и любоваться меняющимися картинами побережья. Позже он записал

свои наблюдения: «Когда сзади всходила луна, вода в красном закате солнца была неописуемо красивой, похожей на расплавленное серебро. И в это время мы как раз проплывали мимо известного дунайского водоворота, из воды выступают одинокие скалы, возле которых вздымаются волны». Или: «Местность вокруг Линца — одна из самых прекрасных, которые я видел, в особенности красивы очертания далеких гор...»

В конце сентября 1814 года Якоб прибыл в Вену. Здесь он оставался до июня 1815 года. Столичный город, широко раскинувшийся с пригородами, произвел на него сильное впечатление. Он дивился центру города с его богатой архитектурой и оживленному движению на узких улочках. Неприятным, пожалуй, было лишь то, что вместе с графом его поселили далеко на окраине, в то время как конгресс проходил в центре. На дорогу уходило много времени.

На дипломатической арене он был, конечно, фигурой скромной, своего рода статистом, но с большим интересом следил за работой конгресса. На конгрессе должно было определиться новое устройство Европы после падения Наполеона. Наряду с представителями великих европейских держав, подписавших парижский мирный договор, присутствовали здесь и другие дипломаты. Представители около двухсот государств, городов и других владений: коронованные особы, умудренные опытом государственные деятели, послы в сиянии славы — общество весьма пестрое.

Якоб писал о начале работы конгресса: «Прежде чем допустить нас, великие вначале договариваются между собой; поэтому все искусство пока состоит в том, чтобы слушать, хотя должно было бы быть по-другому. Праздников и представлений хватает; если бы знать, что все завершится удачно, то можно было бы участвовать в них с легким сердцем; хотя у меня и есть билет, я не

пошел сегодня на бал-маскарад, устроенный для десяти тысяч гостей».

Конгресс веселился!

Якоба не интересуют перипетии и хитросплетения игры вельмож и преданных им слуг. В одном из писем Вильгельму он писал: «О конгрессе много хорошего говорить не приходится, так как: 1) пока еще ничего не происходит, 2) если что и происходит, то тайно, по мелочам, буднично и вяло, как будто нам и не предстоят великие времена. Любой вопрос вызывает предварительный вопрос, а тот — еще один, и они все больше запутываются, в то время как наши нужды и потребности настолько ясны, что, говоря по чести, если бы дали слово невинному ребенку, то даже он нашел бы верные слова. Сколько же слов было пущено на ветер пустыми и ограниченными людьми, стоящими наверху». Якоб писал брату, как недоволен он этой игрой, мелкими интригами, тем более что после наполеоновской эпохи он надеялся на более великодушный подход к решению многих вопросов. Ему была в тягость такая жизнь в Вене, когда помимо воли приходилось натягивать на себя фрак и сапоги. Жаль было потерянного времени. Тяготило общество жадного и болтливого посланника.

Дипломатическая служба вызывала у него отвращение. Уже через три месяца, в конце декабря 1814 года, он писал: «Месяц, другой — куда еще ни шло, но не дольше. Я стремлюсь с честью выйти из этого положения и хочу поэтому дожидаться окончания конгресса, чтобы не навредить себе в будущем». Было ясно одно — он должен терпеть, чтобы не лишиться расположения своего курфюрста.

А в это время Наполеон покидает остров Эльба, высаживается во Франции и вновь овладевает государственной властью. Началось вторичное царствование Наполеона, продолжавшееся сто дней, до

битвы при Ватерлоо, которая положила конец его господству. На этот раз он был сослан на остров Святой Елены.

Но конгресс продолжал заседать!

Якоб, используя свои знания, хотел хоть чем-то быть полезным конгрессу. Он пишет статьи для газеты «Rheinischer Merkur», принадлежавшей Йозефу Гёрресу, и излагает в ней свои взгляды по некоторым вопросам. Но всякий раз ему приходилось признаваться в бесполезности подобных усилий: «Насколько бессмысленна и абсурдна вся эта жизнь и все эти дела! Они молотят пустую солому и понимают это, но в то же время берут новый, точно такой же сноп и мужественно принимаются снова за работу».

Размышляет он и над поведением некоторых выдающихся личностей конгресса. Князя Меттерниха он называет «тонким, по-французски искусным государственным деятелем, который хорошо относится к Австрии, а Германию ставит только на второе место». Князь Гарденберг, по его мнению, с «уверенным, спокойным самообладанием представляет интересы Пруссии»; Вильгельма фон Гумбольдта он характеризует как «очень знающего человека»; министр Штейн «отличается чистотой своих намерений в отношении Германии, деловитостью и респектабельностью». С сожалением Якоб обнаруживает, что здесь, в Вене, кажется, забыли, «кому обязаны победой и спасением».

Как секретарю посольства Якобу приходилось, по его же словам, «исписывать массу ненужных бумаг». Но и в эти венские месяцы он находит время для научной работы, подолгу бывает в библиотеке, отыскивая нужные рукописи; переписал часть средневекового поэтического цикла «Вольфдитрих». Особый интерес он проявлял к рукописи о Нибелунгах, находившейся в частных руках. Ему удалось получить на короткое время эту древнюю рукопись и установить, что многие части

еще не опубликованы и не использованы для научных целей. Но смог переписать лишь частично, поскольку владелец манускрипта опасался, что снятие копии с оригинала уменьшит его материальную ценность. Сделал также выписки из попавшей ему в руки книги басен.

Венский период оказался для Якоба весьма плодотворным. В частности, он смог здесь выпустить свою книгу «Священный путь и священный столб», а также сборник старинных испанских романсов. «Мои испанские романсы, — писал он домой, — перевалили за 300 страниц, печатаются весьма хорошим шрифтом, грамотно и на прекрасной бумаге; вообще я очень верно сделал, взяв их с собой». Он рассчитывал во время пребывания в Вене только считать корректуру, но задержек никаких не случилось, и книга вышла еще до его отъезда. Здесь же он смог заняться изучением славянских языков; познакомился со многими крупными учеными.

Вильгельм в это же время один продолжает редактировать номера журнала «Altdeutsche Walder», на его долю выпадает весьма кропотливый труд по чтению корректур Старшей Эдды и «Бедного Генриха». Отдавая дань признания заслуг брата в их появлении, Якоб в одном из писем писал: «Мне очень жаль, что тебе приходится сейчас одному нести все тяготы, а также редактировать Эдду, «Walder» и «Бедного Генриха», я часто думаю о тебе и от души хотел бы помочь. Но должен тратить свое время на переписку дипломатических бумаг; только за прошлую неделю переписал 21 лист — и все бесплодная, напрасная, бесполезная работа». И старания Вильгельма были вознаграждены. Книги появлялись одна за другой, имена братьев Гримм все чаще звучали в литературном мире.

В апреле 1815 года скончалась сестра матери, камеристка при дворе курфюрста в Касселе — Генриетта Циммер. Как много доброго и хорошего сделала тетушка для братьев в их школьные и студенческие годы. Якоб и Вильгельм были глубоко опечалены этим известием. Совсем недавно вся семья отмечала шумно и весело день рождения отсутствовавшего Якоба, пили пунш за его здоровье. Была там и тетушка Циммер. В честь своего племянника она надела бриллиантовые кольца, захватила в футляре портрет своей сестры — матушки Гримм. И как радовалась она тогда за своих племянников, которые, несмотря на тяжелые годы, получили хорошее образование. И вдруг ее не стало. Она болела всего лишь три дня, ее болезнь посчитали за безобидное катаральное воспаление. Накануне вечером она еще смеялась и все повторяла, как она рада за сыновей своей сестры. На следующий день она умерла от отека легких, или, как тогда говорили, от «удушья». Вильгельм подошел к ее постели — она только что скончалась. Потом ее украсили цветами. Светило утреннее солнце, и многие пришли, чтобы еще раз взглянуть на добрую женщину и проститься с ней. Заботу о похоронах взяла на себя курфюрстина, она же великодушно оплатила все расходы, так как знала, что семья Гримм не в состоянии это сделать. С большим участием просила она братьев впредь обращаться к ней со всеми своими заботами так же, как они до сих пор приходили к своей тетке. В доказательство своей милости она подарила младшему брату Людвигу Эмилю шестьсот талеров, чтобы он мог продолжать свое образование.

Якоб, узнав о кончине тетушки, писал брату: «Она была так добра к нам — сама любовь». И как бы рассуждая: «Наша семья прямо-таки вымирает, у нас не осталось больше родственников; немного лет пройдет еще, и все мы вместе с нашей любовью, заботами и

хлопотами превратимся в холмик земли; сейчас я ощущаю такую привязанность к тебе, что даже не могу представить, что бы я делал без тебя. Но, может, небо даст нам еще некоторое время побыть вместе. Пожалуй, в последние годы у меня все чаще стали появляться грустные мысли».

«Грустные мысли» тридцатилетнего молодого человека, навеянные смертью доброй женщины... Но смерть тетушки в то же время укрепила Якоба в решении отказаться от бесполезной деятельности секретаря гессенского посольства и заняться только важными для него вопросами. «Этот беспорядочный, в любом отношении неприятный для меня образ жизни, — признавался он, — в конце концов подорвал бы мои силы и погубил меня, если бы мне еще долго пришлось продолжать в том же духе.

Я твердо решил вырваться отсюда и положиться на господ бога, как это было до сих пор».

Якоб направил курфюрсту письмо с просьбой освободить его после Венского конгресса от обязанностей секретаря посольства.

Наконец в июне 1815 года эта бесконечно долгая конференция закончилась. Австрия возвратила себе большую часть областей, потерянных за последние десятилетия. Пруссия снова продвинулась к Рейну, но так и осталась разделенной на две территории, между которыми вклинились Гессен и Ганновер. Теперь на немецкой земле существовало тридцать девять суверенных государств и свободных городов, которые согласно Венскому федеральному акту от 8 июня 1815 года образовали Германский союз. Немцы, участвовавшие в освободительных войнах, такими результатами Венского конгресса, конечно же, были недовольны: одни хотели более централизованной формы Германского союза, с сильной властью; другие же вновь требовали от коронованных правителей

принятия конституций, гарантирующих народу право участия в государственной жизни. Эти два течения — национальное и либеральное — определяли историю на протяжении последующих десятилетий.

Якоб Гримм тоже надеялся, что решения Венского конгресса будут способствовать объединению Германии, но, увы, этого не случилось. Не теряя времени, как можно быстрее надо возвращаться в Кассель, к братьям, к сестре!

Вильгельм Гримм в это лето путешествовал по Неккару и Рейну — романтическим в те времена рекам, с горами и замками по берегам; любовался в Гейдельберге, как когда-то его брат, собранием картин Буассере.

Якоб, завершив венскую одиссею, возвратился в Кассель. Некоторое время он еще обсуждал с родными двусмысленные результаты Венского конгресса, но постепенно внимание и поддержка домашних успокоили его.

В сентябре 1815 года он писал своему другу Августу фон Гакстгаузену: «Я хорошо понимаю твоё мрачное настроение из-за положения дел в нашем обществе; порой я чувствую себя точно так же, личное при этом забывается. Только мы в нашем стремлении к самому возвышенному и лучшему ежедневно сталкиваемся с посредственными людьми, не желающими это понять; так давай же, дорогой Гакстгаузен, сохраним хорошее расположение духа; ведь большинство правительств Германии ещё не освободилось от старой, липкой гнили; дай время созреть и взять силу лучшим убеждениям, ведь в один день это произойти не может. Мы прочно стоим на земле и поэтому не должны все воспринимать слишком всерьёз и близко к сердцу, а должны каждый на своём месте добросовестно содействовать тому, чтобы всё шло по правильному пути».

Вскоре после возвращения домой Якоб должен был, подчиняясь приказу, снова отправиться в Париж, вторично занятый союзниками. Здесь ему надлежало определить, какие рукописи попали в Париж во время военных событий, а также выполнить ряд дипломатических поручений своего курфюрста. В этой поездке он познакомился с советником верховного суда Эйххорном, ставшим впоследствии прусским министром по делам образования и культов.

Находясь в Париже с дипломатической миссией в октябрьские дни 1815 года, Якоб вновь, и теперь уже твердо, решил покончить с этой карьерой и заняться любимой работой в тиши кабинета.

И вот как гром среди ясного неба — официальное письмо из Касселя, в котором сообщалось, что он включен в состав гессенской делегации на сессию Германского союза во Франкфурте. «Я ни за что больше не останусь на дипломатической службе, — заявил Якоб, — и, безусловно, сегодня же напишу об этом курфюрсту». С помощью курфюрстины все удалось уладить. Главное, что курфюрст при этом не был оскорблен. Более того, Якоб мог просить другое, более подходящее для себя место. Он надеялся получить в Касселе место архивариуса или в библиотеке, где Вильгельм работает секретарем. Вывший ее руководитель Штридер скончался в 1815 году — была вакансия.

В декабре 1815 года, закончив все дела в Париже, Якоб возвращается почтовым экипажем через Брюссель в Кассель. Почти два года странствовал он по Франции и Австрии, был в Париже и Вене, и вот наконец переступил порог родного дома. Братья опять были вместе!

Якоб и Вильгельм подошли к стеллажу с книгами. И вновь Якоб испытал чувство радости и удовлетворения: рядом с научными книгами и первым томом «Детских и

семейных сказок» стояла еще одна, которая появилась в этом году и на которой было написано: «Братья Гримм». Это был второй том «Сказок».

Второй том сказок

Многие, кто дал прекрасный материал для первого тома, помогали братьям Гримм в подготовке и второго. Среди них — Дортхен Вильд и старая Мария из дома кассельского аптекаря. Вот сказка о поющем жаворонке, рассказанная Дортхен: «Некогда жил-был человек, он собирался в далекое путешествие и, прощаясь, спросил своих трех дочерей: что им привезти. Старшая попросила жемчуг, вторая — бриллианты, а третья сказала: «Дорогой отец, привези мне поющего жаворонка». Но оказалось, достать жемчуг и бриллианты было намного проще, чем поющего жаворонка!»

Среди сказочных сокровищ старой Марии была сказка о короле и его трех дочерях. Она же поведала сказку о принце-лягушонке. Младшая дочь встретила с лягушонком, который превратился в сказочного принца, потому что не испугалась принцесса спать в одной постели с лягушкой: «Лягушка прыгнула под подушку, и принцесса уснула. Когда она утром открыла глаза и подумала, что лягушка, наверное, ускакала, то увидела перед собой прекрасного молодого принца, который сказал ей, что он был заколдован и что она освободила его от колдовства, так как обещала стать его возлюбленной. И пошли они к королю. Король благословил их, и была отпразднована свадьба».

Участвовавшая в подготовке первого тома сестра Брентано госпожа Йордис знала еще одну сказку о заколдованной лягушке («Лев и лягушка»), которая также кончалась большой свадьбой. Сказку «Про умного портняжку» прислал германист Фердинанд Зиберт. В этой сказке портной, на вид неказистый, перехитрил ужасно гордую принцессу и женился на ней: «А

портняжка мой поехал себе преспокойно в кирху и обвенчался с принцессой, и жил с ней он счастливо, точно жаворонок полевой. А кто сказке моей не верит, пусть талер дает живеи!»

Гессенские сказки для второго тома рассказала Доротея Фиман, жившая в деревне Нидерцверен, недалеко от Касселя. Как старая Мария из аптекарского дома в Касселе подарила прекрасные сказки для первого тома, так и Доротея Фиман обогатила второй том множеством историй — около двадцати. О рассказчице Вильгельм Гримм писал: «Эта женщина, по фамилии Фиман, еще крепкая, ей немногим более пятидесяти, у нее приятное лицо, острый взгляд светлых глаз; в молодости она, по-видимому, была красива. Все старинные сказания она цепко держит в своей памяти. Рассказывает спокойно, уверенно и необыкновенно живо, с большим удовольствием; первый раз она рассказывает совершенно свободно, затем, если попросят, медленно повторяет еще раз, так что при некоторой тренировке за ней можно и записывать. При этом способе многое удастся записать буквально, благодаря чему записанное не вызывает сомнения в его подлинности. Кто полагает, что легкие искажения при передаче сказок неизбежны, что они небрежно хранятся рассказчиком в памяти и что поэтому, как правило, невозможна их долгая жизнь, тому следовало бы послушать, насколько точна она при повторении рассказанного, как тщательно следит за верностью повествования; при повторении она ничего не изменяет и, если заметит ошибку, тут же сама прерывает рассказ и исправляет ее. У людей, ведущих из поколения в поколение неизменный образ жизни, приверженность к точности в передаче сказок и преданий намного сильнее, чем мы, люди, склонные к изменчивости, можем себе это представить. Именно поэтому, как неоднократно проверено, эти предания безупречны по

своему построению и близки нам по своему содержанию».

Обладая таким сказочным богатством, Доротея Фиман сама жила в бедности. За время прошедшей войны она потеряла большую часть своего имущества. К тому же помогала своей дочери, молодой вдове с шестью голодными детьми. Какое все же счастливое стечение обстоятельств, что эта женщина встретилась с братьями Гримм и братья сохранили все богатство, которое подарила им много выстрадавшая в жизни сказительница! Ей не довелось увидеть книгу, в которой было много ее сказок: в конце 1815 года она умерла. Читая такие сказки, как «Доктор Всезнайка», «Бедный работник с мельницы и его кошечка», «Черт и его бабушка», «Гусятница», «Ленивая пряха», «Солнце ясное всю правду скажет», вряд ли можно было представить, что рассказала их женщина, прожившая тяжелую жизнь. Да, она знала нужду, но, когда рассказывала сказку о трех подмастерьях, в голосе ее звучало сострадание: «Наступило время, когда они ничего больше не зарабатывали, их одежда превратилась в лохмотья...» Видела она и мучения отслуживших солдат и инвалидов, брошенных на дороге. Ее сказка «Чертов чумазый брат» начиналась такими словами: «Одному отставному солдату жить стало нечем, и не знал он, как ему из такой беды выпутаться».

А с какой щедростью эта женщина, измотанная войной, измученная заботами о семье, строила и раздаривала золотые воздушные замки. Тихим, журчащим голосом рассказывала она братьям сказку «О бедном мельнике и его принцессе»: «Сначала они приехали в маленький домик, который он построил серебряным топориком. И вот домик превратился в огромный замок, и все в нем из серебра и золота. Тогда она вышла за него замуж, и он стал богатым, таким богатым, что ему хватило богатства на всю жизнь». А в

«Гусятнице» королевской дочери, обещанной в жены принцу, конечно же, было «собрано и приготовлено с собой очень много драгоценной посуды и украшений, золота и серебра, кубков и драгоценностей, короче говоря, всего, что должно было составлять приданое королевской невесты».

Мечты? Конечно, мечты! Но не фантазии далекого от жизни человека. В ее памяти от предков сохранились предания, в которых труд и бедность превращались в золото и блестящие камни, в деньги и богатство. В ее мудрых сказках — беды и страдания народа.

И простая служанка Мария из дома кассельского аптекаря, и Доротея Фиман из деревушки под Касселем в известном смысле вошли в историю благодаря своим сказкам, записанным братьями Гримм. Обе женщины меньше всего думали о славе в будущем. Но хотела того или нет Доротея Фиман, вместе с другими рассказчицами она способствовала тому, чтобы сказочное богатство Гессена было широко представлено во втором томе «Сказок» братьев Гримм.

Другой источник, питавший второй том «Сказок», находился в Вестфалии. Жили там семьи Гакстгаузен и Дросте-Хюльсхофф — вместе они рассказали свыше двадцати сказок. Якоб и Вильгельм Гримм на протяжении многих лет были знакомы с Августом и Вернером Гакстгаузенами. Эта баронская семья родом была из Падерборна, постоянным местом ее проживания был Бёкендорф, между Падерборном и Хёкстером. Гакстгаузен издавна проявляли интерес к собиранию вестфальских народных песен, и в этом они были близки братьям Гримм. В 1811 году Вильгельм побывал в Бёкендорфе, тогда-то и познакомился и сдружился со всем баронским домом, и прежде всего с сестрами Гакстгаузен. Эта дружба продолжалась всю жизнь. Во дворе поместья девушки пели по вечерам народные песни, рассказывали сказки, а знали они их множество.

Поэтому естественно, что, начав подготовку второго тома «Сказок», Вильгельм обратился к сестрам-сказительницам. В январе 1813 года он написал Людовине Гакстгаузен: «Позвольте мне, милостивая сударыня, вновь напомнить Вам и Вашим сестрам о себе этой небольшой книжкой сказок, которую Вы, я надеюсь, с удовольствием прочтете — будь то ради самих сказок или ради воспоминания о том времени, когда Вы их слушали; мне и моему брату, который, хотя и незнаком с Вами, шлет Вам также привет, этот сборник очень нравится, и мы хотим его сделать полным, насколько это возможно, а потому я хотел бы просить у Вас новые, не известные нам сказки, а также дополнения или поправки к старым. Для нас мелочей нет, мы с благодарностью принимаем каждый, даже небольшой материал, относящийся к сказкам; и я не сомневаюсь, что Вы могли бы нам еще кое-что сообщить; а в прекрасной своеобразной атмосфере, благодаря которой у Вас еще жива народная поэзия, Вы, я убежден в этом, все запишете так, как мне нужно, то есть достоверно и просто, со всеми особенностями, включая диалектные, без дополнений и приукрашиваний. Ваш брат, когда он недавно был у нас, уже тогда заранее обещал мне Ваше участие. Передайте, пожалуйста, мой поклон Вашим уважаемым родителям и всем Вашим сестрам, которых я прошу считать эти строки обращенными также и к ним».

Вскоре Вильгельм получает письмо «с большим приложением сказок и песен». В ответном письме младшему фон Гакстгаузену он пишет: «Вашу манеру изложения нахожу безупречной, здесь все достоверно и просто, как я этого и хотел. И если Вы будете продолжать и дальше в том же духе, как Вы мне обещали, то Ваше участие во второй книге (сказок) будет немалым».

Во второй том вошло много сказок, услышанных и записанных не самими братьями Гримм, а их друзьями. В

достоверности этих источников они не сомневались.

Как и раньше, братья оставляли за собой право давать сказкам собственную языковую редакцию.

Чтобы самому услышать сказки, еще сохранившиеся в Бёкендорфе и его окрестностях, летом 1813 года Вильгельм отправляется в поместье семьи Гакстгаузенов. Из детей в этой семье, кроме Августа, Вернера и Людовины, были еще Фердинандина (по мужу фон Зойдвик), Анна и Софья. Все они оказали братьям Гримм немалую помощь в собирании сказок. Под проливным дождем колесит он по раскисшим проселкам Вестфалии. Часто приходится выходить из кареты, чтобы вытащить ее из грязи. И вот наконец после многочасовой дороги добрался он до Бёкендорфа. Его сердечно встречала вся семья Гакстгаузенов. Сестры нежно заботились о нем, пока он был в гостях. Жили они все в одном большом доме. В это же время у Гакстгаузенов гостила баронесса фон Дросте-Хюльсхофф, урожденная фон Гакстгаузен, с дочерьми Женни и Аннеттой. Вильгельм познакомился с ними. В старшей, Женни, по словам Вильгельма, было «что-то весьма приятное и милое». Обе «барышни из Мюнстера» знали много сказок. Вильгельм удивлялся, что Аннетта, которой было тогда всего шестнадцать лет, знала такое невероятное количество сказок. Но вот беда, по его мнению, она была слишком категорична в своих суждениях и умна не по летам. И только перед отъездом Вильгельм заручился обещанием записать все, что она еще вспомнит, и переслать ему. А нежная и тихая Женни брала на себя заботу проследить, чтобы сестра сдержала свое обещание. Таким образом, была проложена тропинка и в богатый сказками Мюнстер.

Вильгельм сообщал своему брату после посещения Бёкендорфа: «Я приятно провел время. Они знают массу сказок, песен, легенд, поговорок и так далее; я записал большую часть, другую — Август (фон Гакстгаузен),

который хочет их еще переписать начисто. Рассказывали даже малыши. Рассказывали также портной и служанка. Мне бы пришлось пробыть там четыре-шесть недель, чтобы все записать точно и в спокойной обстановке. С утра и после обеда часто удавалось писать, а по вечерам мы ходили в лес, расположенный неподалеку; после ужина пели до темноты; братья играли на рожках, Август иногда на флейте, а девушки пели; мелодии некоторых народных песен исключительно красивы».

Бёкендорфские друзья пополняли запасы братьев Гримм все новыми и новыми сказками для второго тома. Некоторые сказки поступили и от семьи Дросте-Хюльсхофф. Братья были бесконечно благодарны им за это. Август фон Гакстгаузен, участвовавший в войне против Наполеона, в конце 1813 года прислал сказку даже из военного похода, которую он услышал от своего товарища ночью, находясь с ним на сторожевом посту. А спустя несколько месяцев, весной 1814 года, Вильгельм благодарил Людовину фон Гакстгаузен за присланные сказки, предания и легенды, которые в зимние месяцы были собраны и записаны в Бёкендорфе для братьев Гримм. «Вы, уважаемая сударыня, — писал он, — доставили мне весьма неожиданную радость. Прежде всего я хочу поблагодарить Вас за сказки. Они для меня вдвойне дороги — из-за того, что собирали их Вы, и из-за их милого сказочного сюжета; они станут украшением второго тома. Вы не представляете, какое чувство я испытываю от подготовки второго тома, в особенности от участия и помощи других людей».

В сентябре 1814 года подоспели и сказки от Августа фон Гакстгаузена. Второй том украсили следующие сказки, полученные от семьи фон Гакстгаузен: «Лесная старушка», «Ягненок и рыбка», «Королевские дети», «Шестеро слуг», «Живая вода», «Белая и черная невеста», «Вороны», «Дух в бутылке» и многие другие. Не у всех этих историй счастливый конец, и не все они

оканчиваются словами: «...если они не умерли, то здравствуют и по сей день». Века и эпохи прошли через эти сказки и оставили на их сюжетах свои следы — следы горя, бед и несчастий. В вестфальских сказках и легендах ощущалась тоска по освобождению, избавлению от страданий и злых чар, и обязательно с добрым концом. Вот сказка «Ягненок и рыбка»: «И произнесла ведунья над ягненокком и рыбкой свое доброе слово, и вот обернулись они опять сестрицею и братцем. Потом она отвела братца и сестрицу в дремучий лес, в маленькую избушку, и стали они там жить да поживать одни и были счастливы и довольны». Так все просто — одно хорошее заклинание помогло стать человеком, помогло стать счастливым. Да, это кажется простым, но в этих простых историях чувствуется одновременно и жизненная мудрость народа, ибо для того, чтобы быть счастливым, людям нужна милость и доброта.

Примерно о том же, то есть о счастье, рассказывали и сказки, попавшие во второй том из Мюнстера от семьи Дросте-Хюльсхофф. В одной сказке «бедный солдат, который был ранен и не мог больше нести службу», узнал тайну «стоптанных туфель». Владея этой тайной, солдат сумел добиться такого успеха, какого не добился ни один из заносчивых королевских сыновей. В конце сказки солдат получил в жены старшую дочь короля: «В тот же день и свадьбу сыграли, и было ему обещано после смерти короля и все государство». А в сказке «Солдат и столяр» двое подмастерьев попадают к владельцу замка, «у которого две прекрасные дочери; они получают дочерей в жены и проживут всю жизнь в удовольствии, как великие рыцари».

Неудивительно, что народ, которому в течение веков всегда доставалась самая тяжелая доля, в своих сказках мечтал о радостном, светлом. Хотелось свободно пожить хотя бы в мечтах. Однако эти мечты, хотя и были

наполнены чудесами, не были лишены реальности. Весь ужас, все горе, что выпадало на долю простых людей во время господских сражений, отражались потом в сказочных приключениях. Народ в своих мечтах приходил к счастью благодаря справедливости, трудолюбию и доброте. И это отвечало страстному стремлению людей к более совершенному и чистому мирозданию. Кто же осмелится осуждать народ и его сказки за эти стремления!

Таким образом, основную часть второго тома «Сказок» братьев Grimm составили сказки из разных местностей Гессена и Вестфалии. В количественном отношении больше всего было сказок из Гессена. Как и в первом томе, задача братьев опять состояла в том, чтобы все истории и рассказы, полученные от разных рассказчиков и переписчиков, так отредактировать и литературно обработать, чтобы был выдержан единообразный сказочный стиль. С одной стороны, следует оставить, сохранить первоначальное содержание, с другой — манера изложения должна быть едина и гармонична по звучанию. Якоб, а еще в большей степени Вильгельм, которого поэтическая сторона привлекала значительно сильнее, чем написание предисловий и комментариев, постоянно работали, оттачивая и шлифуя каждую фразу. Языковое оформление вплоть до мелочей, произведенное осторожно, бережно, сделало книгу не только антологией нового типа, не только сборником, но и своеобразным произведением братьев Grimm.

Осенью 1814 года второй том «Сказок» был отдан издателем Раймером в печать, в декабре отпечатаны листы, но лишь в январе книга была выпущена с указанием года издания — 1815. Братья получили авторские экземпляры, в том числе «два на великолепной гладкой веленовой бумаге», и они смогли подарить их своим друзьям.

Книгу открывало предисловие, написанное Вильгельмом. Поясняя смысл издания, он говорил, что собрание сказок служит двум целям. Во-первых, сохранить древнее поэтическое наследие народа, во-вторых, познакомить с этим наследием взрослых и юных читателей. Братья надеялись, что этот том «Сказок», как и первый, станет надолго хорошей, живой детской книгой: «Своим сборником мы не только хотим оказать услугу истории поэзии, мы намерены сделать так, чтобы сама поэзия, живущая в книге, воздействовала на читателя — радовала, кого она может радовать, кроме того, чтобы она превратилась в настоящую воспитательную книгу. Против последнего некоторые возражали, говоря, что в ней то одно, то другое вступает в противоречие с этой целью, не подходит или является неприличным для детей — например, когда речь идет о некоторых обстоятельствах или отношениях, а то и о черте — и поэтому родители не хотели им давать эту книгу в руки. Может быть, в отдельных случаях такая озабоченность обоснованна, но ведь очень легко выбрать для чтения другую сказку; в целом же эта озабоченность излишняя. Ничто нас здесь не может оправдать лучше, чем сама природа, которая те или иные цветы и листья окрасила именно в этот подходящий цвет и придала им именно эту форму; кому же это из-за их собственного вкуса не нравится, о чем природа не знает, тот легко может пройти мимо, но он не может требовать, чтобы все было перекроено и перекрашено по-другому. Или еще: выпадающие дождь и роса — благодеяние для всего на земле; кто же не хочет выставлять свои растения, опасаясь, что они слишком чувствительны и могут быть повреждены, тот поливает их дома, но ведь он не будет требовать, чтобы так делали все. Развиться и разрастись может все, что естественно, и к этому мы должны стремиться... При правильном чтении ничего плохого из нее вычитать

нельзя; а наоборот, она становится, по удачному выражению, «свидетельством нашего сердца». Дети без страха указывают на звезды пальцем, а некоторые считают, по народному поверью, что они этим оскорбляют ангелов».

Братья Гримм были правы. Они, конечно же, и не представляли, что этой книге сказок, изданной скромным тиражом (первое издание первого тома составляло около девятисот экземпляров), суждено в миллионах экземпляров победно прошествовать по всему миру. Детские сказки как «свидетельство нашего сердца» пришли к нам из народа, поэтому они завоевали такой успех, поэтому их читает и стар и млад вплоть до наших дней.

Будни, полные труда

Первые научные статьи братьев Гримм были хорошо встречены в научном мире, а поэтические сборники сказок значительно обогатили литературу.

Еще в начале 1814 года Вильгельм получил место библиотечного секретаря в Касселе, и это было весьма кстати, так как Якоб после ухода из дипломатического ведомства в 1816 году некоторое время пребывал в ожидании какого-нибудь места. Правда, жалованье продолжало еще поступать, и он мог бы воспользоваться свободным временем, но ему поскорее хотелось заняться делом.

14 апреля 1816 года Якоб вновь написал курфюрсту: «После того как Ваше высочество милостиво изволили освободить меня от дипломатической службы, в течение многих месяцев я продолжаю получать жалованье секретаря посольства, лишь пребывая в постоянной надежде вскоре получить новое назначение, соответствующее моим скромным способностям. И насколько с благодарностью я принимаю это благодеяние, настолько оно противоречит моим принципам — не получать жалованья, не заработанного никаким трудом, которое к тому же связывает меня и заставляет пребывать в неопределенности относительно нового места работы. Поэтому я, ссылаясь на причины, почтительнейше изложенные в моих прежних представлениях, осмеливаюсь настоящим возобновить мою покорнейшую просьбу о назначении на вакантное место придворного архивариуса». На этот раз решение было принято быстро. Хотя Якоб и не получил места в архиве, но 16 апреля 1816 года он был назначен вторым библиотекарем Кассельской библиотеки. Это была неплохая должность. 600 талеров — такое же

жалованье, какое он получал, будучи секретарем посольства. Первым библиотекарем был назначен Йоганн Людвиг Фёлькель, который был старше Якоба на 20 с лишним лет, а потому братья Гримм не видели в этом какой-либо обиды для себя. С ним они были дружны и работали в полном согласии.

Якоб и Вильгельм теперь трудились вместе — осуществилась их давнишняя мечта. Вильгельм так писал по этому поводу: «Важнее повышения для меня была надежда, что мой брат, может быть, получит место (в Кассельской библиотеке). Мы твердо решили, что до тех пор, пока это в наших силах, мы останемся вместе, и такая совместная работа отвечала нашему самому заветному желанию. Почти против ожидания просьба была удовлетворена».

Условия работы в Касселе для братьев были в высшей степени благоприятны. Библиотека с прекрасным залом, в котором можно было принимать и консультировать посетителей. Темы бесед были весьма разнообразны, поскольку желавшие получить консультацию представляли самые различные области. Кроме воскресных и праздничных дней, братья бывали в библиотеке ежедневно. Для посетителей библиотека была открыта в течение трех часов, остальное время оставалось для чисто служебных дел. После окончания дневной работы можно было заняться и собственными исследованиями. Об этих годах Вильгельм писал: «Благодарные, мы наслаждались счастливым временем, когда нашли приятное и полезное занятие в четко работающем учреждении, а также свободные часы для занятий исследовательской работой и осуществления некоторых литературных планов». Якоб дополнял: «С этого момента начинается самое спокойное, наполненное интенсивной работой и, по-видимому, самое плодотворное время моей жизни».

Случалось, когда братьям приходилось тужить. В 1821 году после смерти гессенского курфюрста Вильгельма I его сын и преемник Вильгельм II приказал объединить личную библиотеку своего отца с Кассельской. Сюда поступили многие тысячи томов из библиотеки замка Вильгельмсхёе. Приходилось в тесных комнатах распаковывать ящики, составлять скучные реестры, выискивать дублетные экземпляры, переставлять целые стеллажи с книгами — короче говоря, налаженный, размеренный ход рабочего дня тогда сильно нарушился.

Особое неудовольствие библиотекарей после смены владельца трона вызвало подчинение библиотеки ведомству обер-гофмаршала^[24]. В связи с этим для установления контроля потребовалось переписать каталог библиотеки. Понятно, что такая никчемная работа была весьма неприятна братьям. Но они вместе со старым библиотекарем Фёлькелем вынуждены были подчиниться приказу — скопировать строчка в строчку все восемьдесят фолиантов каталога. Эта утомительная и бессмысленная работа продолжалась полтора года. «Всегда с удовольствием делаешь все, — писал Якоб, — в чем есть хоть какая-то польза, но я должен признаться, что это занятие оказалось самым неприятным в моей жизни, оно угнетало меня и портило мне настроение на долгие часы и дни».

Но это были временные неприятности. А в общем братья Гримм были довольны своей работой. Именно библиотека дала им возможность находиться вместе дома и на работе, а это для них было очень важно. На протяжении многих лет они жили в прекрасной квартире на Вильгельмсхёер Аллее, перед городскими воротами. Зимой за окнами завывал пронизывающий ветер. С приближением весны опять украшали зеленью балконы, сажали подсолнухи, горошек, выюны и желтофиоли. Особенно хорошо было в этой полузагородной квартире летом, когда из окон можно

смотреть в безоблачное небо, на вершины окрестных гор, и вообще, как говорили братья, «нельзя было налюбоваться природой, наполненной счастьем и радостью».

Счастье Якоба и Вильгельма не было бы столь полным, если бы с ними рядом не были младшие братья и сестра Лотта, которая вела хозяйство в доме. О сильной их взаимной привязанности говорит «Домашний дневник нашей жизни», который Якоб отпечатал в своем издательстве, снабдив его портретом Лотты, и подарил на рождество своим братьям и сестре. В дневнике он записал даты жизни своих родственников и оставил достаточно свободного места для дальнейших записей. Впоследствии этот дневник стал их семейной хроникой. Обращаясь в предисловии к братьям и сестре, Якоб писал: «Дорогие братья и сестра, на это Рождество я дарю вам всем вечный домашний дневник, над составлением которого мне пришлось немного потрудиться, и заверяю вас в том, что изложенные в нем дела и события занимают в моем сердце больше места, чем все остальное, что когда-либо бродило в моей голове.

Будьте и дальше добры ко мне, терпите во мне все человеческое, что когда-нибудь кончится, хотя будет продолжаться главное — наша взаимная любовь. Что касается меня, то я постараюсь исправить все свои ошибки, выровнять все свои щербинки, даже если от этого сточится лезвие моего ножа. Каждый может записывать все, что он пожелает. Звездочка означает рождение, крест — смерть... На страницах оставлено достаточно места, чтобы дорисовать восходящую звезду или уходящий в землю крест; на какой день придутся эти знаки, знает один лишь господь бог. Пусть он поможет мне никогда и ни при каких обстоятельствах не быть помехой никому из вас».

Это было время, когда братья вели оживленную переписку с учеными и друзьями и при этом успевали много трудиться. Однажды Вильгельм получил от Людовины фон Гакстгаузен из сказочного дома в Бёкендорфе «чудесный веночек из мха и химонантов», который вместе с прикрепленными к нему добрыми пожеланиями положил на стол перед своими рукописями.

Но в 1822 году братьям пришлось оставить дом на Вильгельмсхёер Аллее. Новый курфюрст, больше интересовавшийся своими амурными делами, чем успехами ученых, предложил им подыскать другую квартиру. Новая же ни в какое сравнение не шла с предыдущей. Переезд оторвал братьев от их обычной ежедневной работы. Снова и снова приходилось перебирать оставшиеся от отца и деда вещи. Трудно было расставаться с предметами, с которыми было связано столько воспоминаний. Но, как и в прошлый раз, было оставлено только то, без чего нельзя обойтись на новом месте. Упаковывая вещи, Якоб размышлял: «В это время убеждаешься, сколько мелочей дорого сердцу».

После переезда он записал: «Три дня назад мы окончательно переехали и живем теперь намного хуже; мне досталась очень тесная комнатенка с одним окном, в которой после расстановки книг и столов помещаются всего лишь два стула; окно в ней выходит не на север, а на запад, и я не вижу больше мое любимое созвездие Большую Медведицу и Полярную звезду». Правда, из комнаты Якоба был виден сад с газонами и яблонями. Вильгельму привыкание к новой обстановке давалось тоже нелегко, он признавался: «Я не могу забыть прежнюю квартиру с видом на прекрасные горы и широкие просторы, а здесь я вижу на заднем плане недавно выстроенную казарму, откуда ежедневно появляются одни и те же мундиры и фигуры. Мне может понравиться все, кроме штабного трубача, который по

вечерам упражняется на своем инструменте, разрывая мозг окружающим». Днем же было так шумно, что порой невозможно было сосредоточиться. В том же доме, внизу, находилась кузница. Тяжелый молот с грохотом опускался на наковальню, заставляя всякий раз вздрагивать.

1822 год принес в семью Гриммов еще одно важное изменение. Вскоре после того, как они устроились в новой квартире, братскую обитель покинула сестра Лотта, которая вела все это большое хозяйство. Ее мужем стал ассессор Ганс Даниель Людвиг Фридрих Хассенпфлуг. Этот «абсолютно порядочный, серьезный и душевный человек, — писал Вильгельм, — сделал хорошую карьеру, став впоследствии министром юстиции и министром внутренних дел в Касселе, а также занимал другие высокие посты». В день свадьбы Лотта простилась с братьями. На ней было праздничное подвенечное платье, на голове — миртовый венок; серьезным выражением глаз и бледным, несколько болезненным цветом лица она напоминала братьям их мать. И братья желали лишь одного — чтобы она была здорова. В этом случае ничто не помешало бы ее супружескому счастью с честным и добрым Хассенпфлугом.

Беспокоила не только сестра. Вильгельм снова стал жаловаться на боли в желудке и сердце, и Якоб, одолеваемый сомнениями, писал своему другу Лахману: «Я было очень испугался вновь начавшихся многократных приступов, но постепенно они стали ослабевать, и вселяло надежду, что злая болезнь отступит». Но надежды не оправдались. Уже через несколько месяцев, весной 1823 года, у Вильгельма начался жар; боялись, что болезнь перейдет в нервную лихорадку. Все ночи Якоб дежурил у постели больного брата, а днем выполнял на службе работу за двоих. Наконец наступило улучшение, и Якоб пишет друзьям:

«Благодарю бога, что все закончилось благополучно и не случилось ничего ужасного. Мысль о смерти Вильгельма, которая разрушила бы всю мою жизнь, пронизывала душу; даже сейчас я все еще боюсь писать это слово. Я буду терпеливо переносить все невзгоды, возникшие из-за этой болезни».

Пока Вильгельм отдыхал за городом, Якоб занимался хозяйством: сам вытирал пыль с книг, расставлял их на полках, заботился о чистоте и порядке во всех комнатах, следил за тем, чтобы подметали полы, мыли окна, чистили мебель. К возвращению Вильгельма была не только вычищена квартира, но и, как писал Якоб, в это время по счастливому совпадению перед окнами дома «царила ни с чем не сравнимая прозрачность, чистота и невинность первых весенних дней».

Только наблюдать это из окна Якобу было мало, для него стало необходимостью изо дня в день бродить по окрестным полям и лугам. Тогда он говорил о себе, что «наизусть знает все тропинки и мостики через ручьи». Летом 1823 года Якоб отправляется пешком в те места, где он, теперь уже тридцативосьмилетний человек, провел дни своей юности. Двенадцать дней он провел в пути.

В 1824 году пришлось опять переезжать. Якоб писал: «Мы переезжаем из тесного чулана в бельведер — одну из самых прекрасных квартир в городе, с абсолютно открытым видом на небо, горы и деревья; вместо грохота кузнечных молотов мы будем слушать трели соловьев и других птиц!» С 1816 года, когда братья стали вместе работать в Кассельской библиотеке, прошло почти десятилетие. Работа в библиотеке, исследования... Счастье здоровых и хлопоты больных дней.

На политической арене это десятилетие принесло с собой перемены, волновавшие многих. В 1815 году после окончательного изгнания Наполеона великие державы-

победительницы — Россия, Пруссия и Австрия — образовали Священный союз. Другие европейские государства присоединились к нему. Народы надеялись на длительный мир. Они больше не желали, чтобы ими управляли абсолютистские династии и бюрократы. Требовали права на участие в управлении, конституций от суверенов. Многие немецкие князья выполнили эти требования и определили в конституциях права правителей и управляемых. Например, великий герцог Веймарский. В 1818 году последовала его примеру Бавария. Но Австрия под руководством Меттерниха и Пруссия всячески этому препятствовали. В это время получают все большее распространение появившиеся еще в 1815 году в Йене студенческие корпорации («буршеншафты») и основанные Яном гимнастические школы, в которых провозглашались лозунги единства и свободы. На Вартбургском празднике 1817 года^[25] под черно-красно-золотым знаменем были продемонстрированы национальные стремления студенчества, направленные против реакционных правительств. Но силы реакции были значительнее. Так называемые Карлсбадские постановления 1819 года вводили предварительную цензуру газет, надзор над университетами, запрещали студенческие корпорации, отстраняя от работы революционно настроенных преподавателей. От работы был отстранен Эрнст Мориц Арндт, бывший в то время профессором Боннского университета, а «отец» гимнастических школ Ян арестован. Противоречие между реакционной властью и новым духом времени осталось неразрешенным. Более того, выдвигавшиеся народом требования конституций и ограничений княжеской власти были отвергнуты. Монархические конгрессы в Троппау, Лайбахе и Вероне, состоявшиеся в 1820–1822 годах, были призваны укрепить абсолютистские идеи государственности. Попытки переворотов ликвидировались с помощью

оружия. Казалось, реакция навсегда задушила в народе всякое свободомыслие и стремление к единству.

Правда, в других областях это десятилетие человечество отметило значительными успехами. Начался век техники. Был сделан ряд важных изобретений, хотя их результаты сказались не сразу. Кёниг изобрел первую плоскопечатную машину — значительно облегчился процесс печатания. Печатное слово охватывало все более широкий круг людей. Начиная с 1810 года кое-где стали появляться газовые рожки, хотя прошло еще немало времени, пока на газ были переведены все уличные фонари, заменившие доморощенные масляные светильники. Уже начались эксперименты с электрическим телеграфом. Заговорили об английском инженере Джордже Стефенсоне, который в 1814 году построил паровоз. Неужели для поездок когда-либо придется пользоваться не почтовой каретой, а чем-то другим? В 1818 году все с изумлением узнали, что по Рейну, который катил к морю свои зеленоватые волны, прошло первое судно с паровым двигателем. Люди удивились еще больше, когда примерно в то же время подобный пароход пересек Атлантику из Нью-Йорка в Ливерпуль. Постепенно все начали понимать, какие возможности таит в себе сила пара и электричества.

Для литературы XIX век оказался веком настоящего расцвета. В немецкой литературе конца 10-х — начала 20-х годов появилось много новых произведений, вошедших в золотой фонд мировой литературы. В 1816–1817 годах Гёте публикует свое «Итальянское путешествие», в 1819-м — цикл лирических стихотворений на восточные темы «Западно-восточный диван», в 1821-м — роман «Годы странствий Вильгельма Мейстера».

Рубеж первого и второго десятилетий ознаменован целым рядом произведений немецких романтиков — он

стал одной из вершинных точек развития позднего немецкого романтизма. Арним в 1817 году выпустил в свет первую часть романа «Хранители короны», Брентано в 1818-м — «Хронику странствующего школяра», Эрнст Теодор Амадей Гофман опубликовал в 1819-1821 годах четырехтомный цикл «Серапиоповы братья», в 1820-1822 годах — знаменитый роман «Житейские воззрения кота Мурра» и в это же время две сказки для взрослых — «Принцесса Брамбилла» и «Повелитель блох». Эйхендорф в 1819 году издал новеллу «Мраморная статуя», а в 1821 году вышел в свет первый сборник стихов молодого Гейне.

В это же время жили и творили крупные филологи, историки и философы. В 1819 году Шопенгауэр опубликовал главное произведение своей жизни — «Мир как воля и представление», которое, правда, на протяжении длительного времени оставалось без внимания; за год до этого Гегель был приглашен в Берлинский университет; около 1820 года у Вильгельма фон Гумбольдта уже вырисовались основные черты философии языка. А Фридрих Диц, которому Гёте рекомендовал заняться романскими языками, начал преподавать в 1821 году в Бонне. Повсюду было налицо стремление все лучше и глубже познать историю прошедших столетий, а тем самым и лучше разобраться в современности. В 1823 году появилась «История XVIII века» Шлоссера, в том же году Раумер начал работать над «Историей Гогешнтауфенов», Нибур трудился над «Римской историей», Дальман в 1822-1824 годах опубликовал двухтомные «Исследования в области истории», а Леопольд фон Ранке в 1824 году закончил свое первое произведение — «Историю романских и германских народов».

Братья Гримм, безусловно, видели, как на протяжении этих десяти лет правящие и управляемые все дальше и дальше расходились в словесных баталиях

за конституцию. Они, конечно же, замечали, как хотя и медленно, но все же изменялись под влиянием изобретений формы цивилизации. Но эти изменения не представляли собой внезапного разрыва с прошлым. В Кассельской библиотеке они ежедневно соприкасались с литературными новинками, были самым тесным образом связаны с духовными течениями своего времени. Именно в это десятилетие появились и самые значительные их труды.

Результаты этих лет

Внимание братьев Гримм к древней немецкой поэзии и языку в кассельский период соответствовало духу времени и отвечало их патриотическому настрою. Якоб так характеризовал это десятилетие: «Мои труды продолжались, после освобождения Германии и возрождения^[26] Гессена они, наверное, принесут мне большую награду — общественное мнение, которое прежде отворачивалось от предмета моих исследований, теперь стало к ним восприимчивым и благосклонным. Мы — я и мой брат — на протяжении многих лет работали со всей возможной скромностью, ни на что не притязая, постоянно ощущая глубоко осознанное, неразделимое единство своих судеб и трудов, оказывая друг другу взаимную помощь и наблюдая за тем, как плоды нашего творчества созревают на грядках, которые хотя и узки, но принадлежат только нам». Якоб признавался, что вначале им удалось возделать лишь «узкие грядки» исследований. Поле, избранное ими для дальнейших трудов, было еще не распаханно, его нужно было осваивать. С гордостью первопроходцев они говорили, что идут не по чужой, а по своей собственной земле.

В 1816 году Вильгельм в письме к Гёте писал, что многие ученые считают «в порядке вещей оставлять без внимания изучение древней германской литературы». В высшей школе все еще господствовала классическая филология с ее античными языками. Пройдет немало времени, прежде чем немецкие ученые займутся своим родным языком.

Братья Гримм сознавали, конечно, что далеко не все, что было создано в прошлом, можно открыть вновь. Иногда казалось, что гибель почти неизбежна. Якоб об

этом писал: «Постоянная гибель мирского, недолговечность даже самого прекрасного и человеческого — все это заключено в воле божьей, согласно которой на оплодотворенной и удобренной таким образом почве произрастает новое, возвышенное, духовное. И вот повсюду печаль перемежается с радостью, но радость все же преобладает».

Да, радости больше. Якоб всякий раз радовался, когда отыскивал в библиотечных рукописях что-нибудь новое, что противостояло времени. Он писал одному из друзей, что следует прочесть и переписать все, «что для нас записали, сохранили и действительно спасли добрые бенедиктинцы».

Но не только поисками и сохранением древних литературных памятников занимались братья Гримм в эти годы. Они хотели также завершить работу по сбору сказок, которые существовали в основном в виде устных преданий. Вторжение в повседневную жизнь технических новшеств заставляло торопиться. Вскоре может наступить такое время, когда люди перестанут интересоваться старыми сказками и легендами. И прежде чем старые сказители унесут с собой в могилу все, что они знают, необходимо записать и включить в уже начатый новый сборник известные им сказки и легенды. Братья получили сказки от Людовины фон Гакстгаузен и ее сестер, а также Женни и Аннетты фон Дросте-Хюльсхофф. Постоянно проявлял интерес к собиранию сказок участник бёкендорфского кружка любителей сказок Август фон Гакстгаузен. И братья снова и снова благодарили своих помощников. Так, в начале 1818 года Вильгельм писал Людовине фон Гакстгаузен: «Милостивая сударыня, Вы меня весьма удивили и одновременно смутили своим подарком; мне действительно иногда казалось, что Вы об этом забыли, но присланные Вами сказки и, легенды так

содержательны, и я прочитал их с большой радостью; они станут украшением нашего сборника».

Но широкая общественность весьма медленно приходила к пониманию действительной ценности этих сокровищ. Прошло семь лет после появления первого тома «Сказок» и четыре года, как вышел второй. За это время разошлось всего лишь несколько сотен экземпляров. И только в 1819 году стало возможным предпринять новое издание обеих книг. Нельзя сказать, что «Сказки» братьев Гримм сразу же начали свое победное шествие; наоборот, прошло немало времени, прежде чем они завоевали сердца детей старшего и младшего возраста и стали одной из самых распространенных книг на немецком языке.

В 1819 году оба тома были переизданы. И братья Гримм послали их, как и в прошлый раз, своим друзьям с надписью: «Примите ее (книгу) с благосклонностью; если, по Вашему мнению, она окажется достойной более близкого ознакомления, то Вы обнаружите, что в ней многое улучшено и исправлено, а первая часть полностью переработана». Новое издание, измененное и переработанное, во многом несло на себе отпечаток поэтического почерка Вильгельма. Задать поэтический тон этому виду творчества соответствовало его натуре и влечению, и он нашел этот простой и верный тон повествования.

Одновременно братья занимаются теорией сказки; новое издание, которое назвали «расширенным и улучшенным», они снабдили статьей «О сущности сказки». В ней, в частности, говорилось: «Сказки рассказывают детям, чтобы в их чистом и мягком свете зародились и выросли первые мысли и силы сердца; и поскольку каждому приятна их поэтическая простота и поучительна их правдивость, поскольку они остаются в доме и передаются по наследству, то их еще называют «домашними сказками». Сказка как бы отгорожена от

всего мира, она уютно расположилась на добром, безмятежно спокойном месте, с которого она не стремится выглянуть в мир. Поэтому она не знает ни имени, ни местности, у нее нет определенной родины; она является чем-то общим для всего отечества». Сказки представляют собой не просто пестрое и произвольное сплетение фантастических узоров, созданных на потребу момента, но в них отчетливо просматривается смысл, причинная связь, идея. В них есть мысли о божественном и духовном: древняя вера в эпическую стихию, которая возникает, получает крещение и материализуется вместе с историей народа.

Итак, появлению в 1819 году второго издания «Сказок» предшествовало более двенадцати лет работы: братья не только собрали, записали и опубликовали сказки, но немало поработали над теоретическим осмыслением этого жанра литературы. После второго издания сборника сказок Вильгельм сказал, что «за ним последует третий, который должен содержать примечания к отдельным сказкам, а также обзор литературы». Третий том вышел в 1822 году. И был он задуман скорее не для детей, которые хотят наслаждаться лишь поэзией, а для ученых.

В примечаниях братья Гримм указывали на родство их сказок со сказками французскими и итальянскими, отмечали схожесть сюжетов в сказках о животных и наличие отголосков древних мифов. Таким образом, третий том с примечаниями братьев Гримм тоже приобрел важное значение, так как положил начало исследованиям сказок, которые продолжаются и в наши дни и превратились в широкое, можно сказать, огромное поле научной деятельности. Заслуга братьев Гримм состоит не только в том, что они собрали и поэтически оформили старинные сказки, но также и в том, что они стали одними из основателей новой области в науке. В особенности Вильгельм Гримм, который дал основные

идеи для теоретической части этой книги. Якоб, занятый в это время больше сложными основополагающими вопросами грамматики, признавался: «В работе над третьей частью «Сказок» я принимал мало участия, то есть от случая к случаю делал кое-какие замечания». Но само собой разумеется, что его предложения были использованы и учтены братом.

Сборник сказок с третьим томом получил свое завершение, стал итогом огромного шестнадцатилетнего труда. И уже через год, в 1823 году, братья Grimm могли видеть, как их трехтомная книга стала завоевывать всеобщее признание — вскоре часть детских сказок была переведена на английский язык. Но и после завершения этого объемного произведения братья продолжали заниматься сказками. Они собирали материал для новых изданий.

В 1824 году Якоб сообщил сестрам фон Гакстгаузен, что они, «как обычно, ждут от них сказок». На протяжении всей своей жизни братья Grimm работали над новыми и новыми изданиями. Особенно много трудился Вильгельм, постоянно работая с источниками и шлифуя тексты.

Одновременно братья занимались другой темой, которая могла бы встать в один ряд с их сказками, — это были сборники «Немецких преданий». Предания представляли собой нечто принципиально новое, нежели сказки. В сказках речь шла о наполненных фантазией, вернее сказать, о фантастических, богатых чудесами вещах, не соответствовавших законам природы. Они не были привязаны географически к какому-либо определенному пространству. В преданиях же иначе. Конечно, в них тоже повествовалось о необычных, чрезвычайных, порой чудесных событиях, о встречах с духами, великанами и гномами. Но при этом они относились или к определенному историческому событию, исторической личности, или к определенному

месту и существовали не в воображаемом мире. Еще Гердер упоминал о давно забытых преданиях, считая важным их собирание и сохранение. До братьев Гримм предпринимались попытки разыскать и издать их. Но главная заслуга в этом принадлежит представителям позднего немецкого романтизма. По определению Рикарды Хух, романтики — «это сознательные следопыты в темной стране неосознанного; они толковали мифологию, сказки, предания, поверья; не терялись в них, а если им и случалось заблудиться, то быстро вновь находили верный путь».

К таким «следопытам» относились и братья Гримм, которые примерно с 1806 года начали собирать предания, то есть одновременно с работой над сборником сказок. Вначале, как и в работе со сказками, они пытались заполучить передаваемые устно предания от тех людей, которые знали их еще сами. Кое-что знал брат Фердинанд, некоторые были получены от друга детства Пауля Виганда, от священника Банга, а также от многочисленных знакомых. Особое участие, как и при составлении сказок, приняла семья фон Гакстгаузен, поведавшая братьям целый ряд преданий.

Кроме устных, они использовали и многочисленные письменные источники. Пожелтевшие рукописи и старые, пропитанные пылью книги, которые редко когда снимали с полок, хранили немало преданий. На протяжении многих лет братья Гримм исследовали в библиотеках и архивах работы крупных историков, начиная с Тацита. Они делали выписки из произведений Плиния и Прокопия Кесарийского, отыскивали франкские саги у Григория Турского, готские — у Иордана, лангобардские — у Павла Диакона. В библиотеках от Парижа до Вены находили рукописные хроники, народные книги, мемуары и сборники описаний курьезных случаев с выдающимися людьми. И снова и снова наталкивались на заброшенные легенды,

столетиями спавшие сном Спящей красавицы. Братья со скрупулезной точностью переписывали вновь открытое. Они просматривали произведения XVI и XVII веков; их оказалось немало в рукописях Лютера и Гриммельсгаузена, Фишарта и Абрагама а Санкта Клара. А потом уже дома, как и в работе над сказками, проводили их стилистическую обработку, стремясь изложить предания простым, неприкрашенным, но отшлифованным, свойственным им языком. Иоба источника — устный и письменный — дали братьям богатый материал. 1809–1810 годы были особенно плодотворными для них. Якоб сообщал своему другу Арниму: «Больше всего внимания я обращаю сейчас на предания, которых у меня уже много».

В 1811 году братья написали Гёрресу: «Наша коллекция преданий продвинулась вперед так удачно, что мы, по-видимому, в этом могли бы соперничать с кем угодно». Но, добавляли они, их самих она пока не устраивает, и было решено подождать с опубликованием несколько лет, тем более что именно в это время братья готовили к изданию книгу «Сказок». Но вот когда в 1815 году обе книги «Сказок» вышли, братья Grimm, как они писали Гёте, захотели «собрать по образцу сказок и немецкие предания».

В 1816 году им удалось опубликовать первый том преданий, а к пасхе 1818 года — второй, заключительный том. Новая книга, как и книга «Сказок», открывала миру дивные полузабытые сокровища, которым грозила опасность уйти в небытие.

Герман Grimm, сын Вильгельма, который хорошо знал манеру работы своего отца и дяди, позднее писал об этом так: «Немецкие предания» появились в те годы, когда братья работали в полном единстве, в результате чего принадлежащую каждому из них часть публикации можно скорее определить по манере мыслить и в меньшей степени по материалу... Тон изложения обоих,

какими бы различными они ни оказались при более близком сравнении, дополнял один другого подобно звону двух колоколов. Немецкие предания будут жить на протяжении многих столетий на языке, данном им Якобом и Вильгельмом Гриммами».

Работая над языком преданий, братья Гримм исходили из тех же представлений, что и при обработке сказок. Они писали тогда: «Насколько возможно, необходимо было придерживаться текста и формы источника». Таким образом, они хотели точно, без искажений передать то, что отыскивали среди рукописей и книг, что слышали в устном изложении в Гессене, на Гарце, в Саксонии и Мюнстере, в Австрии и Богемии и в других местностях, что узнали от ученых, пастухов и лесничих. Но братья не стали рабами услышанного и прочитанного. И тут снова объединились филологическая точность Якоба с поэтической интуицией Вильгельма. И как результат их взаимодействия и сотрудничества возник единственный в своем роде языковой сплав.

В двух томах они собрали почти шестьсот преданий. Первый том был посвящен местным легендам, второй — историческим.

Бродят домовые и призраки, природу оживляют русалки и эльфы, в чуланах снуют добрые духи и гномы, из пещер появляются карлики, шагают через горы великаны, оживают прапрабабки, ждут своего часа заколдованные королевичи. И вот возникают исторические образы из давно минувшего прошлого: иногда это князья времен великого переселения народов или цари и короли более поздних эпох, иногда — легендарные личности, как, например, покровительница народа Женестьева^[27] или рыцари Зигфрид и Лоэнгрин. Оживали не только древние дворцы и замки, пещеры и гробы — вновь оживала и сама история.

О том, какое значение придавали сборнику легенд сами братья Гримм, можно судить по предисловию, которым они предварили издание: «Каждому человеку родиной дается добрый ангел, который с момента рождения незримо сопровождает его всю жизнь в образе верного спутника: кто не сознает того, сколько добра выпадает на его долю, тот сразу же это почувствует, как только покинет пределы отечества, на границе которого его оставит этот добрый ангел. Этим добрым спутником является неисчерпаемое богатство сказок, легенд и сказаний, которые, существуя вместе, по очереди представляют нам далекое прошлое в виде свежих и живых картин. У всего есть свои особенности. Сказка более поэтична, предание более исторично; сказка живет как бы сама по себе, в своей изначальной красоте и совершенстве; предание с его ограниченным разнообразием красок обладает той особенностью, что оно привязано к чему-то известному и знакомому, к какому-то определенному месту или имени, сохранившемуся благодаря истории».

Чтобы показать, с каким чувством такта они в течение многих лет работали над этим сборником, братья воспользовались образным сравнением: «Труды собирателя преданий очень скоро оправдывают себя, а удачная находка больше всего напоминает невинную радость детства, когда во мху и густом кустарнике наталкиваешься на птичку, высиживающую птенцов; поиск преданий — это то же бесшумное снятие сухих листьев и осторожное раздвигание ветвей, чтобы не нарушить покой их обитателей и украдкой заглянуть в самую природу — необычную, ушедшую в себя, пахнущую листвой, луговыми травами и только что прошедшим дождем».

Братья могли с полным правом рекомендовать «любителям немецкой поэзии, истории и языка» наряду со сказками также и предания. Сборник стал, как с

удовлетворением писал Вильгельм Арниму, «незаменимым справочником», или, как называл его в письме к Гёте, «необходимой и полезной вещью».

Вскоре их примеру последовали и другие собиратели преданий. Ученые признали, что исследование преданий представляет собой новое и благодатное поле деятельности. Многие поэты находили в сборниках легенд яркие мотивы и обильный материал для создания своих собственных произведений.

Внешне спокойные годы кассельского, «библиотечного», периода были для братьев не только годами большого, напряженного совместного труда — каждый из них занимался еще и своими делами.

Якоб в эти годы все больше и больше времени отдает изучению языка. Человеческий язык, существование которого для нас само собой разумеется и совершенно не удивляет, для Якоба представлял нечто настолько необыкновенное, что в своей работе «О происхождении языка» он признавался: «Из всего, что люди изобрели и выдумали, сохранили и передали другим, сотворили в союзе с заложенной в них и созданной ими природой, язык, кажется, представляет собой самое великое, самое ценное и самое необходимое богатство. И тем не менее крайне сложно и трудно в совершенстве овладеть им и познать всю его глубину. Таинственно и чудесно происхождение языка, окруженное другими тайнами и чудесами».

И Якоб со свойственным ему благоговением перед чудесами творения занялся изучением закономерностей немецкого языка. Отличаясь особой восприимчивостью к языку и обладая разносторонними знаниями в области классических и современных языков, он влезал в суть проблемы с невероятным усердием, вернее сказать, с одержимостью открывателя. Для такого большого исследователя, как Якоб, в грамматике с ее правилами

скрывались прекраснейшие проявления человеческого духа.

В то время сравнительное изучение языка только начиналось. Правда, уже проводились исследования венгерского, индогерманских, северных и романских языков. И вот Якоб Гримм в огромном труде — четырехтомной «Немецкой грамматике», которую он писал в течение почти двадцати лет, с 1819 по 1837 год, — заложил основы исторического исследования германских языков. Он стал одним из основателей германистики, в узком смысле слова — германской филологии.

После трудового дня скромный кассельский библиотекарь садился за письменный стол и трудился над словами и предложениями, раскрывая чудесное строение языка. И трудился самоотверженно. В 1813 году Вильгельм писал: «Мой брат работает с невероятным усердием над исторической грамматикой, которая охватывает все германские языки». Уже тогда Вильгельм считал, что «это будет значительный труд».

В 1819 году появилась первая часть «Немецкой грамматики». Якоб посвятил ее своему университетскому преподавателю Савиньи, который в то время служил в Берлине советником юстиции. Якоб писал ему: «Дорогой Савиньи, мое сердце всегда испытывало глубокое желание публично посвятить Вам — и никому другому — то доброе и полезное, что я в состоянии когда-либо создать». Но со свойственной ему требовательностью к себе он считал, что и в этой книге есть изъяны. Одновременно он признавал, что этот труд достоин и определенной похвалы, поскольку создавался «на целине». На протяжении столетий тщательно изучались и исследовались только классические языки — греческий и латинский. И вот такой поворот к осмыслению родного живого языка!

В пояснениях к первой части своего труда Якоб подчеркивал, что он не стремится создать теорию немецкого языка. Он считал «несказанным педантизмом», когда людям вдалбливают грамматику их собственного языка. Языковые способности детей, по его мнению, должны развиваться совершенно свободно. Родной язык вместе с молоком матери должен восприниматься как нечто естественное, само собой разумеющееся. Якоб отвергал менторские методы признанных авторитетов, мнивших себя законодателями в области языка, не стремился к созданию грамматики «родного языка для школы и домашнего обихода». Народ и поэты, считал он, в состоянии правильно пользоваться языком и без знания правил. Речь шла о чем-то совершенно ином. Не создавать инструкции и предписания, а исследовать закономерности языка на проверенной научной основе. Свое намерение он сформулировал следующим образом: «Я захвачен мыслью создать историческую грамматику немецкого языка. При внимательном чтении древненемецких источников я ежедневно открывал формы столь совершенные, что они вполне способны соперничать с теми, которые вызывают нашу зависть к грекам и римлянам. Одновременно выявилось самое неожиданное сходство между всеми родственными диалектами, а также не замеченные ранее условия и обстоятельства их расхождения. Мне показалось делом большой важности до конца исследовать и показать эти непрерывно продолжающиеся связи». Подытоживая, Якоб Grimm писал: «Учитывая, что все германские языки родственны, моя главная цель — показать, каким именно образом они связаны, доказать, что теперешние языковые формы невозможно понять, если не добраться до более ранних, старых и совсем древних, и что, следовательно, современная грамматическая структура

может быть объяснена лишь исторически, — и мне не кажется эта цель не достигнутой совершенно».

Уже первый том «Немецкой грамматики» произвел сенсацию в научном мире. Вильгельм фон Гумбольдт, сам философствовавший о происхождении и развитии языка, отдал автору дань уважения. Август Вильгельм Шлегель, профессор Боннского университета, который привлек к себе внимание лекциями о литературе и искусстве и заложил основы древнеиндийской филологии, тоже похвалил книгу: «Я высоко ценю эту работу за чисто исторический подход к теме и исключительную точность в деталях при проведении всей идеи в целом».

От родного Марбургского университета Якоб получил ученую степень доктора философии. Книга вызвала интерес и в узком кругу специалистов. С этих дней завязалась обширная переписка с Карлом Лахманом, профессором Кенигсбергского университета, германистом и специалистом по классической филологии. Георг Бенеке, который первый начал читать лекции по древненемецкой литературе и был ведущим специалистом по немецкой филологии, рецензируя этот том грамматики, писал в «Геттингенских ученых записках» — «*Gottinger gelehrte Anzeigen*»: «Мысли, их последовательность и изложение открывают такую проницательность, рассудительность и эрудицию, что любой рецензент должен назвать эту работу произведением мастера. Нам бы хотелось назвать эту грамматику естественной историей языка, причем, если наши читатели позволят, употребить слова «естественная история» в их собственном и подлинном значении. Что нам необходима немецкая грамматика — это чувствовали все, но никто и не подозревал, что наше желание может быть выполнено так блестяще».

Несмотря на столь высокую похвалу, невозможно было даже предположить, что эта книга разойдется в

невероятно короткий срок. И вот Якоб принимает несколько неожиданное решение. Вместо того чтобы работать над вторым томом «Грамматики», он вновь занялся первой книгой, поставив цель переработать ее. Еженедельно ему приходилось готовить для типографии по листу своей работы «при постоянном нервном напряжении, исполняя различные поручения по службе». «Уже несколько раз случалось, — писал он Карлу Лахману, — что мне удавалось отправлять лишь по пол-листа, а потом впопыхах досылать вторую половину». Он работал без перерывов, так как видел большую пользу в том, «что мир наконец увидит, что представляет собой наш язык». Конечно же, были и сомнения. В такие моменты он называл свой труд «грубой плотничьей работой», а то и «незаконченной чепухой». Временами он почти в отчаянии признавался, что желание работать над этой книгой пропадает. Услышав же от Лахмана, мнение которого высоко ценил, «что отдельные моменты в книге подмечены весьма тонко», он вновь со всей решимостью брался за новую редакцию первой части. Со свойственной ему въедливостью и старательностью, почти ожесточенностью, страница за страницей он доводил книгу до завершения. И дело успешно продвигалось. По его собственному выражению, «на ноги встал дом — дом грамматики, в который уже можно было въехать и заняться его доделкой». Он не думал отделять начисто все мелкие детали этого грамматического строения, он хотел лишь заложить фундамент и воздвигнуть стены. Дальнейшие достройка и отделка были задачей его коллег и товарищей по профессии.

В 1822 году вышло второе издание первого тома «Грамматики». Это была толстенная книга, объемом более тысячи страниц. Нечто совершенно новое по сравнению с первым изданием.

Этим томом лишь началось построение гриммовской грамматики, которая впоследствии выросла в четыре объемистые книги. Якоб скромно называл свой труд «Немецкой грамматикой». Но, поскольку в круг своих исследований он включил готский, английский и скандинавские языки и привлек в качестве первоисточников языковые памятники от самых ранних времен до современности, его труд скорее можно назвать «грамматикой германских языков». Он начал с «учения о буквах», то есть с фонетики, с рассмотрения звукового состава каждого из германских языков и закономерностей его изменения, далее подверг скрупулезному анализу систему склонений и спряжений в этих языках. Ему удалось сделать открытия, важные для развития языкознания. Он сформулировал новые выводы о законах ударения, преломления, перегласовки (умлаут) и чередования гласных (аблаут) в немецком языке.

Особой удачей Якоба было открытие закона передвижения согласных после того, как датский филолог Расмус Кристиан Раск уже предварительно провел важную исследовательскую работу. Об этом Якоб сообщил 1 апреля 1821 года Лахману, к советам которого он постоянно прибегал при создании «Грамматики».

Вряд ли можно считать преувеличением замечание одного из почитателей трудов Якоба о том, что его языковые открытия имели для германистики не менее существенное значение, чем «для физики — открытие закона тяготения». Только такому универсальному ученому, знавшему множество языков, каковым был Якоб, оказалось под силу обнаружить и вывести эти закономерности.

В «Немецкой грамматике» Якоб Гримм показал сложный процесс становления языка, его изменения. Этим трудом он значительно обогатил языкознание и, в

частности, этимологию, то есть науку о происхождении слов. Его особая заслуга состояла в том, что он интуицией ученого глубоко прочувствовал связь между языками, показал соответствие языка духу говорящего на нем народа, а также то, что в каждом языке удивительным образом действуют определенные нормы.

Работа привлекла к себе пристальное внимание научного мира. Всевозможные научные общества и академии сочли за честь избрать Якоба Гримма своим членом. Старый Гёте назвал его «могучим гением языка», а Жан-Поль, называя себя «карликом Голиафом», с восхищением говорил о Якобе как «о гиганте Давиде» в грамматике. Один лишь гессенский курфюрст не имел ни малейшего представления о «побочной работе» своего библиотекаря. Якоб не осмелился преподнести свою книгу курфюрсту Вильгельму II, так как опасался не совсем благоприятных для себя последствий. Ничтожный деспот, больше интересовавшийся своими фаворитками, лишь покачал бы головой при виде толстого издания. Ему были нужны ревностные, исполнительные подданные, а не свободные исследовательские умы. Больше того, как видно из письма Лахману, Якоб и его брат оставались почти единственными, кому не прибавили к жалованью даже талер, в то время как все другие государственные чиновники получили существенную прибавку.

Конечно, эта книга была не для невежественных князей. Но для женщин и девушек, верно и бескорыстно помогавших братьям при собирании сказок и легенд, книга о «буквах и словоизменениях» была, пожалуй, *terra incognita*. Якоб писал сестрам фон Гакстгаузен о «Грамматике» наполовину шутливо, наполовину всерьез: «Несколько месяцев назад вышло новое издание моей «Грамматики», толстая книга, насчитывающая 1100 страниц, скверно отпечатанная и на плохой бумаге; я,

конечно, опасаясь послать ее Вам, ведь Вы бы сказали: «На что такое крюкотворство с буквами и словами!» Но я должен себя защитить и сказать: «Бог создал как малое, так и великое, и все, что человек внимательно рассматривает, прекрасно: язык, слово и звук. Песчинка подтверждает нам смысл и значение огромных планет, из которых наша Земля — самая маленькая».

После нового издания первого тома Якоб продолжал трудиться над «Грамматикой». Осенью 1822 года он лишь задумал ее продолжение, а к маю 1823 года уже исписал пятьдесят страниц размером в четверть листа. Но теперь им двигало не только желание быстрее закончить этот труд — у тридцативосьмилетнего ученого все чаще стали появляться мысли о том, что и его может оторвать от письменного стола смерть так же рано, как и отца, которому было лишь сорок пять лет. А именно эту работу по исследованию языка ему не хотелось оставлять незавершенной. И он трудился. Отгоняя мрачные мысли, писал своему коллеге Бенеке: «Не беда, если Вы не дождетесь завершения моей «Грамматики». Когда ее пять или шесть толстых томов будут готовы, у Вас все еще останется достаточно времени, чтобы, как у нас говорят, вдоволь погулять, сбивая яблоки с деревьев моими костями».

Работая над новым томом «Грамматики», Якоб нашел еще время перевести и опубликовать «Сербскую грамматику» (1824 г.) Вука Стефановича. В свое время в Вене он изучал славянские языки, и это было еще одной возможностью расширить свой кругозор. Крупный ученый-языковед, исследуя сербский язык, не забыл особо отметить его поэтичность.

В то время как Якоб изучал историю языка, Вильгельм по-прежнему оставался верен собиранию и пополнению сборников новыми сказками и преданиями. Из-за болезненности он, конечно, не мог поспевать за Якобом. И все же за эти годы он написал и издал книгу

«О немецких рунах» (1821 г.), в которой особо раскрылись его знания древних рукописей. В отличие от брата для Вильгельма имели решающее значение не столько становление и закономерности развития языка, сколько, так сказать, поэтический потенциал данного языка на данной ступени его развития. Он давно хотел написать историю средневековой немецкой эпической поэзии и собирал необходимый материал. Свой замысел он сформулировал так: «Меня преимущественно интересует возникновение и развитие литературы разных эпох и народов».

Последние годы в Касселе

1825 год. Прошло одиннадцать лет, как Вильгельм Гримм был назначен в Касселе секретарем-библиотекарем, и девять с того времени, когда Якоб пришел в ту же библиотеку после своего выступления на дипломатическом поприще. Братья все так же жили вместе в полном согласии, не было здесь только сестры. Братья далеко уже не юноши: Якобу — сорок лет, Вильгельму — тридцать девять. Их имена известны в литературных и научных кругах далеко за пределами стран немецкого языка. Внешне положение в библиотеке при существующих доходах было более чем скромным.

Политическая обстановка двадцатых годов являла собой полную неразбериху. По-прежнему было неясно, по какому же пути пойдет Германия. Повсюду услужливые правительства коронованных владетелей подавляли всякое участие народа в государственной жизни. На родине Гриммов — в Гессенском курфюршестве все так же остро ощущалось отсутствие конституционных гарантий. Несмотря на атмосферу застоя и гнета, в народе не угасало желание найти единую форму существования раздробленных немецких земель, равно как и требование точнее установить права власть имущих и те границы, где они кончаются. Бюргеры тосковали по жизни в условиях большей свободы. Но во всех этих устремлениях не было уже того подъема, какой наблюдался в первые годы после освободительных войн.

Братья Гримм, глубоко переживавшие за судьбу своей родины, искали утешения в работе. Якоб настолько углубился в решение исследовательских задач, разрабатывая новые научные области, что, по

словам одного из его современников, как бы «обручился с наукой». Неутомимый труженик, он в познании научных истин нашел смысл жизни. В нем было нечто почти монашеское. Отказ от личного семейного счастья не был для него жертвой или вымученным отречением. Он был невероятно загружен, постоянно шел вперед в своих научных исследованиях, как путешественник-первооткрыватель, который стремится во что бы то ни стало пройти незнакомые места. Однако Якоб не превратился в мизантропа, в нелюдима. С любовью относясь к своим родственникам и друзьям, он принимал сердечное участие в их человеческих радостях и страданиях.

Вильгельм не разделял аскетическую одержимость своего брата. Его решение жениться в тридцатидевятилетнем возрасте не было вызвано вспышкой мгновенной, бурной страсти; оно зрело на протяжении многих лет. Его избранницей стала дочь кассельского аптекаря Доротея, или, как ее чаще всего называли, Дортхен Вильд. Она родилась в 1795 году, то есть была на десять лет моложе Вильгельма, и к моменту вступления в брак ей было уже тридцать лет. Девушку из «Солнечной аптеки» на Марктгассе, одну из дочерей аптекаря Рудольфа Вильда, братья Гримм знали еще с детства. Дортхен частенько навещала к Гриммам, когда еще жива была их матушка. Особенно тепло и сердечно Дортхен относилась к Лотте, единственной сестре Якоба и Вильгельма. Матушка Гримм любила симпатичную дочь аптекаря, как собственное дитя.

Когда братья Гримм занялись собиранием сказок, Дортхен, тогда двенадцатилетняя девочка, рассказала им несколько историй, которые она слышала в родительском доме, особенно от старой Марии. Подрастая, Дортхен узнавала новые и рассказывала их Вильгельму, когда они бывали за городом, в саду, а в

зимнее время «во флигеле возле печки». Естественно и незаметно эта добрая и мягкая девушка вошла в семью Гриммов. С большой самоотверженностью она заботилась о детях своей рано умершей сестры Гретхен. Еще раньше она преданно ухаживала за больными матерью и отцом.

Вильгельм Гримм видел, как нелегко было Дортхен, и заботился о ней.

В начале 1815 года, когда Якоб был на Венском конгрессе, он писал ему: «Старый Вильд умер на рождество, утром, после мучительных страданий; еще неясно, как все устроится и что будет с Дортхен. Она совсем исхудала, а в последние две недели ей не удавалось даже поспать; целую зиму она этого не выдержала бы. Мне ее часто было жалко до глубины сердца, в самом деле, это такая верная, честная душа».

О добрых отношениях семьи Гриммов с семьей Вильдов свидетельствует и «Домашний дневник», который Якоб в 1820 году подарил своим братьям и сестре с просьбой записывать важнейшие события из жизни близких. В дневнике сохранились даты рождения и смерти родителей Дортхен. Был там отмечен и день рождения самой Дортхен. В предисловии Якоб обратился не только к братьям и сестре, но и к Дортхен со следующими словами: «Ты прости меня, дорогая Дортхен, что я и тебя включил в этот дневник, это отчасти для того, чтобы сделать дневник посолидней, так как почти все наше семейство вымерло, не оставив корней, а частично потому, что я люблю тебя так же, как моих братьев и сестру».

Тепло и нежно относился к ней и Вильгельм. Прошли годы, и дружеское участие и нежность переросли в любовь. В декабре 1824 года он обручился с Дортхен. В январе 1825 года Якоб сообщил о свадьбе Вильгельма Карлу Лахману: «Дело тянулось очень долго и только перед рождеством решилось окончательно; его невеста

— всем нам приятная, желанная и честная девушка, зовут ее Дортхен Вильд. Для нашего хозяйства это будет полезно, так как оно налажено и зиждется на давнем, нерушимом, хотя и молчаливом, согласии, что мы, братья (Якоб и Вильгельм), живем вместе и ведем общее хозяйство. Так что Вы можете пожелать Вильгельму счастья; пишу я, поскольку он стыдится об этом говорить».

Якоб одобрял выбор брата, так как уважал Дортхен, подругу юности, за ее доброту, скромность. Не менее важно было и то, что братья оставались жить вместе. Для Вильгельма женитьба не была результатом пламенной юношеской страсти. Он долго обдумывал и взвешивал разумность этого шага; в письме священнику Бангу он писал о своей невесте: «Она — моя самая старая и самая милая подруга, я знал ее еще с детства, и все мы без исключения давным-давно любим ее как родную сестру. Если кто и подходит нам, так это она. Это отнюдь не восхваление, во всех других отношениях Вы тоже с легким сердцем можете пожелать мне счастья».

15 мая 1825 года в Касселе состоялось венчание. На нем присутствовали братья, сестра и ближайшие родственники. Семейное торжество отпраздновали без всякого шума, в приятной домашней обстановке. Через несколько дней Вильгельм писал своему другу Зуабедиссену, профессору философии в Марбурге: «Этот месяц мне не кажется медовым, как его принято называть, но у меня такое предчувствие, что я всю жизнь буду таким же счастливым, как в эти восемь дней. Она сердечна, естественна, разумна и весела, она радуется всему земному и готова в любой момент целиком посвятить себя чему-либо возвышенному и прекрасному, к чему мы стремимся, но чего не дает нам жизнь». Еще более восторженным становится его тон, когда он наконец отважился сообщить о своей женитьбе

Карлу Лахману: «Я не верю, что я мог бы на этом свете жениться на ком-нибудь другом или быть с кем-либо другим счастливым».

Ритм жизни семьи Гриммов не был нарушен этой свадьбой; наоборот, с появлением Дортхен она еще больше укрепилась. По-прежнему жили они в Касселе на улице Беллевюштрассе, любуясь «открытым и прекрасным видом из окна».

В их доме было много солнца и здоровый воздух, как в деревне. Якоб и Вильгельм имели по рабочей комнате, младший брат Людвиг Эмиль получил комнату, выходящую во двор. Он захотел именно это помещение, поскольку сюда не заглядывало солнце, а ему для работы с красками как раз требовался равномерный, рассеянный свет. Через некоторое время Гриммы вновь поменяли квартиру, но остались на той же улице.

Дортхен была «центром тяжести» в этом братском кругу. Для Вильгельма она была любящей и преданной женой, для его братьев — сестрой. Хорошим знаком было и то, что в 1825 году, в год свадьбы Вильгельма, вышло малое издание «Детских и семейных сказок», в котором было собрано пятьдесят самых лучших. Как и «большое», «малое» издание, переиздававшееся потом много раз, стало любимой книгой детей.

Но Вильгельм не мог быть до конца счастливым, если он знал, что есть человек, который из-за него страдает. Это Женни фон Дросте-Хюльсхофф, питавшая к нему более чем дружеские чувства. Ему удалось убедить Женни в том, что он нашел в Дортхен спутницу жизни. Еще перед женитьбой с осторожностью писал ей:

«Прошло много времени с тех пор, как я впервые увидел Вас, и после проходили годы, прежде чем мы получали возможность радоваться встречам с Вами, и всякий раз, будучи рядом с Вами, я ощущал чувство давнего знакомства. Поэтому я не представляю, что Вы

сможете нас совсем забыть, что могут потускнеть Ваши воспоминания о. нас».

Через несколько месяцев после свадьбы Вильгельм писал Женни, сохранившей к нему дружеские чувства: «Мне бы хотелось, чтобы Вы познакомились с Дортхен. Вы ее полюбите, она похожа на Вас чистым, бесконечно нежным сердцем и цельностью — в ней нет ничего заимствованного, противного ее природе, а если что и было, то от этого она давно освободилась. Если бы Вы знали, каким чудесным образом бог привел меня к этой любви. На протяжении многих лет и до самого последнего момента я не знал, чем все это кончится, но все же я верил в то, что любой исход я восприму смиренно и спокойно». Позднее в автобиографии Вильгельм признался: «Я никогда не переставал благодарить бога за счастье моего благословенного брака».

Вильгельму пришлось разделить с женой не только радостные, но и горькие дни. Весной 1826 года Дортхен после невероятных страданий подарила ему «здорового, прелестного мальчика». Конечно же, Якоба попросили стать крестным отцом, а потому мальчика нарекли: Якоб. Крестный отец, он же дядя, с гордостью, крупным и разборчивым почерком записал в «Домашнем дневнике»: «Родился Якоб Гримм». 16 апреля он внес тем же четким почерком новую запись: «Якоб — сын Вильгельма — крещен».

Но в том же году на семью Гриммов обрушилось сразу два несчастья. У сестры Лотты после первенца, сына Карла, в декабре 1825 года родилась девочка, которую называли Агнес. Ей не суждено было прожить даже года. В ноябре 1826 года дядя Якоб обрывает письмо Паулю Виганду такой фразой: «На сегодня больше ни строчки — пока не смогу писать не так мрачно. Сегодня нас постигло большое горе. Скончалась Агнес — чудесная дочурка Лотты».

В день смерти девочки заболел желтухой и первенец Вильгельма, которого ласково называли Якобле. Дядя Якоб, питавший особую любовь к крестнику и заботившийся о нем как о собственном дитяти, глубоко переживал его болезнь. Ребенок хворал несколько долгих недель. В надеждах и отчаянии проходили дни. В начале декабря 1826 года Якоб жалуется Лахману: «Мой крестничек болеет уже пять недель, и я опасаюсь, что ему не выздороветь. Так что эти дни нам не в радость. Дортхен совсем исхудала из-за постоянных бессонных ночей». В середине декабря крошка Якоб умер. Умерших детей, одного за другим, похоронили рядом с могилой матери Якоба и Вильгельма. «Дети, — писал Вильгельм, — которых я любил почти одинаково, покоятся теперь рядом, недалеко от нашей матушки, и мне все время кажется, что они и на небе вместе и все так же играют друг с другом. В жизни они так любили друг друга, трогали себя ручками за личики и смеялись».

Но не всегда ему удавалось писать так сдержанно, часто с невыразимой болью вспоминал он о смерти своего сына: «За два часа до того, как его добрые глазки перестали нас узнавать, он еще тянулся ручонками к серебряным колокольчикам, пытался играть с ними, но тут же ронял их. Такого доброго и ласкового ребенка теперь больше нет, он плакал, когда ему было больно, но я никогда не видел у него злого выражения лица. Ночь, когда он умирал, была ужасной. Я никогда не забуду, как упорно и с каким трудом билось под моей рукой его крошечное сердечко. Он боролся со смертью в течение двенадцати часов и закрыл глазки лишь с последним вздохом...»

Много месяцев спустя Вильгельм признавался, что ему постоянно видится во сне та длинная и ужасная ночь. Горькое испытание вновь ясно напомнило скорбящему отцу о том, что есть ценное и непреходящее

на этом свете: «Я внутренне почувствовал, что любовь — это единственное, что действительно может утешить». И он с благодарностью увидел, как еще больше в эти горестные часы открылось ему «невероятно доброе сердце» его жены, увидел переживания Якоба, который «сидел двенадцать часов у кровати ребенка, склонившись над ним, до его последнего вздоха».

Горестное время прошло, и семья Гриммов вновь пережила радость. В 1827 году сестра Лотта родила сына Фридриха, а 6 января 1828 года у Вильгельма и Дортхен Гриммов родился тоже сын — Герман, который впоследствии стал искусствоведам.

Рождение ребенка вновь пробудило у Вильгельма печальные воспоминания об умершем маленьком Якобе, и он писал Зуабедиссену: «Малыш очень похож на умершего, и кажется, божьей милостью восполнена потеря, о которой мы грустили и чувствовали себя одинокими на рождество и на Новый год; мы надеемся теперь, что той же божьей милостью нам удастся сохранить подарок судьбы».

Осторожно и бесшумно снова и снова входил Вильгельм в комнату, где в постели, вся в белом, лежала бледная и ослабевшая после родов Дортхен. В комнате было темно, занавески задернуты. Дортхен почти не могла говорить. Она была измучена и лишь изредка просила подать ей флакончик с кельнской водой. Когда ей становилось чуть легче, Вильгельм заходил в большую комнату, где около натопленной печки в плетеной кровати лежало маленькое существо. «Личико кругленькое, как у марципановой куколки», — замечал гордый отец. Ему нравилось, что ребенок спокойный и совсем мало плачет, лишь сопит и мурлычет про себя, как бы разговаривая сам с собой — «ведь бедному ребенку предстояло очень многое обдумать и многому удивиться в жизни». Уже тогда Вильгельм размышлял, кем станет его малыш. С

оглядкой на свою собственную жизнь он говорил: «Библиотекарем по моей воле он не станет...»

В эти кассельские годы Вильгельм вместе с братом ежедневно отправлялись в библиотеку. Конечно, с их высоким авторитетом ученых они могли бы рассчитывать на более респектабельное и лучше оплачиваемое место. Но было трудно найти сразу два места в одном городе и в одном и том же ведомстве. Поэтому братья оставались в Касселе в ожидании лучших времен.

Германия в эти годы переживала культурный расцвет в самых различных областях. Так, в 1819 году по инициативе барона фон Штейна было основано «Общество изучения древней истории Германии», занимавшееся поисками и изучением исторических памятников. В 1826 году под руководством Георга Генриха Пертца вышел первый том «Памятников германской истории», ставший основным источником по средневековой истории Германии. В эти годы появились значительные произведения литературы и искусства. Начатый Шлегелем перевод Шекспира был почти завершён под руководством Тика. Гёте приступил к завершению «Фауста». Из-под пера Эйхендорфа вышла повесть «Из жизни одного бездельника», Гейне создал «Книгу песен», Граббе — «Дон Жуана и Фауста», Вильгельм Гауф написал исторический рыцарский роман «Лихтенштейн», Грильпарцер — историческую трагедию «Величие и падение короля Оттокара», а Раймунд поставил на сцене «Короля Альп и Врага человечества»; Франц Шуберт написал «Зимнее путешествие» и «Лебединую песню»; Бетховен, закончив Девятую симфонию (1824 г.), писал ноты своих последних аккордов.

Подъём и дух творчества, находивший столь бурное выражение, несмотря на мрачную политическую

обстановку того времени, в определенной мере коснулся и братьев Гримм. Плодом совместной работы стали выпущенные в 1826 году в их переводе «Сказки ирландских эльфов». Братья Гримм вновь выступили перед общественностью как одно лицо, в этот раз в качестве переводчиков значительной книги. Как и прежде, основательное «Предисловие об эльфах» написал Вильгельм. Именно он занимался эльфами — сказочными, поэтическими образами, созданными народом. И в этом труде вновь проявилась поэтическая натура Вильгельма, а более строгий аналитический ум Якоба был занят лингвистическими проблемами.

Вильгельм подробно описывал тихих эльфов, их происхождение, внешность, одежду, жилье и образ жизни, их отношения с людьми, их ловкость; рассказывал, что часто они становятся хорошими соседями людей, но иногда способны и на злые выходки; говорил о таинственной силе этих чудесных существ. Страна эльфов раскрывалась во всем ее волшебстве и очаровании, со всеми красками и запахами. В этой работе Вильгельм выступил скорее даже не как ученый, а как мастер художественного слова, владеющий всеми его оттенками, например, в описании внешности шотландских эльфов: «По красоте с эльфами не может сравниться ни одно другое неземное существо. Они, в общем, очень малы ростом, но чрезвычайно хорошо сложены. В особенности же их женщины, которые, по-видимому, самые привлекательные существа на свете. Их глаза блестят, как звезды, на щеках горит нежнейший румянец, губы напоминают кораллы, а зубы — слоновую кость; густые каштановые волосы локонами ниспадают на плечи». Счастливые часы, когда ученый, особенно ученый с таким тонким поэтическим восприятием, может увлеченно и восторженно писать о таинственных существах, таких легких и крошечных,

«что капля росы дрожит, но не рассыпается, когда они вспрыгивают на нее».

Вслед за совместным переводом «Сказок ирландских эльфов» последовало несколько других работ. Вильгельм дополнил свою ранее написанную книгу «О немецких рунах» (1821 г.) статьей «О рунической литературе» (1828 г.), в которой он дал рунический алфавит и фрагменты из готских рукописей. Все больше внимания уделяет Вильгельм Гримм поэтическим памятникам, написанным на средневерхненемецком языке. К этому времени уже многие специалисты пришли к выводу о необходимости издания текстов старинных рукописей — основы поэтического богатства средних веков. Значительным вкладом стала книга поэзии средневековых крестовых походов «Граф Рудольф» (1828 г.) в издании Вильгельма Гримма. Пожелтевшие, частично поврежденные страницы рукописи XII столетия были прочитаны, обработаны и изданы — был спасен от гибели еще один памятник средневековья.

Основным трудом Вильгельма в этот период были «Германские героические сказания», вышедшие в 1829 году. Книга насчитывала свыше 400 страниц. Этот труд опять-таки стал результатом многолетней собирательской и исследовательской работы. Он подобрал в себя материалы о немецких героических сказаниях за период, охватывавший более тысячи лет, то есть с VI до начала XVII века. Во второй части этой книги Вильгельм изложил теорию происхождения и дальнейшего развития немецкого эпоса. Позже под влиянием этого произведения многие авторы воссоздали для народа, и в особенности для юношества, немецкие героические сказания о Нибелунгах, Зигфриде, Гудруне, Эрманрихе, Этцеле и других героях. Оно вдохновило многих крупных поэтов, художников и композиторов XIX века. Вообще книга стала первоисточником, фундаментом, с

которого началось дальнейшее изучение героических сказаний. Как писал германист Карл Мюлленхофф, она стала на десятки лет «опорой и основой для всех исследований в этой области». Вильгельм тоже считал «Сказания» необходимой и полезной книгой: «Изучение возникновения и развития немецкого эпоса так же важно для духовной истории человечества, как и изучение Гомера!» Он высоко ценил предмет своих исследований и по этому поводу писал так: «Произведения, доносящие до нас героические сказания, будь они из Древней Греции или Индии, из древнего периода немцев, галлов, славян или из христианского прошлого романских народов, хотя сильно и отличаются друг от друга как по тексту, так и по манере изложения, но во всех сквозит родственный дух, позволяющий нам увидеть их общую природу. Великолепные произведения безымянных авторов, исполненные чистейшей поэзии, простые и непринужденные, бесконечные по глубине и богатству содержания, они несут в себе картину молодой, целомудренной, бурно расцветающей жизни».

В то время как Вильгельм трудился над памятниками немецких героических сказаний, Якоб продолжал языковые исследования. Второй том «Немецкой грамматики» вышел в 1826 году и насчитывал свыше тысячи страниц. В разгар работы над этим томом он жаловался, что, хотя коллеги и научные общества и признают ценность его работы и одобряют, кассельское начальство не проявляет к ней абсолютно никакого интереса. Но Якоб продолжал работать с невероятным упорством. Второй том в основном был посвящен словообразованию. В этой области ему тоже удалось сделать ряд интересных наблюдений и проследить, «как внутренний строй немецкого языка позволяет склеивать слова, сплавляя их в более сложные языковые образования». Якоб показал, как этот «внутренний

строй», «дух языка» непостижимым образом действовал в давнее время, ткал и формировал язык. Его книга содержала не только лингвистические выкладки — сведущий читатель мог найти здесь и философию языка.

Двадцать пять месяцев Якоб писал страницу за страницей, сдавая лист за листом в печать. Тогда он говорил: «Немецкий язык требует от меня крайнего напряжения». Вера в полезность этой работы придавала ему силы: «Все, что я обнаруживаю и открываю в языке, будет иметь большую ценность...»

Опубликовав второй том «Грамматики», Якоб решил отложить на год эту работу. В 1828 году он издал другой, тоже объемистый труд — «Древности германского права». Трудно поверить, что и эта книга, насчитывавшая почти тысячу страниц, написана Якобом слово за словом от руки. Еще в студенческие годы в Марбурге он стал собирать тексты юридических документов прошлых веков, из которых можно было многое почерпнуть о языке, народных обычаях, нравах, вере и образе жизни людей того времени. В книге он хотел показать, во-первых, как следует методически правильно обращаться с древними юридическими документами. Во-вторых, наряду с римским правом напомнить и о местных формах права, предполагая и надеясь на постепенно приближающуюся реформу правовой системы. Тем самым Якоб еще раз доказал, что он ни в коем случае не является кабинетным ученым, захваченным лишь своей работой. Его книга должна была оказать воздействие на общественность, которая из-за противоречий между народом и правительством стремилась к правовым реформам, отвечавшим ее жизненным интересам.

Солидные выкладки и цитаты, богатство материала о свободе и зависимости, о дани с фруктовых деревьев и скота, о брачных сборах, налогах на землю, о содержании строений, о браке, купле-продаже, о

совместном имуществе, праве отца, о наследовании, разделе земли, границах, о воровстве, убийствах и других преступлениях, о наказаниях и штрафах, о судьях, судопроизводстве и божьем суде и еще о многом другом — все это сделало книгу буквально сокровищницей в области истории немецкого права. «Это первая попытка создания работы такого плана, — говорил Якоб. — Она отличается обилием материалов». Как немецкую грамматику, так и немецкое древнее право он брал в значительно более широком понимании этого слова и привлекал скандинавские и англосаксонские источники.

Историческая позиция Якоба выражалась в следующем его признании: «Далекое прошлое стоит изучать, и изучать всесторонне».

Он сравнивал правовые отношения своего времени с правовыми отношениями прошедших столетий и приходил к суровой критике современности. Он писал: «Крепостная зависимость и кабала в старое время была во многом легче, чем угнетенное и униженное существование наших крестьян и фабричных поденщиков; теперешние осложнения с браками для бедных и слуг граничат с крепостным правом; наши позорные тюрьмы являются более оскорбительным мучением, чем увечившие человека телесные наказания прошлого».

Благодаря «Сказкам» и научным трудам братья Гримм снискали уважение в народе и признание в науке: они получили докторские степени и были избраны членами многих уважаемых научных обществ и, наверное, могли бы теперь рассчитывать на соответствующее положение у себя на родине. Но неожиданно на их жизненном пути резко обозначились перемены.

Из Касселя в Геттинген

Еще в 1823 году, когда в Гессене правил курфюрст Вильгельм II, Якоб Гримм жаловался, что государство не обращает никакого внимания на Кассельскую библиотеку, в письме к Лахману писал о скверных условиях на службе: «В то время как все другие государственные служащие получили столь необходимую прибавку к жалованью, мы остались ни с чем, и к тому же должны теперь напяливать на себя вновь введенную дорогую униформу, которую никто носить не хочет и которую каждый день надевать не требуется, отчего ненужная трата денег становится очевидной. Если бы Вы видели, насколько смешно я выгляжу, появляясь в этом одеянии».

Шесть лет спустя, в начале 1829 года, казалось, была возможность улучшить жизненные условия и общественное положение братьев Гримм. 31 января неожиданно скончался тогдашний директор курфюршеской библиотеки Йоганн Людвиг Фёлькель. Братья жили и работали с ним в теснейшем контакте. После его смерти братья надеялись, что Якоб займет место первого, а Вильгельм — второго библиотекаря. К тому времени Якоб находился на государственной службе уже 23 года. С тех пор как в 1816 году он занял должность второго библиотекаря, ни разу не получал прибавки к жалованью. Его доход по-прежнему составлял шестьсот талеров. Вильгельм, работавший в библиотеке с 1814 года, получал и того меньше.

Кроме своих непосредственных обязанностей, братья выполняли различные другие почетные поручения. А поэтому они считали, что имеют полное моральное право на продвижение по службе. Ведь даже

при их скромности и бережливости на такую семью этих денег было очень мало.

Немаловажным был и вопрос чести. 2 февраля 1829 года братья Гримм направили курфюрсту прошение о повышении, в котором подчеркивали: «Часть нашей жизни мы в силу наших возможностей посвятили делу управления библиотекой, добросовестно выполняли свои обязанности с верностью и постоянным стремлением сделать все возможное, что могло бы пойти на пользу библиотеке».

Уже через три дня, 5 февраля, курфюрст собственноручно наложил резолюцию: «Оба прошения отклонить. Вильгельм К.» Место директора получил историк Дитрих Кристоф Роммель, бывший профессор Марбургского университета, на протяжении нескольких лет служивший в Касселе. Он отвечал за архив двора и был одновременно директором государственного архива. Библиотекарем он никогда не работал. Братьям же, оставшимся на старых местах, лишь прибавили по сто талеров каждому.

Вскоре стало ясно, что вновь назначенный директор, которому за некоторое время перед этим было пожаловано дворянское звание, в библиотечных делах ничего не смыслит: не может найти книги, которые требовались ему для работы по истории. Бывший директор архива и профессор истории не умел даже правильно читать документы.

Было унижительно работать под руководством такого человека, который стал директором по недоразумению. Братья чувствовали себя глубоко оскорбленными. Якоб с сожалением вспоминал, что в 1816 году отклонил приглашение в Боннский университет.

Но неожиданно летом 1829 года поступило доверительное сообщение: братьев ожидает почетное приглашение в Геттинген. И хотя в этом был выход из положения, решиться на него было очень трудно. «Сама

мысль оставить любимую и дорогую родину отзывалась в наших сердцах острейшей болью, — говорил Якоб, — выйти из ритма привычных занятий и отказаться от плодотворного досуга — это было почти невыносимо».

О своих тогдашних переживаниях Якоб писал Мойзебаху: «Я, мои братья и сестра с детства сильно привязаны к Гессену, мы унаследовали эту привязанность от наших родителей и от дедов. Позднее мне еще долго казалось совершенно немыслимым жить в другой стране. Большую часть своей жизни я провел здесь, в Гессене, и все мои помыслы остаются здесь».

Несмотря на привязанность к стране, где они родились, братья в конце концов согласились на приглашение переехать в Геттинген. Они подчинились, как сказал Якоб, «чувству чести». В октябре из Ганновера поступило формальное королевское приглашение: Якоб становился там штатным профессором Геттингенского университета и библиотекарем, Вильгельм — библиотекарем в том же университете. Наконец будет покончено с заботой о хлебе насущном: Якоб должен был получать тысячу, а Вильгельм — пятьсот талеров.

Братья направили гессенскому курфюрсту прошение об отставке. На следующий день оно было удовлетворено. «Единственный случай быстрого и благоприятного для нас решения, выпавший на нашу долю за все годы службы в Гессене», — с сарказмом заметил Вильгельм. Курфюрст по этому поводу выразился так: «Значит, господа Гриммы уходят! Велика потеря! Они же ничего не сделали для меня!» Курфюрст все еще жил абсолютистскими идеалами. Девизом его было: «Государство — это я!»

С тяжелым сердцем покидали братья родной Гессен, прощались со всем, что окружало их на протяжении многих лет. 2 ноября Якоб сдал библиотечные ключи и печать. «Я бы никогда не хотел больше входить в этот

длинный зал, — сказал он, — многочисленные окна которого глядят на меня словно печальные глаза, когда я прохожу мимо и мысленно вижу, в каком порядке стоят между ними книги».

Вильгельм добавил: «Мы найдем там (в Геттингене) другие условия, других людей и — к чему я труднее всего привыкаю — другую местность. За шесть лет, которые я прожил здесь, на улице Беллеву, я сроднился с горами, долинами и реками. Мне бы хотелось перепрыгнуть время привыкания на новом месте и начать с того момента, когда я там уже пущу корни».

Братья Гримм перед отъездом письменно попрощались с курфюрстиной Августой — ей они были глубоко преданы. Она жила отдельно от своего мужа — курфюрст развелся с ней из-за своей связи с графиней Рейхенбах.

Вильгельм Гримм в письме к курфюрстине писал: «Смею заверить Ваше королевское высочество в том, что нас нельзя обвинить в отсутствии любви к родине. Мы с глубочайшей болью покидаем Гессен, которому наша семья служила с честью на протяжении нескольких веков, и привязанность к Касселю, где мы, безусловно, провели большую часть нашей жизни, навсегда останется в нашем сердце; наша мать и мой сын покоятся в земле Гессена. Убежденность в том, что мы не найдем здесь пропитания для нашей семьи и нашей старости, если ее нам дарует бог, а также чувство обиды из-за незаслуженного пренебрежения, которое нам не удастся отогнать от себя, — вот единственное, что толкнуло нас на этот шаг».

Курфюрстина, жившая в то время в Фульде, ответила ему с большим сочувствием: «Я полагаю, дорогой господин Гримм, что Вы и Ваш брат представляете, как больно мне слышать о том, что Вы оставляете гессенскую службу и родину. Я, пожалуй, даже счастлива, что не живу больше в Касселе. Когда я

с грустью думаю о том, что Вы оба, быть может, навсегда потеряны для Гессена, я утешаю себя надеждой, что благодаря новому назначению Ваши заслуги перед всем немецким отечеством найдут еще большее признание и что хоть несколько лучше этого блеска упадут и на землю, где Вы родились».

Совершенно неожиданно графиня Рейхенбах обратилась к своему высокому покровителю в защиту братьев Гримм, после чего с извинениями Якобу было предложено место первого, а Вильгельму — второго библиотекаря. Но они отказались. Одновременно поступило приглашение переехать в Мюнхен. Менять же решения братья не стали, хотя и сомневались, правильно ли поступают. В Касселе обязательное служебное время составляло лишь восемнадцать часов в неделю, так что оставалось достаточно и для научной работы. В Геттингене же им придется работать по тридцать шесть или, как минимум, тридцать два часа в неделю. Якоб, который иногда болел, боялся, что для длительного чтения лекций ему не хватит голоса или дыхания. Беспокоило его и другое: можно ли во время таких лекций по-настоящему вникнуть в глубину вопроса, будут ли студенты интересоваться всеми подробностями, так важными для науки? Хватит ли сил для работы в Геттингенской библиотеке, насчитывающей двести тысяч книг? Можно ли будет при такой нагрузке выкраивать время для привычных ежедневных прогулок?

Наступил декабрь 1829 года. Раздумывать было некогда. Пришло время упаковывать чемоданы. В начале 1830 года они должны занять места библиотекарей в Геттингене, а в следующем летнем семестре Якобу предстояло приступить к чтению лекций.

От квартиры в Касселе им отказываться не пришлось. В ней оставался брат Людвиг Эмиль. Он

обручился с дочерью домовладелицы и вскоре собирался жениться.

В один из последних декабрьских дней карета выехала из Касселя через Мюнденер Берг в Геттинген. Дортхен из-за болезни ребенка отправилась в дорогу лишь через несколько недель.

Первые две недели после переезда братья жили у своего друга Георга Фридриха Бенеке, служившего в Геттингене профессором и старшим библиотекарем. Ряд текстологических изданий средневерхненемецких поэтов, опубликованных Бенеке, по своему уровню вполне соответствовал филологическим работам братьев Гримм. И хотя Бенеке был намного старше Якоба и Вильгельма, это не мешало их крепкой дружбе.

Затем переехали во вновь выстроенный дом, в котором прожили недолго — было неудобно. В мае 1830 года подыскивали другую квартиру на так называемой «аллее», широкой и солнечной улице. Это внушительное строение располагалось рядом с библиотекой — основным местом работы братьев. Две огромные комнаты отвели под рабочие кабинеты, из которых открывался вид на сады. Для семьи Вильгельма тоже оказалось достаточно комнат.

Братьям долго пришлось привыкать к новому окружению. В Касселе при небольшом количестве рабочих часов в неделю у них, конечно, были более благоприятные условия для работы; они были там «довольно-таки свободными господами» и в принципе страдали лишь от непонимания со стороны курфюрста. В Геттингене ежедневное пребывание в библиотеке по четыре-шесть часов часто было заполнено, по их словам, «малоинтересными делами». К тому же не всегда им удавалось найти общий язык с коллегами по работе. Да и все остальное тоже было вначале чужое: местность,

даже комнаты, где жили. Они порицали себя за «слабодушие» и старались его преодолеть.

Но прошло несколько месяцев, и жизнь братьев Гримм стала меняться в лучшую сторону. Их всюду сердечно встречали, у них все больше и больше появлялось друзей. Кроме Бенеке, в университете работал Фридрих Кристоф Дальман, считавшийся крупным историком. В 1830 году он выпустил «Источниковедение немецкой истории», тем самым положив начало собственной школе. С ним братья Гримм особенно сблизились. Завязались дружеские отношения со многими университетскими преподавателями, например, с юристом Густавом Гуго, одним из основоположников исторической школы права в Германии. Гуго пользовался всеобщим уважением за доскональное исследование источников римского права.

Братья часто встречались с исследователем древней истории Отфридом Мюллером, который жил с ними в одном доме. Он опубликовал такие книги, как «История эллинских народов и городов», «Дорийцы», «Македонцы» и «Этруски», а в 1830 году вновь подтвердил свою компетентность, выпустив «Справочник по археологии искусства». Среди друзей был и юрист Фридрих Блюме, имевший значительные труды по истории римского права. Юрист Вильгельм Эдуард Альбрехт, который наряду с работами по немецкому праву занимался методологией германистики. Ориенталист и исследователь библии Эвальд, изучавший в разных библиотеках восточные рукописи, как братья Гримм — германские. Пожалуй, одним из самых близких друзей Гриммов стал историк и литературовед Георг Готтфрид Гервинус.

Братья Гримм постепенно обживались в кругу геттингенских ученых. Конечно, были и малоприятные моменты — утомлял быт. Но, оглядываясь назад спустя

годы, Якоб признавался, что в Геттингене перед ними открылась «более почетная и более обеспеченная жизнь». Они здесь пустили и прочные семейные корни. В марте 1830 года Дортхен родила второго сына Рудольфа, а потом и дочь Августу.

В феврале 1831 года Вильгельм Гримм был назначен экстраординарным профессором университета с сохранением места библиотекаря. Оба брата продолжали работать вместе в тесном единстве, как это было в Касселе. Теперь они были библиотекарями и одновременно профессорами университета и могли передавать молодому поколению германистов свои знания не только печатным, но и живым словом.

Библиотекари и преподаватели

В этот так называемый геттингенский период деятельности братьев Гримм обстановка в Германии да и в Европе в целом оставалась беспокойной. В июле 1830 года, в год переезда братьев в Геттинген, в Париже восстал французский народ, потребовавший демократического избирательного права и свободы печати. Король Карл Хотрекся от престола. С политической арены исчезли старшие Бурбоны. Либеральный герцог Луи Филипп Орлеанский был провозглашен «королем» французов. Народы не желали больше мириться с абсолютистским правлением и требовали осуществления своих прав. Июльская революция всколыхнула народные массы и на немецкой земле. Правящие круги пошли на некоторые уступки. За произвол и бесчинства был изгнан герцог Брауншвейгский. Гессенское курфюршество, а также королевства Саксонское и Ганноверское, то есть земля, на которой в это время жили братья Гримм, были вынуждены, уступая настроению народа, принять конституции. Но брожение продолжалось. «Гамбахское празднество», состоявшееся в 1832 году в честь годовщины баварской конституции, проходило весьма бурно, в выступлениях либеральных и радикальных ораторов звучали республиканские нотки. Такие настроения показались опасными власти имущим. Были приняты резкие меры против политических объединений, крупных собраний и демонстраций. Великим благом стало основание в 1833 году «Немецкого таможенного союза», в котором под руководством Пруссии экономически объединилось большинство немецких земель, за исключением Австрии.

Можно было только надеяться, что стремление к объединению положит конец разрозненности мелких государств. Многие в то время потеряли веру в действительно свободное будущее и предпочли покинуть старую Европу. Тысячи людей устремились за океан, в Соединенные Штаты Америки, надеясь там обрести свободу.

Такое путешествие за океан было не для братьев Гримм. Их дороги пролегали между книжными полками библиотеки. И эти дороги лишь при поверхностном взгляде казались узкими. Ведь книги уводили их в глубь веков, тысячелетий, в дальние страны. За корешками книг с тисненными золотом названиями им виделся весь мир.

Конечно, в их работе было много и мелкого, бесполезного, бюрократического, отнимавшего у таких творческих людей время, за которое они могли бы сделать нечто более значительное и важное. Вначале Якоб жаловался: «Местный образ жизни пока еще не очень-то приятен». Несколько месяцев спустя: «Эта библиотека представляет собой колесо, в котором я ежедневно тоже должен крутиться целых шесть часов, и притом без какой-либо внутренней радости от работы. Ведь что я делаю? Одни книги разыскиваю, другие расставляю по местам — все это в постоянной беготне, переписываю предметный каталог всей английской истории на отдельные карточки, чтобы затем по ним составить новый каталог, то есть еще раз переписать». Имевшиеся рукописные каталоги были составлены так плотно, строка к строке, что их нужно было переделывать. И конца этой работы не было видно. Кроме того, нужно было внимательно прочитывать каталоги аукционов, выискивать нужные для библиотеки книги, с тем чтобы потом их приобрести. Якоб постоянно расстраивался оттого, что никак не мог найти нужные книги. В библиотеке было привычным, что

вновь поступившие издания в листах целый год лежали переплетенными. Пока они проходили через переплетчиков и рецензентов, уходило немало времени. Обычно новыми книгами даже через три года еще нельзя было пользоваться.

Зимой рабочее время было немного короче, меньше библиотечных часов было и во время четырехнедельных каникул. По словам Якоба, библиотека — «это вечно голодный зверь». Он писал: «Здесь много прекрасных, редких книг; но какой в них прок для меня, если я не могу их читать, даже перелистать; мне приходится лишь вносить их в каталог, доставать и расставлять по стеллажам». Лишь в 1832 году Якоба освободили от послеобеденных часов в библиотеке, чтобы он мог больше времени посвящать лекциям. И только в 1835 году он сообщил друзьям, что в библиотеке теперь он должен появляться только по средам и субботам, так как руководство университета стало больше поручать ему читать лекций. На протяжении нескольких лет Якоб буквально разрывался между работой в библиотеке и преподавательской и творческой деятельностью.

У Вильгельма вновь ухудшилось здоровье. В начале тридцатых годов в Геттингене, когда народ выступал против полицейского и административного насилия и боролся за конституционные права, была введена охрана общественных зданий. В январскую стужу 1831 года как-то Вильгельму пришлось исполнять обязанности ночного сторожа в библиотеке, он сильно простудился, поднялась высокая температура, началось воспаление легких. Его жизнь была в опасности. Якоб, обеспокоенный состоянием брата, писал: «С каким страхом я сидел в эти тяжелые дни за его столом, около его вещей, как трогало меня все, на что падал мой взгляд, — его книги, рукописи. Порядок, чистота повсюду, и мысль о том, что в один миг все может пропасть и я всю жизнь буду постоянно горевать и

тосковать по нему; я не могу об этом писать. Я могу лишь сказать, что горячо молил бога и горячо благодарил его за проявленную к нам милость».

Он сделал эту запись, когда Вильгельму стало уже лучше. Тогда же Вильгельму сообщили, что как раз в один из дней января 1831 года скончался его друг Ахим фон Арним. Позже в предисловии к подготовленному собранию сочинений Арнима Вильгельм написал: «Я никогда не думал, что мне суждено будет пережить его; в тот самый день, когда он ушел от нас, пораженный нервным ударом, я сам стоял на краю могилы, и траурное послание было первым, что я увидел после возвращения к жизни».

Только систематический, ежедневный труд в чередовании с отдыхом мог поправить здоровье Вильгельма. В пять часов утра он был уже на ногах, пил эмсскую минеральную воду и шел гулять. Дообеденное и послеобеденное время проводил в библиотеке. Вечером, по его же словам, он чувствовал себя как «лошадь, на которой возили целый день».

В последующие годы болезнь Вильгельма повторялась. Так было и в зиму с 1834 на 1835 год. Более чем на полгода ему пришлось на этот раз оставить службу в библиотеке. После очередного выздоровления Вильгельм, казалось, стал другим человеком: нелюдимый, впадал в депрессию, механически выполнял свои служебные обязанности. Тонкая, поэтическая душа этого человека оказалась под угрозой. Якоб так описывал состояние Вильгельма: «Хотя господь бог почти полностью и восстановил его физическое здоровье, нервное расстройство и душевная подавленность остаются и даже все больше дают о себе знать».

В 1835 году Вильгельма назначили штатным профессором Геттингенского университета, и он таким образом занял равное со своим братом положение.

Теперь можно было надеяться, что это придаст ему больше энергии и вернет интерес к жизни.

Братьев уже высоко ценили как преподавателей. Представителям такой молодой пауки, как германистика, приходилось преодолевать тогда большие трудности. Не хватало учебников, текстов, справочников. Издание старинных текстов только начиналось. Даже Якоб Гримм, который в полной мере владел материалом, признавался, что «каждый час лекции требовал много нового и основательной подготовки». С другой стороны, процесс обучения в то время был легче, чем сегодня, когда в огромные аудитории на лекции собираются сотни студентов. От этого почти полностью потерялись связи и личный контакт между преподавателями и студентами. В те времена было уже хорошо, если на лекции присутствовало двадцать, тридцать, максимум сорок слушателей. Якоб как-то жаловался своему коллеге Лахману: «Мой запланированный курс лекций об Отфриде не состоялся, так как я не хотел начинать лекции, не имея хотя бы двенадцати слушателей; вначале записались только семь, затем еще двое, и на этой неделе, когда я уже выбросил его из головы, появилось еще двое...» Позднее он рассказывал Мойзебаху, что на лекцию по немецкой грамматике записались двадцать четыре слушателя, и признался здесь же, что их становилось все меньше и меньше по мере чтения курса.

При такой домашней, почти интимной обстановке братья Гримм пользовались залом их соседа по дому археолога Отфрида Мюллера. Рассказывая о своем брате, Вильгельм так описывал эту почти патриархальную атмосферу. «Когда он (Якоб) в первый раз вошел в аудиторию, я приоткрыл дверь и стал смотреть на его спокойное и доброе лицо... на то, как он медленно спускался по ступенькам — эта картина будет

стоять перед моими глазами, пока я жив. Окна аудитории выходят на улицу, и Герман (мой сын), пока няня стояла с ним у дверей, несколько раз подбегал к окну, громко крича: «А там стоит апапа!» Малыш, едва начав говорить, придумал такое слово и постоянно так обращался к Якобу, приводя его в восхищение; поэтому мы, пока продолжалась лекция, должны были держать его наверху».

Во время лекции Якоб держался естественно и непринужденно, не умел скрывать своих чувств. Однажды, когда его брат был болен, он вдруг прервал лекцию, задумавшись о чем-то, помолчал, потом, как бы извиняясь перед слушателями, тихо сказал: «Мой брат тяжело болен».

Совсем иной, официальной, была его речь, которую он произнес 13 ноября 1830 года как традиционную академическую при вступлении в должность. Он читал ее на латинском языке, она называлась «*De desiderio patriae*», и в ней звучала тоска по дому. По-видимому, выбор этой темы был не случаен — здесь, в Геттингене, он часто думал о своей родине — Гессене. В речи он показал, не ссылаясь на свое личное состояние, как сам язык может вызывать эту тоску. Он считал, что родной язык обладает такой силой, которая притягивает к дому и дает о себе знать, как только человек покидает родину. Язык способен пробудить или укрепить в народе чувство взаимного единства.

Лекции, которые читал Якоб, касались в первую очередь вопросов грамматики, памятников древнего права, истории литературы и изучения литературных источников. В цикл своих лекций он включил и «Германию» Тацита.

Историк литературы Карл Гедеке, изучавший в эти годы философию в Геттингене и написавший потом «Очерк истории немецкой литературы», так описывал лекции преподавателя Якоба Гримма: «Кое-кто еще

помнит невысокого живого человека на кафедре, его хрипловатый голос с сильным гессенским акцентом. Он читал лекции не по конспекту — небольшого листка бумаги, на котором записано несколько имен, слов и цифр, было вполне достаточно для его не сравнимой ни с чьей памятью... Но все же лекции не оправдывали ожиданий. Действительно, в них часто возникали меткие образы и прекрасные картины, которыми так богаты его произведения, но в устном изложении они воздействовали не так, как в книгах; он рисовал их наспех, как-то судорожно, иногда прерывал льющийся поток фактических данных, вызывая тем самым неприятные ощущения. В книгах же эти образы, хорошо увязанные с контекстом, помогали не только по-новому повернуть мысль, но и развить, расцветить ее: «Мысль — молния, слово — гром; согласные — это скелет, гласные — это кровь языка». Внешне хрупкий, небольшого роста, он вместе с тем чем-то напоминал старинных воинов, которые, отстегнув и сняв шлемы, отдыхали на воздухе, чтобы потом, собравшись духом, вступить в бой. Он сам себя сравнивал с ними. У них сила рождалась в бою, у него — в работе».

Постепенно лекции Якоба Гримма привлекали к себе все больше и больше слушателей. В 1833 году его грамматический курс слушали даже двое англичан, хотя они едва понимали по-немецки. А в 1834 году он читал лекции уже «тридцати двум прилежным студентам». На его еженедельную четырехчасовую лекцию по истории литературы собиралось даже до пятидесяти восьми человек — для того времени это было массовым посещением.

За свои труды Якоб Гримм получил необычный по тем временам чин «гофрата» — надворного советника.

Вильгельму, часто болевшему в эти годы, приходилось затрачивать гораздо больше сил и времени на подготовку к лекциям. Спокойная и уверенная манера

изложения материала снискала ему славу прекрасного преподавателя. Вильгельм начал курс лекций не с малодоступных и требующих больших знаний предметов, как это сделал его брат, а предпочел им общедоступную, поэтическую тему. Его первая лекция была посвящена «Песни о Нибелунгах», которую еще в своих «Немецких героических сказаниях» он назвал «завершенным, законченным творением». Затем читал лекции по эпосу «Гудрун» и «Разумению» Фрейданка — удивительному произведению, возникшему в начале XIII столетия, в период участия в крестовом походе императора Фридриха II.

Чисто языковые проблемы Вильгельм оставлял для брата. Он же с большим удовольствием занимался прекрасным плодом языка — поэзией! Произнося в Геттингенском университете вступительную речь о связи истории и поэзии, он нашел такие слова: «Поэзия — это первое и самое простое, но одновременно самое великолепное средство, данное человеку, чтобы выразить высоту чувства и глубину познания. Поэзия — это сокровищница, которую народ пополняет своими духовными достижениями. Поэзия, поскольку она пользуется простым и весьма совершенным средством, с самого начала данным ей, — я имею в виду то чудо, называемое человеческим языком, — может найти способ выражения на самых различных ступенях духовности, найти путь к сердцу человека как с помощью простого и безыскусного, так и через посредство великолепия самого изысканного стиля».

Вновь научные пути обоих братьев сошлись у «чуда, называемого человеческим языком».

Счастье и испытания геттингенских лет

В первые же годы пребывания в Геттингене братья Гримм столкнулись с немалыми трудностями. Приходилось вести работу одновременно в трех направлениях. Во-первых, их основная работа в библиотеке, кроме того, как профессора, они читали лекции в университете, и, наконец, им хотелось еще иметь время для научных исследований. Естественно, такое расчленение повлекло за собой нервозность, торопливость, а ведь братья привыкли продуктивно трудиться в условиях душевного покоя и равновесия. «Я должен учиться работать более рассеянно и менее собранно», — жаловался Якоб. Правда, со временем положение изменилось в лучшую сторону: братья были освобождены от некоторых обязанностей в библиотеке, а значит, могли больше уделять внимания преподавательской и исследовательской работе.

Опять ухудшилось здоровье Вильгельма. Болезни не оставляли и других членов семьи Гриммов. В мае 1833 года жена Вильгельма Дортхен поехала в Кассель, чтобы помочь по хозяйству Лотте, ожидавшей ребенка. Тяжелый грипп уложил Лотту в постель, затем последовало осложнение — воспаление легких. Ребенок родился преждевременно, но все же выжил. Мать была настолько слаба, что все опасались за ее жизнь. Но благодаря заботливому уходу Дортхен она стала постепенно поправляться. Но тут заразилась гриппом и тяжело заболела Дортхен.

Когда, казалось, опасность уже миновала и Дортхен медленно поправлялась, вновь поднялась высокая температура у Лотты — началось воспаление спинного мозга. Напрасно пытались бороться с болезнью самыми

сильными средствами. Смертельно больная, она молча лежала в постели. 15 июня 1833 года Лотта скончалась, оставив мужу четверых маленьких детей. Ее постигла судьба матери, которая тоже безвременно ушла от своих детей.

Якоб писал о тех скорбных днях: «Она скончалась в девять часов утра, не приходя в сознание. Лишившись речи, она еще в течение двенадцати часов была в сознании, и все это время напевала трогательные мелодии, стараясь сделать так, чтобы ее поняли. Я ничего не говорю о нашем огромном горе. Черты ее лица выражали неописуемую доброту и любовь. Вместе с ней уйдет и этот облик, если не повторится он у кого-либо из ее детей; пока же дети не похожи на нее».

Вильгельм, также глубоко потрясенный смертью сестры, долго вспоминал, как она поцеловала его уже после того, как потеряла речь, как он давал ей в последний раз лекарство, держал ее руку до тех пор, пока не перестал ощущать пульс. Вильгельм тогда писал: «Странная и непостижимая эта вещь — человеческое сердце, но теперь живее, чем когда-либо, я ощутил, что любовь является единственно достойной памяти, навсегда оставаясь, когда остальное исчезает».

Лотту похоронили на кассельском кладбище рядом с матерью.

Одно утешение, что дети были здоровы. Малыш, жизнь которому подарила уже больная мать, находился у няньки. Дортхен, окрестив осиротевшего ребенка, возвратилась со своими детьми в Геттинген.

Для братьев это был тяжелейший удар. И только ежедневный труд и забота друг о друге помогли им справиться с этим горем и сохранить самообладание. Дортхен была не только любящей супругой для Вильгельма, доброй матерью для детей, но и настоящей сестрой для Якоба, своего зятя. Не нужно беспокоиться о еде — стол всегда был накрыт. А когда он возвращался

с любимой вечерней прогулки по старинному валу в свою рабочую комнату, то находил ее всегда убранной. У братьев было много друзей, и они охотно с ними встречались. Особенно открытым и общительным был Вильгельм, правда, если его не мучила болезнь.

Все чаще братья замечали, как техника входит в быт и облегчает его. Уже не требовалось больше заострять гусиные перья — только что появились стальные. А чтобы зажечь свечу, можно было воспользоваться недавно изобретенными спичками. Это были мелочи, но с них-то и начались изменения в повседневной жизни. Событием стал тот факт, что в 1835 году в Германии между Нюрнбергом и Фюртом была впервые пущена железная дорога. И уже тогда немецкий ученый-экономист Фридрих Лист работал над проектом единой железнодорожной системы Германии. Эта идея была революционной по тому времени: сокращались расстояния между городами и целыми европейскими государствами. Еще в начале тридцатых годов, совершая поездку из одного города в другой, приходилось медленно тащиться в старой дедовской почтовой карете. Якоб так описывал одно такое путешествие в Южную Германию: «Вот я вновь проехал в кабриолете небольшой кусочек земли, сидя все время впереди; перед собой я видел бегущих лошадей и почтальонов сначала в красных, потом в синих и наконец в желтых сюртуках, с рожками, которые подпрыгивали у них на спинах в такт движению, но на которых они не играли; я ехал через луга, пахнущие особенно по ночам свежескошенной травой, и через леса, наполненные ароматом опавшей листвы и еловых шишек».

Поездка до Швейцарии через Южную Германию длилась недели, но для Якоба такое путешествие было незабываемым. Он поднимался на гору Риги, и перед

ним открывался великолепный вид. Разумеется, бывал он и в библиотеках, разыскивал нужные документы и рукописи.

После тяжелого лета 1833 года Вильгельм тоже предпринял путешествие — захотелось еще раз посмотреть на воспетый в песнях Рейн, и он согласился с похвалой поэта: «В душе моей неопишное чувство, когда я вновь гляжу на Рейн и его милые сердцу берега, его тучные поля, ухоженные деревья. Чудесным вечером мы сидели на балконе замка Йоганнисберг за бутылкой старого рейнского и, кажется, были счастливее самого князя Меттерниха; правда, за это вино нужно было платить золотом, но по сравнению с ним все другие — просто хороший уксус». Это были часы отдохновения.

В Германии, где по-прежнему подавлялось любое свободомыслие, несмотря ни на что, интенсивно развивались наука и культура. Так, отталкиваясь от научной работы братьев Гримм, мюнхенский библиотечарь и профессор Андреас Шмеллер составил «Баварский словарь». Фридрих Диц, опираясь на их грамматические работы и продолжая изучение романской филологии, в 1836 году начал составлять «Грамматику романских языков». Значительный шаг сделала историческая наука после того, как в 1834 году Ранке опубликовал труд «Папы римские». Бессмертные произведения дала литература. В 1831 году Граббе воскресил «Сто дней Наполеона», в этом же году появились «Волны моря и любви» Грильпарцера, Ленау выпустил свои меланхолические «Стихотворения» (1832 г.), Мерики — «Художника Нольтена» (1832 г.), Нестрой вызвал на сцену «Злого духа Лумпацивагабундуса» (1833 г.), Раймунд создал «Расточителя» (1834 г.), а Бюхнер «Смертью Дантона» (1835 г.) еще раз напомнил современникам о событиях французской революции.

Творческий дух царил и в рабочих кабинетах братьев Гримм. Цель своей жизни братья видели в том, чтобы сохранить для последующих поколений то ценное в языке и литературе, что создал народ на протяжении тысячелетий. Результатом их труда стал целый ряд научных статей для журнала «Геттингенские ученые записки». Однако по-прежнему главное для них — это книги.

Якоб продолжал трудиться в области языка, и, надо сказать, он превосходно владел этой областью науки. По словам его ученика Гедеке, «работа легко слетала с его рук».

В Геттингене Якоб еще раз определил предмет своих научных изысканий: «Наш старый язык, поэтическое искусство и право». И считал это достойным и серьезным делом во имя любви к родине.

Несмотря на чрезвычайную занятость в библиотеке и университете, Якоб уже в первый год пребывания в Геттингене начал собирать материал для третьего тома «Немецкой грамматики». Неделя за неделей, лист за листом настойчиво и методично готовил он рукопись к изданию; частями рукопись поступала в типографию и печаталась. На исходе лета 1831 года третий том вышел в свет. Как и второй том, в основном он был посвящен теории словообразования.

С присущей ему скромностью Якоб говорил, что пока достигнуто ненамного больше «того ощущения, что начатое требует и достойного продолжения». С другой стороны, гордился, что в работе «он летел на собственных крыльях», полностью сознавая оригинальность своего труда.

Следующий том «Грамматики» Якоб предполагал посвятить синтаксису. К работе над этой частью он предъявлял определенные требования: «Если взять только тринадцатое столетие, то для наших предстоящих исследований необходимо издать и

сделать общедоступными по меньшей мере еще сто тысяч стихов, одно только это покажет и объяснит, сколько ошибок и недостатков неизбежно возникает при создании исторической грамматики немецкого языка».

Якоб понимал, что нехватка материала не позволяет ему исчерпать тему до конца. Но его натура первооткрывателя проявилась как раз в том, что он осмелился на это: кто шагает по неизведанному, тот постоянно рискует. У Якоба Гримма эта готовность к риску стала предпосылкой новаторских работ. В эпоху засилья классических языков он помог немецкому языку обрести равное с ними место.

Во введении к этой серьезной книге есть прекрасные слова, помогающие нам лучше понять Якоба как человека. Обращаясь к больному брату, он пишет: «Дорогой Вильгельм, когда прошлой зимой ты тяжело болел, мне казалось, что ты уже не увидишь эту книгу... У меня было такое чувство, что я писал ее только для тебя, и, если бы тебя не стало, я не смог бы дописать ее до конца. Божьей милостью болезнь отступила, и ты жив, поэтому эта книга по праву принадлежит и тебе. Хотя и говорят, что книги пишутся для потомков, но гораздо вернее будет сказать, что каждая из них предназначена для узкого круга современников — только они и могут по-настоящему понять написанное, чего не могут потомки. По крайней мере, это так, когда мои книги читаешь ты, человек, который отлично знает, что я могу и чего не могу, знает достоинства и недостатки моих работ. Мне это гораздо приятнее, чем их прочла бы сотня других людей, которые меня то здесь, то там не понимают или для которых моя работа во многом безразлична. Ты же принимаешь самое постоянное и неизменное участие не только в работе, но и во мне. Будь же ею по-братски доволен!»

После издания третьего тома «Грамматики», который оказался не таким объемистым, как два первых,

но все же состоял из восьмисот страниц, Якоб отложил на время эту работу. И решил заняться другой темой, которая интересовала его с давних пор.

С 1811 года его привлекали сказки о Рейнеке-Лисе; Якоб отыскивал материалы в библиотеках, собирал различные рукописные варианты не только в Германии, но и в Италии, во Франции, выписал из них десятки тысяч стихов. Вильгельм помогал ему. Братья собирались выпустить совместное издание этой книги. Но другие работы все мешали осуществлению этого замысла. И вот в Геттингене Якоб, теперь уже один, вернулся к этой работе, завершил ее и опубликовал. В книгу «Рейнеке-Лис» вошли римские, средневерхненемецкие и средненижненемецкие литературные варианты этой сказки о животных. Книга вышла в начале 1834 года. Но и после этого Якоб сохранил интерес к теме о животных. Так, в сентябре того же года он предпринял поездки в Бельгию и Париж, чтобы собрать материалы о хитром лисе Рейнеке и волке Изегриме.

Одновременно Якоб Гримм работает над «Немецкой мифологией». О своем намерении «написать что-нибудь о немецкой мифологии» он сообщал друзьям еще в 1832 году. В 1834 году характерным для него образным языком он писал Мойзебаху: «Как Вы знаете, во мне зреет мифологическое дитя, но я могу заниматься им только по средам утром и по воскресеньям утром и после обеда, так что пройдет еще немало времени, пока я что-нибудь произведу на свет». Однако прошло немного времени, и, неустанный труженик, не дававший себе отдыха даже в воскресные дни, он сумел уже летом того же, 1834 года сдать книгу в печать. Он работал так же, как и над «Грамматикой», то есть не ожидал, пока будет закончена вся рукопись, а сдавал в типографию лист за листом. В октябре 1835 года это издание было закончено.

Еще один труд в тысячу страниц! В этой книге открылось поэтическое богатство старых мифов во всем своем великолепии. Ожили Один и Донар, Бальдур и Локи, Циу и Геймдал, Фрейя, Хольда и Берхта, а также многие другие божества древнегерманской мифологии. Со страниц книги сошли норны, валькирии, девы-лебеди, русалки, нимфы, водяные, эльфы, карлики, великаны и, конечно же, злые духи, ведьмы, призраки, колдуны. Вновь обрели жизнь мифы, в которых сохранились представления древних народов о сотворении мира, о природе стихий, о происхождении деревьев и животных, о смене дня и ночи, о смерти, судьбе, грехе и искуплении. И хотя Якоб подошел к решению этой задачи с научных позиций, как ученый-систематизатор, привлекая весьма обширный материал, в то же время написана книга ярким, образным языком.

И вот после создания такого фундаментального труда Якоб с присущей ему скромностью писал друзьям о своей книге: «Я буду доволен, если она станет полезной и проложит дорогу тому новому, что уже созрело и что еще готово прорасти». Как видно, он не считал свой труд законченным, а надеялся на доработку и в дальнейшем. И действительно, этот труд послужил толчком для многих исследовательских работ и началом новой науки — мифологии. К этой объемистой книге впоследствии постоянно обращались поэты и художники, они находили в ней близкие им сюжеты и мотивы.

Как говорил германист Вильгельм Шерер, этой книгой можно было «просто упиваться». Так же, как «Героические сказания» Вильгельма Гримма, «Мифология» Якоба Гримма побудила к творчеству многих современников. Якоб и сам испытывал особое удовлетворение от этой работы. Широко, с богатой фантазией и точностью, мастерски раскрыл он тему. После этого Якоба, блестящего прозаика, который в

своих трудах соединял богатство образов с ясностью изложения, стали называть «выдающимся мастером поэтического языка».

В предисловии к изданию он так сформулировал поставленную им цель: «Сравнивая древние и остающиеся вне поля зрения более поздние источники, я старался показать в других книгах, что наши предки, вплоть до языческого периода, говорили не на диком, грубом, не знавшем никаких правил языке, а на языке гибком и развитом, с незапамятных времен располагавшем к поэзии, что они жили не беспорядочной, дикой ордой, а в свободном союзе, по издревле сохранившимся разумным понятиям о справедливости, соблюдая суровые и прекрасные обычаи. Теми же, и никакими иными средствами я и в данном случае хотел показать, что их сердца были полны верой в бога и божества, что их жизнь была наполнена простыми и прекрасными, хотя и несовершенными, представлениями о высших существах, о радости победы и презрении к смерти... Народ, язык и нравы которого со времен далекого прошлого сохранились в здоровом виде до сих пор, не мог обойтись без религии».

В своей работе Якоб обращался и к Тациту, у которого германские боги назывались латинскими именами. Ученый хорошо знал творчество Тацита, ведь об этом античном авторе он читал курс лекций в Геттингенском университете. В том же году, когда появилась «Мифология» (1835 г.), Якоб подготовил к изданию «Германию» Тацита — еще один «побочный продукт» его основных занятий.

Едва появились «Мифология» и «Германия», как в октябре того же 1835 года издатель Дитерих поставил Якоба Гримма перед суровым выбором: взяться за четвертый том «Немецкой грамматики» или переработать еще раз первый. Поскольку Якоб всегда с

большим удовольствием брался за новое, в наступившую зиму он начал наряду с чтением лекций работу над заключительной, четвертой частью «Грамматики». Время от времени он жаловался на «тяжесть четвертого тома», но уже в октябре 1837 года смог подарить друзьям готовую книгу. Книга одновременно была задумана как подарок Геттингенскому университету к его столетнему юбилею.

Рассмотрев в предыдущих книгах «слова и их элементы», то есть «звук, корни, словообразование и флексии», Якоб перешел теперь к построению предложений — к синтаксису. Материал разросся опять почти до тысячи страниц. Несмотря на это, Якоб не считал работу законченной, по его словам, «цель достигнута лишь наполовину».

Делая передышку на трудном пути грамматических изысканий, он писал: «Когда путник, оставляя позади пустынные поля, зной летнего дня, возвращается вечером по узкой садовой дорожке домой, стряхивая пыль на капли росы, то последние шаги он делает легко и свободно. Примерно с таким же настроением пишутся эпилоги, чтобы отчитаться о сделанном. Часто именно в этот момент нам вспоминается читатель, о котором мы, погруженные в свои мысли, по дороге почти не думали».

Как бы подытоживая многолетний труд по изучению немецкой грамматики, Якоб писал: «Кто займется исследованиями немецкого языка и у кого достанет сил их продолжать, тот с радостью обнаружит для себя, как характер и история нашего народа отражаются в свойствах и судьбе нашего языка. Существуют две основные противоположные черты, которые отличают немецкий склад ума, — крепкая привязанность к традиционному и тонкое чувство восприятия нового. Несклонные отказываться от того, что присуще их природе, немцы всегда были готовы вбирать в себя все духовное». Книгу о синтаксисе Якоб создавал именно

так: высоко оценивая старое и внимательно приглядываясь к новому.

И все же тема была раскрыта не до конца. Предполагался еще один, завершающий том. В качестве иллюстраций он хотел привести примеры из современной ему классической и романтической литературы, чтобы показать «вершину и венец немецкой грамматики». Однако дело до этого так и не дошло.

В предисловии к четвертому тому чувствуется некоторый пессимизм: «Не желая работать поубавилось, а уверенности; когда я начинал отыскивать и прокладывать первые тропинки в лесу нашего языка, я был уверен в успехе и радовался ему больше, чем сейчас, когда я наполовину сколотил корабль, который еще не может отправиться в плавание, и его надо еще долго тащить к воде канатами».

Якоб попытался объять необъятное: в одиночку создать то, что было под силу нескольким поколениям лингвистов. В нем было что-то от той гениальности, которая, как сказал Ромен Роллан, заставляла Микеланджело «ваять резцом из целых скал». Таланты могут доводить свои произведения до совершенства, но творения гениальных натур в сопоставлении с их замыслами всегда остаются только фрагментами. И тем не менее незавершенное продолжало жить и рождать новое. «Незаконченные симфонии», если можно так назвать труды такого требовательного ученого-лингвиста, каким был Якоб Гримм, побуждали потомков к дальнейшему изучению. Через сто лет после смерти Якоба «Neue Deutsche Biographie» писала, что «его творчество, положившее начало новой науке, отличается гениальной смелостью», его труд, посвященный грамматике, называется «новаторским, революционизирующим», «Большой Брокгауз» назвал Якоба «основателем германской филологии», заложившим основы «исторического исследования

германских языков». Да, Якоб Гримм как исследователь-языковед внес великий вклад в эту науку. Уместно будет процитировать Вильгельма Шерера, который создал собственную школу в истории литературы: «Если внимательно посмотреть на все это творение в целом, то можно сказать, что «Немецкая грамматика» Якоба Гримма представляет собой книгу, которую до тех пор мало кто замыслил и еще меньше пытался написать. В ней живет и правит сам дух немецкого языка. Никто не заглядывал так глубоко в его суть, как Якоб Гримм, никто столько не выведал его тайн».

Якоб учил рассматривать связи между древними языками и делать из этого выводы о жизни давно исчезнувших народов. По выражению Шерера, он умело использовал сравнительную этимологию «в качестве усовершенствованной подзорной трубы для рассмотрения огромных периодов древнейшей истории».

Вильгельм не создал трудов в тысячи страниц. Но он с огромным интересом следил за работой брата. В геттингенские годы Вильгельм много болел, и все же сделал он немало, в частности, издал произведения древне- и средневерхненемецкой поэзии, тем самым содействовал росту научного авторитета братьев-профессоров.

Еще в 1812 году братья Гримм совместно опубликовали жемчужину Кассельской библиотеки «Песнь о Гильдебранте» — самое древнее произведение германского героического эпоса. В конце 1829 — начале 1830 года, перед отъездом из Касселя Вильгельм еще раз самым тщательным образом исследовал его: «Этот отрывок из Гильдебранта — единственный дошедший до нас памятник эпической поэзии эпохи Каролингов, — писал он, — существующий в виде этой рукописи». Вильгельму хотелось как можно точнее воспроизвести оригинал, чтобы сохранить произведение для потомков на случай повреждения или утери оставшихся немногих

страниц подлинника. А серьезным предостережением о возможности подобного послужил тот факт, что в 1813 году в библиотечный зал попала граната. Приступая к работе, он поставил задачу — изготовить хорошего качества копию оригинала. При тогдашнем же уровне техники было непросто получить изображение, полностью соответствующее оригиналу. На подходящую тонкую бумагу он перевел всю рукопись, не пожалев на это ни времени, ни сил. Вильгельм был доволен: «Каждая строка, каждая буква находится на своем месте, не пропущен ни один штрих, не заполнен ни один стертый или поврежденный участок, выцветшие места воспроизведены бледной тушью, как в оригинале». Немалый опыт, приобретенный при переписывании тысяч стихов различных рукописных памятников, помог Вильгельму успешно справиться с этой работой. Написанная в начале IX века рукопись затем была размножена литографским способом. Спустя сто лет, в 1938 году, вышло факсимильное издание, выполненное уже современным способом. Насколько прав был Вильгельм Гримм в своих опасениях, что рукопись может пропасть, показали события 1945 года, когда «Песнь о Гильдебранте» действительно исчезла. Через некоторое время трудными путями, да и то лишь частично, она возвратилась в Кассель.

Издание «Песни» помечено 1830 годом. Четыре года спустя вышла большая по объему книга — «Разумение» Фрейданка. Еще в зимний семестр 1832/33 года он прочел об этом дидактическом стихотворении XIII века лекцию в Геттингенском университете. И вот теперь Вильгельм предпринял историко-критическое издание, то есть осуществил скрупулезный «анализ всех известных источников и вспомогательных материалов, включив две небольшие рукописи». Он не только изучил печатные издания XVI века, но и использовал восемнадцать средневековых манускриптов.

«Разумение» Фрейданка — это произведение о путешественнике, образованном человеке, который излагает свои взгляды на жизнь в рифмованных стихах. Вильгельм Гримм считал это произведение зеркалом средневековья, особую ценность представляли для него вплетенные в текст многочисленные народные пословицы. «Таким образом, одновременно мы получили собрание лучших народных пословиц, — говорил Вильгельм, — которые в начале XIII века были широко распространены преимущественно в южной части Германии, или, если хотите, изложение популярной философии».

В 1836 году Вильгельм опубликовал «Цветник роз» — произведение героического эпоса из цикла о Дитрихе. Это история борьбы между Зигфридом и Дитрихом перед садом роз около Вормса, который охраняла Кримхильда. Вильгельм Гримм обнаружил неизвестный текст эпоса о саде роз, относившийся к XV веку, и тщательно переписал его. Ему хотелось сделать доступным для науки этот вариант текста. Вступительная статья о возникновении и развитии средневековой поэзии существенно обогатила произведение.

Осуществляя эти публикации в геттингенские годы, Вильгельм тем самым дополнял и расширял область деятельности брата. Одновременно он взял на себя основную часть работы по подготовке нового, «третьего, расширенного и переработанного издания» обоих томов «Сказок». В 1836 году он писал профессору филологии в Бонне Фридриху Готтлибу Велькеру: «Я тружусь над новым изданием более расширенного сборника сказок, в котором будет кое-что новое, многое будет улучшено и переработано». Вильгельму теперь уже одному приходится работать над сборником сказок, так как Якоб перегружен другими делами. Вильгельму давно хотелось вернуться к этой работе, чтобы придать

сборнику законченную, изящную языковую форму, не нарушая при этом чисто народного звучания.

Третье издание «Сказок» появилось в 1837 году в виде двух внушительных книг. Вильгельм Гримм писал о только что появившемся сборнике в «Геттингенских ученых записках»: «Получилась книга, которую мы на протяжении 25 лет не упускали случая пополнять. Настоящее издание увеличено не только за счет целого ряда новых сказок, многие уже известные сказки переработаны, в отдельных местах они в чем-то улучшены или дополнены».

И все же прошла четверть века с момента появления первого сборника сказок, прежде чем вышло третье издание «большого» сборника. К тому времени уже «Сказки» были изданы на иностранных языках, в том числе на английском и французском. В последующие годы «большой» и «малый» сборники появлялись все чаще. Книга, тираж которой когда-то составлял всего несколько сотен экземпляров, начала свое беспримерное победное шествие. До 1886 года вышло 21 издание «большого» сборника, «малый» сборник выдержал 34 издания. В дальнейшем количество переизданий и тиражи выросли настолько, что сосчитать их стало просто невозможно. Такого всемирного успеха братья Гримм тогда не могли даже предположить.

Они по-прежнему оставались весьма скромными людьми. В 1837 году по случаю выхода в свет третьего издания «Сказок» Вильгельм Гримм писал юристу Фридриху Блюме: «Я шлю Вам новое издание «Сказок»; поставьте книгу в Ваш книжный шкаф и, когда у Вас однажды появится желание и время, прочтите в ней новые вещи. Вам покажется, что я послал нечто старое и хорошо знакомое, что ж, расценивайте это как знак неизменной любви к Вам».

Беттина фон Арним, сестра Брентано, получила это произведение со следующим посвящением: «Дорогая

Беттина, эта книга в очередной раз возвращается к Вам, словно улетевший голубь, который ищет и вновь находит родину, а найдя, наслаждается покоем и солнцем. Двадцать пять лет назад Арним в первый раз передал ее Вам среди других рождественских подарков — она была в зеленом переплете с золотым обрезом. Благородный Арним уже много лет покоится в могиле, а меня до сих пор воспоминание об этом волнует так, как будто я видел его в последний раз только вчера, как будто он все еще стоит на покрытой зеленью земле, словно дерево, встречающее лучи утреннего солнца. Ваши дети выросли, им больше не нужны сказки. Вряд ли у Вас бывает повод их снова почитать, но все же непобедимая молодость Вашего сердца с удовлетворением примет этот подарок как проявление верной дружбы и любви».

Итак, к концу 1837 года братья Гримм нашли читателей своих сказок и преданий не только среди детей, но и среди взрослых, сохранивших «непобедимую молодость». Эти сборники сказок дали им вторую жизнь в народе. Неоспоримым стал и их авторитет в европейском научном мире. Многие академии и научные общества считали их своими членами. Так, они были членами Берлинской академии наук, а потом то вместе, то порознь приглашались в качестве почетных членов научными обществами Италии, Нидерландов, Дании. Франции и Швеции. Их ценили профессора и преподаватели Геттингенского университета. Уважали студенты. У них были все основания довольствоваться укрепившимся положением. Казалось, никакая опасность не угрожала ни им, ни их научным поискам.

И вдруг как гром с ясного неба! На собственном опыте они испытали, что удары судьбы приходятся именно тогда, когда ожидаешь их меньше всего.

«Геттингенская семерка»

То, что произошло с братьями Гримм, вошло в историю как выступление «геттингенской семерки».

Земля Ганновер, к которой относился Геттинген, по решению Венского конгресса была провозглашена королевством и вошла в унию с Великобританией. В 1830 году общим королем Великобритании, Ирландии, а также земли Ганновер стал Вильгельм IV. Но в ходе борьбы за конституционные права, широко развернувшейся в землях Германии в XIX веке, король предоставил в 1833 году Ганноверу конституцию. Это фактически означало принятие юридического закона, который не охранял больше произвол, абсолютистскую власть государя и устанавливал правовые взаимоотношения между монархом и его подданными. Народ уже не зависел целиком и полностью от власти одного лица. Глава государства также должен придерживаться положений выработанного закона. Но 20 июня 1837 года Вильгельм IV умер, не оставив законного наследника. А потому с его смертью пришел конец унии между Великобританией и Ганновером. Королем Ганновера стал брат Вильгельма IV Эрнст Август.

Новый своевольный властитель не желал ничего знать о конституционных вольностях, введенных в стране его братом. Его не интересовало, что на верность этой конституции присягнули государственные служащие, в том числе геттингенские профессора, а значит, и братья Гримм. Он появился в Ганновере спустя неделю после смерти брата и не пожелал дать присягу. Наоборот, он отложил собрание выбранных согласно конституции представителей. Поведение короля, с необузданным нравом которого уже успели

познакомиться, задевало всех. Уже в первые дни июля — лишь неделю спустя — Эрнст Август издал эдикт, в котором объявил, что конституция, по его мнению, является необязательной для короля. Он распорядился также о проведении проверки с целью выяснения возможности изменения действующей конституции или возвращения к прежней. Со свойственным ему коварством он заявлял: «Мы верим в старую любовь и верность ганноверского народа своему монарху, Мы верим, что Наши дорогие подданные ожидают нашей проверки вышеозначенного предмета спокойно и с полным доверием к Нашим благожелательным намерениям и будут находиться в убеждении, что, проводя проверку, Мы имеем в виду общее благо и процветание».

Эрнст Август обращался к «подданным», а не к гражданам государства. Министры, призванные защищать конституцию, бездействовали. Вместо того чтобы дать отпор, они молчали и крепко держались за свои кресла. Было объявлено, что король имеет право отменить присягу. Что же в таких условиях могло защитить конституцию? Король заручился поддержкой послушных ему людей, которые доказали, что конституция 1833 года была введена якобы незаконно. Хотя общественность и была возмущена, а Пруссия и Австрия выступили с предупреждениями, 1 ноября 1837 года Эрнст Август отменил конституцию 1833 года и ввел своей властью в действие более выгодную ему конституцию 1819 года. Служащие были освобождены от присяги. Это было явное нарушение законности со стороны монарха. Слова, сказанные им при этом, были лестными, но скрывали обман и коварство: «Наши верные подданные могут быть уверены в том, что Наши чувства к ним — это чувства отца к собственным детям». Одновременно с этим он заявлял ясно и жестко: «Поскольку Мы не считаем основным законом действующим

и обязательным для Нас, то Мы никоим образом не можем вести переговоры с представителями, избранными в соответствии с этим законом. В этих обстоятельствах Мы сочли своим долгом распустить собрание представителей и заявляем, что с настоящего момента основной закон государства 1833 года прекращает свое действие».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Общественность была потрясена. Неужели король имеет право отменить присягу, которую люди принесли перед богом? Возмущение царило и в университете, где студентам преподавали право. Именно там «особенно остро воспринимали и чувствовали все доброе и злое, происходящее в стране». Студенты потребовали, чтобы преподаватели на деле защитили принципы, которым они постоянно их учили.

Якоб Гримм, возмущенный происходящим, писал: «Преподаватели публичного права и политики должны черпать принципы общественной жизни из самого чистого источника своих убеждений и научных исследований; преподаватели истории ни на минуту не должны прекращать говорить о том, какое влияние на благосостояние или страдание народов оказывают конституция и правительство; преподаватели филологии, постоянно изучающие классиков по их захватывающим рассказам о древних правителях, должны на примере истории показывать, как влияет на развитие поэзии и даже состояние языка свобода или угнетение народа. Вряд ли нужно говорить, что теология и даже медицина в стремлении раскрыть тайны религии и природы должны укреплять потребность в тягу молодежи к святому, простому и истинному. Поэтому можно представить, как глубоко был потрясен университет известием об отмене конституции страны».

Так Якоб Гримм требовал, чтобы наука не только учила истине, но и в случае необходимости выступала на ее защиту в реальной жизни. Иначе как можно смотреть в глаза студентам, внимательно слушавшим речи своих профессоров! Ведь молодежь особенно остро чувствовала беззаконие и безошибочно могла определить, склонны ли их профессора сотрудничать с новой властью, или же за их красивыми словами последуют дела.

Ну и как же вели себя профессора? Нарушение закона со стороны короля было им всем, конечно же, не по душе. И все же несколько старых, уставших людей не пожелали подвергать себя каким-либо неприятностям. Другие же проявили полное равнодушие и были озабочены лишь собственными выгодами. Были и такие, которые «считали невыносимым несчастьем немилость в глазах монарха». Конечно, эти раболепствовавшие души приводили своим коллегам всевозможные мнимые причины для оправдания своего молчания. Некоторые считали, что в этой ситуации надо было думать не о всей стране, а следовало позаботиться о престиже университета. Но большинству преподавателей было ясно, что университет поставлен перед дилеммой: безвольно подчиниться королевскому диктату или воспользоваться обоснованным правом сопротивления. Короче говоря, ученые не были едины, хотя в первые недели отмены конституции «мнение горевших от гнева и стыда, тех, кто хотел соблюдать присягу, а не нарушать ее, преобладало».

Но со временем многие преподаватели отступили от своих убеждений, а иные просто проявили малодушие. В такой обстановке лишь несколько человек решили до конца выполнить свой долг, оставить в стороне личные интересы, сохранить верность своим принципам. В то время как чиновничество хранило молчание, семь профессоров решились на смелый поступок — выразить

королю недовольство его действиями. Или, как сказал Якоб Гримм: «В этой мучительной, неоднократно обсуждавшейся и затянувшейся ситуации кучка людей, сохранивших присутствие духа, решилась наконец сломать лед молчания, корка которого беззастенчиво и позорно затягивала всю страну».

18 ноября 1837 года протест семи профессоров был направлен королевскому попечительскому совету университета. Семь ученых мужей университета независимо друг от друга пришли к убеждению, что закон попросту должен оставаться законом. Авторы послания со всей ясностью говорили, что король, отменив конституцию 1833 года, виновен в нарушении ее. Подписавшиеся не могли допустить, чтобы основной закон прекратил свое существование под воздействием силы. «Более того, — писали они, — Ваш долг — публично заявить, что и впредь постоянно будете следовать присяге, принесенной основному закону государства». Они категорически заявляли, что воспитывать молодежь могут только в том случае, если не только их научные достижения, но и они сами, лично будут незапятнанными в глазах студентов и если студенчество будет продолжать доверять им. Если же они (профессора) будут выступать перед учащейся молодежью как люди, с поразительной легкостью изменяющие своей присяге, их труд будет бесполезным.

Кто же эти люди, захотевшие в жизни доказать правильность своих убеждений? Это историк Фридрих Кристоф Дальман, юрист Вильгельм Эдуард Альбрехт, Якоб Гримм, Вильгельм Гримм, литературовед Георг Готтфрид Гервинус, ориенталист Георг Генрих Эвальд и физик Вильгельм Эдуард Вебер — «геттингенская семерка».

Почему, считали они, нельзя открыто ответить королю? Почему нельзя заявить протест против произвола? Почему нельзя, с точки зрения христианства,

предостеречь монарха от несправедливости, которую он собирается совершить? История знает случаи, когда королю открывали правду и это приносило пользу. Конечно, из той же истории профессорам было известно и другое, когда, и довольно часто, поборники правды жестоко наказывались. Но утешением профессорам было сознание того, что, хотя таким борцам за правду и приходилось переносить страдания, их имена жили в памяти потомков многие столетия.

Разгневанный король отправился в охотничий замок Ротенкирхен, расположенный недалеко от Геттингена, чтобы оттуда образумить неуживчивых профессоров и «обрушить на протестующих всю меру своей немилости». На тех, кто хотя и не подписал протест, но сочувствовал им, оказывалось всяческое давление. Те же, кто подписал, должны предстать перед коллегией, которой было поручено расследование этого дела. Все семь мятежных профессоров признали без каких-либо оговорок свои подписи. 11 декабря в письме попечительскому совету университета они еще раз указали на этот факт: «Мы ни в чем не таились, напротив, мы убедили наших родственников, друзей и коллег в том, что единственный шаг, который нам оставался, совершен нами законно».

Но что может закон, если сила на стороне короля? В тот же день, 11 декабря 1837 года, король распорядился: «Составители протеста заявили в нем о неподчинении Нам, как своему законному государю и хозяину. Своими заявлениями упомянутые профессора, которые, кажется, совершенно не понимают, что Мы являемся единственным сюзереном и что служебная присяга должна приноситься только Нам, и никому другому, и тем самым только Мы одни обладаем правом полностью или частично освобождать от нее, окончательно расторгли те служебные отношения, в которых мы до сих пор находились; в связи с этим их

отстранение от доверенных им государственных преподавательских постов в университете Геттингена может рассматриваться лишь как неизбежное следствие. По священной, возложенной на Нас божественным провидением обязанности Мы не можем позволить людям, приверженным таким принципам, занимать далее доверенные им весьма влиятельные места профессоров, с полным правом опасаясь постепенного и неуклонного подрыва основ государства».

Королю пришлось не только вспомнить о «провидении», чтобы прикрыть собственный произвол, но и делать вид, будто протест профессоров поставил под угрозу основы государства. Король и государство были едины. Для Эрнста Августа тоже оставалось непреложным: «Государство — это я!»

12 декабря последовало дальнейшее распоряжение: некоторые из отстраненных профессоров, а именно Дальман, Якоб Гримм и Гервинус, считавшиеся зачинщиками, должны были покинуть пределы Ганноверского королевства в течение трех дней после вручения уведомления об увольнении. В случае несоблюдения этого срока изгнанникам грозили преследованием по всей строгости закона и они будут не иначе как «помещены в определенном месте королевства». Другим уволенным преподавателям: Альбрехту, Вильгельму Гримму, Эвальду и Веберу — разрешалось дальнейшее пребывание в Геттингене, если «они будут вести себя абсолютно спокойно».

Якобу было 53, Вильгельму — 52 года, когда они, приняв участие в протесте, лишились вдруг всего: положения, работы, средств к существованию — и стали изгнанниками. Подумать только, уважаемые профессора без чьей-либо просьбы или принуждения подвергли себя риску в таком возрасте из одного лишь сознания своего внутреннего долга. А людям, не имеющим состояния, в

этом возрасте трудно найти новый источник существования. К тому же у Вильгельма была семья. Якоб не мог жить без научных занятий. И вот семья, любимая работа — все оказалось под ударом. Своим поступком братья Гримм показали всему миру, современникам и потомкам, что они не были кабинетными учеными, что, занимаясь строгой наукой, не оставались в стороне от общественных явлений жизни. Самоотверженность и смелость этих людей, переступивших пятидесятилетие и поставивших на карту свое положение, достигнутое таким трудом, достойны уважения. Протест «геттингенской семерки» стал самым ярким событием в истории немецкого ученого мира того времени. Эрнст Август покрыл себя позором.

Но «геттингенская семерка» была полна решимости служить идеям права и дальше, не считаясь ни с чем. Подтверждением тому стала прощальная речь Дальмана перед студентами, выразившего мнение всех уволенных: «Я только что получил известие о том, что я уволен со своего места его величеством королем и таким образом обязан прекратить чтение лекций. Если господа студенты действительно питают ко мне любовь, трогательные доказательства которой вы мне так часто приносили, то прошу вас мирно разойтись и соблюдать законность и таким образом доказать уважение тем нескольким дням, которые я еще проведу среди вас».

Дальман хотел вначале найти убежище в Саксонии. Гервинус отправился в Дармштадт. Якоб Гримм, чтобы избежать угрожавшего ему заключения, также решил покинуть страну в установленные сроки. Он отправился в Кассель, на свою родину. Там жил его брат Людвиг Эмиль, у которого он мог найти пристанище на первое время.

17 декабря 1837 года, незадолго до рождественских праздников, карета выехала из Геттингена. Дальман был

в том же экипаже. Ученые взяли с собой только самые необходимые вещи. Студенты, симпатии которых были на стороне изгнанников, с удовольствием устроили бы проводы уезжавшим профессорам. Но всем владельцам лошадей и экипажей было запрещено в эти дни сдавать студентам в аренду повозки. И вот сотни студентов в зимнюю стужу, в ночь перед отъездом преподавателей медленно шли по дороге к границе. Гессенское курфюршество располагалось недалеко от Ганноверского королевства, а река Верра образовывала естественную границу между ними. На мосту через Верру студенты и дожидались профессоров. Около полудня появилась карета. Верные студенты громкими криками приветствовали своих преподавателей. Молодые люди освободили лошадей от упряжи и сами потащили экипаж вместе с находящимися в нем пассажирами к границе. Произносили речи, бросали цветы, пели патриотические песни — славили общее для всех отечество. Профессора еще раз испытали силу признательности и любви. Наконец пришло время прощаться. Студенты, воодушевленные, сохраняя самообладание, отправились в обратный путь — в Геттинген. Экипаж двинулся дальше. В нем уезжали двое ученых.

С одной стороны, Якоб испытывал гордость оттого, что его поступок, за который он так дорого расплачивается, нашел поддержку других. С другой — его одолевало чувство горечи: он возвращался именно туда, где восемь лет назад стал жертвой несправедливости курфюрста. Человек, издавший книгу «Древности германского права», сам оказался без всяких прав. Не как гофрат или ординарный профессор возвратился он в дом на Беллевюштрассе, а как изгнанник. «Поддай господину руку, он беженец», — сказала какая-то старушка своему внуку, когда Якоб пересек границу. Возвращаясь домой, он понимал, что

официальные власти примут его на родине без всякого удовольствия: стоит ли из-за этого ученого вызывать гнев ганноверского короля?

Единственным утешением для лишенных места и изгнанных профессоров было то, что их поступок нашел сочувствие среди так называемых подданных и в особенности учащейся молодежи. В широких кругах Германии зрело недовольство действиями властей — «была разбужена политическая совесть немецкого народа».

В это тяжелое для братьев Гримм время их близкие друзья были рядом. Сразу же после приезда Якоба в Кассель к нему пришли те, кто хотел выразить свое участие. Поддерживали и друзья, находившиеся за границей. Так, Мойзебах писал из Берлина семье Вильгельма: «Я не могу больше откладывать, хочу выразить Вам всем свое самое горячее, самое сердечное и самое искреннее участие. В любой ситуации, возникающей в жизни, прошу Вас рассчитывать на верность, любовь и уважение с моей стороны. Если бы Вы, дорогие мои изгнанники, могли быть у меня на рождество! Я смог бы зажечь для Ваших детишек свечи на елке, которую я как раз наряжаю».

Конечно, такое сочувствие и понимание помогало братьям пережить это трудное время. Но для уволенных профессоров не менее важной была поддержка и некоторых высокопоставленных лиц, выступивших перед общественностью с осуждением действий ганноверского короля. Так, саксонский король заявил, что все семь профессоров — желанные гости в его королевстве. Во многих немецких городах, таких, как Лейпциг, Берлин, Йена, Марбург, возникали «геттингенские союзы». Начались сборы пожертвований для поддержания профессоров. Вначале Якоб сомневался, принимать ли деньги от этих союзов, пока Дальман не написал ему, что он не должен

отказываться, «чтобы не обидеть искреннее, доброе участие, выражающееся таким образом». Дальман продолжал: «Такого в Германии еще не случилось, каждый, кто участвует в нашем деле, чувствует себя благодаря этому намного ближе к нам».

В доме своего брата в Касселе Якоб пытался найти утешение за письменным столом. Но мысли его путались, ему трудно было сосредоточиться, а ведь Якоб обладал невероятной способностью к концентрации внимания, умением отключаться. Он знал: энтузиазм друзей скоро пройдет, новые события и новые проблемы со временем отодвинут дело «геттингенской семерки». Впереди была неизвестность.

Вильгельм пока еще оставался в Геттингене. Благодаря королевской «милости» его не выслали из страны, и ему не нужно было впопыхах собирать семью, хозяйство, мебель и книги. В Геттингене Вильгельм, как и его брат, постоянно ощущал заботу и внимание друзей. Теолог Георг Шульце, занимавшийся исследованиями диалекта Гарца, писал: «Тот факт, что у меня нет ничего, чем я мог бы помочь Вам, меня весьма огорчает. То, что в Ганноверском королевстве не организуются сборы пожертвований для Вас, не воспринимайте как выражение равнодушия. Тюрьма не самое приятное место пребывания, а монарх всегда прав, так как он это всегда может доказать с помощью штыков». Речь шла, конечно же, о ганноверском короле.

Был и такой случай. Восемилетний Рудольф Гримм, сын Вильгельма, учился у реформистского кантора в Геттингене. Такие учителя целиком зависели от платы за обучение своих воспитанников. И вот когда маленький Рудольф принес положенные талеры, посланные родителями, кантор сам пришел к профессору и заявил, что в такой ситуации он не может принять деньги. Дортхен Гримм протянула ему руку и сказала: «Господин кантор, как все же приятно, что Вы

верны нам». — «Госпожа, я останусь верен Вам до самой смерти!» — ответил кантор. И это не были красивые слова. Это были слова признательности профессорам, которые свой долг поставили выше своего благополучия.

Проходили недели, а Вильгельму по-прежнему было неясно, что же он будет делать дальше. И только доброе участие знакомых и незнакомых друзей вселяло уверенность и надежду. Не в каком-то одном городе, не на какой-то одной земле — порыв активного одобрения и поддержки прошел по всем немецким землям.

Шли первые месяцы 1838 года. Воодушевленный общественным мнением, Вильгельм Гримм писал: «Это время кажется мне самым счастливым в моей жизни, поскольку я в такой мере познал любовь и верность, о которой я и не думал; это сохранится в моем сердце до последнего дыхания. В такие моменты только и обнаруживаются истинные убеждения, и все хорошее, что я познал, значительно превосходит то, что могло бы меня ожесточить».

Романтически настроенный Вильгельм тяжело переживал последствия столкновения с грубой политической действительностью. Как же можно вот так, вдруг, думать он, выбросить его вместе с семьей на улицу только из-за того, что он возразил человеку, нарушившему закон!

Надо сказать, Якоба в меньшей степени удивляли подобные выходки властителей. Ведь еще раньше, когда он служил секретарем гессенской миссии в Париже и Вене, ему не раз приходилось наблюдать хитрую и коварную закулисную игру прожженных политиканов. И вот Якобу захотелось описать все пережитое, как бы освободиться от этого груза и начать поиск пути в будущее. Так возник документальный рассказ «О моем увольнении», написанный им в течение нескольких дней, в котором он точно и достоверно описал все происшедшее. Этому письменному свидетельству он

предпослал выражение из «Песни о Нибелунгах»: «War sint die Eide komen?» — «Что же стало с клятвой?»

Якоб подчеркивал, что с **большим** удовольствием он провел бы свою жизнь «в непрестанном служении науке». Одновременно он выражал сожаление, что из-за трений и столкновений с властью имущими «его жизненный путь не раз упирался в препятствия». «Я привлекаю к себе внимание властей лишь тогда, — писал он, — когда они принуждают меня погасить огонь моего очага и разжечь его на новом месте. Никогда, с ранней молодости до сих пор, ни одно правительство не удостоило меня или моего брата поддержки или награды: что касается первой — иногда я испытывал в ней потребность, в последней — никогда. Эта независимость закалила меня».

Здесь стоит привести несколько фраз из рассказа о его увольнении, поскольку они проливают свет на Якоба как на человека, не только великолепно владеющего словом, но и одаренного развитым чувством долга и справедливости. Он писал: «Удар молнии, поразивший мое тихое жилище, волнует сердца многих. Что это — простое человеческое сострадание, или же этот удар, распространяясь все дальше и дальше, породил у многих людей ощущение опасности для их собственного существования? Не акт справедливости, а насилие вынудило меня оставить страну, куда я был приглашен и где я провел восемь лет, преданно и честно неся службу... Мир полон людей, мыслящих справедливо и обучающих справедливости других, но, как только приходит время действовать, они оказываются в плену сомнений и малодушия и отступают. Их сомнения походят на сорняки, пробивающиеся на улице сквозь мостовую; кто-то их вырывает, но проходит немного времени, и они вновь покрывают целые участки... Что же это за событие, которое добирается до моего уединенного жилища, врывается в него и выбрасывает

меня на улицу? Вся причина кроется в том, что я не желал нарушать обязательства, наложенного на меня страной, которая меня пригласила и приняла; когда меня коснулось властное требование совершить то, что невозможно совершить, не нарушив присяги, я, не задумываясь, последовал голосу своей совести. То, что ранее не занимало ни моего сердца, ни помыслов, вдруг захватило меня и потянуло за собой с силой непреложной необходимости. Как спокойно гуляющий человек вдруг спешит к дерущимся, когда раздается крик о помощи, так и я вижу себя вовлеченным в общественное дело, от которого и я не могу отступить ни на шаг».

Свой рассказ Якоб закончил таким признанием: «И вот теперь мои мысли и поступки открылись всему миру. Я не взвешиваю, пойдет ли этот рассказ мне на пользу, или повредит; если эти страницы дойдут до нового поколения, то пусть оно читает то, что написано моим давно остановившимся сердцем. Но пока я дышу, я буду радоваться всему, что я сделал, и мне будет большим утешением, если какие-то из моих работ переживут меня — они от этого ничего не потеряют, а только выиграют».

Якобу не хотелось прятать в ящике письменного стола эту историю своего увольнения и изгнания. Общественность должна узнать его исповедь. Ему не нужно аплодисментов публики, он лишь «откровенно и без всякой фальши» хотел объяснить свое собственное поведение и считал, что оно будет иметь значение не только для истории университетов, но и для истории вообще. Вскоре Якоб столкнулся и с другими трудностями: напечатать в каком-нибудь немецком государстве его рукопись, в которой он не пожелал изменить ни одного слова, было почти невозможно.

К тому времени и другие уволенные геттингенские профессора: Дальман, Альбрехт, Эвальд — тоже решили

письменно изложить свою позицию. Статью Дальмана «К нашему взаимопониманию» саксонский цензор, не решившись сказать «да», передал на рассмотрение цензурной коллегии. Оттуда все бумаги поступали в министерство внутренних дел, а затем в министерство по общим вопросам. Ссылка делалась на так называемое решение союза немецких государств, согласно которому «рукописи, оскорбляющие конституцию или администрацию какого-либо немецкого государства, не подлежат публикации». «Цензура задаст нам хлопот», — жаловался Якоб. Дальману рукопись Якоба очень понравилась, и он, хотя и сомневался в успехе этого предприятия, все же решил представить ее саксонской цензуре, но вскоре вынужден был сообщить своему коллеге: «Дорогой друг, из приложения Вы увидите, как плохо обошлась цензура с Вашей рукописью; я только что взял ее обратно. Как печально, что столь слабым умам и жалким характерам дана власть решать в подобных делах!»

А может быть, попробовать опубликовать рукопись в другом немецком государстве, хотя бы в Вюртемберге? Может быть, там окажутся не такие строгие цензоры? В конце концов рукопись напечатали в Швейцарии, в Базеле. Она вышла в свет в 1838 году. Якоб и его друзья рассчитывали, что хотя бы несколько экземпляров этой тоненькой книжечки попадет в Южную Германию, а оттуда на север. Позднее она действительно появилась в Лейпциге, Гамбурге, Франкфурте и в других городах.

В Геттингене власти потребовали сначала от покупателей сдать все экземпляры, но потом разрешили все же оставить при условии, если они сделают специальное заявление, удостоверенное подписью. Таким способом они хотели выявить возможных «врагов государства». Кто же решится на подобный шаг?

После пережитого братьям хотелось отдохнуть, отвлечься от этих событий. И вот летом 1838 года Якоб отправился во Францию, по пути навестив чету Дальманов, отдыхавшую в это время на курорте Бад Киссинген. Побывал в старых франконских городах — Вюрцбурге, Бамберге, Эрлангене, Нюрнберге и Фюрте. Он ехал в почтовой карете, и его взгляд радовали долины рек, леса, луга — все это успокаивало, вселяло бодрость и силу. В его душу постепенно входили мир и покой. Встречаясь с друзьями, учеными, он повсюду ощущал проявления дружеских чувств. Во время путешествия изучал франконскую архитектуру, посетил могилу Альбрехта Дюрера. Ведь еще во время первой поездки в Париж, в 1805 году, он заявил, что очень любит нюрнбергского художника. Здесь, в Нюрнберге, путешественника ожидало нечто совершенно новое: железная дорога Нюрнберг — Фюрт, пущенная незадолго до этого, в 1835 году. И Якоб, конечно же, воспользовался этим величайшим изобретением эпохи. В июне 1838 года он писал брату Вильгельму: «После обеда я был на железной дороге, ведущей в Фюрт, куда можно доехать за десять-двенадцать минут. Новый цветущий город, весьма резко отличающийся от старинного Нюрнберга. Он во всем выигрывает. Я устал и в ожидании обратного парового экипажа отдыхал в течение четверти часа в березовой роще около Фюрта. На железной дороге грохочут и скрипят колеса, движение очень быстрое». Подобное изобретение с 1837 года действовало и в Лейпциге.

После путешествия Якоб возвратился в Кассель, в квартиру Людвиг Эмиля. Теперь следовало подумать, где обосноваться вместе с Вильгельмом. Детям Вильгельма нужна гимназия, для научной работы требовалась библиотека. Они сошлись на Касселе, где было много знакомых и даже природа казалась родной и близкой. Приехали Вильгельм с Дортхен. Вспомнили

прежние дни, сходили на кладбище. Надгробный камень на могиле матушки Гримм давно зарос ползучими растениями, покрылся мхом и постепенно разрушался от непогоды. Прошли мимо дома, в котором умерла сестра Лотта. Только не хотелось вспоминать, из-за чего восемь лет назад им пришлось оставить Кассельскую библиотеку. Память хранила все, что было связано с их творческой работой, вспоминались дни, проведенные в кругу семьи. Наконец они окончательно решают снять квартиру и жить опять вместе вначале за счет научных и литературных трудов, пока не появится какая-нибудь возможность устроиться на работу.

Случилось так, что в том же доме на Беллевюштрассе, принадлежавшем теще Людвига Эмиля, на первом этаже освободилась квартира. И Якоб поселился в двух комнатах справа от входа в дом, Вильгельм с семьей заняли анфиладу комнат с противоположной стороны. В этом доме братья жили и раньше, с 1826 по 1829 год.

В октябре 1838 года они упаковывали коробки и чемоданы для переезда. Якоб особенно радовался скорой возможности получить свои рукописи и книги.

17 октября в Кассель приехала Дортхен с детьми. На следующий день появились три экипажа с домашним скарбом, мебелью и книгами. И наконец 20 октября приехал Вильгельм. Все вместе устраивались в квартире.

Якоб записал: «Мне хочется мужественно противостоять всему, что может случиться, я хочу, чтобы у меня на сердце было так легко, как это только возможно. Пусть нас не коснется никакая нужда».

Утешение в труде

Заканчивался 1838 год. Немецкая общественность все еще помнила о судьбе семи профессоров. Постоянно приходили письма. Благодаря деятельности лейпцигского комитета помощи продолжали поступать деньги — так что первое время братья были обеспечены.

Вновь привычным стало кассельское окружение: солдаты, маршировавшие с барабанами, звон колоколов. Радовала чистота улицы, откуда открывался прекрасный вид. Они жили на первом этаже, это имело то преимущество, как считал Вильгельм, что проходящим мимо друзьям можно было подать руку прямо из окна. Часто бывали друзья. Якоб иногда досадовал, что гости отвлекают сто от работы, более же общительный Вильгельм, напротив, охотно принимал их. «Я снова хочу трудиться, более плодотворно и в спокойной обстановке», — писал Якоб. «Мы можем жить спокойно только в труде», — говорили братья.

Уже на следующий после их увольнения год Якоб вместе с Андреасом Шмеллером выпустил «Латинские стихотворения X и XI веков» (1838 г.). Опубликованный сборник стихотворений немецких авторов на средневековой латыни показал, что и в более раннее время немецкие поэты создавали заметные произведения, хотя и на чужом языке. В него вошло три произведения: поэмы «Вальтарий, мощный дланью» и «Руодлиб», а также басня-история из мира животных «Esbasis captivi» («Бегство пленника»). В поэме о Вальтарии Аквитанском Якоб видел «действительно эпическую силу»; в «Руодлибе» его восхищало художественное совершенство; «Бегство пленника» дополняло поэзию о животных. Эти произведения, по словам Якоба, как бы заполняли «пробел в местной

поэзии» и стали существенным вкладом в немецкие героические сказания и животный эпос. В статье, посвященной сборнику, Якоб Гримм писал: «Пусть благодаря таким изданиям получит дальнейшее изучение находящаяся в забвении поэзия на средневековом латинском языке. Она развивалась вместе с местной поэзией, подобно каналу, который проходит рядом с естественным руслом реки».

Таким образом, Якоб остался верен своей излюбленной теме. Увлечшись приключениями Вальтария Аквитанского и его невесты Хильдегунды Бургундской, мысленно сопровождая юношу рыцаря Руодлиба в его трудных поездках или же с улыбкой наблюдая проделки хитрого Лиса в поэзии о животных, Якоб забывал о случившемся.

Вильгельм спустя несколько дней после увольнения сказал: «Вместо того чтобы терять время на службе, я выпущу книгу о поэзии XII столетия и надеюсь, что самая строгая цензура не сможет изменить в ней ни одной буквы».

Что верно, то верно, цензуре, измаравшей красным карандашом статьи ученых, не пришлось ничего вычеркивать в «Песне о Роланде» («*Ruolandes liet*», 1838 г.) — ведь этот поэтический памятник возник много столетий назад. Приключения Роланда, который во время отступления Карла Великого через Пиренеи во главе арьергарда попал в засаду и погиб, показались цензорам неопасными. Да Вильгельм и не проводил никаких параллелей, наоборот, это издание было чисто научным, без какого-либо «влияния событий современности».

Воспроизводя средневерхненемецкий вариант произведения, который до этой публикации был известен лишь в отрывках, Вильгельм придерживался текста пфальцской рукописи. Но он не ограничился только ею, а поместил тексты и других известных ему

рукописей, что дало возможность наглядно показать, как варьировалось это древнее произведение различными переписчиками.

Окунувшись в романтический мир рыцарских приключений, братья Гримм в то же время сознавали, что эти издания не могут стать надежным источником существования на долгие годы. Нельзя рассчитывать и на постоянные пожертвования комитета помощи.

И тут, как нельзя кстати, в марте 1838 года Лейпцигский германист и специалист по классической филологии Мориц Хаупт и владельцы книжного магазина Вайдмана издатели Карл Раймер и Соломон Хирцель предложили Якобу взять на себя выпуск «подробного словаря немецкого языка». Вначале Якоб сомневался, о чем он писал Лахману: «Дело кажется и выполнимым, но слишком трудоемким. К тому же у меня нет желания этим заниматься, да и недостаточно знаний, тем более что много других дел. «Грамматика» находится между завершением и переработкой. Издатель уже два года мучает меня новой первой частью, и еще ко всему прочему должна быть полностью переработана фонетика».

Лахман не разделял сомнений Якоба. Идею создания такого всеобъемлющего словаря он считал «очень привлекательной». Само собой разумеется, и Якоб и Вильгельм, прежде чем приступить к этой работе, должны были многое обдумать. Ведь речь шла о создании такого словаря немецкого языка, который должен стать не карманным изданием для повседневного пользования, а настоящей энциклопедией.

Первые серьезные попытки изложить научную основу немецкого языка относятся к XVI столетию. До этого времени филологи занимались почти исключительно классическими языками. Под влиянием перевода библии, сделанного Лютером, к немецкому

языку стали относиться с **большим** уважением. Эразм Альбер, сторонник Реформации, написав в 1540 году «*Novumdictionariigenus*», положил начало словарю немецкого языка. Клай в 1578 году написал «*Grammatica germanicae linguae*». Эту работу можно считать первой грамматикой новонемецкого языка. Но эта и последующие работы страдали одним серьезным недостатком — ограниченностью научного материала. Когда Лейбниц задумал всеохватывающий словарь, к составлению его из-за обширности материала хотел привлечь не одного автора, а целую академию. Правда, этот план не был осуществлен. Вплоть до начала XIX века находились ученые, которых привлекала эта задача. Над созданием словарей немецкого языка трудились Йоганн Кристоф Аделунг и Йоахим Генрих Кампе. Юстус Мёзер, прославившийся своими «Патриотическими фантазиями», занимался изучением родного языка, а Йоганн Генрих Фосс и Людвиг Хёльти провели только предварительную работу по составлению словаря немецкого языка. Этим вопросом интересовались и классики немецкой литературы. Особое значение народному языку придавал Гердер в книге «О новейшей немецкой литературе. Фрагменты» (1767 г.), называя его «национальным богатством». «О необходимости создания словаря немецкого языка» писал Клопшток. Проблема создания словаря немецкого языка интересовала просветителей Лессинга и Фридриха Николаи. О насущной необходимости «представить все богатство немецкого языка в общем словаре» говорил Гёте. За создание универсального словаря были и романтики.

Итак, целое созвездие имен высказывалось в пользу создания такого всеобъемлющего словаря. Если бы удалось заинтересовать и привлечь еще к этому языковой гений Якоба Гримма! Речь, естественно, шла не об одностороннем наподобии современного словаря

Дудена с толкованием правильного написания наиболее употребительных слов и рассчитанного, так сказать, «для домашнего обихода». Это должен быть труд, с исчерпывающей полнотой охватывающий все основные случаи словоупотребления в современном немецком языке — как на нем говорят в народе и в литературе. Вначале Якоб колебался. Но предложение было столь заманчивым! А его всегда привлекал размах. Если ему при участии брата и других ученых удастся на века сохранить немецкий язык — разве это не будет вершиной его труда и усилий! Вместе с тем разве это не достойное занятие на целые годы для профессора, лишённого кафедры и обязательных лекций! Эта работа, что тоже немаловажно, могла бы в течение продолжительного времени обеспечить их средствами к существованию.

Якоб размышлял так: ему 53 года; если выпускать каждый год по одному тому, то на это предприятие уйдет шесть или семь лет. Тогда в шестьдесят лет им будет сделано нечто непреходящее как для германистики, так и для родного народа. Ведь такой труд останется и для будущих поколений.

Так представлялось в самом начале. Тогда ни сами братья Гримм, ни издатели, бравшиеся за осуществление грандиозного проекта, не подозревали даже, что их жизни будет слишком мало и что для его завершения потребуется свыше ста лет.

Во всяком случае, летом 1838 года братья Гримм окончательно принимают решение взяться за эту работу.

24 августа 1838 года Якоб писал Карлу Лахману: «Ну вот, наконец решение принято, мы серьезно собрались духом, и пусть этот мир нас больше не беспокоит, насколько это возможно». Якоб видел в этой огромной работе свою «опору и независимость». Созданию словаря он хотел отдать все свои силы. «Мы исходим из

того, — писал он, — что необходимо собрать в полном объеме весь словарный запас живого верхненемецкого языка, а также включить в словарь все слова XVI, XVII и XVIII столетий, которые правомерно или неправомерно устарели. Если бы кто-то пожелал дать в словаре одни лишь не устаревшие, находящиеся в употреблении слова, тот поставил бы перед собой не столь уж значительную цель. Все звучные и сильные слова, начиная с эпохи Лютера, могут в нужный момент снова занять свое место в современном языке; успех и действенная польза словаря будут при условии, если писатели увидят с его помощью все богатство и красоту этих слов, которыми вполне можно пользоваться и сейчас... Словарь должен содержать все, на что способен верхненемецкий язык после того, как талантливые писатели оттачивали его на протяжении трех столетий».

29 августа 1838 года, через несколько дней после письма к Лахману, братья Grimm через «Всеобщую лейпцигскую газету» известили о своих планах и общественность. По их мнению, жизнь устроена так, что и в плохие времена людям приходится сеять и собирать урожай. Поэтому им хотелось бы и в суровых условиях получить сладкие и приятные плоды. Они писали: «Якоб и Вильгельм Гриммы, которых вместе поразила удар судьбы, после длительного и напрасного ожидания, что какое-либо из немецких государств возьмет их к себе на службу, решились сами позаботиться о своем будущем и обеспечить его. Они взялись за составление большого словаря немецкого языка, издателем которого стал книжный магазин Вайдмана.

Это очень большой труд, и им нелегко будет справиться из-за загруженности другими занятиями. Этот словарь должен включать все бесконечное богатство нашего родного языка от Лютера до Гёте, которое никто еще не измерил и не оценил».

Касаясь деталей, братья утверждали, что в состав словаря должен войти словарный запас всех значительных писателей указанного времени. Слова должны даваться со всеми их значениями, употребление их в поговорках и пословицах должно подтверждаться на примере источников. Для этого нужно привлечь живой немецкий язык во всех его формах и проявлениях. Братья еще раз высказали надежду на то, что они, если их не подведет здоровье, завершат труд и будет он состоять из шести или семи толстых томов, напечатанных убористым шрифтом.

«И у других народов, — писали они, — составление словарей всегда считалось общенациональным делом, оказывающим не поддающееся учету влияние на чистоту и развитие родного языка, то есть делом, служащим священным целям. Что в большинстве других стран давно уже сделано с большой затратой средств и при всесторонней поддержке королевских академий, в Германии пытаются сделать в частном порядке ученые, лишённые чьей-либо поддержки и рассчитывающие лишь на добровольную помощь друзей».

Создание немецкого словаря по инициативе не богатых княжеских дворов, а ученых, «лишённых чьей-либо поддержки», которым нечего было вложить в него, кроме своих знаний и прилежания, останется славной страницей в истории немецкой науки. Братья, конечно, сознавали, что они взялись за дело, на осуществление которого потребуется отдача всех сил. Но они хорошо понимали, что тем самым принесут родине более ценный подарок, нежели преподавая в университете или переписывая каталоги в библиотеках.

Якобу пришлось отложить другие дела. Он тогда писал: «Во мне зреют замыслы стольких книг, что на их осуществление не хватит моей жизни».

В последние месяцы 1838 года братья приступили к работе. В начале декабря в числе их добровольных

помощников было свыше тридцати языковедов, друзей и ученых. Это давало им право надеяться: «Если словарь получится, то он будет служить в течение длительного времени; это плод нашего изгнания, который мы приносим на алтарь отечества».

Всем, кто вызвался им помогать, они разъяснили, каких авторов следует взять и как отбирать материал. Дело не только в том, чтобы выписать из просмотренных произведений слова и перенести их на карточки. Необходимо выписать весь отрывок, чтобы увидеть, в каком значении употреблено то или другое слово. Братья давали точные указания с приложением пробных карточек. Установили даже определенные правила для подчеркивания. Они рекомендовали обращать внимание на необычные словосочетания, отклонения грамматических форм, на орфографию и многое другое — вообще братья проявили себя великолепными организаторами, дававшими все возрастающей группе помощников единое направление. Весь материал в виде одинаковых карточек поступал к братьям Гримм и распределялся по ящикам.

Их геттингенский товарищ по несчастью Гервинус назвал эту работу «геркулесовой». В начале 1839 года в письме Якобу он писал: «Этот труд займет достойное место в ряду Ваших прежних работ, и, если считать, что в жертву ему принесены геттингенские годы, это еще раз доказывает, что нет худа без добра. Потомки восславят Вас вдвойне. На обиду, которую Вам нанесло отечество, Вы ответили новым благодеянием — трудом, подобные которому в других государствах осуществляются при поддержке монархов и целых академий».

Необходимо было детально разработать методику, как сортировать и обрабатывать поступающий материал. Правда, Вильгельм тогда уже сомневался, что, несмотря на помощь со всех сторон, они вряд ли

смогут завершить эту работу над «Словарем», тем более если им придется вновь пойти на службу.

Вначале была черновая работа. Много для них раскрывалось по-новому. Так, они обнаружили, что большое количество слов со временем вышло из употребления и что поэтический язык XVIII века обходился весьма ограниченным запасом слов. Гениальное исключение составлял лишь Гёте. Но братья не ограничивались только обработкой и обобщением материалов, поступавших от помощников, а их в сентябре 1839 года было уже около шестидесяти. Они сами занимались анализом языка отдельных авторов, сами выписывали слова из их произведений.

Уже была проделана огромная работа, но до издания первого тома было еще далеко. 1839 и 1840 годы ушли на собирание необходимых данных. И чем больше углублялись братья в работу, тем яснее им становилось, что она будет лежать тяжким бременем на их плечах в течение длительного времени. «Это труд, который иногда наводит на меня ужас, — писал Вильгельм. — Чем дальше мы идем, тем очевиднее становится, как бесконечно много нам еще предстоит пройти». Якоб считал: «На ближайшие годы у нас работы в избытке». Но братья оставались верны начатому делу. А взявшись за него, они уж стремились к тому, чтобы их детище было совершенным в своем роде. Составление словаря такого масштаба требовало, помимо всего прочего, обширной переписки, к тому же не все сотрудники сдерживали свое слово. Но впереди еще была огромная работа по сбору материала, и братья радовались, если их помощники не теряли мужества, а картотеки пополнялись.

Надо сказать, что в эти годы, с 1838-го по 1840-й, братья Гримм испытывали трудности, связанные не только со словарем. Много было и других повседневных забот, требующих и времени и сил. Но братья не теряли

бодрости духа и поддерживали друг друга в любой ситуации. Вильгельм говорил, что он склонен даже уповать на бога: «Я много раз убеждался, что он находит пути, о которых мы и не подозреваем». Якоб же говорил: «Я думаю, что мужества и твердости мне хватит». Но наряду с высказываниями, исполненными уверенности, мы узнаем из писем Якоба, что на протяжении последних четырех или пяти месяцев 1839 года со здоровьем дела обстоят у него не так уж благополучно. У Вильгельма опять появилось беспокойство за Дортхен, которая серьезно заболела. Долгие недели она лежала с воспалением легких и почечными коликами; были дни, когда братья опасались самого худшего. Выздоровливала она медленно и долго.

После вынужденного перерыва Якоб и Вильгельм продолжили работу. Воспоминания о Геттингене болью отзывались в душе, но братья ни на минуту не раскаивались в том, что выступили против короля, нарушившего присягу. Они считали, что «ничто не приносит такой пользы людям и целым народам, как честность и смелость», и что в основе любой политики должны лежать эти качества. «Будущее нашего народа строится на общем для всех чувстве чести и свободы», — утверждали они.

Ведя уединенную жизнь в Касселе, укрепившись в мысли, что лучше не думать о возможных последствиях своего поступка, а положиться на волю всевышнего, братья чувствовали себя теперь гораздо лучше, нежели в период своей преподавательской деятельности в Геттингене. По натуре они были исследователями, не любили много говорить, но охотнее доверяли результаты своих размышлений бумаге. Якоб, менее общительный, чем Вильгельм, писал: «Моя натура такова, что, занимаясь самостоятельно, я получал гораздо больше, чем в годы учебы и от общения с

окружающими». Теперь же братья стали еще более молчаливыми. После бесед на научные темы каждый из них садился за рабочий стол в своем кабинете. Естественно, в их отношениях осталась прежняя сердечность.

Шумные общества Якоб не любил и раньше, теперь же еще реже встречался с людьми. Да и что толку от постоянных разговоров о том, как плохо устроен мир и как много безобразий в обществе. Даже во время еды, когда собиралась вся семья, Якоб был немногословен. Молчал и Вильгельм, и только подраставшие дети, как это обычно и бывает, были оживлены за столом.

И все же братья не лишали себя, пусть маленьких, радостей — в минуты отдыха полюбоваться картиной солнечного дня, вдохнуть воздух, пропитанный ароматом лип.

Поскольку об издании первого тома «Словаря» пока не могло быть и речи — еще не был собран весь материал, — братья Гримм, на время отложив эту работу, взялись за другую. В последующие годы «кассельской ссылки» они продолжили уже начатые темы и подготовили ряд новых трудов.

В 1839-1840 годах Якоб вновь полностью переработал первую часть «Немецкой грамматики» — фонетику. Появившееся в 1840 году издание первой части было уже третьим по счету. Он писал англичанину Джону Митчеллу Кемблу: «Я прилежно распахиваю поле грамматики: большая часть борозд прокладывается совершенно по-другому, да и, наверное, плуг я держу иначе, почему он и берет несколько глубже». Вильгельм, который ежедневно наблюдал рождение новой редакции книги, писал в ноябре 1839 года: «Якоб перерабатывает первый том «Грамматики», получается совершенно новая книга, так как на тринадцати уже отпечатанных листах от прежней не осталось ни одного слова».

Еще одним свидетельством поразительной работоспособности Якоба стали два первых тома «Судебных приговоров», которые он выпустил в 1840 году. После того как в 1828 году публикацией книги «Древности германского права» Якоб сделал важный вклад в историю немецкого права, он разыскал в древних книгах и рукописях и записал все, что давало представление о правовых обычаях древних народов. Это был важный источник по истории немецких правовых взглядов, в основном бытовавших в деревенских общинах. Этот богатый материал Якоб решил сделать доступным для юристов. Он полагал, что «самое старое немецкое право должно совершенно неожиданно приобрести свежую окраску». Результатом упорных поисков в библиотеках и архивах стали два тома, набранных убогим шрифтом, по несколько сотен страниц каждый.

В 1840 году Якоб предпринял также издание англосаксонского литературного памятника «Андреас и Елена». Да, его ум и его перо никогда не бездействовали!

В эти уединенные кассельские годы Вильгельм почти все свое время отдает изучению средневековой поэзии. В 1839 году он представил читающей публике работу «Вернер фон Нидеррайн» — о неизвестном дотоле поэте раннего средневерхненемецкого периода. Этот поэт использовал в своих произведениях сюжеты из Нового завета, считая, что первой заповедью должна быть любовь человека к человеку и что искупительная жертва Христа является событием мирового значения.

Следующее издание было посвящено Конраду Вюрцбургскому, одному из крупных поэтов XIII столетия. Вильгельм опубликовал его «Золотую кузницу» — аллегорическое произведение во многом религиозного содержания. Поэтическое красноречие, прославляющее Святую деву, является для поэта тем инструментом, с

помощью которого создается удивительное украшение из золота и драгоценных камней, достойное деви Марии.

Конечно, работая над этими изданиями, Вильгельм в первую очередь стремился возродить забытую немецкую поэзию. И все же не случайно, что именно в эти годы ему были близки религиозные темы.

Проявлением глубокого уважения к памяти друга можно считать тот факт, что Вильгельм дал согласие подготовить к изданию полное собрание сочинений Арнима. В предисловии он написал: «С глубоким волнением ставлю я свое имя перед собранием произведений моего скончавшегося друга. Из поэзии Арнима бьет неиссякаемый источник жизни. Он не был поэтом отчаяния, упивавшимся болью от сознания внутренней раздвоенности; он поднялся над смятением и темнотой, словно жаворонок, стремящийся навстречу вечерней заре, чтобы своей песней послать привет последним лучам заходящего солнца, твердо надеясь на приход нового дня. Свой поэтический дар он считал прозрачным источником, звонко и непринужденно изливавшимся из его груди. Арнима причисляли к поэтам-романтикам, поскольку его привлекал дух старых времен и он серьезно старался познакомиться с легендами и историей, правом и обычаями своего народа, однако он делал это не развлечения ради — все добытое им шло на пользу современникам».

Не было ли в этих словах Вильгельма признание духовного родства с Арнимом? Работая с памятниками старины, он делал это тоже не ради развлечения читателей — ему хотелось, чтобы великие достижения прошлого служили на пользу современности. Все значительное, что создало человечество на своем тысячелетнем пути, должно стать составной частью его будущего.

Вильгельм после смерти друга постоянно заботился о том, чтобы люди чтили память Ахима фон Арнима. С тем же вниманием его вдова Беттина фон Арним принимала живое участие в жизни семьи Гриммов. Эта удивительная женщина, которую Якоб из-за ее темперамента называл «бьющим через край источником», приезжала к братьям в тяжелые 1838–1839 годы, заботилась о них. Когда в 1840 году Вильгельм вновь посвятил Беттине четвертое издание большой книги «Сказок», то это было знаком естественной благодарности. На этот раз с момента появления предыдущего издания прошло только три года. Посвящение Вильгельма было выдержано в поэтическом стиле и связывалось с событиями в Геттингене: «С того рокового момента, который разрушил нашу тихую жизнь, Вы с нежной верностью принимали участие в нашей судьбе, и это участие действует на меня столь же благотворно, как теплота голубого неба, заглядывающего в мою комнату, откуда я вижу, как утром поднимается солнце и как оно завершает вечером свой путь за горами, у подножия которых, сверкая, струится река; из парка доносится аромат цветущих апельсиновых деревьев и лип. Могу ли я пожелать более подходящего времени, чтобы вновь заняться моими сказками?»

Приглашение в Берлин

«Геттингенская семерка», несмотря на быстрый бег времени, не была забыта. Вновь и вновь напоминали о себе союзы помощи и общественное мнение, взбудораженное произволом властей. Многие хотели помочь изгнанным профессорами в получении новой работы. Честность и порядочность этих людей снискали им глубокое уважение в самых широких кругах общественности. Ведь это были крупные ученые. Вскоре ориенталиста Эвальда пригласили в Тюбинген, юрист Альбрехт смог возобновить свои лекции в Лейпциге, Дальман стал профессором Боннского университета, физика Вебера пригласили в Лейпциг, а литературовед Гервинус стал читать курс в Гейдельбергском университете. Перемены наметились и в судьбе братьев Гримм. В Берлине у них были друзья, которые имели влияние при прусском дворе, среди них — Беттина фон Арним и Савиньи, который в тот период занимал важное положение в Берлинском университете.

Пока же братьям оставалось только запастись терпением. В августе 1838 года Якоб Гримм пишет Лахману: «Возможности получить новое место не открываются. Я не испытываю никакого удовольствия от перспективы ехать в Пруссию, в страну, которая предала наше честное дело и, находясь во власти мелкого и глупого страха, считает, что несправедливость можно затушевать и залечить. Если бы решение союзного сейма оказало давление на ганноверского короля и заставило его отказаться от своих антиконституционных действий, то в стране воцарилось бы спокойствие и вся Германия обрела бы стойкость и доверие, в то время как теперь здесь имеют место беспорядки и подавление правды».

Якоб хорошо знал о сложностях обстановки в Пруссии. Правивший там король Фридрих Вильгельм III состоял в родстве с Эрнстом Августом Ганноверским. А кто станет ссориться из-за каких-то профессоров с родственником такого высокого ранга и преступать заповеди династического правления?

В 1839 году Савиньи попытался привлечь в помощь Берлинскую академию наук, где Якоб был действительным членом, а Вильгельм — членом-корреспондентом. Чтобы заручиться поддержкой академии, Савиньи порекомендовал братьям изложить свои планы относительно «Словаря немецкого языка». Ведь для решения определенных научных задач академия располагала особым фондом. Но братья Гримм отклонили это предложение, не обидев при этом Савиньи. Вильгельм писал: «Академия может использовать свои фонды лишь на такое предприятие, успех которого не вызывает никаких сомнений. Но в настоящее время дело пока обстоит не так: оно будет стоить поддержки лишь тогда, когда останется позади вся предварительная работа по сбору основного материала; принять помощь раньше было бы неловко. К тому же в ближайшее время нищета нам не угрожает, а академия не может сделать ничего другого, кроме как обеспечить наше материальное положение и дать нам возможность и время спокойно работать. Поэтому я прошу Вас еще повременить с заявлением».

Положение братьев Гримм решительно изменилось, когда 7 июня 1840 года умер Фридрих Вильгельм III. Трон унаследовал его сын Фридрих Вильгельм IV. Народ обращал к нему свои надежды, когда он еще был наследным принцем. Он слыл представителем свободолобивого направления: признавал за прессой большую свободу действий, приблизил к себе крупных ученых, поэтов и художников.

Новый король в первые же дни после вступления на престол тепло высказался о братьях Гримм.

И вот теперь Беттина и Савиньи могли воспользоваться своим влиянием при дворе, чтобы добиться приглашения. Содействие оказывал и Александр фон Гумбольдт, к мнению которого при дворе прислушивались. Он выступил за то, чтобы братьям Гримм «после стольких незаслуженных страданий и такого длительного и оскорбительного пренебрежения было наконец предложено место, освобождавшее их от жизненных хлопот». О возможности приглашения братьев в Берлин писали и некоторые газеты и тем самым принесли им скорее вред, чем пользу. Дело в том, что об этом узнал ганноверский король, который пришел в ярость и начал плести интриги, чтобы воспрепятствовать приглашению братьев в Берлин. Из прусской столицы дошли слухи, что новому королю трудно принять решение, так как он должен считаться с ганноверскими родственниками. Гумбольдт вторично направил королю памятную записку, в ней он еще раз высказался за приглашение в Берлин братьев Гримм и других ученых из «геттингенской семерки».

И Фридрих Вильгельм IV, «романтик на троне», не поддался влиянию ганноверских родственников. Недавно коронованный король, освободивший из тюрем членов студенческих союзов, вернувший профессорскую кафедру изгнанному Эрнсту Морицу Арндту, дал свое согласие. В это время Эйххорн, с которым Якоб лично познакомился еще во время своего пребывания в Париже, стал министром по делам образования и культов. И вот новый министр в письме от 2 ноября 1840 года Якобу Гримму смог сообщить приятную весть: «Его величество король, мой всемилостивейший государь, на протяжении многих лет высоко оценивая большие писательские успехи Ваши и Вашего брата в области исследования немецкого языка, художественной

литературы и истории, а потому высочайше выразили желание, чтобы Вы вместе с Вашим братом получили возможность без излишних хлопот, опираясь на помощь и содействие столицы, решить огромную и весьма трудную задачу разработки полного критического словаря немецкого языка».

Далее Эйххорн предлагал братьям Гримм продолжить свои исследования и в особенности работу над «Словарем немецкого языка» в необходимых для этого условиях. При первой же возможности они будут формально зачислены в штат университета или института, ведущего научные исследования, пока же свободных мест нет.

Предложения Эйххорна были для братьев выгодными и почетными. У братьев, во что бы то ни стало желавших и впредь оставаться вместе, фактически не было выбора и другой возможности обеспечить жизнь на долгие годы. Переезд в Берлин решал вопрос их совместной работы наилучшим образом. Ничто не будет отвлекать их от исследовательской работы. Получив право читать лекции в университете, они тем самым восстанавливали и свою профессорскую честь. В Геттингене их объявили недостойными личностями и запретили впредь выступать перед академической молодежью, здесь они могли читать лекции перед широкой аудиторией Берлинского университета.

На это предложение Якоб ответил так: «С благодарностью и радостной уверенностью в будущем мы следуем зову короля, на которого далеко за пределами Пруссии с надеждой взирают все немцы», — добавляя, что у них с братом нет других помыслов, кроме как продолжить и завершить совместные труды по изучению языка и истории.

Несмотря на беспокойство этих недель и явно «чемоданное» настроение, они по-прежнему много

работали. Вильгельм подбирал новые материалы из трудов германиста Гёдеке для следующего издания «Сказок». Якоб размышлял над проблемами грамматики и надеялся в эту зиму подготовить третий том «Судебных приговоров» в дополнение к двум первым томам. Кроме того, братья продолжали разбирать поступавшие карточки и пополнять ими картотеку для «Словаря».

Опять возник вопрос, где жить и как организовать переезд. В декабре 1840 года Якоб отправляется в Берлин подыскать подходящую квартиру. Ему хотелось решить этот вопрос еще до рождественских праздников. Вильгельм с женой полностью доверяли Якобу как старшему в семье — он найдет именно то, что надо для ведения хозяйства.

Якоб прибыл в Берлин рано. После утомительной поездки ломило в суставах. Было еще темно и позимнему холодно. Тут же около почты он нанял кучера, чтобы доехать до дома семьи барона Мойзебаха на Карлштрассе. С этой семьей он был давно знаком. Мойзебах занимал высокий чиновничий пост в Берлине — председатель Рейнской кассационной палаты, был страстным библиофилом — его библиотека, в которой находились редкие издания немецкой литературы XVI и XVII веков, представляла собой настоящий клад. Его дружба с братьями Гримм основывалась на родстве интересов. Якоб, отыскивая нужный номер дома, надеялся, что вскоре сможет согреться и отдохнуть в уютной, теплой комнате. Но в темноте, при скупом уличном освещении отыскать этот дом оказалось не так просто. Наконец с помощью ночного сторожа удалось найти нужный номер — 36. Из экипажа выгрузили вещи, и Якоб, замерзая от холода, остался стоять с багажом перед воротами дома. Несмотря на столь ранний час, он все же решил позвонить — никакого ответа. Во всем доме никаких признаков жизни. В окнах по-прежнему

темно. Вокруг такая тишина, какую вряд ли теперь можно представить в городе с миллионным населением. И маленький человек с саквояжем, который в течение получаса дергает за ручку звонка, пытаюсь разбудить хоть одну живую душу в доме.

Наконец после долгого ожидания из нижнего, расположенного почти на земле окна Якоб услышал недовольный голос: «В чем дело?» Якоб спросил, здесь ли проживает господин председатель Мойзебах. Двери дома открыли и впустили раннего гостя. Якоб поднялся на третий этаж, где вновь оказался перед дверью и вновь пришлось звонить. И все повторилось. Ни одного движения! Ему ничего не оставалось, как дожидаться здесь, на лестнице. Когда наконец на втором этаже мелькнул свет, Якоб обратился туда. Какой-то человек открыл дверь и сказал, что, как он полагает, госпожа Мойзебах дома, но она, по-видимому, одна в квартире, и у нее такой здоровый сон, что господину Гримму придется подождать, пока придет служанка. Приветливый человек, сообщивший все это, пригласил гостя к себе, приготовил кофе и предложил свежую столичную газету. Конечно, это был далеко не тот прием, какой устраивают сегодня для именитых персон — с прессой, цветами и фотовспышками.

Но когда госпожа Мойзебах проснулась, все пошло как нельзя лучше. Хозяйка дома объяснила, что она, к сожалению, не слышала колокольчика. Провела гостя в комнату, которая уже давно была приготовлена для него, и сказала, что мужу немедленно сообщат о приезде и он появится после обеда. Наконец усталый гость мог прилечь на несколько часов до обеда и отдохнуть после трудной дороги.

В Берлине Якоб встретился с любезной, всегда готовой прийти на помощь Беттиной фон Арним. Она и госпожа Мойзебах между многочисленными официальными визитами и делами, которыми Якоб

вынужден был заниматься, помогали ему в поисках квартиры, удобной для проживания семьи Гриммов.

После долгих и утомительных поисков, все осмотрев и взвесив, Якоб подыскал в районе Тиргартена на Леннэштрассе, 8 «приятную и удобную квартиру», которую он снял пока на два года — с пасхи 1841-го по 1843 год. Плата составляла 475 талеров в год — немалая сумма, если учесть, что доходы пока составляли лишь две тысячи талеров. Но зато жилье было весьма просторным: 10 комнат, балкон. Дом был построен год назад и находился в отличном состоянии. Якоб учел и то, что племянники должны учиться, — на дорогу до гимназии Фридриха Вильгельма, расположенной ближе всего, у Потсдамских ворот, уходило пятнадцать-двадцать минут. Дядя считал, что такая ежедневная дорога в школу и обратно будет одновременно служить и отдыхом для мальчиков, на случай же совсем плохой погоды можно заказать извозчика. Не забыл Якоб и о Дортхен — нужные для ведения домашнего хозяйства лавки находились совсем рядом. В общем, это была «тихая, просторная и светлая» квартира в стороне от городской суеты. Перед домом прекрасные старые дубы.

В конце 1840 года Якоб вернулся в Кассель и сообщил брату, что в Берлине он был принят прусским королем. Разложив перед ним и невесткой план квартиры, пояснил все до мельчайших подробностей. Вильгельм и Дортхен остались довольны. Якоб тоже вернулся с хорошим настроением, несмотря на сильный кашель — простудился во время долгих поисков квартиры по зимнему холодному Берлину. В весеннее расписание Берлинского университета был внесен курс его лекций.

Все складывалось вполне благоприятно. Благодаря усилиям Беттины фон Арним и Александра фон Гумбольдта, а также поддержке министра по делам образования и культов Эйххорна ежегодное жалованье

братьев было повышено до трех тысяч талеров. Их материальное положение, как писал Якоб Дальману, «стало наконец хорошим», и им «в этом отношении повезло».

Незадолго перед тем, как семья Гриммов в феврале 1841 года собралась покинуть Кассель и их родину — Гессен, они получили печальное известие о кончине курфюрстины Августы. Эта женщина, с давних пор жившая отдельно от двора курфюрста, в отличие от своего мужа всегда относилась к братьям Гримм с полным пониманием. Так, в тридцатых годах, когда Вильгельм послал ей экземпляр «Сказок», она поблагодарила его такими словами: «Мой дорогой господин профессор! Прислав Ваши сказки, Вы доставили радость трем поколениям: больше всего Вы порадовали бабушку, которая высоко ценит любое доказательство Вашей памяти, и, кроме того, приятно удивили дочь и внуков Вашим подарком». Весть о смерти доброй женщины, полученная братьями как раз в тот час, когда они собирались отплыть к новым берегам, отозвалась болью в их сердцах. Еще совсем недавно курфюрстина говорила братьям: «Если Вам все-таки придется уехать, то, по-моему, было бы лучше всего Вам уехать в Берлин. Когда я приеду туда, то навещу Вас». Ведь она происходила из прусского королевского дома. «Поскольку она распорядилась, чтобы ее похоронили как простую горожанку, — писал Вильгельм, — то мне удалось на улице присоединиться к траурной процессии и проводить до последнего ее пристанища».

Таким образом, в марте 1841 года братья Гримм, уезжая со всем имуществом в Берлин, прощались не только со своей родиной, но и со всем, что их связывало с ней. В то время такой переезд был делом непростым. Груз весом в 135 центнеров^[28] пришлось разместить на двух подводах; в Берлин, как рассчитали братья, он

должен прибыть после двухнедельного путешествия по плохим дорогам.

Вся семья Гриммов выехала спустя несколько дней, 14 марта. Экипаж с пассажирами прибыл в Берлин 19 марта. Сразу въехать в квартиру оказалось невозможным, пришлось прожить шесть дней в гостинице, пока наконец более или менее обставили «весьма милые, но все же не очень большие комнаты», как заметил Вильгельм.

По приезде братья сразу должны были нанести несколько визитов. Повсюду «их принимали очень дружески и вежливо». Их приветствовали министр по делам образования и культов Эйххорн и Александр фон Гумбольдт. Принял их король Пруссии Фридрих Вильгельм IV. Во время аудиенции у братьев сложилось весьма хорошее впечатление о взглядах их будущего монарха. Они даже отметили, что «в выражении его лица и вообще в нем самом есть что-то приятное, естественно благожелательное и остроумное», выразили ему «свои искренние и наилучшие чувства», но, наученные прежним опытом общения с коронованными особами, все же решили: «Посмотрим, что будет».

Братья Гримм на новом месте, как и в прежние годы, но теперь уже в более зрелом возрасте, тотчас принялись за работу. В перерывах привыкали к новому для них окружению: «со смыслом и вкусом» обставленной квартире, прекрасному дому. Совершали прогулки вдалеке от шумного города — ведь рядом с домом был Тиргартен. Весной в нем зеленели луга, покрывались свежей листвой деревья, пестрели цветы, в прудах резвились золотые рыбки. И было здесь то, что особенно любили они, — «приятная загородная тишина, в то время как в городе постоянно раздражал грохот экипажей». На улице вблизи Тиргартена по большей части жили ученые; поэтому и квартал этот окрестили

«quartier latin» — Латинским. Окружали Гриммов любезные и радушные люди.

Находясь в приподнятом, весеннем настроении, Вильгельм писал Гервинусу: «В личном плане мы настолько счастливы, насколько хотели бы желать. Полная свобода и к тому же возможность работать в университете; мы с благодарностью сознаем это».

Среди теорий и исследований

Сороковые годы XIX века. Годы, когда в жизнь все активнее, все решительнее стала входить техника и преобразовывать ее. Почтовый экипаж, бывший до тех пор основным средством передвижения на больших расстояниях, теперь уступил место «паровому коню». Если в 1840 году в Германии в эксплуатации находилось лишь 549 километров железных дорог, то к 1850 году их протяженность уже превысила шесть тысяч километров, то есть за десятилетие линия железных дорог вытянулась более чем в десять раз. Почти столь же резко возросло число фабрик или предприятий фабричного типа, где решающим образом изменились условия работы. Различные предписания, вступившие в действие в Пруссии и Баварии в 1839–1840 годах, запрещали использование детского труда на фабриках, на горных и металлургических предприятиях и ограничивали рабочий день подростков десятью часами. Но развитие техники поставило и ряд новых вопросов: как справится экономическая система и общество с начинающейся индустриализацией? Немецкий экономист Фридрих Лист в своей книге «Национальная система политической экономики» (1840 г.) попытался дать ответы на эти вопросы.

Наряду с техникой быстро развивались и естественные науки. Александр фон Гумбольдт, исследователь и путешественник, своими работами значительно обогативший представление о земле, начал в 1845 году издавать свой знаменитый «Космос». Для него было важно, опираясь на идеалистический дух классики, идти в ногу с требованиями развивавшихся естественных наук. Карл Риттер, один из создателей общей сравнительной географии, выпуск за выпуском

публиковал свой основной труд «География в ее отношении к природе и истории человека». Юстус фон Либих написал значительные книги в области химии: «Органическая химия» (1840 г.), «Химия животных» (1842 г.) и «Письма о химии» (1844 г.). В области физики трудились Вильгельм Вебер, один из «геттингенской семерки», математик и астроном Карл Фридрих Гаусс, который не только нашел способы расчета орбиты планет, но именно в тот период занимался «Общими положениями» физики (1840 г.).

Да, картина менялась явно в пользу естественных наук. И все же гуманитарные науки занимают пока еще господствующее положение. Появились новые направления в искусстве и литературе. В Германии, например, все активнее проявляют себя сторонники литературного течения, известного под названием «Молодая Германия». Более отчетливо зазвучала революционная поэзия, выражая свое недовольство нерешенными немецкими проблемами и даже выступая против власти. Георг Гервег опубликовал в 1841 году боевые «Стихи живого человека», а Франц Дингельштедт — сатирические «Песни космополитического ночного сторожа». Острые политические ноты звучали в произведениях Генриха Гейне: «Атта Троль. Сон в летнюю ночь» (1843 г.), «Новые стихотворения» (1844 г.) и «Германия. Зимняя сказка» (1844 г.). Против реакционного правительства был обращен сборник стихотворений Фердинанда Фрейлиграта «Символ веры» (1844 г.). К этому времени относятся первые произведения новой, реалистической литературы. Так, Бертольд Ауэрбах в «Деревенских рассказах» (1843 г. и позднее) попытался нарисовать образы крестьян, а Фридрих Геббель в драме «Мария Магдалина» (1844 г.) реалистически изобразил крушение старых обычаев и представлений о чести в бюргерских кругах. Как упрек происходящему звучат

слова мастера Антона в конце пьесы: «Я не понимаю больше этот мир».

Но это не означало, что время романтизма ушло в прошлое. Романтические мотивы все еще жили в литературе, менялись лишь формы. Например, Рихард Вагнер создал «Тангейзера» (премьера состоялась в 1845 году) на основе преданий, собранных братьями Гримм. Он сознательно назвал это произведение романтической оперой.

В 1842 году было решено по старым чертежам завершить строительство Кёльнского собора — национального достояния, и в этом было стремление к объединению страны.

Итак, во многих областях жизни, науки и искусства происходили весьма значительные изменения. Период, предшествовавший мартовской революции 1848 года — «предмартовское время», — бесспорно, оставил свой след в истории.

Однако по-прежнему существовали острые противоречия между реакционными князьями и правительствами, с одной стороны, и свободолюбивыми устремлениями народа — с другой. Либерально настроенный по многим вопросам прусский король Фридрих Вильгельм IV, пригласивший братьев Гримм в Берлин, так почти ничего и не сделал для положительного решения важного вопроса о конституции.

В первые годы пребывания в Берлине братья Гримм не имели возможности активно вмешиваться во все эти проблемы. Сохранять верность своей творческой линии, заниматься лишь преподаванием и исследованиями — таковы были их обязательства при переезде. Поэтому, когда за несколько недель до их приезда скончался директор Берлинской королевской библиотеки и министерство предложило Якобу руководство этим видным учреждением, он отказался.

30 апреля 1841 года для своей вступительной лекции в Берлинском университете Якоб избрал не языковую, а правовую тему. Основываясь на геттингенском опыте, он хотел показать, что в жизни государства право играет решающую роль. Курс его лекций назывался «О древностях немецкого права» и носил научно-исторический характер. В лекционном зале Берлинского университета собрались сотни слушателей. Когда Якоб поднялся на кафедру, студенты приветствовали его восторженными возгласами. По лицу этого человека было видно, что он растроган. С большой теплотой в голосе начал Якоб читать лекцию. Он поведал о тех испытаниях, что выпали на его долю, но не согнули, а, наоборот, только укрепили в нем силу духа, совершив доброе дело. Он изложил методы своей работы и рассказал, с чего начиналась его деятельность. Когда немецкие земли были оккупированы войсками Наполеона, он нашел утешение в изучении прошедших веков и обрел уверенность в будущем. Считал, что, исследуя язык, поэзию, религию и право глубокой старины, обогащаешься не только знаниями. В еще большей степени это изучение служит практическим целям современности — «выявлению образа и духа местного права и развивает чувство любви к родине».

Якоб Гримм служил, конечно, чистой науке, но при этом он не был чужд своему времени — верил, что результатами своего труда помогает борьбе немецкого народа за единство и свободу. Он не был исследователем, консервативно и формально изучавшим прошлое, он скорее хотел соединить существующее с тем, что еще предстоит построить: «У языка и права одна история, то есть между ними существует мост, связывающий воедино древность и современность, необходимость и свободу. Кто... не прислушивается к прошлому, тот наносит вред современности, давая будущему возможность так же, как он, предать

забвению прошедшее. И, наоборот, кто упрямо пытается удержаться за прошлое, тот странным образом отнимает у современности именно то, что будет вновь за ней признано будущим, то есть безрассудно рубит сук, на котором сидит сам».

Якоб Гримм совершенно безоговорочно признавал принцип, согласно которому развиваться и совершенствоваться может не только дошедший до нас язык, но и новые правовые нормы. В лекции это прозвучало так: «Я не отказываю ни нашему времени, ни какому-либо другому в способности улучшать законы в соответствии с высотой или мелкотравчатостью его точки зрения и тем самым вводить новые правовые обычаи, ибо к таким попыткам нас толкает человеческая свобода и современное юридическое право».

И слушавшие в зале эту лекцию чувствовали себя причастными к происходящему. Они понимали, что на их глазах происходит событие, выходящее за рамки лекционного зала. Это было «доказательство общественного признания», по словам Дальмана. Слушатели были благодарны человеку, который привел в соответствие теорию с практической жизнью.

Несколько дней спустя, 11 мая 1841 года, состоялась первая лекция Вильгельма Гримма. Темой лекции он избрал стихотворное произведение из героического эпоса на средневерхненемецком языке — «Гудрун». И это было еще одним подтверждением его верности поэзии. «Аугсбургская всеобщая газета» сообщила, что студенты приветствовали Вильгельма, как и его брата, громкими возгласами. В лекционном зале собрались сотни слушателей. Вильгельм поблагодарил за искреннее участие в его судьбе и сказал: «О цветах говорят, будто растут они ночью, чтобы тем пышнее рано утром раскрыть свои бутоны; то же самое я мог бы сказать и о себе, если был бы молодым; а сейчас могу

лишь заверить в том, что ночные заморозки мне не повредили».

После этих вступительных лекций братья Гримм влились в общественность Берлина и заняли достойное место в коллективе Берлинского университета. Теперь уже никакие интриги Ганновера не могли повредить им.

Беттина фон Арним, очень довольная тем, что все так хорошо разрешилось и братья Гримм живут в Берлине совсем рядом с ней, писала своему брату Клеменсу Брентано: «Якоб, самая простая и одновременно самая мирная натура, уважающая, однако, и права и обязанности, вышел из этого конфликта общественных мнений, тайной клеветы и политических интриг с нимбом святого, и это не следует понимать фигурально. Ведь одно лишь великое спокойствие, которое потребовалось ему, чтобы дать ответы на важные вопросы, на что он потратил уйму времени, придало чертам его лица силу и твердость борца и в то же время просветленность страдальца. И немногие, глядя на него, не ощущают чувства смущения».

Это похоже на объяснение в любви. Или это восторженное выражение той тоски, с какой люди мечтали о справедливом обществе?

Служебное положение братьев Гримм упрочилось еще больше, когда Вильгельм, который до тех пор был членом-корреспондентом Берлинской академии наук, весной 1841 года получил титул ее действительного члена. Оба брата встали в один ряд с крупнейшими учеными этой академии. 8 июля того же года Вильгельм произнес свою официальную вступительную речь, выдвинув вначале лозунг: «Немецкие академии должны поднять науку на более высокий уровень; они должны не только прославить ее, но и сделать ее плодотворной, внося в практическую жизнь результаты одиноко творящего духа».

Затем он сравнил науки, с давних пор нашедшие свое место в университетах, с представленной им и его братом германистикой, тогда еще молодой наукой, и высказал такую точку зрения: «В завидном положении находятся те науки, для которых проводившиеся в течение столетий исследования уже подготовили основу, на которой они могут уверенно продолжать свое развитие. Они похожи на человека, который бросает семена в доставшуюся ему по наследству, давно перепаханную землю и с уверенностью может дожидаться урожая, не беспокоясь, будет ли он хорошим каждое лето; он знает: если один год урожая не даст, то следующий принесет вдвое больше. Исследователи немецкой древности пока еще не находятся в таком счастливом положении. Им предстоит тяжелая работа — пахать и поднимать целину».

В этой связи он коснулся и работы брата по подготовке «Словаря немецкого языка»: «Пусть Академия окажет свое посильное участие в осуществлении этого замысла. Я имею в виду труд, который обобщит немецкий язык последних столетий, начиная с того времени, когда он, разбуженный жизнеутверждающим духом Лютера, вышел из оцепенения и начал пускать новые корни. Какая будет от этого польза, как наша эпоха будет способствовать повышению чистоты, благородства, правдивости, чувственной силы языка, укрепится ли благодаря этому чувство родины — это будет зависеть от духовной свободы и активности современности. Колос созревает и превращается в питательный плод только в том случае, если его освещает солнце и овеивает свежий ветер».

Уже вскоре братья Гримм убедились, что здесь, в Берлине, заниматься одновременно преподавательской и основательной исследовательской деятельностью не так-то просто. Якоб привык размышлять над своей работой по вечерам. А как раз в эти часы приходили

знакомые и незнакомые люди просто поговорить или посоветоваться с ними. Большей частью это были пустые разговоры, которые лишь отнимали время у ученых и сердили их, в особенности Якоба. На длительные переходы по улицам большого города тоже уходило много времени. Даже собрания в академии были в тягость, ибо, по мнению Якоба, здесь тратились многие часы на маловажные дела. «Дни пролетают в работе и заботах, — жаловался Якоб, — а вечера, когда я по старой привычке только и пишу, тратятся на бесконечные визиты».

С одной стороны, братья Гримм были довольны, что нашли наконец тихую пристань, с другой — они постоянно ощущали груз многочисленных обязанностей. Якоб говорил: «Внешне мы снова чувствуем себя уверенно и пользуемся уважением». Но: «Внутренне я чувствую себя часто неуютно». Одновременно он жаловался на «усталость и резко ощущавшуюся разбитость». Да, удары судьбы не прошли бесследно — уже не было той почти нечеловеческой работоспособности. Все чаще задумывался он, хватит ли ему отпущенного времени на решение многочисленных задач, которые поставил себе.

Еще в 1838 году в Геттингене, когда Якоба мучили мысли о близкой смерти, он составил завещание. Думая, что многие из его трудов останутся незаконченными, он распорядился, чтобы «все тетради с литературными записями были сожжены». Исключение он сделал только для сборника «Судебных приговоров» и для дополнений к уже изданным книгам. Все имущество должно перейти к брату Вильгельму или его детям.

В сентябре 1841 года это завещание он повторил, дополнив письмом-обращением к Вильгельму и Дортхен. Из письма видно, что этому ученому, производившему впечатление предельно собранного человека, не чужды были приступы меланхолии и мысли о неотвратимом

конце. В письме к брату и невестке ему в первую очередь важно было сказать, что никто не должен пострадать из-за его незавершенной работы: «Если «Словарь» остановится из-за моей смерти, то я хочу, чтобы издателям Хирцелю и Раймеру были возмещены убытки». Что же касается его пожелания сжечь после смерти все прочие научные разработки, то он на этом настаивал, считая: «С моими записями кто-либо другой вообще ничего не сможет сделать». «Мои мысли и рассудок, — писал он дальше, — в эту минуту спокойны и светлы, но мое тело в последние дни снова охватила такая тяжесть и усталость, что я жажду предстать перед богом, раствориться в нем, который примет меня таким, каким он меня создал, который знает, почему он хочет, чтобы наши глаза закрылись, наши руки застыли, а наши сердца остановились. Поверьте мне, любовь к близким — самое святое на свете, и не забывайте меня, как я не забывал о своей дорогой матушке».

Но пока не было необходимости вручать это завещание Вильгельму и Дортхен, так как Якоб чувствовал себя уже лучше. Однако и в последующие годы еще не раз у него случались подобные приступы меланхолии. Так, в 1843 году врачи не только прописали ему водолечение, но даже временно запретили чтение лекций. Он писал тогда: «В груди большая слабость, легкие пока не затронуты, но, когда я говорю, появляется боль и хрипота».

Еще хуже было у Вильгельма, который с детства болел. В феврале 1842 года он почувствовал себя плохо. Обеспокоенный Якоб писал Дальману: «Недавно опять, кажется, наступило ухудшение, пульс увеличился до 130 и больше ударов в минуту, в то время как ноги и руки стали почти холодными, и вместо лихорадки наступило состояние, похожее на паралич». Болел он в этот раз несколько месяцев, исхудал — опасались, что чахотка. Слабость была на протяжении всего лета. Казалось, что

эти месяцы он прожил в каком-то мраке, иногда терял сознание, приходил в себя и жаловался на сильнейшие головные боли. «Я не мог вспомнить даже самое известное, — говорил Вильгельм, — и мне ничего не оставалось, как отдаваться фантазии, которая, подобно летящей над морем птице, нигде не может найти хоть клочок суши и отдохнуть». Позднее он пришел к выводу, что остался жив только благодаря силе духа. Лишь осенью Вильгельм смог наконец выйти из уютной квартиры у Тиргартена и отправиться, опираясь на трость, на прогулку под старыми дубами и буками.

Болезни братьев доставляли много хлопот Дортхен, которая и сама не отличалась особым здоровьем. Заботясь и ухаживая за больными, она тем не менее держалась и оставалась душой семьи.

Конечно же, когда состояние здоровья братьев Гримм ухудшалось, они уже не могли трудиться с прежней отдачей. Но чуть становилось лучше, тотчас брались за работу.

По своему внутреннему складу Якоб меньше подходил для преподавательской деятельности, чем его брат. Он был прирожденный исследователь, отнюдь не оратор, блистающий своей речью перед слушателями. Он признавал это и сам: «Готовясь (к лекциям), я замечал, насколько больше мне нравится спокойная, тихая разработка той или иной проблемы, чем изложение перед публикой поверхностных результатов. Мне кажется, что я по природе, или же будучи избалован обстоятельствами, способен больше к труду в одиночку, а перед людьми же у меня не хватает смелости и самоуверенности». Как-то он произнес: «Как часто я тоскую по уединению в моей старой гессенской комнатухе».

Но человек привыкает ко всему, и он привык к преподавательской деятельности. Ежедневно проделывал путь пешком от Тиргартена до

университета, встречался в приемной со своими коллегами; через двадцать минут начиналась лекция, которая заканчивалась с громким звоном колокольчика. Лекции были посвящены тем же темам, что и в Геттингене, и затрагивали вопросы, которые он исследовал сам: «Германия» Тацита, мифология, памятники древнего права и немецкая грамматика.

О Якобе как о преподавателе говорили, что читал он лекции неровно, скачками, и слушателям нелегко было следить за изложением.

Вильгельма же, напротив, хвалили как прирожденного педагога. Правда, он учил предметам более наглядным, доходчивым. Вильгельм тоже брал большей частью те темы, которыми занимался в Геттингене. Трактатовал произведение Фрейданка «Разумение», читал лекции по эпосу «Гудрун», а также о романе Гартмана фон Ауэ «Эрек», увлекая слушателей в средневековый рыцарский мир — мир приключений, сложных и запутанных жизненных судеб, мир рыцарской чести, рыцарской любви к даме сердца, мир благородных качеств женщин и мужчин. Идеалы древней эпохи живо и реально представляли перед студентами XIX столетия.

Во вступлении к лекции по эпосу «Гудрун» Вильгельм сказал: «Мое толкование поэмы должно быть точным, филологическим. Но если бы я поставил перед собой только филологическую цель, то я не избрал бы для толкования поэму «Гудрун». Поэма о Гудрун вышла непосредственно из самой глубины, из самой сущности немецкого народа, жизнерадостный образ которого предстает перед нами как в чистом зеркале. Вновь познать и наглядно показать давно затерявшийся в океане времени дух народа — это задача истории древнего мира, а филология здесь служит лишь средством, хотя и прекрасным и благородным, более

того, она по сути является для нас единственным путем, который может привести к цели».

Он говорил, что для написания поэмы о Гудрун, как и для «Песни о Нибелунгах», потребовалось продолжительное время. И для наглядности привел такое сравнение: «Благородные деревья растут медленно, и требуется длительное время, прежде чем они зацветут, в то время как мелкие растения покрывают целые поля и их примитивные цветы появляются каждое лето».

Он восхищался песней о Гудрун: «Она вводит нас в родное тепло домашней жизни; она раскрывает душу благородных женщин. Не герой, каким бы великолепным и прекрасным он ни описывался, является центральным образом повествования, а его жена; и я не знаю, где бы еще с таким совершенством, глубиной и правдивостью было бы описано величие души, предстающей перед нами среди унижения».

Разумеется, Вильгельм мог бы читать курс лекций и о большом периоде средневерхненемецкой поэзии, но, как говорил он сам, в этом случае многое пришлось бы пропускать или сокращать. И тут он был похож на своего брата: ему больше нравилось уходить в глубину, чем шагать по верхам. Для него было гораздо ценнее досконально исследовать одно крупное произведение поэзии, чем скользить по поверхности целого столетия.

Ученый, такой чувствительный к языку, сразу оценил величие поэмы «Гудрун» и не переставал ею восхищаться. «Поэзия, — говорил он, — похожа на чистое золото, которое не портится ни при какой погоде; и это потому, что она исторгла из себя все случайное, ложное и преходящее. Она выделяет события из действительности, поднимая их к чистому свету идеи и обеспечивая тем самым им более возвышенное существование. Объединяя мыслимое и пережитое, поэзия отделяется от внешнего проявления, от того, что

мы называем действительностью. Она отличается от этой действительности, как отливка в форму отличается от настоящего, свободно вырубленного мраморного изваяния».

Подобное идеалистическое понимание поэзии Вильгельм обнаружил и в произведении Гартмана фон Ауэ «Эрек». Он охарактеризовал это эпическое произведение из числа романов о короле Артуре как «одно из лучших произведений рыцарской поэзии». Одновременно он не раз подчеркивал, что для него важное значение имеет также постижение настоящего через прошлое. И приводил такое сравнение: «Загрязненный колодец очищают не для того, чтобы кто-то мог с наслаждением любоваться своим лицом в его зеркале, а для того, чтобы в нем вновь забил источник, и напитал, и сделал плодотворной землю, ставшую сухой и бесплодной».

Кроме лекций в университете, в эти берлинские годы братья Grimm читают доклады на заседаниях в академии. Это были в полном смысле научные сообщения по самым разнообразным вопросам, которые затем публиковались в трудах Академии наук.

Но при всей занятости братья не забывали и о начатых ранее исследованиях. Якоб продолжал трудиться над сборником «Судебных приговоров». В 1842 году вышел третий том. В 1844 году он подготовил второе издание двухтомной «Немецкой мифологии». «Если я стараюсь, чтобы молодой побег немецкой мифологии уже сейчас смог вторично покрыться листьями, — писал он образным языком, — то это делается с еще большей надеждой на его будущий, ничем не стесненный рост». Якоб был убежден, что обращение к старине имеет не только академический интерес. Свет прошлого должен отражаться в настоящем, любая же недооценка прошлого отрицательно скажется на будущем.

В новом издании «Немецкой мифологии» он хотел показать, что каждому народу вера в богов была так же необходима, как язык. И вновь раскрывая перед читателями богатство мира, наполненного богами и духами, говоря о вере прошлых поколений в сверхъестественные явления и видя в ней проявление творческой силы воображения, Якоб отрицал существовавшее мнение, будто «жизнь целых веков проходила в сумерках тупого и безрадостного варварства». «Это противоречило бы духу любви и доброты нашего творца, — писал он, — который заставлял солнце светить всем временам и всем людям, таким, какими он их создал, одаривая их высокими качествами тела и души, вселял в них сознание высшей власти; всех времен, даже тех, что объявлялись самыми беспросветными, касалось божественное благословение, которое сохранило народам с благородными задатками их обычаи и право».

Желая отдать справедливость прошедшим векам, он выступал против мнения о якобы «темном средневековье»; для него любое время, любое столетие было преисполнено творческих сил.

Сам факт появления второго издания «Немецкой мифологии» говорит о возрастании интереса к мифологическим, а также героическим и легендарным образам.

Одновременно Якоб занимался переработкой «Грамматики», а также «Словарем немецкого языка». Объем работы был столь велик, что он иногда терял веру в себя и в свои силы: «Мы, люди, ввязываемся в такие планы, которые потом не в состоянии осуществить так, как это представлялось нам в тот момент, когда они составлялись». Но опять, как то видно из его письма к Дальману, приходила уверенность: «В моем сознании зреют еще пять или шесть книг, которые я с

удовольствием бы написал и для которых уже собран материал».

И Якоб трудился, незадолго до знаменательной даты в его жизни он сообщал Виганду: «В следующем месяце (4 января 1845 года) мне будет шестьдесят, но я чувствую себя, как и всегда, готовым к новым исследованиям».

В качестве свидетельства неустанных поисков стареющий ученый послал другу две новые свои работы, появившиеся в академическом сборнике; одна из них была посвящена «Немецким древностям», а другая — средневековым «Стихотворениям о короле Фридрихе I Гогенштауфене».

Первые пять лет пребывания в Берлине Вильгельм, как и прежде, издает произведения средневековых поэтов, чтобы сделать доступными для всех новые тексты. Вновь занимается творчеством Конрада Вюрцбургского и вслед за «Золотой кузницей» публикует работу «Сильвестр» — легенду в стихотворной форме о римском папе, носившем это имя. В 1844 году Вильгельм выпустил новым изданием опубликованного ранее «Графа Рудольфа». И, конечно, продолжает работать над «Сказками», шлифует их, улучшает и дополняет.

Вновь потребовалось издание сборника сказок, приобретающего все большую известность и признание. Речь шла о «большом» издании, но пользовалось спросом и «малое».

И вот весной 1843 года пятое издание «Сказок» увидело свет, и Вильгельм опять посвятил его Беттине фон Арним. Почти ровесница братьев Гримм, она была дружна с ними на протяжении десятилетий, жила в добром соседстве в Берлине и делила все радости и заботы. И опять Вильгельм нашел прекрасные слова для дарственной надписи: «Я не дарю Вам одно из тех роскошных растений, которые пользуются здесь, в

Тиргартене, особым уходом, не дарю золотых рыбок из темной воды, над которой стоит изваяние улыбающегося греческого бога, по почему бы мне еще раз не преподнести Вам эти скромные цветочки, которые снова и снова свежими появляются из земли?

Я же сам наблюдал, как Вы тихо стояли перед каким-то совсем обычным цветком и с радостью ранней юности рассматривали его».

Год спустя Якоб писал о сказках и преданиях, что они «до сегодняшнего дня дают молодежи и народу здоровую пищу, от которой никто не откажется, сколько бы ни подавали других блюд». Именно сказкам и преданиям Якоб предсказывал долгое будущее.

Таким образом, первые годы жизни братьев Гримм в Берлине были заполнены преподавательской деятельностью, научной и литературной работой. При таком обилии обязанностей работа над «Словарем немецкого языка» несколько затормозилась. О нем, конечно же, не забывали. Однако о редактировании и печатании первого тома пока думать было рано — не собрали еще весь материал.

Это, однако, никоим образом не отразилось на отношении общественности к братьям Гримм. Они по-прежнему пользовались высоким авторитетом в Берлине, получали приглашения к королевскому обеду в Шарлоттенбург; их величества вели с ними долгие беседы — король и королева были заинтересованы в том, чтобы братьям-ученым понравилось в Берлине.

Особенно их любили студенты. 24 февраля 1843 года, в день рождения Вильгельма Гримма, а также по поводу выздоровления их профессора после тяжелой болезни молодежь устроила факельное шествие. В этот день братья никого не приглашали. И все-таки в дом в Тиргартене пришло столько друзей и знакомых, что в комнатах стало тесно.

Дворник подметал улицу перед домом. Поползли слухи, что студенты задумали что-то. Они появились, когда уже стало смеркаться, образовали возле дома полукруг. Темноту ночи разрезали горящие факелы. Братья Гримм вместе с гостями вышли на балкон, и молодежь начала петь. В этот час по улице не ездили кареты. Чистые и звонкие голоса далеко разносились вокруг, из окон выглядывали жители соседних домов. В доме появилась своего рода делегация студентов — представителей от различных немецких земель, чтобы вручить поздравительный адрес. В адрес были вложены торжественная песня и стихотворение, которое один норвежский студент написал на датском языке в знак признания заслуг братьев Гримм в области изучения скандинавской литературы. Звучали приветствия, обменивались рукопожатиями. Снизу раздавались громкие заздравные возгласы.

Вильгельм обратился к студентам со словами благодарности за их любовь и участие. «Год назад, — сказал он, — я лежал тяжело больной и не надеялся, что вновь буду стоять перед вами и трудиться для вас. Я только мог просить, чтобы небо сохранило мне жизнь. Но я получил гораздо больше и могу сегодня, находясь среди вас, радоваться знакам вашего дружеского расположения к нам. Мы не хотим присваивать его только себе, а видим в нем выражение вашей любви к нашим трудам и нашим исследованиям. Эти труды посвящены изучению нашего отечества. Изучение германской древности требует серьезного и искреннего к себе отношения. Здесь нужен и энтузиазм, которого у вас хватает и с которым вы за все беретесь, — это прекрасный дар вашего возраста, на котором покоится будущее».

Притихшие студенты спели «Gaudeamus igitur»^[29], погасили факелы и отправились через Тиргартен по домам.

Большой и малый мир

С появлением железных дорог и пароходов стал манить далекий и великий мир. Для поколения, выросшего вместе с почтовой каретой, новые средства передвижения таили в себе новые, необъятные возможности. Сеть сообщений не была еще такой разветвленной, чтобы вовсе отказаться от почтового экипажа, и все же работу по перевозкам на большие расстояния вместо лошадей взяла на себя сила пара.

Поездка через Альпы по городам Средиземноморья по-прежнему была далеким путешествием и доступна далеко не всем. Невозможно было быстро съездить в Рим или Неаполь; для такого путешествия, чтобы хоть что-нибудь увидеть, приходилось тратить недели или даже месяцы.

Болезненного Вильгельма Гримма не тянуло в далекие края. Он оставлял Берлин лишь ради небольших путешествий. Так, в 1841 году вместе с женой он провел несколько дней в Ханау, постоял перед домом, в котором родился, но когда заглянул через открытое окно в квартиру, то из-за новомодной элегантной обстановки она показалась ему совершенно чужой. А вот в Штайнау все осталось по-прежнему. С волнением шагал он по старым переулкам, постоял около лавки булочника, из которой когда-то сестра Лотта, одетая в белую курточку, приносила сдобный хлеб; прошел мимо дома, в котором работал его отец; на кладбище за городом прочитал полустершуюся от непогоды надпись над могилой деда. Прогулкой по Рейну Вильгельм и Дортхен завершили путешествие в Кёльне.

Во время каникул они отправлялись с детьми в Гарц и Тюрингский лес. Там, в летней свежести листвы, его манили идиллические места. Холмистая местность и

чистый лесной воздух благотворно влияли на здоровье профессора. Вильгельму дорога **а** была природа немецкой земли, а в чужих краях он так и не побывал.

Якоб — иначе. Еще будучи совсем молодым дипломатом, он познакомился с блеском Парижа и очарованием Вены, в 1831 году побывал в Швейцарии, в 1834 — в Бельгии. Часто приходилось трястись в почтовых экипажах в зимний холод. Были знакомы и примитивные речные суда на Дунае.

В 1843 году наконец осуществилась его давняя мечта — он побывал в Италии. Иногда приходилось нанимать почтовую карету, но на большие расстояния отправлялся по железной дороге; железнодорожные вагоны не были, конечно, такими комфортабельными, как сейчас. Якоб жаловался на сквозняки во время поездки. Часть пути можно было проехать и на паровых судах, например, от Майнца вверх по Рейну до Мангейма или же по Фирвальдштетскому озеру и Лаго-Маджоре. Жарким августовским днем с помощью самых различных средств передвижения через Франкфурт, Базель, Сен-Готард, Милан Якоб прибыл наконец в Геную. Здесь он сел на пароход и после четырех ночей и трех дней пути прибыл в Неаполь. Поездка в почтовом экипаже от Милана до Генуи оказалась гораздо утомительнее, чем это морское путешествие.

Из-за палящего летнего зноя пятидесятивосьмилетний Якоб Гримм отказался от восхождения на Везувий, но зато осмотрел Геркуланум и Помпею. В один из дней сентября дилижанс привез его в Рим. Следующими остановками были Флоренция и Болонья. Поездка по Апеннинам в почтовом экипаже опять была утомительной. На крутых дорогах пять лошадей не могли справиться с тяжелой каретой, и к ним иногда приходилось пристегивать быков.

Северянина поразили южный ландшафт. По дороге из Генуи в Неаполь Якоб любовался картинами побережья,

целыми днями смотрел на безоблачное небо, на синеву моря с белыми пенистыми брызгами перед носом корабля, по вечерам, прежде чем отправиться в свою каюту, вглядывался в усеянное звездами небо. На берегу во время экскурсий он восхищался южными растениями. Гулял по оливковым зарослям, останавливался перед пиниями, рассматривал виноградные лозы, тучные поля и тенистые сады. «Над всем простирается власть природы, — заметил он, — перед вечной юностью которой исчезают наши поколения».

Во время таких путешествий воображение уносило его в далекое прошлое. Рим, существовавший уже несколько тысячелетий, был для него «гордым городом». Он шел по Аппиевой дороге, приближался к развалинам арок водопровода, трогал древние камни и думал: «Сколько бы они могли рассказать, если бы ожили». Потом он скажет: «В Риме нет ничего лучше вида форума». Ему представлялось, как между взметнувшимися ввысь колоннами римляне вели диспуты, торговали, разбирали судебные дела. Он писал: «Как часто я спасался от тревог и волнений на римском форуме, где на меня смотрели полуразрушенные постройки древних римлян в их неописуемом тихом величии, храмы, колонны, арки, Колизей — все стоит на своем месте и само себе служит мерой. Я мог бы здесь бродить месяцами».

Разумеется, он осмотрел дворцы знаменитых патрициев, церкви и храмы; произведения Микеланджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Тициана вызвали восторг: «Меня захватывает полнота жизни их картин». С одинаковым чувством радости он гулял по многолюдным неаполитанским улочкам и любовался флорентийскими родовыми замками и венецианскими дворцами.

Природа, история и искусство объединились в удивительное созвучие, особенно в Риме.

А вот впечатление от Неаполя и его окрестностей: «В этом городе при виде близкого моря, дымящегося Везувия и гор, доходящих до самого центра города, смолкают любые неодобрительные слова. Кто поднимался на холм Камальдоли и видел оттуда город, озера и море, тому не суждено будет, наверное, во всей остальной Европе увидеть картину, хотя бы приблизительно сравнимую с этой».

Любуясь природой, историческими памятниками и произведениями искусства, ученый с интересом наблюдал и повседневную жизнь шумных неаполитанцев, исполненных достоинства римлян, уверенных в себе флорентийцев и элегантных венецианцев. Он пишет: «Итальянцам свойствен самый естественный и непринужденный образ жизни». И заключает: «Без сомнения, некоторыми приятными чертами итальянец обязан постоянному обитанию своего рода среди прекрасной и мягкой природы».

Якоба как лингвиста, конечно же, привлек и сам итальянский язык. Он признавал за ним «исключительную красоту и гибкость» и был убежден, что «итальянский язык — это король всех романских языков, самый богатый и благозвучный из них». Вслушиваясь в звучание итальянской речи, Якоб, естественно, испытывал глубочайшую симпатию к тем, кто лучше всех обращался с этим языком, — к поэтам. Он отмечал «благородство формы» Данте, «сладкую мягкость» Петрарки, но все же во главу ставил, не кривя душой, «неподражаемого рассказчика» Боккаччо: «Он полностью посвящен в волшебство итальянского языка».

В конце сентября Якоб добрался до Венеции. В ноябре после трех месяцев странствий через Верону, Инсбрук и Мюнхен он возвратился в Берлин.

Впечатления от поездки расширили его представления о мире. «Три вещи, — говорил он в докладе Берлинской академии, — которыми в Италии

может наслаждаться человек с открытой душой: величию и великолепию природы, богатством истории страны и обилием разбросанных повсюду памятников искусства».

Как наблюдатель, которого интересовала не только эстетическая сторона увиденного, но который стремился делать выводы из своих впечатлений и таким образом оказывать воздействие на общественность, он заявил перед Берлинской академией: «Обоим народам, немецкому и итальянскому, судьбы которых связаны так тесно, долго причинявшим горе друг другу, следует наконец пойти на примирение».

Через год после итальянского путешествия, летом 1844 года, Якоб вновь отправился в большой мир. На этот раз — в Скандинавские страны. Через Штеттин на судне добрался до Копенгагена. Переезд был тяжелый. На нарах спали по двенадцать человек и больше. При сильной качке многие пассажиры страдали от морской болезни, правда, Якоб подвержен этому не был.

Следующим был Гётеборг. На небольшом пароходике с пятьюдесятью пассажирами на борту за четыре дня добрались до Стокгольма. Несколько дней Якоб провел в университетском городе Упсала, в котором находится знаменитая своими рукописями библиотека. Возвращался он тоже через Копенгаген.

Во время этого путешествия Якоб встретился с учеными, которые занимались аналогичными исследованиями: например, в Копенгагене — с языковедом и историком Карлом Кристианом Рафном, в Стокгольме — со шведским археологом и имперским антикваром Гильдебрандом. По инициативе прусского дипломата графа Галена его принял в своем дворце шведский король. Это свидетельствовало о признании тех трудов, которые Якоб вместе с братом посвятили нордическим языкам и поэзии.

Здесь, как и в Италии, его привлекли природа, история и искусство. Он сравнивал серый цвет северного моря со светящейся голубизной Средиземного и считал, что и при такой неяркой окраске «бурная стихия моря» совсем «не теряет своей возвышенности». Пологие берега северной страны — с гористым побережьем Италии. Снова наблюдал растительный мир, отмечал, что буки и дубы ближе к северу уступали место белоствольным березам, черно-зеленым соснам и елям. «Природа пустынна и спокойна», — говорил он. И открыл для себя очарование местного ландшафта: «Швеция, страна долгих и светлых летних ночей, нравится своими зелеными лугами, в траве которых разбросаны невзрачные цветы, придавленные зноем по-южному жаркого неба». Нравилось северное солнце, излучавшее более мягкий и рассеянный свет.

На бескрайние просторы севера Якоб Гримм смотрел тоже опытным глазом историка: «Для немецкого исследователя Скандинавия — благодатная почва, так же как Италия для любого, кто изучает историю древних римлян».

Курганы и рунические камни были для него свидетелями прошлого. Его интересовало все, что осталось от правления шведских королей Густава Вазы, Густава Адольфа и Карла XII. Деяния безрассудно смелого рыцаря Карла XII в описании Якоба «вошли поэтическим приключением в прозаическую действительность его эпохи».

Хотя и не столь богат холодный север значительными произведениями искусства, как Италия, но и здесь можно найти немало интереснейших памятников. Якоб осмотрел замок Фридрихсберг около Копенгагена, отметил большое здание библиотеки и готический собор в Упсале, назвал внушительным королевский замок в Стокгольме. Среди художников

выделил скульптора Торвальдсена, для работ которого в Копенгагене в 1840 году начали строить музей.

Якоб, разумеется, не хотел упустить возможность лучше изучить язык страны здесь, на месте. В шведском языке его привлекала полноречивость гласных и выразительность языковых форм, благодаря чему «песни шведских и датских поэтов приносят землякам радость и счастье».

Но мысли Якоба вновь и вновь переносились с севера на юг, от домов коричнево-красного цвета, выглядывающих из-за берез, к итальянским садам, и он старался разобраться в своеобразии того и другого ландшафтов. Свои впечатления он заключает следующими словами: «Эти северяне спокойны и степенны, они способны и склонны постигать всю глубину человеческого духа. В поездке по озеру Мелорен люди вели себя тихо и с достоинством. Лодка с десятью итальянцами качалась бы от шума и гама. С итальянцем можно мило беседовать обо всем, и при этом любоваться эмоциональностью его восприятия, но до определенного предела, дальше которого не пускает его сдержанность и привычка. На юге обычная повседневная жизнь протекает в удовольствиях и без напряжения. Серьезных северян я отношу к тем, кто способен к более философскому взгляду на жизнь и радостям, о которых там, в Италии, наверное, и не подозревают».

Во время этих заграничных путешествий Якоб побывал во многих библиотеках. «Мои глаза буквально впивались во все, что еще сохранилось в Милане, Неаполе и Упсале из готских рукописей», — говорил он.

Совершив эти две поездки, — а в то время они представляли собой нечто особенное и не могли измеряться по теперешним масштабам, — Якоб обогатился впечатлениями, много открыл для себя нового об этих странах.

И вновь вернулся в свой берлинский мир, в свой рабочий кабинет, к брату и Дортхен. Возвращаясь, всякий раз с гордостью отмечал, как выросли его племянники: старший Герман в шестнадцать лет уже был на голову выше его, Рудольф в свои четырнадцать лет считался лихим танцором, и двенадцатилетней Августе часто было трудно утверждать свое положение по отношению к братьям-гимназистам. Якоб по-отечески заботился о них, радовался, когда мальчики приносили домой хорошие отметки.

В начале 1845 года из Вольфенбюттеля пришло печальное известие — скончался брат Фердинанд, который занимался писательской деятельностью и одновременно книжной торговлей. В письме к Виганду Якоб с грустью писал, что этому брату «счастье никогда не сопутствовало».

Весной того же года из Касселя пришли приятные новости: младший брат, художник Людвиг Эмиль, женился во второй раз. Первая его жена умерла в 1842 году, он искренне горевал. И вот благодаря новому браку опять обрел покой и домашний уют.

Смерть и свадьба в этой семье ходили рядом. Им ведом был ход вещей, они знавали тревоги и огорчения, но не любили об этом много говорить.

В сороковые годы в квартире в Тиргартене уже не было так тихо, как к тому привыкли братья в Касселе. Часто, даже слишком часто, по мнению братьев, их приглашали в гости к другим ученым, на придворные обеды или концерты в Шарлоттенбург или Сан-Суси. Нельзя было отказаться и тогда, когда студенты устраивали праздники в честь своих профессоров, когда академия приглашала к себе иностранцев или других почетных гостей. Берлин вел интенсивную жизнь и в «малом» и в «большом» мире. Братья Гримм, которые занимали видное положение в обществе, должны были

следовать этой традиции. Им жаль было времени, которое уходило на светские приемы, но они не могли пренебрегать ими и проявлять невежливость. Ведь братья Гримм давно уже не были теми неизвестными сказочниками или скромными частными учеными.

Часто и сами принимали гостей. Среди них были, конечно, Беттина фон Арним, старый марбургский друг Савиньи, библиофил Мойзебах и коллега по работе Карл Лахман; иногда бывал министр по делам образования и культов Эйххорн; дамы из семьи фон Гакстгаузен, в свое время оказавшие братьям помощь в собирании сказок; навещали философ Шеллинг, художник Корнелиус, историк Ранке. Бывали посетители из-за границы. Так, осенью 1844 года их навестил писатель-сказочник Ганс Христиан Андерсен.

Но письменный стол с книгами был и оставался для них по-прежнему дорогим им миром, и они по-прежнему мечтали о возможности работать в стороне от общественной суеты.

В начале 1846 года Якобу исполнился 61 год, а Вильгельму — 60. Было над чем задуматься! Отец братьев дожил лишь до сорока пяти лет. Многие школьные товарищи уже ушли из жизни, а некоторые из них были моложе. Якоб признавался: «Подходит и наша очередь освободиться от гложащих нас забот».

Одной из таких забот был «Словарь немецкого языка», который в берлинский период продвинулся очень незначительно. 3 января 1846 года Якоб написал Виганду такие строки: «Завтра я отмечу шестьдесят первый раз день своего рождения, мои волосы поблекли, но сердцем и душой все еще бодр, еще в состоянии работать с полным напряжением духовных сил, и я просто жажду, чтобы так продолжалось до моего конца, так как должен еще выполнить несколько приятных и дорогих для меня задач, если это мне написано на роду. Люди строят обширные планы, но часто им удается

заложить лишь фундамент, не говоря уже о том, чтобы довести до конца и украсить постройку».

Записывая эти слова, Якоб думал о «Словаре». «Довести до конца и украсить» — это ему уже вряд ли удастся, но основу он все же хотел заложить!

Вскоре начались различного рода затруднения. Квартира в Тиргартене, где братья жили до сих пор и которая им так нравилась, стала тесной для их семьи — выросли дети Вильгельма. Нашли квартиру вблизи Бранденбургских ворот на улице Доротеенштрассе, 47, куда и переехали в марте 1846 года. Отсюда был виден Тиргартен; много солнца, воздуха. Но в конце того же года хозяин дома распорядился освободить квартиру, так как квартплата по недосмотру была внесена позже, чем следовало. Домовладелец просто воспользовался пунктом договора, чтобы сдать этаж на более выгодных для себя условиях. Вновь пришлось искать квартиру, нарушать заведенное хозяйство и менять свое рабочее место. Братьям Гримм, с трудом привыкавшим к новому, это доставляло массу неприятностей и неудобств. В марте 1847 года они переехали в дом на Линкштрассе, 7, который стал их последним берлинским пристанищем. Теперь они жили с **б**ольшими удобствами, чем раньше. Стареющий Якоб поселился в более теплых комнатах. Неудобства переезда вскоре обернулись своей положительной стороной — хорошими условиями в новом доме. В высоких и просторных комнатах братья смогли устроиться так, чтобы это было удобно для их работы. Книги, которые они собирали со студенческих лет и которые принадлежали им обоим, расставили на полках вдоль стен в комнате Якоба. Полки были сделаны такой высоты, что книги самого верхнего ряда можно было достать рукой, не залезая на скамейку. Книги переплели в красивые, цветные переплеты, некоторые — в красный бархат. Это была дорогая их сердцу библиотека, они с гордостью прохаживались вдоль

книжных рядов. Герман, сын Вильгельма, впоследствии писал: «Как библиотекари, они заботились о тщательной расстановке книг и обращались с ними, как с подданными, заслуживающими всяческого внимания». Поскольку полки не доходили до потолка, над ними разместили картины, написанные маслом и потемневшие от времени, с которых смотрели серьезные лица предков.

Посреди рабочих кабинетов стояли массивные письменные столы, кресла и этажерки для справочной литературы, которой приходилось часто пользоваться. На письменных столах братья держали различные камни, чтобы прижимать бумаги. Якоб пользовался камнем из затвердевших ракушек, Вильгельм особенно любил горный хрусталь. Перья и чернила всегда были готовы для работы. В кабинете Якоба стояла статуэтка Гёте работы скульптора Рауха. У Вильгельма в кабинете — бюст Гёте. На подоконниках — цветы. Якобу больше нравились желтофиоль и гелиотроп, а Вильгельму — примула с ее нежным ароматом. С прогулок братья приносили цветы, листья и закладывали их между страницами книг — на память. Они очень неохотно давали свои книги другим, так как делали в них пометки, вкладывали листочки с записями, а потому было важно, чтобы книги всегда находились под рукой.

Это был их маленький и великий мир со взглядом в столетия, отраженный в книгах. Здесь им хотелось провести свои последние годы. Они желали только одного — отказаться от преподавательской деятельности в университете и постепенно устраниваться от сутолоки общества, чтобы завершить труд всей своей жизни. Но такие вопросы в один день не решаются.

Годы политики

XIX век приближался к своей середине. Все сильнее становилось стремление к «единству и свободе», все с большей силой звучали требования обеспечить основные права. На политических встречах, на конгрессах — повсюду обсуждались общегерманские проблемы, и уже никак нельзя было снять их с повестки дня. Судебные чиновники требовали введения общих для всей Германии законов, ученые-германисты указывали на единство всей немецкой культуры.

Германистика как наука обрела жизнь и утвердилась в решающей степени благодаря братьям Гримм. Со времени выхода в свет их первых произведений прошло немало лет — появилось и выросло целое поколение. Работы братьев Гримм нашли поддержку таких крупных писателей-романтиков, как Арним, Тик, Брентано. К ним присоединились со своими учениками и другие писатели и ученые: Уланд, Геррес, Лахман, Бенеке, Шмеллер и Гервинус. Новой наукой заинтересовалась не только общественность — в университетах были созданы кафедры, разработаны программы.

Благодаря историко-критическим изданиям и языковедческим исследованиям отдельных проблем была создана прочная база для дальнейшей работы.

На повестке дня стоял съезд германистов. Первое собрание германистов состоялось в сентябре 1846 года во Франкфурте, в исторической Старой Ратуше. Приглашение, кроме братьев Гримм, подписали Дальман, Гервинус, Уланд, Лахман, Арндт, Ранке и Безелер.

В торжественном кайзеровском зале собрались выдающиеся ученые, языковеды, историки и юристы — всего около двухсот человек.

Людвиг Уланд, на два года моложе Якоба Гримма, считавшийся ведущим германистом благодаря часто издававшимся «Стихотворениям» (первое издание вышло в 1815 году), а также таким работам, как «Вальтер фон дер Фогельвейде» (1822 г.), «История старогерманской поэзии» (1830–1831 гг.) и другим, открыл собрание следующими словами: «Мне кажется, что выборы первого председателя собрания могут пройти без всякой задержки; мне было высказано пожелание, к которому я с особой радостью присоединяюсь, чтобы председателем был избран человек, в руках которого на протяжении стольких лет сходятся все нити немецкой исторической науки и от рук которого протянулось большинство этих нитей, и в частности золотая нить поэзии. Мне было высказано пожелание, чтобы этот человек был избран путем нашего общего одобрения; вряд ли мне нужно называть фамилию этого человека — *Якоб Гримм*».

Предложение было встречено громкими аплодисментами. Якоб был избран председателем первого собрания германистов и таким образом стал в глазах общественности как бы отцом этой науки.

Со словами благодарности принял на себя он ведение собрания, говорил о «взаимосвязях и взаимопроникновений трех наук, представленных на собрании», подразумевая под этим исследования в области языка, истории и права.

Верный себе, вначале он воздал должное языку: «Острое чувство языка с давних пор помогало людям осознать себя людьми и способствовало развитию их индивидуальности. Для всех благородных народов язык всегда был поэтому самой большой гордостью и богатством. В какое огромное и крепкое дерево превратился наш язык, рост и развитие которого мы можем проследить в истории на протяжении почти двух тысячелетий!»

Он нашел теплые слова и в адрес исторических наук: «Еще не было такого периода времени, когда исторические источники и памятники с объяснением их происхождения издавались бы с таким рвением и успехом; от света, который излучают эти источники, зажглась и новая наука — историография, которая оправдывает самые смелые надежды. Во всех уголках нашего отечества проснулась тяга к истории».

Проблемы правоведения для ученого были, по-видимому, более сложными. Он говорил о значении римского права и о ранних немецких правовых формах, высказался за введение нового законодательства: «Из положений старого и нового права может быть заново создано крепкое отечественное право».

Этими тезисами Якоб определил темы выступлений и докладов. Выводя собрание за рамки узкоспециальных вопросов и напоминая о судьбе всей Германии, он закончил свое выступление следующими словами: «Есть что-то символическое в том, что мы собрались в городе, который испокон веков считался сердцем немецкой истории. Здесь, во Франкфурте, происходили многие исторические для Германии события. Более тысячи лет назад Карл Великий прохаживался по его улицам, по которым мы ходим сегодня; как часто к месту, где мы собрались, люди обращали робкие надежды в ожидании решения судьбы Германии!»

На этом же заседании Якоб прочитал доклад «О ценности и значении неточных наук», в котором он отграничил точные науки: математику, химию, физику — от гуманитарных, которые не могут представить результаты своей деятельности в виде четких и общепринятых формул.

Доклад о состоянии работы над «Словарем» сделал Вильгельм. Он изложил принципы, положенные в основу работы, и подчеркнул, что они стремятся к наиболее полному охвату источников и хотят собрать в этом

живом архиве весь словарный запас немецкого литературного языка. Он повторил, что работа начинается с языка Лютера и заканчивается языком Гёте, и высказал при этом мнение, что именно эти два творца языка, которые будут стоять в начале и в конце этой работы, сделали немецкий язык «огненным и приятным». Вильгельм признался, что работа находится на том этапе, когда материал только собирается. Но с надеждой добавил, что размещение и переработка собранного материала, а следовательно, и подготовка к печати может начаться в обозримом будущем.

Цель создания «Словаря» он сформулировал в следующих словах: «Мы не хотим засыпать источник языка, из которого он постоянно пополняется и освежается, мы не намерены создавать нечто вроде свода законов. Мы хотим представить язык таким, каким он сам стал в результате своего развития на протяжении трех веков, но образцы его мы берем только из таких произведений, в которых он раскрывается как живой язык. Наш труд будет содержать сведения по естественной истории отдельных слов».

Развивая дальше свою мысль, Вильгельм ссылался на Гёте, в духе которого, как он считал, должен быть «Словарь»: «Гёте и в языке появился как новая звезда. Посох, которым он ударил по скале, выбил из нее свежий источник, который разлился по иссушенным лугам — они вновь зазеленели, и вновь появились весенние цветы поэзии. Невозможно определить, сколько он сделал для поднятия и очищения языка, причем не в кропотливых и трудных поисках, а следуя прямому влечению; дух немецкого народа, лучше и чище всего сохраняющийся в языке, вновь обрел у него подлинную и полную свободу».

Говоря об истинной цели их труда, которая не сводилась только к тому, чтобы сохранить и законсервировать, высказал заветное желание братьев

Гримм создать нечто новое: «Пусть словарь помогает не только научным исследованиям, пусть он освежает в языке чувство жизни».

Закрывая первый съезд германистов, Якоб пожелал, чтобы в будущем научные исследования проводились «с таким же достоинством и спокойствием» и «чтобы в этом процессе не исчезло то живое, душевное волнение, которое мы ощутили».

«Душевное волнение» возникло не только в связи с обсуждением специальных вопросов и утверждением новой области исследовательских устремлений человека. В кайзеровском зале Старой Ратуши вновь, с еще большей силой прозвучала не разрешенная пока еще германская проблема объединения всех немецких земель.

На втором съезде германистов, состоявшемся в сентябре 1847 года в Любеке, Якоба почти против его воли вновь избрали председателем. И на этот раз люди, приехавшие из мелких и средних государств, пересекли тесные границы своих земель не для того, чтобы выступить как пруссаки, баварцы, вюртембергцы, баденцы, гессенцы, саксонцы и ганноверцы, а чтобы вести разговор просто как немцы.

На этом съезде Якоба Гримма чествовали как ученого, проложившего новые пути сразу к трем областям — языку, праву и истории. Он ответил скромно, но с достоинством, как бы подводя итог своей жизни: «Надо мной скоро вырастет трава. Но если обо мне еще будут помнить, то я хотел бы, чтобы обо мне сказали то, что я могу сказать о себе сам: я ничего в жизни не любил сильнее, чем свою родину».

На съездах германистов витал дух свободолюбия. В либеральных кругах считали, что это первые шаги к народным представительствам. Общим же желанием было представительство народа, активно участвующего в государственной жизни.

Между двумя съездами германистов, летом 1847 года, Якоб предпринял путешествие в Вену и Прагу — посмотреть кусочек «большого» мира, освежить воспоминания и поработать в библиотеках.

Вскоре после окончания Любекского съезда Якоб приступает к изданию «Истории немецкого языка», над которой он работал довольно продолжительное время, сознательно отодвинув в сторону работы над «Грамматикой» и «Словарем». В 1848 году она вышла в двух томах.

Еще давно у него возникло желание осветить историю германских народов со стороны языка: «Мне кажется, стоит попытаться узнать, не получит ли история пользы от невинного языкового исследования». Кроме того, ему хотелось показать характер тех германских языков, у которых не сохранилось значительных письменных памятников. Он понимал, что идет по неизведанной тропе и что необходимо считаться с риском ошибиться, о чем писал в предисловии: «Кто не рискует, тот ничего и не добивается. Протягивая руку, чтобы сорвать новый плод, нужно уметь не расстраиваться, если плода там не окажется. Так в темноте начинает брезжить рассвет, и новый день подкрадывается как бы на цыпочках. Я люблю побродить по небольшим ржаным полям в стороне от широкого тракта, сорвать спрятавшийся луговой цветок, из-за которого другие бы и не нагнулись».

«Спрятавшийся луговой цветок»? Якоб скромничал, когда так писал. Книга вышла в разгар волнующих событий 1848 года. В письме Гервинусу он признался, что его труд «насквозь политический», он говорил о «противозаконном разделении» Германии князьями и считал, что даже «История немецкого языка» дает стимул к объединению.

Карта Германии в то время пестрела многочисленными мелкими государствами. Еще задолго до этого началось брожение. Повсеместно народ высказывал свое недовольство князьями и правительствами. И вот только что изобретенный телеграф разнес по всем европейским странам сообщение, что 24 февраля 1848 года в Париже изгнали короля и провозгласили республику. Революционная волна захватила и немецкие земли. Люди возымели надежду, что победа возможна и у них. Начались так называемые «мартовские революции», в ходе которых их участники хотели добиться не только назначения верных народу министров, но и требовали вооружения народа, свободы прессы, введения присяжных судов и, наконец, созыва немецкого парламента.

Власть менялась несколько раз. В Баварии король Людвиг I отрекся от престола в пользу своего сына Максимилиана II. В Австрии реакционный князь Меттерних потерял свои позиции и влияние, правительство вынуждено было пообещать более либеральную конституцию. Наконец и в немецких землях стали верить в осуществление давнишней мечты о единстве и свободе.

А как обстояло дело в Пруссии, в стране, с которой связали свою судьбу братья Гримм? Когда в 1840 году Король Фридрих Вильгельм IV приглашал их в Берлин, к этому монарху были обращены все надежды. Король оказал поддержку ученым, которые в любом другом месте подверглись бы преследованиям. Вот только в решении конституционного вопроса за многие годы он продвинулся так же мало, как и другие сиятельные его коллеги, сидевшие на немецких тронах. Правда, в апреле 1847 года он созвал объединенный ландтаг, чтобы получить одобрение на введение новых налогов для необходимого расширения сети железных дорог. И в то же время в речи перед ландтагом король высказался

против принятия подлинно народной конституции, заявив, что «он никогда не допустит, чтобы между королем и его народом встал исписанный лист бумаги». Под «листом бумаги» он имел в виду конституцию — основной закон. Но ведь именно этого — принятия конституции и хотел народ!

Многих, в том числе и братьев Grimm, речь короля буквально привела в оцепенение. В письме к Дальману в апреле 1847 года Якоб писал: «Речь короля подействовала на меня удручающе; она наводит меня на тяжелые размышления; думаю, на большинство людей она произведет пренеприятное впечатление. До сих пор я все еще надеялся, но теперь убедился в том, что он не может правильно понять свое время и свое место. В таких случаях особенно высоко ценишь конституцию, при которой можно жить свободно и спокойно. Все прочие планы и труды без нее кажутся никчемными и пустыми».

Февральская революция 1848 года в Париже нашла живой отклик в Берлине. Недовольство народа вылилось в кровавые столкновения. 18 марта дело дошло до уличных боев, строили баррикады. Королю пришлось охранять свой замок с помощью тысяч солдат, вокруг замка было образовано живое кольцо в несколько километров. Во дворец приходили и уходили депутаты, а король никак не мог прийти к какому-либо решению. А на улицах стреляли, на улицах лилась кровь.

Вильгельм Grimm, свидетель уличных боев, так описывал их брату Людвигу Эмилю: «В три часа начался этот ужасный бой. Целых четырнадцать часов две или две с половиной тысячи солдат ожесточенно сражались на улицах с народом. Грохот взводных залпов, выстрелы пушек и разрывы картечи были ужасны, особенно среди ночи. В разных местах возникали пожары, а когда орудие замолкало на несколько минут, слышался жуткий сигнал «в атаку». Можно было не беспокоиться,

что бой перекинется на нашу улицу, расположенную на судоходном канале, как бы запиравшем ее с одного конца, а вот недалеко от нас, у Ангальтских ворот, бой разгорелся яростный. Мы, конечно, целую ночь не спали».

После этого король распорядился, чтобы из столицы были выведены войска, одновременно обещал созвать собрание для разработки конституции. Он заявил, что тоже стремится к «свободе Германии, к единству Германии».

Началась кампания по составлению и разработке конституции для всей Германии. С одобрения правительств в отдельных землях народ избирал своих депутатов на национальное собрание, которое открылось под черно-красно-золотым флагом в мае 1848 года во Франкфурте в церкви св. Павла. Депутаты собрались в надежде определить основные права народа и восстановить единство Германии.

Депутатом на национальное собрание был избран и Якоб Гримм. Он прибыл во Франкфурт с ощущением, что все важные вопросы утонут в дипломатической болтовне, длинных и нудных дискуссиях, и выразил свою озабоченность, что растянутые на долгие месяцы переговоры поставят под угрозу боевой дух и успехи народа.

Ученый перед депутатами хотел выразить свою личную точку зрения, которую выработал в процессе исторических исследований. Он обратился к собранию, громко и отчетливо выговаривая каждое слово: «Я хочу сказать лишь несколько слов в пользу статьи, которую я имею честь предложить. Понятие «свобода» настолько свято и важно, что мне представляется крайне необходимым поставить его во главу наших основных прав. Поэтому я предлагаю статью первую проекта сделать второй, а вместо нее на первое место вынести статью следующего содержания: «Все немцы свободны,

а немецкая земля не терпит рабства. Несвободным иностранцам, пребывающим на ней, она возвращает свободу». Таким образом, я вывожу из права на свободу силу воздействия свободы, ибо в противном случае несвободным стал бы сам воздух, а свобода должна сделать свободным и немецкий воздух».

Якоб Гримм выступил за создание единой Германии под руководством Пруссии. Оставаясь во Франкфуртском национальном собрании около четырех месяцев, он все больше разочаровывался из-за бесконечных речей. «Великогерманцы», выступавшие за включение Австрии в состав Германии, спорили с так называемыми «малогерманцами».

Воодушевление, с которым национальное собрание приступило к работе, исчезало под напором трудностей. Некоторые депутаты были отозваны правительствами, другие уехали по своей воле. Оставшиеся переехали в Штутгарт. В 1849-м вюртембергское правительство распустило его.

Якоб, разочарованный, как и большинство его современников, вернулся за свой письменный стол.

Вильгельм, разделяя разочарование брата, писал: «Когда, возвращаясь по железной дороге, я увидел вдали Берлин, то испытал чувство подавленности от необходимости вновь окунаться в повседневные переживания, нужды и заботы, что теперь стало судьбой всей Германии. Мы стоим сейчас перед будущим, как перед закрытыми воротами: хорошо, что мы не знаем, что окажется за ними, когда они откроются».

Но «ворота» к светлому не открылись. В мае — июне 1849 года в Бадене, Пфальце и Саксонии с революцией было покончено. В Пруссии власти навязали народу палату дворян и палату депутатов. В 1850 году было принято нечто подобное конституции. Выступления в Австрии были также подавлены. На трон вновь укрепившегося государства вступил

восемнадцатилетний Франц Йозеф. Государство вернулось к абсолютистской форме правления. Там же, где конституции были приняты, они все равно существовали скорее формально. Действительность развеяла мечты о «единстве и свободе».

Братья Гримм горько переживали крушение своих политических надежд. Но на их научной деятельности это никак не отразилось — они с новыми силами взялись за исследования, видя в работе смысл своего существования.

В ноябре 1849 года Якоб произнес перед членами Академии наук важную речь «О школе, университете, академии», поставив задачи перед каждой из этих организаций. «Наше общественное положение, — говорил Якоб, — стало хуже и мрачнее». Именно поэтому особое значение придается воспитательным учреждениям в будущем, в частности начальным школам. Существование общественных учреждений, которым с полным доверием можно было бы поручить большую часть воспитания, — великое благо и для родителей и для детей. Похвальные слова сказал он и в адрес университетов — они «заметно прогрессируют». Академии он охарактеризовал следующим образом: «Это свободные, независимые объединения ученых, идущие во главе науки. О науке, — добавил Якоб, — у меня самое высокое представление. Все знания обладают стихийной силой и подобны лавине прорвавшейся воды или пламени, которое, возгораясь, изливает потоки света и тепла. До тех пор пока существует человек, мучительную жажду знаний нельзя утолить полностью, как бы часто это ни делалось».

Но, прежде чем Якоб смог снова полностью посвятить себя, как он говорил, «храму науки», он еще раз был вовлечен в политику. Во Франкфуртском народном собрании дебатировался так называемый Шлезвиг-Гольштейнский вопрос. Датский король путем

введения общегосударственной конституции хотел привязать к Дании два этих герцогства. Общественное же мнение выступало против. Дело дошло до вооруженной борьбы между федеральными войсками и Пруссией — с одной стороны, и датчанами — с другой. Дюппельские редуты несколько раз переходили из рук в руки. Наконец согласно «лондонскому протоколу» оба герцогства в решении наиболее важных вопросов были подчинены Дании.

Якоб Гримм выступал против притязаний Дании, и на съезде немецких филологов в 1850 году публично высказал свою точку зрения: «В каком бы месте немецкой земли сегодня ни собирались люди, они обращают свои мысли к Шлезвиг-Гольштейну. Наша история не знает более трогательного примера верности своему отечеству. Мы сами еще разделены и разорваны, а эти немцы тянутся к нам. Мы должны выступить им навстречу с открытым сердцем и распростертыми объятиями».

Но разве мог скромный ученый изменить ход политических событий? Власть была отдана в руки тех, кого мало интересовали протесты и желание народа. С годами ему все тяжелее было видеть разрозненность немецких земель. «Наибольшая часть моей жизни была наполнена радостными надеждами, — писал он в 1851 году, — и мне больно в конце жизни отказываться от них; я все же сохраняю мужество и веру, хотя оснований для этого становится все меньше».

С «мужеством и верой» взялся он вместе с братом за труд последних лет их совместной научной деятельности — «Словарь немецкого языка».

«Словарь немецкого языка»

В 1848 году Якоб оставил университетскую кафедру. Вильгельм прекратил чтение лекций в 1852 году. Но по-прежнему братья Гримм принимали участие в жизни Академии наук.

В 1850 году они вернулись к работе над «Словарем немецкого языка», чтобы придать ему окончательную форму и подготовить к печати первый том. Якобу тогда было 65 лет, Вильгельму — на год меньше. И стояли они на пороге тех лет, когда, по теперешнему представлению, начинается так называемый «период заслуженного отдыха». Но братья по-прежнему были полны сил и решимости трудиться. Это были исследователи, преданные до последнего часа своей цели и задаче. Вскоре после своего 65-летия Якоб писал Гервинусу: «Мое здоровье, а в еще большей степени здоровье Вильгельма начинает вызывать тревогу. — И добавлял: — Я весь в работе, у меня рождаются новые планы плюс к тем, что еще остаются невыполненными».

С тех пор как в 1838 году о «Словаре» было объявлено официально и начался сбор материала, прошло двенадцать лет. Теперь же, все больше отходя от повседневных текущих дел и участия в общественной жизни прусской столицы, братья просматривали весь материал, собранный в картотеках, — тысячи отдельных листочков.

Братья сознавали, что, работая над «Словарем немецкого языка», им придется отказаться от других книг, давно задуманных ими. Это был тяжелый и долгий труд. Якоб признавался Гервинусу, который в «Истории немецкой национальной литературы» занимался более приятными для себя предметами: «Большой словарь, за который я взялся, давит свинцовым грузом, и мне

придется из-за него отказаться от более дорогих мне вещей. Если я когда-либо и ощущал трудности начала какой-либо работы, так это в работе над словарем; все сразу станет легче, как только я войду в нее глубже».

Но, начав эту работу, братья из чисто этических соображений уже не могли не выполнить ее. Во-первых, существовал старый договор с издательством, который имел юридическую сторону этого вопроса, кроме того, издатель заплатил уже значительную сумму их помощникам. Во-вторых, братья понимали, что этот «Словарь» будет представлять собой большой труд, равный по значимости их другим работам. Речь шла, по их твердому убеждению, не о желательной, а необходимой в высоком понимании слова задаче.

Не всегда работа была интересной. Даже отдельных интересных тем здесь не было. Но сам дух работы над «Словарем» предполагал одинаково добросовестное отношение к большому и к малому. Приходилось не выбирать материал по интересам, а обрабатывать слово за словом. К тому же оказалось, что помощники не всегда с достаточной тщательностью проводили предварительную работу, поэтому приходилось самим долгие часы копаться в источниках, чтобы проверить данные, которые были приведены на карточках. Уходило много сил и времени, чтобы достать старые книги, из которых помощники делали выписки. Основательных и добросовестных ученых братьев Гримм не мог удовлетворить скорый и поверхностный просмотр материала — готовый к печати текст должен быть абсолютно надежным и неуязвимым со всех точек зрения, и не только для их времени, но и для последующих столетий.

В начале пятидесятых годов они подготовили к печати первые тома, которые должны были определить дальнейшую методику и направление всего издания.

Подготовку первого тома осуществлял Якоб. И снова пришлось сдавать издателю текст частями, по мере его готовности, как он это делал и раньше со своими крупными трудами. Издательство приступило к публикации первого тома отдельными выпусками. Первый выпуск появился 1 мая 1852 года. «Произведением века» был назван «Словарь» специалистами-современниками. На книжном рынке он вызвал к себе небывалый интерес.

Скандинавский ученый Петер Андреас Мунк, который сам шел по пути братьев Гримм и работал над книгами по грамматике рунического и готского языков, выразил общее настроение коллег, написав, что для него большая радость увидеть «действительное начало этого гигантского труда», добавив к этому еще пожелание: «И пусть господь бог, как обычно, дарует Вам много сил, чтобы Вы могли закончить этот *monumentum aere perennius!*»

На Лейпцигской книжной ярмарке 1852 года первые выпуски «Словаря» тоже были в центре внимания. Издатель Соломон Хирцель сообщил Якобу: «На ярмарке словарь был на устах всех книготорговцев, и все они, за исключением нескольких завистников, отзываются о нем самым благоприятным образом. Он по праву считается крупнейшим литературным трудом века».

Якобу, конечно же, было приятно получить такую оценку. Но чего это стоило! Даже этот поразительного трудолюбия человек должен был признаться себе, что вначале он и не подозревал о таком объеме работы. Та затрата времени и сил, которая потребовалась, превзошла все его ожидания. Осенью 1852 года он писал: «Каждый день я сижу над ним (словарем) по крайней мере по двенадцать часов, а это о чем-нибудь говорит, если собираешься отметить 68-летие. Для издателя крайне важно убедить публику в том, что дело

задумано серьезно и ни в коем случае не останется незаконченным».

В 1852 году к работе над «Словарем» подключился Вильгельм — взял на себя слова, начинающиеся на букву D. Якоб же трудился, по его собственному выражению, «один как перст» над первым томом. В этом томе, как он сообщил, «не будет ни единой буквы, которая не была бы не написана моей собственной рукой». При этом он вел обширную переписку с помощниками по всем возникающим вопросам. И постоянные колебания между страхом, что работа превысит его силы и возможности, и надеждой, что будет создано что-то поистине великое. «Если произведение, — писал Якоб, — завершится так, как оно было начато, то вряд ли какой-либо современный язык сможет продемонстрировать такое огромное полчище слов и, примеров».

Братья вновь обратились к общественности и помощникам с просьбой присылать материал. И опять почти с отчаянием они говорили, что «здесь бездна работы».

Гервинус в 1852 году пишет Дальману: «Гриммы все в работе. Они погребены под этим словарем».

«Если бы здоровье было покрепче, — жалуется Якоб в 1853 году. — Последнее время мой пульс становится неровным или пропадает совсем. Из-за этого у меня бессонные ночи». И все-таки он не изменяет своему привычному распорядку.

В октябре 1853 года Якоб получил от издателя Хирцеля сотый лист. Оставалось написать предисловие и составить список первоисточников.

А годы берут свое. «Уланд, конечно, прав, — пишет Якоб, — когда сравнивает меня с заключенным. Он мог бы назвать меня еще и больным, ведь уже год, как у меня все сильнее ощущается старая боль в сердце».

Наконец в 1854 году после шестнадцати лет труда по собиранию материала и подготовке книги был

отпечатан и выпущен первый том «Словаря». Это был первый законченный результат! Одно лишь предисловие и библиография заняли почти сто страниц. Сам текст, включавший все слова на букву А, а также на букву В до слова «Biermolke», насчитывал 1824 колонки.

В предисловии Якоб говорил о необходимости создания «Словаря» именно в это время, когда весь немецкий народ страдает от раздробленности и разобщенности: «Начало работы над таким произведением, если ему суждено иметь успех, должна осветить своим животворным светом небесная звезда. Я заметил это по близости двух признаков, которые обычно находятся на расстоянии друг от друга, а тут сблизились по одной и той же внутренней причине — подъему немецкой филологии и восприимчивости народа к своему родному языку; и то и другое движимо обостренной любовью к отечеству и неумным стремлением к прочному объединению. Что у нас еще общего, кроме нашего языка и литературы?»

Якоб полностью сознавал, что при существовании на немецкой земле множества государств его труд может стать символом единства. «Враг всякого тщеславия и хвастовства, — заявил он, — я смею утверждать, что если удастся завершить начатый тяжелый труд, то тем самым поднимется слава нашего языка и нашего народа, что составляет единое целое».

Как заклинание прозвучали его слова: «Дорогие немецкие соотечественники, в каком бы государстве вы ни жили, к какой бы вере вы ни принадлежали, входите в открытый для всех вас храм вашего родного древнего языка, изучайте и берегите его как святыню, держитесь за него, в нем сила народная и жизнь в веках».

Якоб сказал, что ему самому этот труд подарил более глубокие знания: «Всегда, насколько позволяли отпущенные мне способности, я стремился к познанию немецкого языка, стремился смотреть на него с разных

сторон; и мой взгляд светлел тем больше, чем дольше я смотрел, и до сих пор остается ясным».

И откровенно делился с читателями своими сомнениями, которые часто его охватывали, когда он сталкивался с почти необозримым «полчищем слов»: «Уже будучи пожилым, я чувствую, как рвутся пока еще находящиеся у меня нити других начатых или переведенных мной книг. Ведь если целый день с неба падают мелкие густые хлопья, то вскоре вся местность покрывается бескрайним снежным покровом; так и меня заносит массой слов, наступающих на меня из всех углов и щелей. Иногда мне хочется подняться и стряхнуть с себя все, но потом я все-таки беру себя в руки. И ведь было бы действительно глупо отдавать себя во власть мелких соблазнов и пренебречь большим урожаем».

Ощущение, что жить и трудиться осталось недолго, вносило в настроение Якоба трагические нотки: еще так много надо сделать, столько задумано, столько собрано материалов для новых литературных произведений, которые могли бы еще раз стать свидетельством того, как он прекрасно знал историю развития немецкого языка. Его страстным желанием было отдать свои знания и опыт потомкам. И в этом состоянии разлада и смятения почти семидесятилетний ученый все же остался верен работе, которую он начал несколько лет назад. Да, он продолжал работать над «Словарем». Правда, речь уже не шла о завершении работы собственными силами. Но Якоб с полным правом мог заявить: главное сделано — путь проложен.

Якоб надеялся, что «Словарь немецкого языка» будет когда-нибудь закончен и что «он не исчезнет, а сохранится в памяти потомков». При этом братья Гримм свой ежедневный труд не считали узкофилологической задачей. Наоборот, они полагали, что язык и история немецкого народа при тогдашней нерешенной его

судьбе могли бы лучше всего «проявить стою неисчерпаемую успокаивающую силу».

Томас Манн через сто лет назовет «Словарь» «героическим делом», «филологическим монументом». «Этот словарь для меня не просто справочник, а любимое чтение, которому я могу целиком отдаваться целыми часами», — признается он.

После выхода первого тома «Словаря» тиражом четыре тысячи экземпляров — для того времени большим — Якоб почти сразу же берется за подготовку второго.

Наступил 1855 год. И Якоб записал: «С Нового года я шагнул в седьмой десяток, ощущаю спад физических сил, поэтому не очень ясно, хватит ли меня на то, чтобы завершить этот слишком поздно начатый труд. Хотя слабость тела и мучительна, когда ум еще работает, все же умственный упадок при сохранении физических сил был бы еще огорчительнее».

Но приступы слабости проходили, и Якоб старался забыть о своих тревогах. «Я в состоянии работать, как в молодости», — говорил он тогда.

Много хлопот доставлял ему брат Вильгельм, которого он называл «вечным меланхоликом». Непросто было вывести его из этого состояния, но Якоб все же старался ободрить и развеять его грусть. А потому и в объяснении слова «меланхолик» Якоб встретился с некоторыми трудностями. Как неверно было бы рассматривать красивые истории, созданные воображением, с прекрасным и счастливым концом, так же неверно было бы считать создателей этих историй — братьев Гримм беззаботными и постоянно улыбающимися сказочниками, собирающими вокруг себя толпы детишек. Конечно, их жизнь в известном смысле была размеренной, упорядоченной и внешне спокойной, но внутри у них пылал неугасимый огонь, пожирающий все гениальные натуры.

На склоне своих лет братья справились и с этим. Якоб, закончив группу слов на букву В, приступил к сравнительно небольшой группе слов на С, а затем на Е. Вильгельм это же время был занят значительным по объему материалом по букве D. Братья работали согласованно, по единому принципу и методу, но каждый нес ответственность за свой материал.

Издатель Хирцель торопил — он хотел как можно быстрее выпустить второй том. Друзья подбадривали братьев Гримм. Дальман писал им: «Я не могу и не хочу оставлять надежду на то, что этот благородный памятник именам братьев Гримм будет завершен теми же руками, которые заложили его основание».

Как бы отвечая Дальману, Якоб в 1858 году еще раз высказал свои соображения, почему издание «Словаря» не могло быть быстрым и заранее уже было predetermined медленное его продвижение. Подготовленная к печати рукопись, насчитывающая 4516 страниц размером в четверть листа, вместила материал только на первые три буквы алфавита. Вильгельм заканчивал работу над буквой D. «Здесь все, — говорил Якоб, — каждая буква должна быть написана собственноручно, посторонняя помощь недопустима». Он подсчитал: требовалось написать еще около 25 тысяч рукописных страниц. «Перспектива поистине устрашающая», — заметил Якоб, которому исполнилось уже семьдесят три года.

Мучили и другие сомнения в ходе работы над «Словарем». Он снова и снова упрекал себя за то, что заставил Вильгельма работать над вопросами грамматики и языка: «Он мог бы приложить свой талант на другой ниве, и с **б**ольшей пользой». Хотя Вильгельм и радовался успехам, но все же, думал Якоб, эта работа ему в тягость. Не лучше ли было ему сидеть над средневековой поэзией, чем дотошно изучать и излагать происхождение и употребление какого-нибудь слова?

В такие минуты Якоб сомневался, правильно ли он поступил, что, не доведя до конца «Грамматику», взялся за «Словарь». С гораздо большим удовольствием, — говорил он, — я закончил бы «Грамматику», которой в конце концов я обязан всем, чего достиг, но теперь заниматься ею у меня нет никаких возможностей, и мне придется оставить ее незавершенной». Также становилось все яснее, что окончание «Словаря» отодвигается на неопределенное время, но тем не менее он должен продолжать работу, не имея никакой надежды еще раз вернуться к другим трудам.

Но работа над «Словарем» имела и свои положительные стороны. В 1858 году Якоб писал Дальману: «Не думайте, что словарь — неблагодарный труд и что он не приносит никакого удовольствия. Он вынуждает меня изучать и открывать для себя бесчисленные «мелочи», о которых я иначе и не подозревал бы, так что польза для меня несомненная».

В 1859 году он писал литературоведу Вильмару: «В этом деле есть и приятные моменты — оно заставляет узнавать вещи, в общем, далекие и малодоступные». Но при этом добавлял: «Все же меня мучает, что человек в возрасте 75 лет, видимо, обречен на то, чтобы оставить этот труд незаконченным, исполненным лишь в частях, а остальное держать в себе, хотя он с удовольствием поделился бы с другими».

Братья были как те исследователи-путешественники, которые разведали дорогу, видели перед собой конечную цель путешествия, но были вынуждены отойти в сторону, сказав другим, более молодым попутчикам: «Мы указали вам путь, идите этой дорогой до конца!» О том, что Якоб хорошо это понимал, говорит следующая его фраза: «Некоторые считают, что на примере первых двух томов нами показано, как надо делать последующие, и что этого вполне достаточно. В конце концов не все ли равно, умрем мы над третьим ли

томом, над шестым или восьмым...» Ему отложить бы в сторону «Словарь», чтобы доставить себе маленькую радость и поработать над книгами, более дорогими ему. Но этого он не сделал.

Второй том выходил тоже отдельными выпусками. В него вошла вторая половина слов на В и все слова на С, написанные Якобом, а также работа Вильгельма — слова на D.

Братья чем-то походили на тех безымянных средневековых ученых, которые, сидя в монастырских кельях, самозабвенно переписывали на пергамент произведения античной древности и средневековья. Многие годы жизни этих образованных людей уходили на создание рукописей, которые сегодня составляют гордость наших библиотек. Они думали не о себе, а исключительно о будущем, о том, чтобы сохранить произведения, создававшиеся иногда столетиями.

Теперь каждый сидел в своей монашеской комнате, в своем кабинете и вряд ли ждал похвалы или упреков, одобрения или порицания. Они все яснее сознавали, что их труд лишь отчасти служит современности, что лишь в будущем он обретет свой подлинный смысл. «Боюсь, что лишь некоторые из тех, кто заинтересовался словарем, — писал Якоб, — прочли первые его выпуски, поддавшись влиянию новизны, но читать все остальное и не собираются, а откладывают его в сторону до какой-нибудь окаянии. Грустно, что приходится писать, заведомо зная, что современный читатель это не прочтет, что самое лучшее из всего, что мне удалось в отдельных статьях, будет использовано, быть может, через пятьдесят или сто лет, по всей вероятности, способным человеком, который возьмет на себя труд заново все переделать».

Сто лет прошло после смерти братьев Гримм. Их надежды и мечты нашли свое прекрасное воплощение.

Бок о бок со «Словарем»

В то время как все последующее десятилетие братья Гримм трудились с полной отдачей сил над «Словарем», в Германии происходили одно событие за другим. Внешнеполитическая слабость немецких государств вновь проявилась в так называемом Шлезвиг-Гольштейнском вопросе. В особенности изменения коснулись Пруссии, которая стала для братьев Гримм второй родиной.

В 1857 году во главе прусского генерального штаба стал Мольтке, а год спустя регентом своего неизлечимо больного брата — Вильгельм I. При нем прусская политика обрела уверенность. Впервые прозвучало имя Бисмарка — в 1851 году он был назначен прусским посланником во франкфуртском союзном сейме, а в 1859 году его направили в Петербург. К власти приходили люди, которым всего через несколько лет суждено было открыть совершенно новую главу в истории немецкого народа.

Но тогда еще, конечно, никто и понятия не имел, как можно решить немецкий вопрос при таком множестве государств, во главе которых стояли правительства, преследовавшие свои собственные политические цели.

Якоб Гримм, не скрывая своей «озабоченности» из-за существующего положения, в возрасте семидесяти четырех лет писал своего давнему другу Виганду: «В середине нашей с тобой жизни вставали проблемы отечества, позволявшие надеяться на великие перемены; сейчас же, когда мы приближаемся к концу, все подернуто мраком неизвестности, и у Германии мало или вовсе нет перспектив на будущее».

С годами во взглядах Якоба не появилось и оттенка бюргерского довольства, а скорее наоборот, они стали

более радикальными. Еще в Национальном собрании во Франкфурте в 1848 году некоторые из его выступлений звучали весьма необычно, например, когда он заявлял: «Для меня совершенно ясно, что дворянство должно прекратить свое существование как привилегированное сословие. Дворянство — это цветок, лишившийся аромата, а может быть, и цвета. Мы хотим превыше всего поставить свободу. Так что же может быть выше? В отношении аристократии я предлагаю: всякие правовые различия между дворянами, мещанами и крестьянами отменить, не производить и не присваивать более высокого дворянского звания. Я думаю, что тогда аристократия постепенно исчезнет сама собой».

А в 1858 году в письме к историку Георгу Вайцу, который тоже был членом Франкфуртского национального собрания, Якоб заявлял: «С возрастом я становлюсь все демократичнее». Сболью писал он: «Как печальна судьба нашей родины, сердце разрывается, и жизнь оттого кажется мрачной. И нет ей спасения, надежда только на переворот. Помочь делу могут только решительные действия».

Старый ученый, конечно, уже не мог идти на баррикады, но труды братьев Гримм «честно содействовали подъему своей родины, насколько это было в их силах».

Утешение они вновь и вновь находили в работе. Из газет узнавали, что в мире наряду с каждодневными происходили события, которые изменяли облик всей эпохи.

Газеты сообщали о новых изобретениях: появился велосипед с педалями, вспыхнула электрическая лампочка. Заговорили о стальном литье, паровом плуге, катодном излучении. Протяженность железнодорожной сети в Германии к 1860 году увеличилась до 12 тысяч километров.

В эту эру, отмеченную прогрессом техники, замечательные шаги сделало и искусство. Отзвуки романтизма еще слышатся в «Лоэнгрине» Рихарда Вагнера (его премьера состоялась в 1850 году) и в новелле «Иммензее» Теодора Шторма (1849 г.). Но вот такие произведения, как трагедия Отто Людвига «Наследственный лесничий» (1850 г.), его новелла «Между небом и землей» (1856 г.), роман из купеческой жизни Густава Фрейтага «Приход и расход» (1855 г.) и «Зеленый Генрих» Готтфрида Келлера (1855 г.) свидетельствовали об утверждении новой, реалистической литературы.

Надо сказать, что братья Гримм не очень увлекались этими новинками. Их литературный мир по-прежнему составляли Арним, Брентано, Гёте. Когда же им удавалось оторваться от научных книг или после перенесенной болезни требовался отдых, с гораздо большим удовольствием они использовали это время для прогулок или путешествий.

Вильгельм охотно ездил в сельские местности с невысокими горами, покрытыми лесами, дышал чистым лесным воздухом. Ему нравилась идиллическая тишина маленького городка в тюрингском лесу: «Из расположенных напротив еловых лесов на нас изливается чистый, свежий, улаждающий воздух, а перед нашими глазами повсюду разбросаны лужайки, на которых отбеливают холсты. Мы живем в полной тишине и уединении».

Если Вильгельма вполне устраивало тихое, деревенское окружение, то Якоб, как и раньше, предпочитал активный отдых. В 1853 году он еще раз съездил в Швейцарию, затем посетил Южную Францию, добрался до Марселя, через Верхнюю Италию отправился в Венецию, выбрал дорогу домой через Австрию, заглянул в Прагу и после нескольких недель путешествия возвратился в Берлин. Несмотря на

преклонный уже возраст, Якоб остался верен своему увлечению, не разучился ценить красоту, не утратил желания видеть и познавать другие земли. Он чувствовал, что ему осталось не так уж много времени наслаждаться красотой этого мира. Да и родственников становилось все меньше. В 1852 году умер его младший брат Карл, коммерсант и преподаватель языка, проживший всю жизнь в бедности и одиночестве. Из всей большой семьи Гриммов в живых остался, кроме Якоба и Вильгельма, только Людвиг Эмиль.

Уже выросли и стали взрослыми дети Вильгельма: Герман успешно занимался историей литературы и искусства, Рудольф после сдачи экзамена по юриспруденции работал в берлинском уголовном суде, дочери Августе было за двадцать. Вильгельм возлагал на них большие надежды.

Когда Вильгельму было 70 лет, он заметил как-то: «Мы шаг за шагом бредем по своему пути; исчезают дни и годы, прошлое отходит на задний план, подобно высоким горам, над которыми веет нежный аромат и которые пышно горят в лучах утренней и вечерней зари».

«Словарь» по-прежнему отнимает почти все силы и время. И все-таки братья Гримм находят возможность переиздать ряд своих трудов, что, правда, потребовало повторного их просмотра. Кроме того, пишут несколько статей и выступлений для Академии наук.

Первая и вторая части «Немецкой грамматики» Якоба Гримма вновь вышли в 1852 году, уже без изменений. Год спустя (1853 г.) — второе издание его «Истории немецкого языка». Свидетельством большого спроса на научные труды Якоба Гримма стали и другие переиздания в 1854 году: третье издание «Немецкой мифологии» и второе — «Древностей германского права». В новом предисловии к «Древностям» Якоб

заметил, что именно эту книгу он когда-то писал с особым удовольствием.

Работа же над «Грамматикой» и «Словарем» продвигалась труднее и медленнее, нежели ему хотелось бы. «Ибо, — говорил он, — «Грамматика» и «Словарь» превосходят возможности трудолюбивого человека». Теперь Якоб понимал, что эти работы не могут быть завершены в течение одной человеческой жизни.

Да, он открыл пути в новые области исследований — только пойдут по ним уже другие. Это было ощущение человека, увидевшего вдали обетованную землю, но уже не имеющего сил ее достичь.

К числу значительных творческих достижений в пятидесятые годы относятся выступления Якоба со статьями в академии. Особенно две отличаются богатством научной мысли и блестящим языком: доклад «О происхождении языка» (1851 г.) и «Слово о Шиллере» (1859 г.) в связи со столетием со дня рождения. Оба доклада еще при жизни Якоба выдержали несколько переизданий и были переведены на французский язык.

Доклад «О происхождении языка» выходил далеко за рамки филологических проблем. Это было исследование в духе философии языка, в котором Якоб Гримм признавал, что происхождение языка «таинственно и чудесно», но одновременно выражал надежду выяснить кое-какие из этих тайн. Он показал различие между человеческим языком и языком животных: «Неизменяемые и однообразные голоса, которыми наделены все виды животного мира, находятся в полной противоположности к человеческому языку, который никогда не бывает неизменным, который меняется от поколения к поколению и который каждому человеку приходится осваивать. Из того, что человеку не требуется учить и что таким образом входит в его жизнь само собой, это одинаковые у всех народов стоны, плач

и вздохи, а также любые другие выражения телесных ощущений, одно только это с полным основанием может быть поставлено в один ряд с криками животных. Но это как раз и не относится к человеческому языку».

Откуда же все-таки появился человеческий язык? Является ли он чем-то врожденным, благоприобретенным, или же он имеет божественное происхождение? Якоб Гримм придерживался иного, третьего положения, которое в принципе наметил уже Александр фон Гумбольдт, когда заявил: «Языки есть продукты духовной деятельности человечества».

Свою точку зрения Якоб сформулировал следующим образом: «Я показал, что человеческий язык столь же мало может быть божественным даром, как и прирожденным свойством; врожденный язык превратил бы людей в животных, язык, ниспосланный свыше, предполагал бы в них богов. Не остается ничего иного, как считать, что он должен быть человеческим, в своем происхождении и развитии абсолютно свободно усвоенным нами, он не может быть не чем иным, как нашей историей, нашим наследием».

Разумеется, считал Якоб, усвоенный и развитый людьми язык мог достичь высокой степени совершенства лишь при условии, что основа, способность к этому была заложена в душу человека высшим создателем. Он подразумевал под этим следующее: «Язык выступает как непрерывный труд и как результат этого труда, как завоевание людей, быстрое и медленное, одновременно людей, обязанных ему свободным развитием своего мышления, — тем, что их разделяет и объединяет. Тем, что они есть, люди обязаны богу, тем же, что они достигают в добре и зле, они обязаны сами себе. Словно драгоценный дар, создатель вложил в нас душу, то есть способность мыслить, и снабдил нас органами речи, то есть способностью говорить, и, лишь используя эту

способность, мы начинаем мыслить, лишь изучив язык, говорим. Мысли, как и язык, являются нашей собственностью, на том и на другом зиждется свобода, свойственная нашей природе».

Это была одна из важнейших работ Якоба, в которой он показал, как «первые люди изобрели свой язык»; рассматривая древнейшие языки, осветил «состояние первобытного человека», говорил о духе языка, присутствие и власть которого человек не осознает, и предлагал свою концепцию развития языка от простых форм до более сложных.

«Завеса, закрывающая собой происхождение языка, — осторожно заключает Якоб, — приоткрыта, но полностью не поднята».

В ноябре 1859 года он выступил на торжественном заседании перед научным форумом — на сей раз его речь была посвящена Фридриху Шиллеру.

Прошло лишь несколько месяцев после того, как Австрия потерпела ряд поражений в Верхней Италии в конфликте с Францией. Противоречия между Австрией и Пруссией еще больше ослабляли и без того раздробленные немецкие государства. Нерешенный германский вопрос вновь встал во всей его остроте в год столетия со дня рождения Шиллера, поэта, с такой силой воспевавшего свободу и отечество.

Якоб Гримм воспользовался случаем, чтобы воздать хвалу обоим веймарцам — Гёте и Шиллеру. Он настаивал, чтобы этим поэтам был воздвигнут памятник на века — собрания их сочинений в добротном научном издании. «Они поднялись к славе рядом друг с другом, — говорил он, — и пройдут столетия, прежде чем снова родится равный им человек».

Так как в это время в Германии в честь Шиллера повсюду звонили колокола, Якоб, говоря о политических надеждах немцев, воскликнул: «Если бы во время торжественных празднеств этим колокольным звоном

можно было бы выместить все, что мешает единству нашего народа, которое ему так необходимо и к которому он так стремится!»

Доклады Вильгельма Гримма перед Академией наук, которые затем, как и статьи брата, были опубликованы в «Ученых записках» академии, не затрагивали столь животрепещущих тем. Вильгельм дополнил более ранние исследования произведений Фрейданка, животного эпоса, сделал сообщение по поводу «Легенды о Полифеме», о новых отрывках из средневековой поэмы «Сад роз» и о других произведениях, ограничиваясь, таким образом, узкоспециальными вопросами. Значительной была статья «К истории рифмы» — около двухсот страниц, которая вышла затем отдельной книгой (1852 г.). В ней была предпринята попытка обстоятельного и многостороннего анализа рифмы как специфического художественного средства и его использования в поэзии различных эпох. Вильгельм, который так много отдал изучению народного творчества, на сей раз обратился к высокому искусству.

Вновь занимается он сказками. Летом 1855 года, отправляясь на лечение, захватил с собой третий том «Сказок». В тихие дни пребывания на курорте Вильгельм перерабатывал его. В 1856 году этот том «Сказок» с пояснениями был выпущен третьим изданием. Продолжал дорабатывать и оба первых тома. Отдельные их издания отличались не только языковой формой, но и количеством содержащихся в них сказок. Многие сказки были заменены новыми, как казалось братьям Гримм, более интересными. Количество сказок в сборнике значительно увеличилось. В 1857 году вышло уже семидесятое издание «большого» сборника.

Вильгельм с особой любовью работал над этим произведением, постоянно что-то изменяя, добавляя, используя все новые и новые краски. Якоб же ставил перед собой задачу знакомить читателя с

«исследованиями природы сказок», «сохраняя верность сборнику», снова и снова вносил добавления. Сборник сказок — это большой общий труд братьев Гримм.

О популярности сборника сказок свидетельствует такой эпизод, который Вильгельм в 1859 году рассказал своей помощнице госпоже Анне фон Арнсвальдт из семейства Гакстгаузен:

«Это был хорошенький ребенок, с красивыми глазками. Сначала он был у Якоба, потом Дортхен привела его ко мне. Он держал под мышкой книжку сказок и спросил: «Можно почитать Вам что-нибудь? — и хорошо, с выражением прочитал сказку, в конце которой говорилось: «Кто не поверит, пусть заплатит талер». — А раз я не верю, то я должен заплатить Вам талер, но мне не дают так много денег, и я сразу этого сделать не могу». — Он достал из розово-золотистого кошелька грош и протянул его мне. Я сказал ему: «Я хочу подарить тебе грош обратно». — «Нет, — ответил ребенок, — мама говорит, деньги в подарок брать нельзя». И он вежливо попрощался».

Прекрасные минуты пережил старый Вильгельм, когда понял, что книги братьев Гримм нашли свое место в сердцах детей.

Часы прощания

Осенью 1859 года Вильгельм Гримм после отдыха на Эльбе возвратился домой. Казалось, его здоровье окрепло. Вильгельм даже намеревался выпустить новое издание книги «Разумение» Фрейданка, а 15 декабря — прочитать в Академии наук доклад «Отрывки из неизвестного стихотворения о саде роз». Но этим планам не суждено было осуществиться.

В конце ноября у него на спине образовался фурункул. Ничего опасного в этом, казалось, не было, и Вильгельм мог сидя продолжать работу. Без каких-либо серьезных опасений Якоб уехал 3 декабря в Гамбург, а 5 декабря он получил тревожную телеграмму и вернулся в Берлин. И увидел Вильгельма в тяжелом состоянии. Хирургическое вмешательство не помогло. Поднялась высокая температура. В ночь с 15 на 16 декабря Вильгельм не приходил в сознание. Якоб дежурил у постели брата, сидел в кресле у его изголовья и прислушивался к дыханию больного. Еще раз к Вильгельму полностью возвратилось сознание. Он взглянул на Якоба, но принял его за портрет брата и подумал, что портрет действительно схож с оригиналом. Здесь были все члены семьи. Вильгельм узнал их. Утром своего последнего дня он говорил как бы в полусне, его лихорадило, и все-таки ему удавалось, по словам Якоба, «высказывать в безукоризненной форме благороднейшие мысли о великом и прекрасном». 16 декабря, около трех часов дня паралич легких прекратил его мучения.

Дубовый гроб стоял в доме на улице Линкштрассе, в кабинете, где он скончался. Книги, которыми Вильгельм пользовался совсем недавно, были открыты. Чернильница, перья и бумага для записи — все

оставалось, как было при жизни. Со стен глядели портреты людей, которые много значили для умершего. Было много венков от друзей.

Утром 20 декабря от дома похоронная процессия направилась на берлинское кладбище при церкви св. Матфея. За гробом следовали члены семьи, друзья, коллеги, ученые. Был холодный, ветреный декабрьский день. Якоб шел между сыновьями своего брата, Германом и Рудольфом. Когда гроб опустили, Якоб нагнулся, взял горсть земли и бросил в могилу. В этот страшный и горький час прощания он держался мужественно.

Он был глубоко потрясен, но проявлял завидную выдержку, так как знал, что пройдет еще немного времени, и смерть оторвет и его от работы. Он записал в семейный дневник: «Через недолгое время я последую за дорогим мне братом и лягу рядом с ним — так же, как я был с ним рядом почти всю жизнь».

Смерть Вильгельма отозвалась глубокой болью во всех немецких землях. О том сообщали газеты и журналы, со всех сторон в Берлин шли письма. Гервинус, один из членов «геттингенской семерки», был на похоронах. Дальман писал: «Смерть дорогого друга Вильгельма Гримма поразила меня». Отозвался и Людвиг Уланд: «Известие о смерти застало меня как раз в то время, когда передо мной лежала превосходная книга о немецких героических сказаниях, которая стала моим постоянным и самым верным советчиком в изучении этого вида литературы».

Герман написал некролог в газете «Vossische Zeitung». В нем были такие слова: «Если говорить о том, что мы в нем ценим и что мы в его лице потеряли, так это человека, который с неутомимой энергией прославлял Германию. И сделал он для этого немало. Ему было почти 74 года, и он имел право уйти на покой. Он шел от книги к книге, ни одного дня не проводя без

пользы. Детские сказки, датские песни, которые он перевел, немецкие героические сказания, издания древних стихотворений, академические статьи, наконец, его участие в большом «Словаре немецкого языка» — все это листья венка, который украшает его лик. Было бы несправедливо требовать, чтобы он и дальше продолжал без устали трудиться над ними. И ему посчастливилось испытать радость завершения. Как раз, когда он только что слег в короткой, но тяжелой болезни, был закончен раздел словаря, посвященный букве D, который он взял на себя...

Но кто из его близких не думает сейчас обо всем этом иначе, как о посторонних вещах — ведь есть вещи несравненно более высокие, заполняющие наши воспоминания. Они вспоминают сейчас его мягкость, спокойствие, справедливость и приветливость, которыми он окружил себя, будто живительным, чистым воздухом, отравить который не могло ничто... Добросовестность, с которой он стремился завершить свои труды, распространялась буквально на все и в любых условиях... Вильгельм Гримм был благородным человеком в лучшем смысле этого слова. Как он тонко воспринимал в сказках поэзию народа и запечатлевал ее в словах... как естественно умел он в самых маленьких рассказах выразить естественную сторону вещей. В его строгих научных трудах и статьях популярного характера, выступлениях, письмах — повсюду сталкиваемся мы с неизменной радостью созерцания и с неизменным умением удачно выражать результаты этого созерцания... Мир стал беднее на одного человека, но на его место приходят другие. Его друзья утешатся и с годами будут реже вспоминать о нем. Но тем более чистым они будут видеть перед собой его образ. Все, что он сделал, будет больше и больше концентрироваться лишь в его имени. Пока существует немецкий язык, на котором мы говорим, до тех пор имя Вильгельма Гримма

будет словом, которое обозначает благородного человека, вся жизнь и силы которого были посвящены народу».

Сдержанно, преодолевая боль потери близкого человека, прощался с Вильгельмом и Якоб. «С детских лет мы были рядом и вместе, — говорил он, — а теперь все узы, связывавшие нас, разорваны навсегда».

Внешне жизнь Якоба почти не изменилась, за исключением того, что брат уже не трудился рядом в соседней комнате. Он остался жить в той же квартире с вдовой и детьми Вильгельма, любовь которых была единственным утешением для него.

Дортхен в кабинете Вильгельма оставила в основном все так, как было при нем. Сюда частично была перенесена библиотека из кабинета Якоба. Совершенно нетронутым, как святыня, стоял рабочий стол.

Успокоения Якоб искал теперь в своем кабинете. Тяжела была потеря, а потому единственным утешением стала работа — в ней он видел свой долг трудиться, пока не остановится дыхание.

Спустя всего несколько недель после кончины брата, 26 января 1860 года, Якоб произнес перед членами Академии наук торжественную речь о Фридрихе Великом в честь дня его рождения. Но Якоб Гримм говорил не о прусской истории, не о меняющемся политическом положении. Возраст (а ему было тогда уже 75 лет), а также смерть брата послужили поводом к тому, что он избрал общечеловеческую тему — «Речь о старости».

Якоб не ограничился обзором того, что думали и писали западные поэты и философы о человеческом бытии; он нашел свое понимание и выражение жизненной мудрости человека, достигшего преклонных лет: «Старик должен быть исполнен благодарности за то, что ему суждено было дошагать до последней

ступени; ему нечего сокрушаться при приближении смерти; ему позволительно оглянуться вокруг себя с тихой грустью и, как бы после душного дня, в вечерней, приятной прохладе сидя на скамейке возле своего дома, мысленно перелистать прожитую жизнь. Человек столь преклонных лет, переживший всех родственников и друзей, у которого рядом остались одни лишь молодые потомки, может чувствовать себя покинутым и одиноким, при этом испытывая радость пополам с печалью».

Эти слова стали как бы его личной исповедью. И дальше: «Одно предназначено только для старости — это прогулки в одиночку. Для старика каждая прогулка становится удовольствием... С каждым шагом, который делает человек на прогулке, с каждым вздохом он черпает в чистом воздухе жизненную силу и отдохновение. Он размышляет спокойно и свободно: я познал на собственном опыте — когда длинные тропинки вели меня по лугам и полям, мне вдруг приходили в голову хорошие мысли. Если дома оставались какие-либо сомнения, то здесь они неожиданно разрешались в перипатетическом размышлении. А как приятно встретить по дороге знакомого!»

Некоторое время помолчав, он вдруг заговорил перед уважаемым собранием членов академии о самом дорогом: «Какую невыразимую радость я испытал, когда неожиданно увидел в Тиргартене своего брата, который шел мне навстречу с другой стороны; мы пошли рядом, не произнося ни слова; это уже больше никогда не случится».

В своей речи он нашел и слова утешения: «С каким благоговением пожилой человек смотрит на сияющие над головой звезды, которые светят с незапамятных времен и скоро будут светить над его могилой».

Но истинным утешением для этого великого старика была работа. «Почему старость не может чувствовать себя способной к строгой и серьезной работе, почему она не может быть пригодной для этого? — спрашивал он. — Ее арсеналы полны, ее опыт из года в год продолжает накапливаться, так неужели все это накопленное богатство обязательно должно попадать в чужие руки?»

В качестве особой привилегии Якоб признавал за старостью свободу мышления, считая, что на краю могилы надо освободиться от «страха и сомнений, говорить истину, смело признавать ее».

В конце речи он еще раз изложил свои политические и религиозные взгляды. Потребовал принять такую конституцию, «которая могла бы, обеспечивая максимальную защиту всех, предоставить и закрепить за каждым отдельным человеком неприкосновенную свободу действий».

Его религиозное кредо прозвучало так: «Для свободно настроенного пожилого человека истинной является только такая религия, которая, устранив с пути все преграды, позволяет все ближе подходить к бескрайним таинствам бога и природы, не впадая в заблуждение, что такое отрадное сближение когда-либо может привести к полному слиянию, ибо в этом случае мы перестали бы быть людьми».

Закончил речь Якоб как бы призывом к самому себе: «Труд продолжается, пока нам светит солнце, пока не прожиты один за другим отпущенные нам дни, подобно падающим с крыши каплям».

После заседания академии Якоб вернулся в обычную тишину рабочего кабинета. Он легко находил на полках нужные книги, самые важные, необходимые для работы разложил на нижних, вблизи кресла. Рядом с его письменным столом находился рабочий экземпляр

«Словаря», отпечатанный специально для него с широкими полями. «Словарь» не был переплетен, страницы лежали стопкой. Таким образом, Якоб мог вынимать любой лист и вносить на широких полях свои поправки для последующего издания. Так же он работал и над «Грамматикой».

Его рабочий день начинался рано утром и кончался поздним вечером. Его перо не знало усталости. Но он не был затворником: делал перерыв, когда приносили газету, — постоянно интересовался сообщениями на политические темы. Когда приходили Дортхен или кто-нибудь из племянников, с удовольствием читал им отрывки из книги. Часто Дортхен заходила специально, чтобы хотя бы на час оторвать зятя от письменного стола. Иногда Якоб принимал гостей, приезжавших издалека. Языкового барьера для него не существовало — он владел многими языками. Когда однажды у него появились гости из Японии, он говорил с ними на голландском языке.

И все-таки лучше всего он чувствовал себя в своем рабочем кабинете, среди своих книг, которые он нежно любил, заботливо ухаживал за ними, вспоминал, как он приобретал ту или иную. Его беспокоило, что станет с книгами после его смерти. И успокоился только тогда, когда племянники заверили его, что сохранят библиотеку как единое целое.

6 февраля 1860 года Якоб написал предисловие ко второму тому «Словаря немецкого языка», написал именно тогда, когда, по собственному признанию, его осаждали «мрачные мысли». Второй том вышел в том же году.

В предисловии Якоб дал характеристику творческой манере своего брата: «Он (Вильгельм) работал медленно и спокойно, но чисто и аккуратно; если ему иногда случалось сдавать материал с опозданием и испытывать терпение читателей, то потом читатели получали

большую радость от четкого и систематизированного изложения материала. Он всегда превосходил меня по мягкости и изяществу выражения мысли, когда нам приходилось что-нибудь делать сообща».

Теперь Якобу одному пришлось взять на себя весь груз «Словаря». К тому времени как вышел второй том, Якоб уже работал над словами на букву Е. Из типографии поступала корректура, Якоб ее просматривал, готовые листы отправляли заказчикам, и коллеги, получая выпуск за выпуском, могли ознакомиться с новым трудом старого мастера. Да, он выполнял свои обязательства, хранил верность работе, за которую взялся много лет назад. Конечно же, он знал, что ему не суждено самому завершить работу. Но был убежден, что начал важный для всей нации труд, важный и нужный для истории, если, конечно, последующему поколению удастся довести его до конца. В этом он видел истоки единения немецкого народа.

Между тем королевская Академия наук назначила торжественное заседание для прощания с членом академии Вильгельмом Гриммом. На эту церемонию никого не пригласили, кроме Якоба Гримма. Прервав работу над «Словарем», Якоб 5 июля 1860 года выступил перед учеными с официальной речью.

Он начал говорить слегка хрипловатым голосом, несколько раз останавливался, как будто ему было трудно говорить, но затем речь его стала более гладкой, слова выходили как бы сами собой. В зале стало темнеть, и Якобу приходилось часто поворачивать свои записи к окну.

Эта речь Якоба принадлежит к прекрасным образцам выступлений в честь выдающихся людей, к лучшим в мировой литературе. Написанная с большой любовью к брату, она стала настоящим памятником ему. Якоб рассказал об их жизни «всегда под одной крышей, с

общим имуществом и книгами», об их «стремлении исследовать родной язык и поэтическое искусство», о том, что брат и после смерти постоянно «во сне» находится рядом с ним. Не забыл сказать и о том, что их отличало: «С малых лет у меня было что-то от железного прилежания, а ему оно было свойственно в меньшей степени из-за ослабленного здоровья. Его трудам был присущ серебристо-чистый взгляд на мир, недоступный для меня. Ему доставляло радость и успокоение смотреть на результаты своего труда, для меня же радость и удовлетворение были в самой работе».

Подробно остановился на научной деятельности брата, отметив те труды, где Вильгельм самостоятельно выступил как автор или издатель. Он говорил, конечно, и о совместных произведениях — прежде всего «Сказках» и «Словаре».

Их «братский» сборник сказок получил огромную популярность в народе, заставил многих исследователей и поэтов в других странах заняться собиранием сказок. Якоб с удовлетворением отмечал, что они вместе с братом помогли выжить целому виду литературы: «По счастью, целая ветвь с волшебными палочками попала в наши руки, и, после того как мы постучали ею по земле, нам во многих местах открылись богатые клады легенд и преданий». Сборник сказок был самой любимой книгой Вильгельма, и он на протяжении всей жизни неоднократно возвращался к нему.

В конце речи Якоб дал волю своим чувствам: «Как только я беру в руки книгу «Сказок», у меня сжимается сердце и мне становится больно до слез — на каждой странице я вижу перед собой портрет брата и следы его трудов».

Несколько слов Якоб сказал о «Словаре»: «В современном языке силен почти каждый — и без частого обращения к словарю. Но с тех пор как началось собирание и издание письменных памятников четырех

последних столетий, как и где, спрашивается, можно найти необходимый для этого справочный и вспомогательный материал? Пусть после ухода верного помощника надежда на завершение труда самим его инициатором стала еще более сомнительной, чем она была в самом начале, из-за несоизмеримости этого труда с возможностями одного человека, но меня утешает вполне обоснованная надежда, что чем больше мне удастся сделать самому, тем лучше будут определены структура, способы и методы ведения дела и тем доступнее оно будет для надежных учеников и последователей».

С этим настроением Якоб возвратился к «Словарю». Весь 1861 год, день за днем, работал над словами на букву Е, снова просматривал поступающую корректуру. Выпуск следовал за выпуском, а Якоб уже приступил к словам на букву F. Постоянно стремясь к совершенству и часто бывая недовольным первыми результатами своего труда, он пришел к выводу, что такая книга может стать хорошей только лишь во втором издании.

Третий том появился в 1862 году и содержал все слова на Е, а также на F до слова «Forsche» (бойкость, ловкость, смелость, молодцеватость).

После этого Якоб прервал на несколько месяцев работу над «Словарем» — не терпелось переменить предмет своих занятий и поработать над чем-нибудь другим, скажем, обратиться к древним и поэтическим правовым представлениям. Ему хотелось сохранить письменные памятники древнего сельского права, судебные решения или распоряжения прошедших столетий. «Я спас несколько тысяч таких документов, — писал Якоб, — они представляют собой естественное выражение еще молодого, свободного права, которое возникло в народе из его обычаев и само стало обычаем, его судами было возведено в собственно юридическое право, не знавшее колебаний и не нуждавшееся ни в

каком верховном законодательстве со стороны государя».

В области истории права Якоб Гримм открыл настоящую золотую жилу. После его смерти сделанные им подборки документов были обработаны и изданы в 1866–1878 годах, в результате чего «Сборник судебных приговоров» разросся в общей сложности до семи томов. Еще один пример его колоссальной работоспособности.

Подготовив к печати четвертый том «Судебных приговоров», Якоб продолжил работу со «Словарем». Вновь достает он из ящиков карточки на букву F, сверяет цитаты, изучает происхождение, употребление и значение отдельных слов и готовит материал к изданию. Работает так, чтобы ни один день не пропал.

Все чаще напоминали о себе годы. Часто просыпался по ночам и долго не мог заснуть. Тогда вспоминалось прошлое. Иногда вставал, отодвигал шторы и глядел на звездное небо. Или, лежа в постели, смотрел в окно и наблюдал, как темнота медленно растворялась в свете наступившего утра.

Несмотря на возраст, Якоб по-прежнему был легок на подъем: осенью 1862 года он поехал в Мюнхен, чтобы принять участие в заседании Баварской академии наук. Он был полон идей и поднял вопрос о подготовке сборника исторических стихотворений немецкого средневековья.

13 ноября 1862 года скончался Людвиг Уланд. Кроме стихотворений, ставших народными, и исторических драм, он, как и братья Гримм, вел научную работу в области древненемецкого языка, преданий и поэзии. Представитель позднего романтизма, Уланд был такой же поэтической натурой, как Вильгельм Гримм, и таким же строгим исследователем, как Якоб Гримм. На протяжении многих лет он был профессором немецкого языка и литературы в университете Тюбингена и, как и Якоб, участвовал в 1848–1849 годах во Франкфуртском

национальном собрании. Якоб был долгие годы в дружеских отношениях с поэтом. Смерть Уланда напомнила и о его приближающемся конце.

«Я на два-три года старше Уланда, — размышлял Якоб, — и, следовательно, моя очередь вроде бы подошла раньше, к тому же он (Уланд) почти всегда, за исключением последней болезни, был здоров, я же в течение нескольких лет часто прихварывал».

Но ничто не могло заставить Якоба Гримма бросить работу: изо дня в день его можно было видеть за письменным столом. Сам он признавался, что желание работать в нем «неиссякаемо». «Пока я живу, до тех пор, по-видимому, должны сохраняться и силы для работы», — говорил он. На рождество 1862 года он написал в раздумье и в ясном сознании неизбежного: «Дорога моей жизни, приближающейся к концу, все круче уходит вниз, и месяцы пролетают почти как дни в постоянном труде. Мое здоровье ухудшается и часто доставляет мне много хлопот, но мое усердие еще не иссякло и еще живо желание продолжать начатое».

Новое печальное известие пришло из Касселя: 4 апреля 1863 года в возрасте семидесяти трех лет скончался брат Людвиг Эмиль Гримм, художник, который на многочисленных картинах и рисунках запечатлел мир и окружение братьев Гримм. Он был профессором Академии искусств в Касселе. Эта смерть повергла Якоба в глубокий траур.

Все новые и новые планы возникают у него, но никому он их не раскрывает. Известно только, что он хотел написать новое предисловие к сборнику сказок, намеревался продолжить сборник «Судебных приговоров», обдумывал книгу о немецких нравах и обычаях, замышлял статью об ирландском эпическом цикле «Оссиан». Написал рецензию на статью, посвященную легендам о животных, — «Лис Рейнхарт», и думал о рецензировании переписки между Гёте и

Карлом Августом. Он находил еще время читать новые книги. Так, прочитав сборник греческих сказок, Якоб смог убедиться еще раз, что их совместное с Вильгельмом издание «Сказок» имеет достойное продолжение. Когда 9 июня 1863 года Якоб открыл экземпляр первого тома «Немецкой грамматики», то понял, что продолжить работу над ней уже не сможет. Он листал страницу за страницей, и в памяти всплывали приятные воспоминания. Просматривал пометки, сделанные его собственной рукой, дополнения. За датами на полях стояли определенные события или небольшие происшествия. Вот засушенный лист или цветок, между другими страницами — цветная ленточка, перо какой-то птицы, несколько картинок: мать берет ребенка из колыбели и целует его; крестьянин на лесной дороге, погоняющий лошадей с нагруженным возом. А вот силуэт ребенка из розовой бумаги, который Якоб вырезал и наклеил на одну из страниц «Грамматики».

В один из дней июня 1863 года, поставив дату, он как бы попрощался с этим произведением, над которым он трудился на протяжении десятилетий и которым он открыл путь к новой науке. Все внимание он теперь сосредоточил на «Словаре немецкого языка».

Когда же у него выдавалась свободная минута, он шел на прогулку до Тиргартена и обратно. В это время его можно было видеть одетым в серый летний костюм; широкополая шляпа лишь частично прикрывала седые длинные волосы. Он шагал прямо, лишь слегка наклонив голову вперед, заложив левую руку за спину. Палкой он не пользовался. Так он гулял в стороне от шума все разрастающегося Берлина. Якоб шагал по дорожкам Тиргартена, радовался идиллической красоте парка, останавливался, прислушивался к шелесту листвы — с некоторого времени он стал хуже слышать. Он не страдал от этого, так как, по его собственным словам,

«никогда не испытывал потребности в общении со многими людьми» — ему вполне было достаточно небольшого круга дорогих для него людей.

Как-то во время прогулки он встретил в Тиргартене знакомого писателя Бертольда Ауэрбаха, автора «Деревенских рассказов». Некоторое время шли рядом, разговаривали. Ауэрбах позднее вспоминал, что ученый показался ему «легкой, нежной оболочкой, в которой жил великий, всеохватывающий дух». Якоб рассказывал, в какое одиночество его повергла смерть брата Вильгельма.

После прогулки Якоб возвращался домой и продолжал работать над «Словарем». Он был в середине работы над словами на букву F. Последнее слово, о котором он написал статью, было слово «Frucht» (плод). Словом «плод» он закончил многолетнюю работу над «Словарем» и закончил свою работу вообще... И это символично...

Лето 1863 года он провел в Гарце вместе с семьей Вильгельма. После возвращения «с настоящей душевной радостью» вновь принялся за работу. Но в сентябре 1863 года простудился и заболел. Казалось, что состояние его стало улучшаться, появился аппетит; он целыми днями читал, лежа в постели, и даже делал кое-какие заметки для будущей работы.

Развязка наступила неожиданно; о ней рассказала свидетельница происшедшего Августа, дочь Вильгельма, которой тогда был 31 год: «После обеда ему разрешили ненадолго встать, он самостоятельно подошел к окну и сел отдохнуть на обычный плетеный стул; он не ответил на несколько вопросов и вдруг упал мне на руки, с любовью и нежностью посмотрев на меня; он так побледнел, что я подумала, что он умирает или у него обморок, но это был апоплексический удар, поразивший правую сторону. Говорить он не мог. Ночью

лежал в забытьи... Поднялась температура, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется».

Казалось, что Якоб все еще в сознании, казалось, что он узнает окружавших его друзей и родственников. Он протянул левую руку, взял фотографию Вильгельма, поднес почти вплотную к глазам, внимательно посмотрел на нее и положил перед собой на одеяло.

20 сентября 1863 года, в 10 часов 20 минут вечера он умер, по словам его племянницы Августы, «с выражением сердечной доброты, которая заполняла его жизнь».

Якоба положили в общей комнате. Огромный венок из белых роз, белые ленты с вышитыми на них словами: «Другу юношества от благодарных детей».

24 сентября 1863 года, в девять часов утра его похоронили рядом с братом Вильгельмом на кладбище у церкви св. Матфея.

Когда обоим братьям ставили надгробия, то, следуя последней воле Якоба, перед датами жизни и смерти высекли на камне имена братьев без всяких титулов:

**Здесь покойся
Вильгельм Гримм**

**Здесь покойся
Якоб Гримм**

Послесловие

Прошло более ста лет после смерти братьев Гримм. Но они продолжают жить в своих трудах. Целый ряд научных работ выдержал множество переизданий, многие произведения стали справочниками. Их так называемые «небольшие сочинения» были собраны и изданы: у Якоба их набралось на восемь, у Вильгельма — на четыре толстых тома.

«Словарь немецкого языка», начатый братьями Гримм, был продолжен. С момента появления первого тома прошло свыше ста лет. И вот благодаря усилиям многих академий наук в 1961 году был закончен этот гигантский труд. Это поистине «произведение века», насчитывающее множество томов, в которых собраны все слова от буквы А до слова «Zypressenzweig», получило свое предварительное завершение. Но только предварительное. Ведь сейчас с целью приведения всего «Словаря» в соответствие с современным уровнем науки Немецкой академией наук в Берлине совместно с Академией наук в Геттингене ведется работа над вторым изданием.

Таким образом, Якоб Гримм оказался прав, высказав однажды мнение о том, что подобное произведение может быть доведено до совершенства лишь во втором издании.

«Сказки» братьев Гримм прочно вошли в жизнь и быт немецкого народа и народов всех стран. И в наши дни они повсюду читаются и взрослыми и детьми и очаровывают читателя. Имена братьев Гримм навечно вписаны в золотую книгу науки.

И мы до сих пор находимся под воздействием этого события из той эпохи, когда еще были нераздельны

наука и искусство, когда ученые были одновременно и поэтами.

После смерти братьев Гримм наследством — а таковым были многочисленные труды, исследования и т. д. — управляла вдова Вильгельма — Дортхен. В 1867 году она скончалась в Эйзенахе, где и была похоронена. Затем о нем заботились сыновья Вильгельма — Герман и Рудольф и дочь Августа. Августа замуж не вышла, Рудольф также остался холостым, а у Германа детей не было. Поэтому в настоящее время нет потомков Якоба и Вильгельма Гриммов, которые могли бы быть хранителями их наследия.

Книги братьев Гримм давно стали общим достоянием — они принадлежат ученым и просто читателям всего мира.

Их жизнь — это пример братского единения и верности долгу. Благодаря своей жизни и творчеству, благородству и силе мысли, проникавшей до самой сути вещей, братья Гримм принадлежат к такой сфере человеческого духа, которая не знает государственных границ.

Основные даты жизни братьев Гримм

1785 — 4 января родился Якоб Гримм.

1786 — 24 февраля родился Вильгельм Гримм.

1791 — Переезд из Ханау в Штайнау.

1796 — Умер отец братьев Гримм.

1798 — Начало учебы в Касселе.

1802 — Якоб поступает в Марбургский университет.

1803 — Вильгельм поступает в Марбургский университет.

1805 — Первое путешествие Якоба в Париж. Матушка Гримм переезжает в Кассель.

1806 — Якоб — секретарь гессенской военной коллегии. Вильгельм сдает экзамен по юриспруденции.

1807 — Якоб уходит из военной коллегии.

1808 — Смерть матушки Гримм. Якоб работает библиотекарем в Касселе у Жерома.

1809 — Якоб — аудитор Государственного совета. Путешествия Вильгельма в Галле, Берлин, Веймар.

1813 — Якоб — секретарь гессенской дипломатической миссии.

1814 — Путешествие Якоба в Париж и Вену. Вильгельм — секретарь библиотеки в Касселе.

1815 — Якоб участвует в работе Венского конгресса, а также выполняет поручения в Париже. Путешествие Вильгельма по Рейну.

1816 — Якоб — библиотекарь в Касселе.

1819 — Якоб и Вильгельм — почетные доктора Марбургского университета.

1822 — Сестра Лотта выходит замуж за Г. Д. Л. Хассенпфлуга.

1825 — Вильгельм вступает в брак с Дортхен Вильд.

1826 — Смерть новорожденных детей Лотты и Вильгельма.

1828 — Рождение сына Вильгельма — Германа.

1829 — Братьев приглашают в Геттинген.

1830 — Якоб становится профессором, а Вильгельм — библиотекарем в Геттингене.

1831 — Вильгельм становится экстраординарным профессором.

1833 — Смерть Лотты Гримм.

1835 — Вильгельм становится штатным профессором.

1837 — Протест «геттингенской семерки». Братьев увольняют с государственной службы. Якоб уезжает в Кассель.

1838 — Путешествие Якоба во Франконию и Саксонию. Возвращение Вильгельма в Кассель.

1840 — Братьев приглашают в Берлин.

1841 — Братья переезжают в Берлин. Первые лекции в Берлине.

1843 — Путешествие Якоба в Италию.

1844 — Путешествие Якоба в Швецию.

1846 — Якоб руководит работой первого конгресса германистов во Франкфурте.

1847 — Якоб руководит работой второго конгресса германистов в Любеке.

1848 — Якоб участвует в работе франкфуртского парламента. Якоб отходит от преподавательской деятельности, чтобы посвятить себя исследовательской работе.

1852 — Вильгельм прекращает преподавательскую деятельность и, как и его брат, занимается только исследованиями.

1859 — 16 декабря скончался Вильгельм.

1863 — 20 декабря скончался Якоб.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

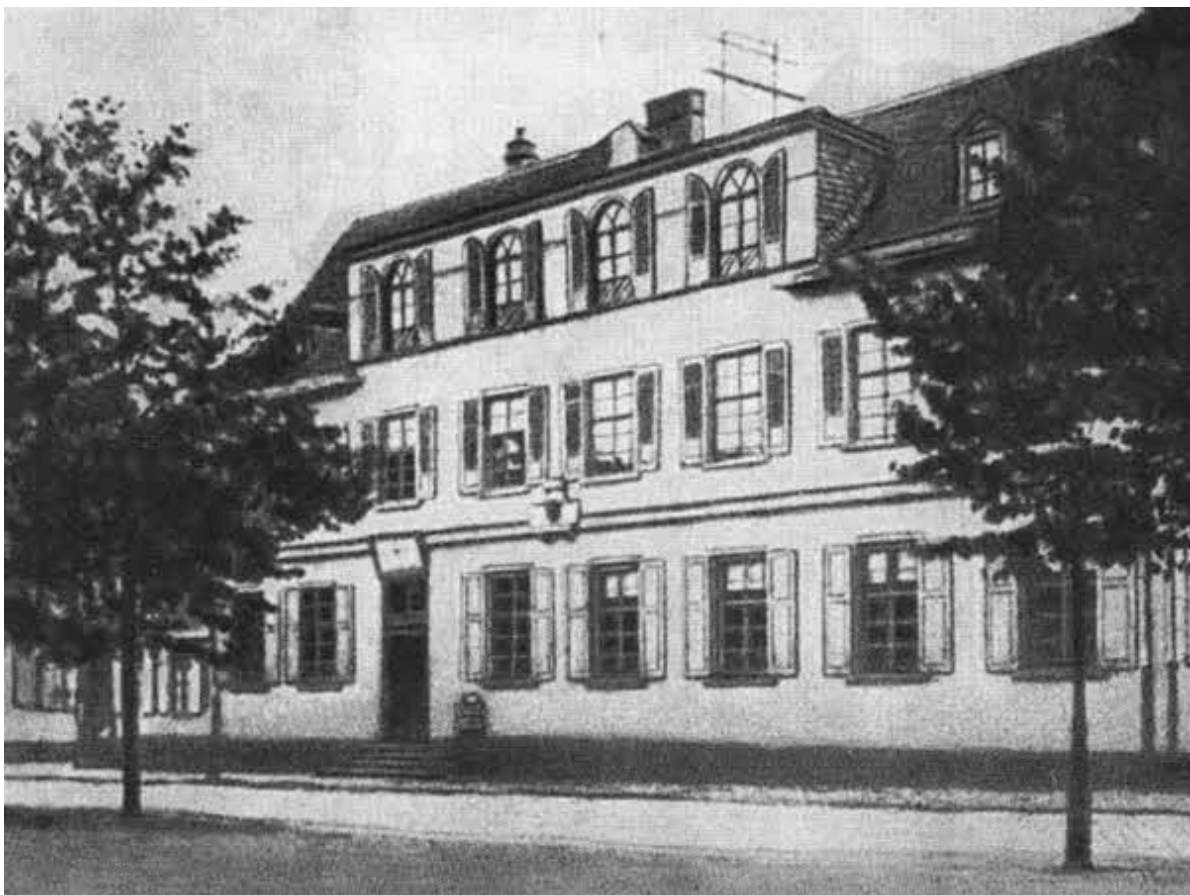
Доротея Гримм, урожденная Циммер, мать Якоба и Вильгельма.

Филипп Вильгельм Гримм, отец Якоба и Вильгельма.

***Генриетта Циммер, тетушка братьев Гримм.
Гравюра Л. Э. Гримма.***

***Дом в Ханау, где родились братья Гримм
(фотография около 1896 г.). Дом был разрушен 19
марта 1945 года.***

Вид на Марбург. Середина XIX века.

Фридрих Карл фон Савиньи.

Якоб Гримм. Гравюра Л. Э. Гримма (1815 г.).

***Дом в Касселе (на Марктгассе). Здесь жила семья
Гриммов с 1805-го по 1814 год.***

***Доротея Фиман, сказительница из Нидерцверена.
Гравюра Л. Э. Гримма.***

Братья Гримм у сказительницы в Нидерцверене.

***Фронтиспис второго издания первого тома «Сказок»
(1819 г.).***

***Титульный лист второго издания первого тома
«Сказок».***

Клеменс Брентано.

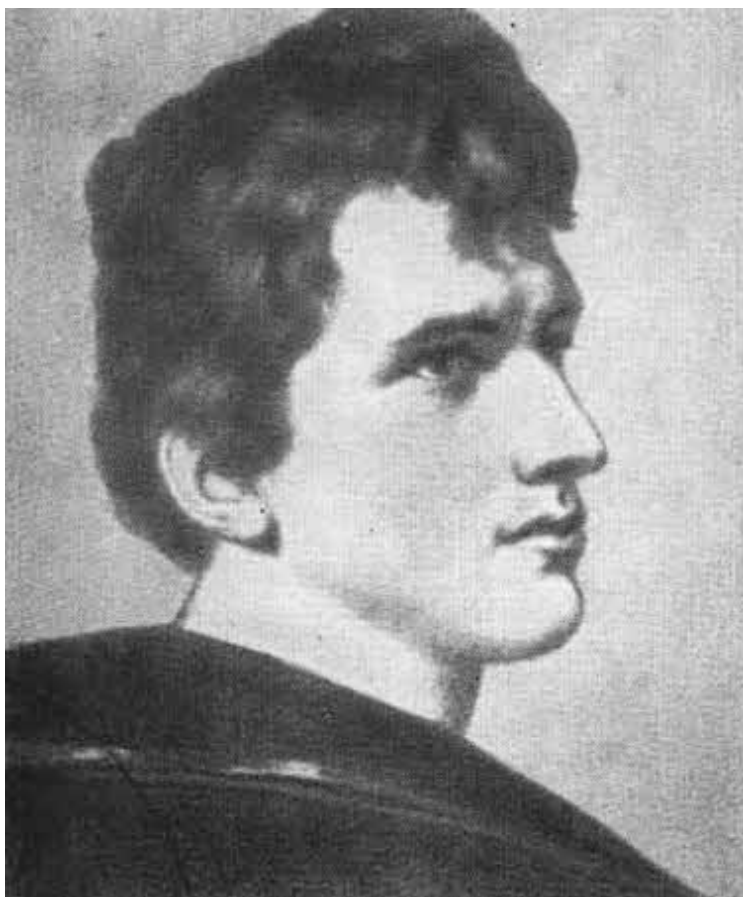

Людвиг Тик.

Беттина фон Арним. Гравюра Л. Э. Гримма.

Ахим фон Арним.

**Якоб Гримм. Гравюра по рисунку Л. Э. Гримма
(1817 г.).**

Титульный лист издания первого тома «Немецкой грамматики» — рабочего экземпляра, отпечатанного для Якоба Гримма с широкими полями для заметок.

***Людвиг Эмиль Гримм, брат Якоба и Вильгельма.
Автопортрет.***

Гравюра, 1813 г.

Дом в Касселе у Ворот Вильгельмсхёе, где жила семья Гриммов.

Акварель Л. Э. Гримма.

***Комната Лотты Гримм в доме у Ворот
Вильгельмсхёе в Касселе. Акварель Л. Э. Гримма
(1821 г.).***

Лотта Гримм. Гравюра Л. Э. Гримма (1820 г.).

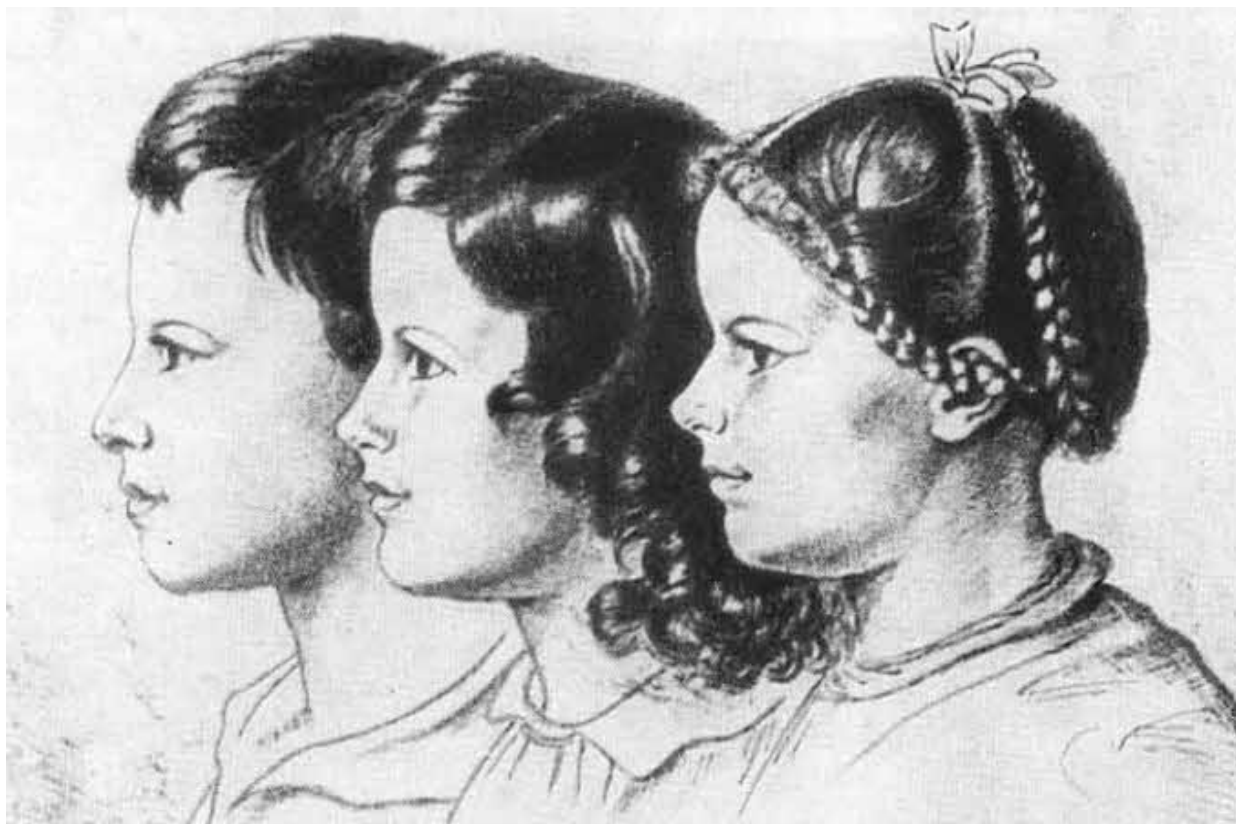

Доротея Гримм (Дортхен).

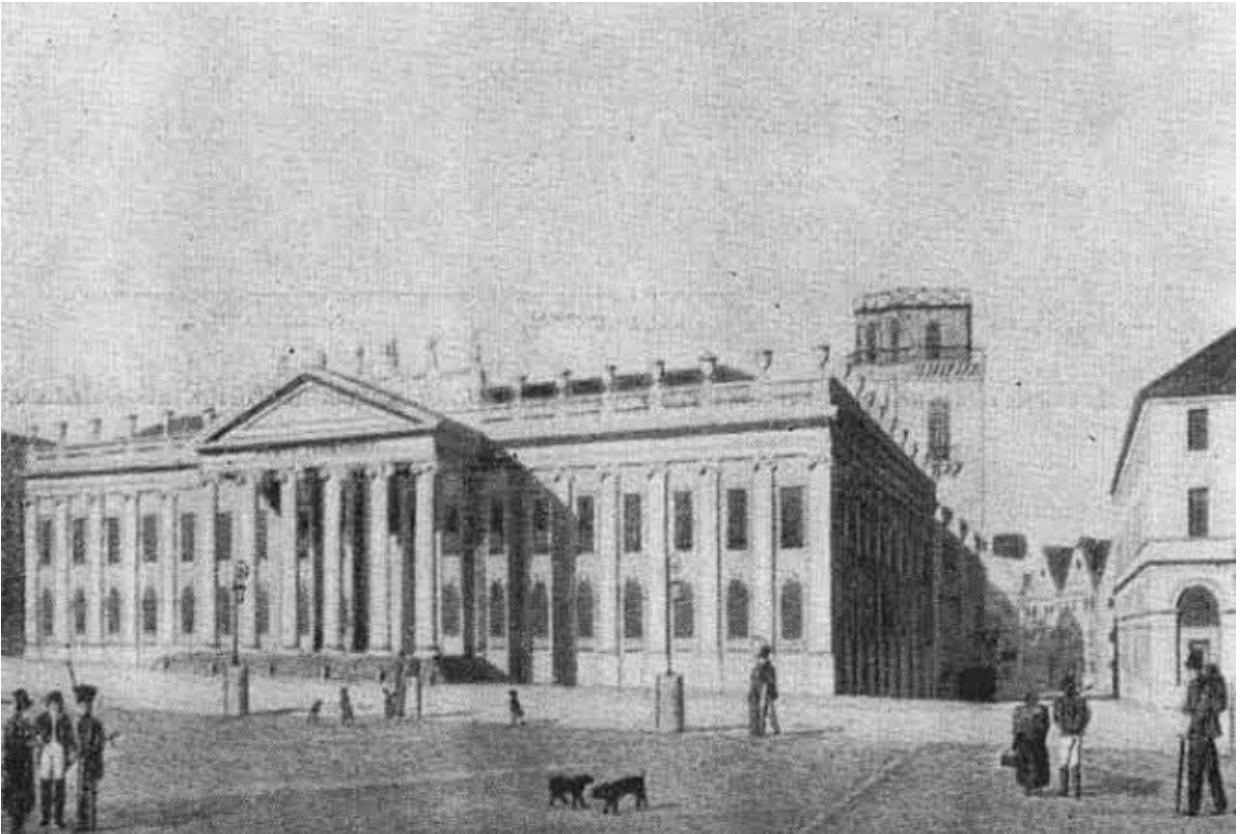
**Дети Лотты Гримм и дочь Людвига Эмиля Гримма
(крайняя справа). Гравюра Л. Э. Гримма (около
1838 г.).**

***Дети Вильгельма Гримма. Гравюра Л. Э. Гримма
(около 1838 г.).***

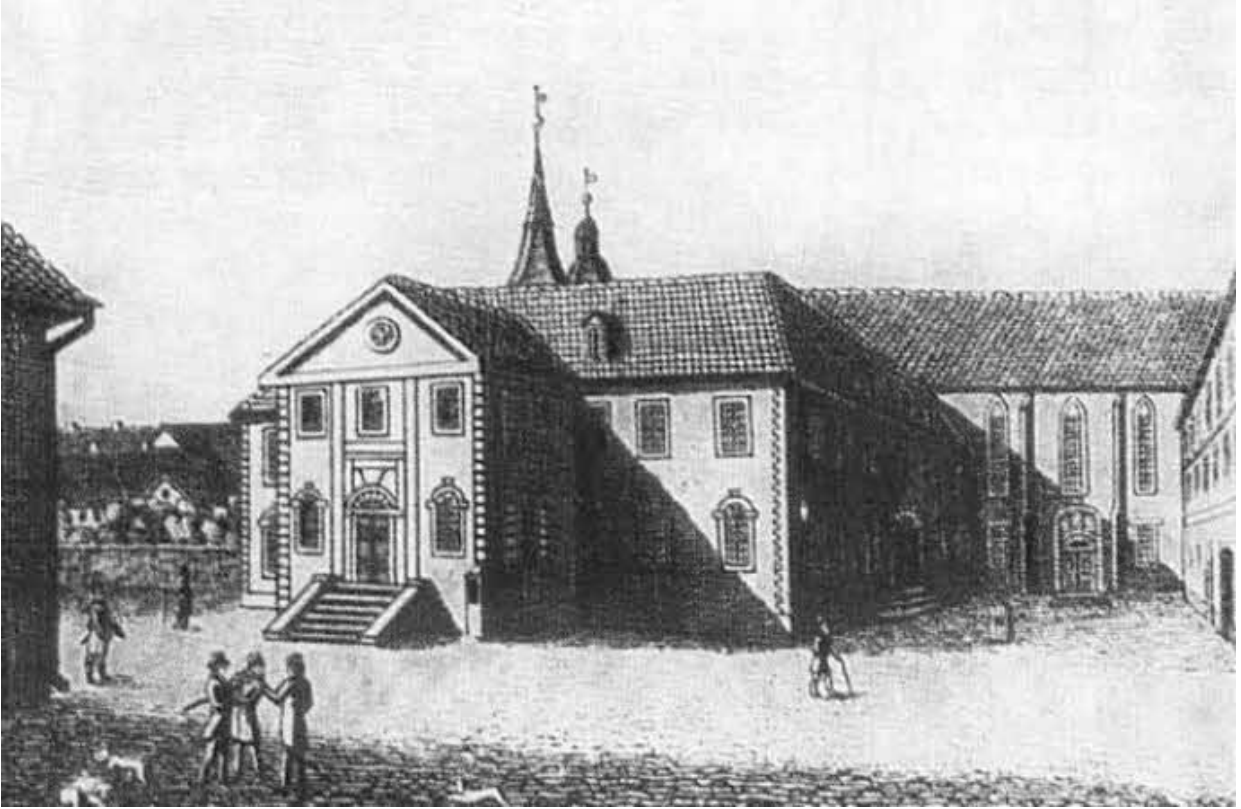
***Вильгельм и Якоб Гримм. Литография по рисунку
Л. Э. Гримма.***

Музей «Фридрицианум» в Касселе. Здесь находилась библиотека, где работали братья Гримм.

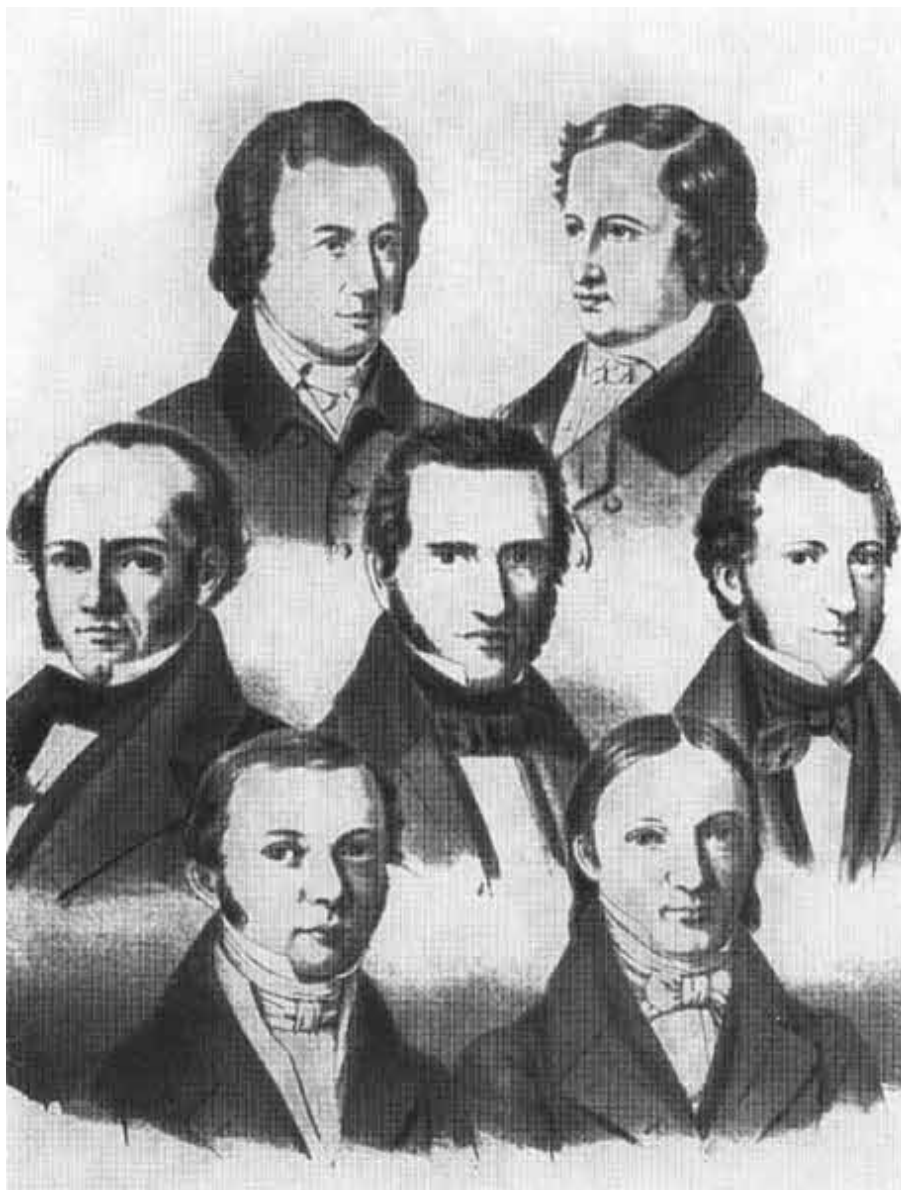
Вильгельм Гримм. Офорт по рисунку Л. Э. Гримма (1822 г.).

Здание университета и библиотеки в Геттингене.

Большой зал библиотеки Геттингенского университета.

«Геттингенская семерка»: Вильгельм Гримм, Якоб Гримм, В. Э. Альбрехт, Ф. К. Дальман, Г. Г. Гервинус, В. Вебер, Г. Эвальд.

Карл Лахман.

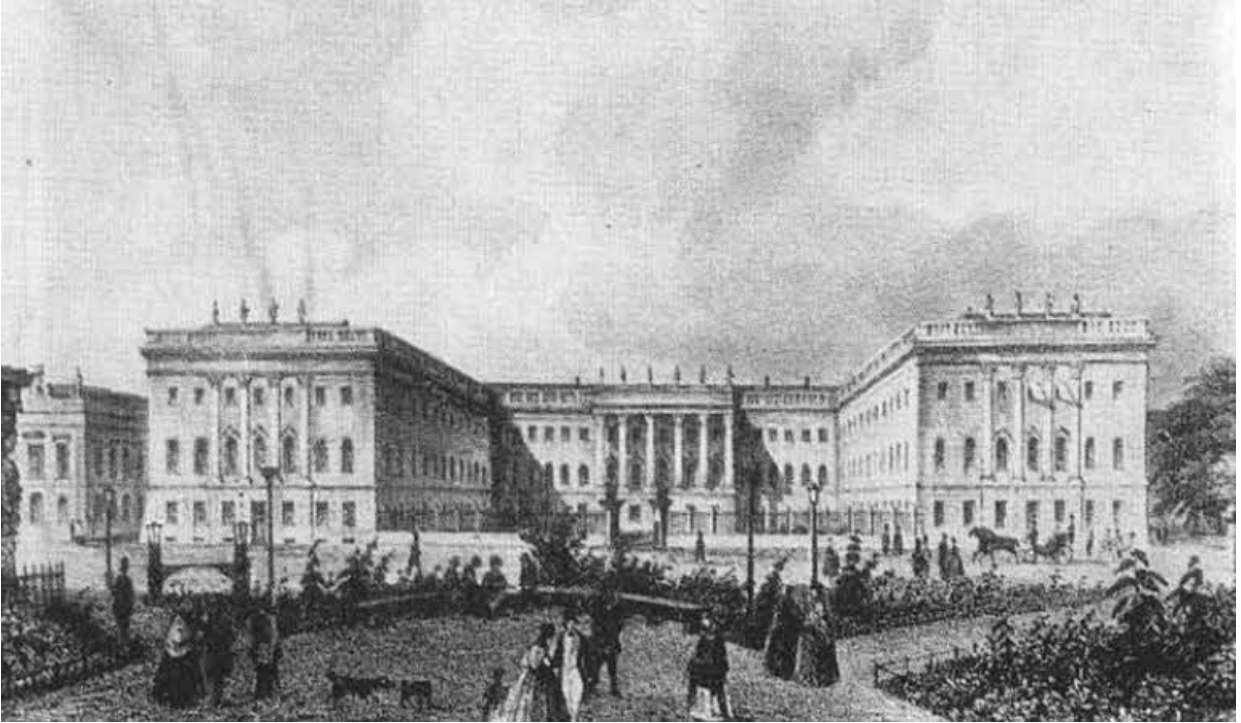
Георг Фридрих Бенене.

Вильгельм Гримм в академической мантии.

Гравюра Л. Э. Гримма (1854 г.).

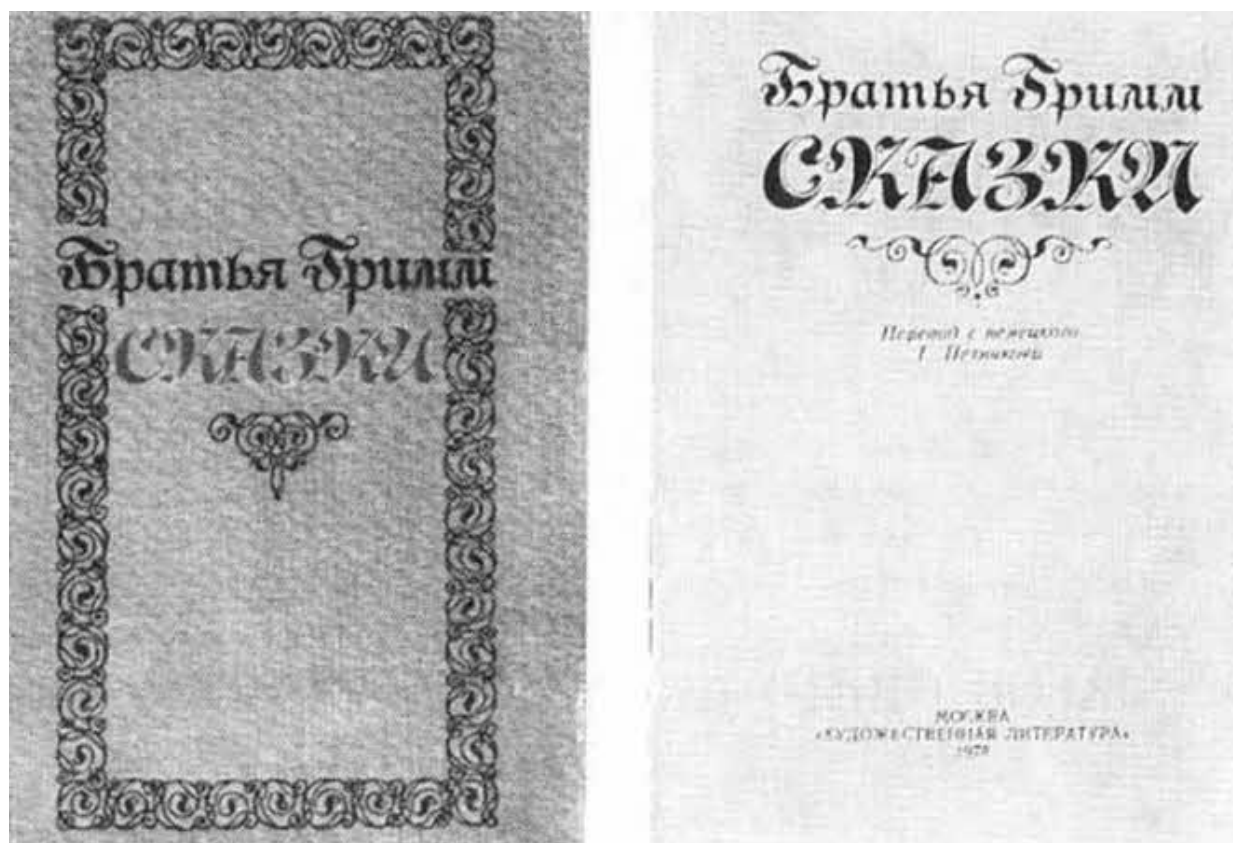

Здание Берлинского университета (около 1840 г.).

Титульный лист первого тома «Словаря немецкого языка» (1854 г.).

Издание «Сказок» братьев Гримм на русском языке, 1978 г.

Немецкое издание сказки братьев Гримм «Король-лягушонок».

Немецкое издание сказки братьев Гримм «Гном»

Немецкое издание сказки братьев Гримм «Золотой гусь».

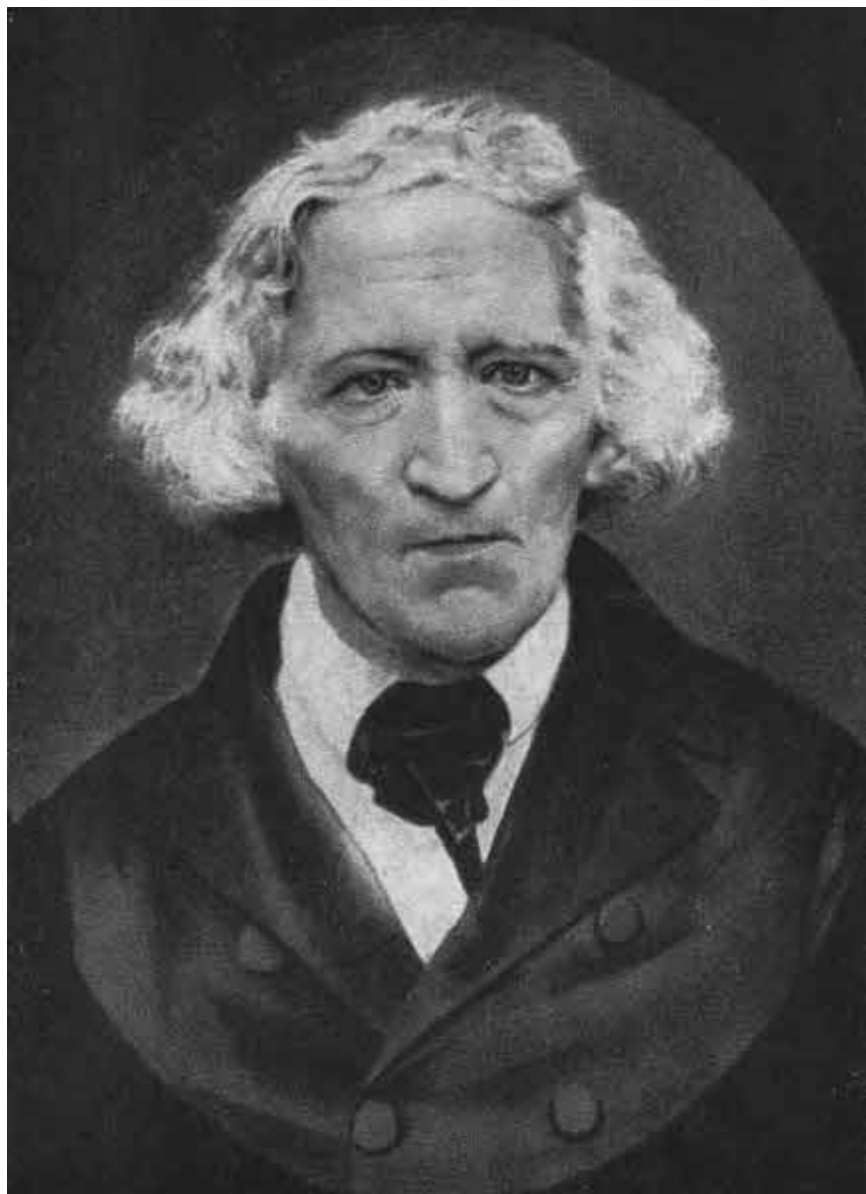
Рабочий кабинет Якоба Гримма в Берлине (около 1860 г.).

**Рабочий кабинет Вильгельма Гримма в Берлине
(около 1860 г.).**

Euer Hochachtungsvoll
haben Sie mir den Abzug einer von Ihnen verviel-
fältigten Autographen meiner theuren Freunde
Schmeller anbieten & wird mir Freude machen
es so werthvolles Andenken zu besitzen.
Ludmann ist leider auch unter den Toten,
ja Schmeller schon um ein Jahr vorausgegangen.
Möge früherer von Verheirathung, der gegenwärtige
als Besitzer des Schmeller'schen Nachlasses, bald
die neue Ausgabe des Wörterbuchs veranstalten
wie sie sich aus den hinterlassenen Schätzen
benötiglichen lässt
Mit vollkommenster Hochachtung Dankbar
Ihr ergebener
Jak. Grimm.
Berlin 28 Juni 1857.

**Из письма Якоба Гримма Г. фон Дессауэру от 28
июня 1857 года.**

Якоб Гримм (фото 1857 года).

gestandhaft auf Herrn; Hoffentliches (was sich bewahrte), den
Codex mit der Exhortation, zuweilen auch vorwärts zu rücken
Dank für die gütige Mittheilung des Codex. Ich habe ihn
so lange behalten, weil ich ihn ^{in Form des Buchs} gerne (zu Hause haben
wollte, und nicht was erst in Jammern besteht; gleich
darauf konnte ich aufsteigen und bin noch nicht ganz
Ingeordnet, will aber nicht länger warten mit dem
Uebersetzen auf möglichster Zeit, wobei ich mich nicht
mit der Uebersetzung zu sehr beschäftigen will.
Ich habe die Uebersetzung dem Herrn mittheilen lassen.
Ich habe die Uebersetzung dem Herrn mittheilen lassen.

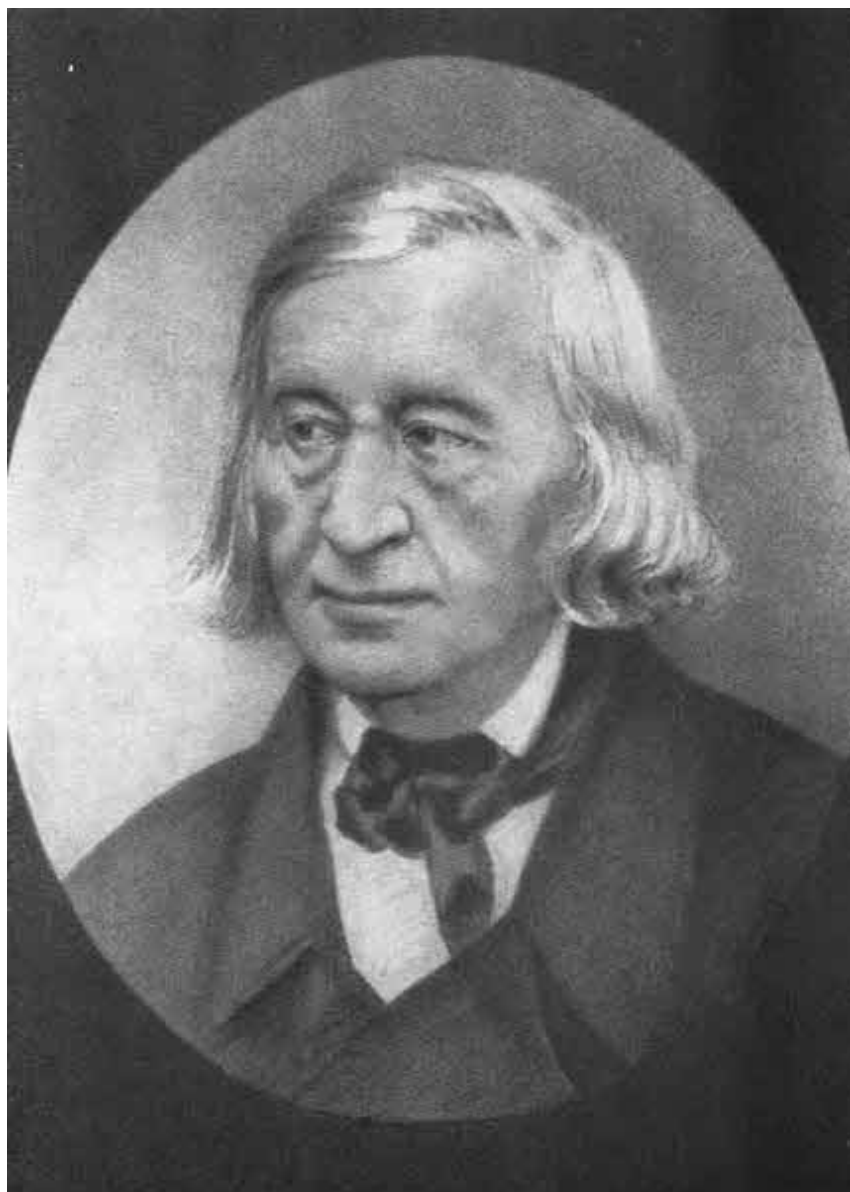
Meine Freunde bitte ich die auf mich zu haben über den
Uebersetzung der Handschrift zu schreiben, die ich dem
Herrn mittheilen werde.

Mit der aufrichtigsten Verehrung und Hochachtung

Berlin 28. März 1848.

Heinz de Hagen
Wilhelm Grimm

**Из письма Вильгельма Гримма Карлу Бернгарди от
28 марта 1848 года.**

Вильгельм Гримм (фото 1857 года).

Памятник братьям Гримм в Ханау

Именной комментарий

Аделунг, Йоганн Кристоф (1732–1806) — немецкий лингвист. Профессор Эрфуртской гимназии (1759–1761 гг.); из-за конфликта с духовенством был вынужден оставить гимназию и переехать в Лейпциг, где ему пришлось перебиваться случайными заработками; с 1787 г. — старший библиотекарь курфюршеской библиотеки в Дрездене. В свое время был признанным авторитетом в области лексикологии, лексикографии и грамматики немецкого литературного языка, чем во многом предварил работы Я. Гримма. Одним из первых подошел к пониманию необходимости сравнительного изучения языков. Занимался также древней германской историей и собрал большой материал по истории Саксонии.

Арндт, Эрнст Мориц (1769–1860) — немецкий историк, поэт и публицист. В 1800 г. — приват-доцент истории в Грейфсвальде. Рискуя жизнью, участвовал (в 1806 г.) в подпольной борьбе против наполеоновской оккупации и был вынужден бежать в Швецию. По возвращении в Германию (в 1813 г.) встал в ряды оппозиции; по необоснованному обвинению в «революционном заговоре» был лишен профессорского звания и втянут в длительный судебный процесс. С 1840 г. — профессор в Берлине. В 1848 г. был членом Франкфуртского национального собрания. Основные произведения: «Катехизис немецких солдат» (1813 г.), «Дух времени» (1806–1813 гг.), «Сказки и воспоминания юности» (1-й т. — 1818 г., 2-й—1843 г.).

Арним, (Людвиг) Ахим (Иоахим) фон (1781–1831) — немецкий писатель; один из ведущих представителей кружка гейдельбергских романтиков. Был женат на Беттине Брентано, сестре Клеменса Брентано. Издавал

«Газету для отшельников». Вместе с К. Brentano издал сборник немецких народных песен «Волшебный рог мальчика» (3 тт., 1806–1808 гг.). Патриотизм Арнима, особенно в период наполеоновских войн, носил националистический оттенок. К числу наиболее значительных произведений Арнима относятся романы «Бедность, богатство, вина и покаяние графини Долорес» (1810 г.) и «Хранители короны» (1-я часть — 1817 г., 2-я — посмертно, 1854 г.) и рассказы «Изабелла Египетская» (1811 г.), «Одержимый инвалид в форте Ратонно» (1818 г.), «Князь Ганцгот и певец Гальбгот» (1818 г.).

Арним-Брентано, Беттина (Елизавета) фон (1785–1859) — немецкая писательница. Сестра Клеменса Брентано. С 1811 г. — жена А. фон Арнима. Одна из видных и колоритных фигур в позднем немецком романтизме; писала преимущественно в эпистолярном жанре. Популярность Беттине принесла книга «Переписка Гёте с ребенком» (1835 г.) — очень вольное переложение ее переписки с Гёте. Наиболее значительным произведением Беттины была ее работа «Эта книга принадлежит королю» (1843 г.), рисующая неприглядное состояние общества. Своими смелыми выступлениями в защиту преследуемых и критикой существующих порядков постоянно навлекала на себя гнев прусских властей.

Принимала живое участие в семейных делах братьев Гримм.

Беллини, Джованни (ок. 1430–1516) — итальянский художник из семьи известных венецианских живописцев, заложивший основы искусства Высокого Возрождения в Италии. Кисти Беллини принадлежат многочисленные изображения мадонн, исполненные в тоне лирической созерцательности. Творчество Беллини утвердило характерно ренессансную композицию

алтарной картины. В мастерской Беллини учились Джорджоне и Тициан.

Бенеке, Георг Фридрих (1762-1844) — немецкий германист, один из основателей германской филологии; профессор философии (с 1814 г.). Занимался текстологией (филологической интерпретацией) средневерхненемецких текстов. Известен как издатель ряда средневерхненемецких литературных памятников. Слыл блестящим знатоком средневерхненемецкого языка. Собранные им материалы легли в основу словаря средневерхненемецкого языка, выпущенного В. Мюллером и Ф. Царнке (1854-1866 гг.).

Беттина — См.: Арним-Брентано, Беттина (Елизавета) фон.

Блюхер, Гебхард Леберехт (1742-1819) — князь, прусский фельдмаршал. В 1801 г. получил звание генерал-лейтенанта. В 1803 г. был назначен губернатором Мюнстера. В период наполеоновских войн участвовал в битве под Ауэрштедтом (1806 г.); преследуемый войсками Наполеона, вынужден был капитулировать под Раткау с шестью тысячами солдат. В 1813 г. принимал участие в весенней кампании под русским верховным командованием. Был назначен главнокомандующим прусско-саксонской армии, нанесшей ряд сокрушительных ударов по французским войскам в августе — октябре 1813 г. В этом же году получил звание генерал-фельдмаршала. Прибытие его армии на поле битвы при Ватерлоо (1815 г.) решило исход сражения.

От русских солдат получил прозвище «Маршал Вперед».

Бодмер, Йоганн Якоб (1698-1783) — швейцарский ученый, критик и писатель. Профессор, преподавал швейцарскую историю в цюрихской гимназии (1725-1775 гг.). Вместе со своим другом И. Брайтингером основал еженедельник «Разговоры живописцев»,

выходивший в 1721-1723 гг., в котором освещались вопросы литературы, эстетики и морали. Работа «О чудесном в поэзии», в которой нашли свое отражение важнейшие идеи Бодмера, была направлена против влиятельной плоско-рационалистической эстетики Готшеда. Бодмер выступал также популяризатором иностранной литературы в Швейцарии и Германии, в первую очередь английской. Автор ряда драм, не получивших признания. Известен как издатель произведений Опица, песен миннезингеров (1758-1759 гг.), части «Песни о Нибелунгах» («Месть Кримхильды», 1857 г.). Перевел на немецкий язык «Потерянный рай» Дж. Мильтона.

Бопп, Франц (1791-1867) — немецкий лингвист, заложивший основы сравнительной грамматики индогерманских языков. Занимался изучением санскрита. Профессор Берлинского университета (1821-1864 гг.), преподавал историю восточных литератур и общее языкознание. Основной труд — «Сравнительная грамматика» (1833-1852 гг.).

Брентано, Клеменс (1778-1842) — немецкий писатель и поэт, занимавший видное место в кружке гейдельбергских романтиков.

Лирика Брентано представляет собой наиболее значительное явление немецкой романтической поэзии начала XIX века. Популярность пришла к Брентано после выхода в свет подготовленного им совместно с А. ф. Арнимом сборника немецких народных песен «Волшебный рог мальчика» (1806-1808 гг.). К числу наиболее удавшихся произведений Брентано относят его сказки («Гокель и Гинкель» и др.).

Буассере, Сюльпис (1783-1854) — немецкий искусствовед и коллекционер. Занимался изучением немецкого средневекового искусства. Коллекционировал работы немецких и нидерландских художников эпохи средних веков и Возрождения.

Собранием его картин заинтересовался баварский король Людвиг I и приобрел его за 240 тысяч гульденов. В знак признания его заслуг ему было поручено баварскими властями возглавить дело охраны памятников искусства в Баварии. Занимался также церковной архитектурой.

Вайц, Георг (1813-1886) — немецкий историк. Профессор в Киле (1842 г.); принимал участие в работе Франкфуртского национального собрания (1848 г.). Основатель так называемой геттингенской исторической школы, ставившей перед собой задачу критического пересмотра немецкой истории средних веков. После реорганизации редакции «*Monumenta Germaniae Historica*» (многотомного собрания важнейших источников по истории Германии средних веков) взял на себя руководство этим изданием (1875 г.). Основные работы: «Ежегодники Германской империи эпохи короля Генриха I» (1837 г.), «История конституции Германии» (8 тт., 1844-1878 гг.), «История Шлезвиг-Гольштейна» (2 тт., 1851-1854 гг.), «Памяти Якоба Гримма» (1863 г.). Известен также как издатель «Источниковедения немецкой истории» Дальмана (3, 4 и 5-е издания, отсюда сокращенное название этого издания — «Дальман-Вайц») и писем Каролины Шеллинг.

Виганд, Пауль (1786-1866) — юрист. Занимал пост судьи в Гекстере, затем был председателем городского суда в Ветцларе. Один из близких друзей Якоба и Вильгельма, с которыми они познакомились во время учебы в Кассельском лицее (1798-1802).

Вольтер (Аруэ, Франсуа-Мари, 1694-1778) — французский мыслитель, глава старшего поколения французских просветителей, философ, поэт, публицист, романист и историк. Классик литературы. XVIII век часто называют веком Вольтера.

Вук Стефанович. — См.: Караджич, Вук Стефанович.

Гакстгаузен, Август барон фон (1792–1866) — прусский правительственный чиновник, экономист и писатель. С 1829 по 1838 год занимался изучением политико-экономических отношений и положения сельского населения прусских провинций. По поручению царского правительства в 40-е годы занимался теми же вопросами в России. «Открыл», по выражению Ф. Энгельса, «общинную собственность на землю в России»^[30].

Основные работы: «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России» (3 тт., 1847–1852 гг.), «Россия как воюющая держава» (1852 г.), «Закавказье» (2 тт., 1856 г.), «Конституционный принцип» (2 тт., 1864 г.), «Сборник духовных песен» (1851 г.).

Гёдеке, Карл (1814–1887) — историк литературы. Был научным консультантом придворного книготорговца Хана в Ганновере; позднее — профессор Геттингенского университета (с 1859 г.). Литературную деятельность начал с публикации драмы «Король Кодрус, отродье своего времени» (1839 г.), написанной по следам событий вокруг «геттингенской семерки». Гёдеке — составитель ряда хрестоматий немецкой поэзии. Важнейшим трудом Гёдеке были «Очерки истории немецкой поэзии» (3 тт., 1859–1881 гг.). Автор предисловий ко многим изданиям немецких классиков, в том числе к историко-критическому изданию сочинений Ф. Шиллера (1867 г.).

Геллерт, Кристиан Фюрхтеготт (1715–1769) — немецкий писатель-моралист, выразитель умеренных просветительских взглядов. Профессор изящной словесности и риторики в Лейпциге (с 1745 г.). Известность получил как автор басен (1746–1748 гг.), сборник которых был переведен на многие языки мира. Автор романа «Жизнь шведской графини» (1747–1748 гг.) — первого немецкого «семейного» романа,

написанного в просветительско-моралистическом духе, сборника «Духовные оды и песни» (1757 г.) и ряда комедий.

Гервинус, Георг Готтфрид (1805-1871) — немецкий историк и литературовед, профессор Геттингенского (с 1836 г.) и Гейдельбергского (с 1844 г.) университетов. В числе «геттингенской семерки» в 1837 году королем Эрнстом Августом был выслан за пределы Ганноверского королевства. В 1847 г. основал газету «Дойче цайтунг». Выступал сторонником идеи федерализма и не одобрял движение Германии к национальному единству. Избирался депутатом союзного сейма Франкфуртского национального собрания. Основным историческим трудом Гервинуса считается 8-томная «История XIX века после Венского конгресса». Важнейшим его историко-литературным трудом является 5-томная «История немецкой национальной литературы».

Гофер (Хофер), Андреас (1767-1810) — вождь тирольских крестьян в борьбе против французских оккупантов и баварских властей. Трактирщик. После отторжения Тироля Наполеоном от Австрии (в 1805 г.) и передачи его Баварии начал собирать вокруг себя недовольных крестьян, а в 1809 г. возглавил восстание, закончившееся победой тирольских крестьян. С августа по октябрь 1809 г. был правителем Тироля: находясь у власти, сохранял лояльность по отношению к австрийскому правительству. Под напором значительных сил Наполеона был вынужден бежать, но был выдан французам и расстрелян ими. Биография Гофера легла в основу сюжета многих литературных произведений.

Гофман, Эрнст Теодор Амадей (1776-1822) — немецкий писатель и композитор, крупнейший представитель позднего немецкого романтизма. Автор первой в Германии романтической оперы «Ундина» (пост. в 1816 г.). Основные произведения: циклы новелл

«Фантазии в манере Калло» (4 тт., 1814–1815 гг.) и «Серапионовы братья» (4 тт., 1819–1821 гг.), романы «Эликсир дьявола» (1815–1816 гг.) и «Житейские воззрения кота Мурра» (1820–1822 гг.).

Гуго, Густав (1764–1844) — немецкий юрист, один из предшественников реакционной исторической школы права. С 1788 г. — профессор прав в Геттингене. Занимался гражданским правом, а также историей римского права. Выступал сторонником «естественного права». Основные работы: «Гражданское право за последние сорок лет» (3 тт., 1828–1845 гг.) и учебник «Гражданское право» (1792 г.).

Концепция «естественного права» Гуго была подвергнута резкой критике К. Марксом в статье «Философский манифест исторической школы права» (1842 г.).

Гумбольдт, Александр (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, брат Вильгельма Гумбольдта. Вместе с Георгом Форстером путешествовал по Франции, Нидерландам и Англии (1790 г.). Совершил поездки по Центральной и Южной Америке (1799–1804 гг.). Исполнял обязанности советника прусского короля (с 1827 г.). Путешествовал по России (1829 г.). Высказывал идеи о материальности природы, о ее единстве, о взаимосвязи и взаимообусловленности происходящих в ней явлений. Отличался универсальностью научных интересов. Основные работы: «Путешествие в равноденственные области Нового Света в 1799–1804 гг.» (30 тт., 1807–1834 гг.), «Фрагменты по геологии и климатологии» (2 тт., 1831 г.), «Центральная Азия» (3 тт., 1843 г.), «Космос» (5 тт., 1845–1862 гг.).

Гумбольдт, Вильгельм (1767–1835) — немецкий филолог, философ, искусствовед и государственный деятель. Брат А. Гумбольдта. В 1801–1810 гг. находился на государственной службе (исполнял обязанности

директора департамента исповеданий и просвещения при прусском министерстве внутренних дел). Один из основателей Берлинского университета (1810 г.). В 1810–1819 гг. состоял на дипломатической и государственной службе (посол в Вене, затем министр по делам сословий).

В. Гумбольдт — убежденный сторонник идей классического гуманизма Гёте, Шиллера и Гердера; цель истории и общества видел в создании условий для «пробуждения», гармонического развития и самораскрытия человеческой личности.

В. Гумбольдт — один из основоположников философии языка как науки. Трактовал язык не как застывшую данность, а как продукт духовного творчества людей, отражающий склад ума и мировоззрение народа.

Густав Адольф — шведский король Густав II Адольф (1592–1632), годы правления: 1611–1632 гг.; видный полководец; в истории военного искусства известен также как крупный реформатор. Вел успешные захватнические войны с Данией, Речью Посполитой и Русским государством, в результате которых Швеция стала крупной военной державой на Балтийском море.

Густав Ваза — Густав I Ваза (1496–1560) — шведский король в 1523–1560 гг. Первый из династии Ваза; пришел к власти, используя успешное восстание шведских крестьян против Дании. Был избран королем после изгнания датских войск и расторжения так называемой Кальмарской Унии (1327–1513 гг.).

Дальман, Фридрих Кристоф (1785–1860) — немецкий историк, профессор Кильского (с 1812 г.), Геттингенского (с 1829 г.) и Боннского (с 1842 г.) университетов. Придерживался умеренно-либеральных взглядов. Был одним из семи профессоров Геттингенского университета, репрессированных ганноверским королем Эрнстом Августом в 1837 г.

Принимал активное участие в подготовке и проведении съездов германистов во Франкфурте-на-Майне (1846 г.) и в Любеке (1847 г.). Во время революции 1848 г. был депутатом Франкфуртского национального собрания. По словам К. Маркса, принадлежал к такой категории государственных деятелей, которые «...сходят со сцены, когда наступает революция»^[31].

Основные работы: «Исследования в области истории» (1822–1824 гг.), «Источниковедение немецкой истории» (1830 г.), «История Дании» (1840–1843 гг.), «История революции в Англии» (1844 г.), «История французской революции» (1845 г.).

Диц, Фридрих (1794–1876) — немецкий филолог, профессор Боннского университета (с 1823 г.), основатель романской филологии в Германии. Опирался на принципы сравнительно-исторического исследования, разработанные Якобом Гриммом. Основные труды: трехтомная «Грамматика романских языков» (1836–1838 гг.), «Этимологический словарь романских языков» (1853 г.) и ряд работ по исследованию поэзии провансальских трубадуров. Известен также как издатель и переводчик произведений романских литератур средних веков.

Доцен, Бернгард Йозеф (1782–1828) — немецкий германист. Сотрудник, а затем хранитель (с 1811 г.) Мюнхенской государственной библиотеки. Вместе с Хагеном и Бюшингом издавал журнал «Музей древней немецкой литературы и искусства» (Берлин, 1809–1811 гг.). Им было сделано несколько ценных находок среди рукописей, поступавших в Мюнхенскую библиотеку во время секуляризации баварских монастырей, в том числе такие литературные памятники немецкого средневековья, как «Муспилли» и роман Вольфрама фон Эшенбаха «Титурель». Ряд статей Доцена по различным проблемам литературы, которые внесли определенный вклад в оформление немецкой

филологии в самостоятельную науку, был опубликован в двухтомном сборнике «Разные работы по истории немецкой литературы» (1809 г.).

Дросте-Хюльсхофф, Аннетте (Анна Элизабет) (1797–1848) — немецкая писательница. Принадлежала к числу наиболее образованных людей своего времени. Стихи А. Дросте-Хюльсхофф отличаются редким изяществом, точностью языка и выражения мысли, отсутствием риторики и совершенством формы. В прозе писательницы очень заметно сказывается локальный колорит Вестфалии и спокойный ритм местного патриархального быта. Большинству произведений А. Дросте-Хюльсхофф присущ чистый элегический тон, иногда не без религиозного оттенка. Основные произведения: стихотворные сборники «Стихотворения» (1838 г.), «Степные картины» (1841–1842 гг.), «Горы, леса и озера» (1841–1842 гг.), «Последние дары» (издан посмертно в 1860 г.); драмы «Берта» (1814 г.) и «Вальтер» (1818 г.); романтические поэмы «Гостиница на большом Сан-Бернаре» (1830 г.) и «Битва в Ленской расщелине» (1837 г.).

Жером Бонапарт (1784–1860) — младший брат Наполеона, в 1807 году был назначен королем вновь образованного Вестфальского королевства. После разгрома Наполеона под Лейпцигом в 1813 году бежал за границу. Впоследствии — маршал Франции (с 1850 г.).

Зуабедиссен, Давид Теодор Август (1773–1835) — немецкий философ и педагог. Преподавал в земельной школе в Ханау (1800–1815 гг.), занимал должность директора кассельского лицея (1812–1815 гг.), исполнял обязанности наставника принца Гессенского (с 1815 г.); с 1822 г. — профессор Марбургского университета.

Караджич, Вук Стефанович (1787–1864) — сербский филолог, историк и фольклорист, участник сербского движения национального возрождения. Принимал участие в первом сербском восстании (1804–1813 гг.),

был вынужден бежать в Австрию. Осуществил реформу сербского литературного языка, идя по пути очищения его от церковнославянского и ориентации на сербский народный язык и упрощая его правописание. Известен как автор первой «Сербской грамматики» (1814 г.) и составитель «Сербско-немецко-латинского словаря» (1818 г.). По инициативе Караджича был достигнут договор между сербами и хорватами о введении единого литературного языка (1850 г.). Известен как собиратель и издатель многих сборников сербских народных песен, сказок и пословиц, способствовавший становлению романтизма в сербской литературе.

Карл XII (1682–1718) — шведский король (1697–1718 гг.); был выдающимся полководцем, проводил великодержавную агрессивную политику в Центральной и Восточной Европе. Разгром его армии в России в 1709 году отбросил Швецию «на положение второстепенного государства», как писал Ф. Энгельс^[32].

Клейст, Генрих (Бернд Вильгельм Генрих) фон (1776–1811) — немецкий писатель, один из наиболее талантливых представителей позднего немецкого романтизма. Автор трагедии «Пентесилея» (1808 г.), драм «Кетхен из Гейльбронна» (1808 г.), «Битва Германа», «Принц Гомбургский» (1810 г.), комедий «Амфитрион» (1805–1807 гг.) и «Разбитый кувшин» (1806–1808 гг.).

Конрад Вюрцбургский (1220/30—1287) — поэт бюргерского происхождения, самая крупная фигура в немецкой поэзии XIII века. Писал миннезанги, религиозные и светские действа, автор трех больших эпических поэм.

Лахман, Карл (Карл Конрад Фридрих Вильгельм) (1793–1851) — немецкий филолог, один из основателей германской филологии, профессор Кенигсбергского (с 1818 г.) и Берлинского университетов.

Занимался текстологией античной и немецкой средневековой (древне- и средневерхненемецкой) литературы; разработал теорию сопоставления рукописей («теорию общих ошибок»), оказавшую влияние на развитие текстологии в Европе. Особое место в его исследованиях занимала «Песнь о Нибелунгах». Лахманом было осуществлено первое научное издание этого произведения; им были подготовлены также издания сочинений Вольфрама фон Эшенбаха, Гартмана фон Ауэ, Г. Э. Лессинга и ряда античных авторов.

Лессинг, Готхольд Эфраим (1729-1781), немецкий писатель и драматург, выдающийся представитель немецкого Просвещения. Классик литературы. Теоретик искусства.

Мальсбург, Эрнст Отто фон дер (Эрнст Фридрих Георг Отто фон дер) (1786-1824) — немецкий дипломат, писатель и переводчик. Автор сборника стихотворений (опубл. в 1817 г.) и переводов многих произведений Кальдерона и Лопе де Вега. Один из друзей Якоба и Вильгельма Гриммов со времени учебы в кассельском лицее (1798-1802 гг.).

Мария-Терезия (1717-1780) — королева Венгрии и Богемии (с 1740 г.), эрцгерцогиня австрийская (из династии Габсбургов). В 1713 г. вступила в наследование землями габсбургской монархии. С 1736 г. — супруга Франца Стефана Лотарингского (ставшего императором Францем I в 1745 г.). Влияния на европейскую политику добилась лишь после войны за австрийское наследство (1740-1748 гг.). Попытка Марии-Терезии в ходе Семилетней войны (1756-1763 гг.) вернуть Силезию, захваченную Пруссией, успеха не имела.

Проводила политику усиления государственной централизации, а также принимала меры, направленные на содействие развитию промышленности и торговли.

Меттерних (Меттерних-Виннебург), Клеменс Венцель Лотар (1773–1859) — князь, австрийский государственный деятель и дипломат, известный мастерством тактического лавирования в политике. Посол в Саксонии (1801–1803 гг.), Пруссии (1803–1806 гг.), Франции (1806–1809 гг.). С 1809 г. — министр иностранных дел и фактически глава правительства, с 1821 по 1848 г. — канцлер. Во время революции 1848 г. был вынужден бежать в Великобританию, затем в Бельгию.

Политический курс Меттерниха отличался крайней реакционностью. Меттерних вел последовательную борьбу с революционным и национально-освободительным движением во всех странах мира. В европейской политике стремился к укреплению связей с Францией и ослаблению позиций России.

Мюллер, (Карл) Отфрид (1797–1840) — немецкий археолог, историк античности и специалист в области классической филологии. Ученик Августа Бёка. Профессор Геттингенского университета (1819–1838 гг.). Вслед за Бёком рассматривал историю и искусство Древней Греции в их тесном переплетении и настаивал на всестороннем, комплексном изучении античности, ведя полемику с Готтфридом Германом. Занимался также проблемами древнегреческой мифологии («Введение в научную мифологию», 1825 г.); придерживался мнения, что творцом мифов является народ.

Пертц, Георг Генрих (1795–1876) — немецкий историк. С 1823 по 1873 год возглавлял редакцию «Monumenta Germaniae Historica» (многотомного собрания важнейших источников по истории Германии средних веков). Основатель газеты «Ганноверше цайтунг» (1832 г.). Автор ряда биографий, отличающихся богатством фактического материала

(«Жизнь министра фон Штейна», 1849–1855 гг.; «Жизнь графа Рейтхарда фон Гнейзенау», 1864–1876 гг. и др.).

Ранке, Леопольд фон (1795–1886) — немецкий историк, один из крупнейших представителей буржуазной историографии XIX века, создавший целую школу последователей. Профессор Берлинского университета (1825–1827 гг. и 1834–1871 гг.). С 1841 г. — официальный историограф Прусского государства. За заслуги перед исторической наукой в 1865 г. ему было пожаловано дворянское звание с правом наследования.

Раск, Расмус Кристиан (1787–1832) — датский лингвист и историк литературы. В период с 1812 по 1823 год совершил три поездки по странам Европы и Азии с целью изучения языка и литературы разных стран (1812 г. — Швеция; 1813–1815 гг. — Исландия; 1816–1823 гг. — Россия, Персия, Восточная Индия и Цейлон). С 1825 г. — профессор истории литературы, с 1831 г. — профессор востоковедения в Копенгагене. Открыл закон передвижения согласных, получивший окончательную форму у Я. Гримма. Вместе с Ф. Богатом заложил основы сравнительно-исторического языкознания. Основные работы: «Исследование о происхождении древнеисландского языка» (1818 г.), «О возрасте и подлинности Зенд-Авесты» (1822 г.) и ряд работ по испанскому, датскому, древнеисландскому и фризскому языкам.

Рафаэль (Рафаэлло Санти) (1483–1520) — итальянский художник и архитектор эпохи Высокого Возрождения. Учился у Перуджино. Широкую известность получил после создания ряда алтарных образов (1504–1508 гг.). Папой Юлием II был приглашен в Рим; расписывал парадные залы Ватиканского дворца (станца делла Сеньятура, станца д'Элиодоро и др., 1509–1517 гг.). Вершиной творчества Рафаэля считается, «Сикстинская мадонна» (1515–1519 гг.).

Ричардсон, Сэмюэл (1689–1761) — английский романист, классик литературы, популярный в XVIII веке автор назидательных романов «Кларисса Гарлоу» (1740 г.), «Памела» (1747–1748 гг.), «Грандисон» (1754 г.).

Руссо, Жан-Жак (1712–1778) — выдающийся представитель французского Просвещения, философ и писатель, теоретик искусства. Классик литературы. Руссоизм — как философия и литературная школа — одно из наиболее заметных явлений французской идейной жизни XVIII века. Многие идеи и художественное творчество Руссо готовили почву романтизму в европейском искусстве.

Савиньи, Фридрих Карл фон (1779–1861) — немецкий юрист, профессор права, позднее министр юстиции (с 1842 г.). Преподавал в Марбургском и Берлинском университетах. Основатель реакционной исторической школы права (о которой К. Маркс говорил, что она «...подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего...объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический...»^[33]). Был женат на Кунигунде Brentano, сестре Клеменса Brentano. С 1805 г. — один из близких друзей Якоба и Вильгельма.

Стеффенс (Штеффенс), Генрих (Генрик) (1773–1845) — философ, естествоиспытатель и поэт норвежского происхождения, один из членов кружка венских романтиков. С 1802 по 1804 год читал лекции в Копенгагенском университете. С 1804 по 1811 год — профессор в Галле, с 1811 г. — в Бреслау. В 1813 г. участвовал в войне против Наполеона и в составе войск антинаполеоновской коалиции дошел до Парижа. С 1831 г. — профессор философии в Берлинском университете.

Как философ Стеффенс стоял на позициях романтической натурфилософии, сочетавшей идеи Фихте, Шлейермахера и Шеллинга. Автор многих работ по философии, религии и актуальным вопросам политики и культуры. Свои литературные труды он объединил в многотомный сборник «Новеллы» (1837–1838 гг.).

Тик, Людвиг (1773–1853) — немецкий писатель (прозаик, поэт и драматург), критик, переводчик и издатель. Наиболее значительный период творчества Тика связан с деятельностью кружка иенских романтиков. Роман «Странствия Франца Штернбальда» (1798 г.) написан Тиком совместно с Г. Вакеродером. Мастерство Тика-писателя отчетливее всего проявилось в его ранних новеллах и комедиях.

Известен также как издатель произведений Шекспира, Клейста и Ленца.

Уланд, Людвиг (1787–1862) — немецкий поэт-романтик швабской школы, германист. Изучал право в Тюбингенском университете. Впервые начал публиковать свои поэтические произведения в 1807 г. в литературных журналах. Уланд известен как автор ряда работ по литературе немецкого средневековья (в частности, работы о Вальтере фон дер Фогельвайде), по мифологии, фольклору и германской филологии.

Фридрих Великий — Фридрих II — прусский король Фридрих II Гогенцоллерн (1712–1786), годы правления — 1740–1786 гг., в буржуазной историографии получил наименование Великого. При нем прусская армия стала сильнейшей в Европе. Проведение Фридрихом II реформ в духе «просвещенного абсолютизма», а также «дружба» с Вольтером не меняли общей крепостнической направленности его политики. При Фридрихе II Пруссия утвердилась в качестве могущественного соперника Австрии в борьбе за господство в Германии.

Фридрих Вильгельм III (1770–1840) — прусский король с 1797 г. Сын Фридриха Вильгельма II. В 1806 г. присоединился к 4-й антифранцузской коалиции. По Тильзитскому (1807 г.) миру уступил Наполеону половину Пруссии. В 1807–1814 гг. вынужден был согласиться на проведение реформ буржуазного характера. В 1812 г. его войска приняли участие в походе наполеоновской армии против России. Под влиянием народно-патриотического движения в Пруссии после победы России в Отечественной войне 1812 г. в марте 1813 г. объявил войну Франции. Участвовал в создании Священного союза. Содействовал подавлению польского восстания 1830–1831 гг.

Хаген, Фридрих Генрих фон дер (1780–1856) — немецкий германист, профессор немецкой литературы и языка (Берлин, 1810–1811 гг.; Бреслау, 1811–1821 гг.; с 1821 г. снова Берлин). Занимался текстологией немецкой средневековой литературы и изданием литературных памятников этого периода. Им было подготовлено, в частности, 5 изданий «Песни о Нибелунгах» (с 1807 по 1842 г.), сборник «Немецкая средневековая поэзия» (2 тт... 1808–1825 гг.), сборник немецких стихотворных новелл (3 тт., 1850 г.), сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь» на немецком языке (15 тт., 1825 г.) — в содружестве с Габихтом и Шаллем, а также непревзойденное до сих пор издание песен миннезингеров (4 тт. в 5 частях, 1838 г.).

Хассенпflug, Ганс Даниэль Людвиг (1794–1862) — юрист, впоследствии гессенский министр. В 1832 г. был назначен министром юстиции и одновременно министром внутренних дел. Проводил крайне реакционную политику, направленную на выхолащивание конституции и утверждение деспотичных форм власти. Деятельность на посту министра начал с принятия мер по притеснению общественных организаций и союзов (ферейнов) и

ужесточению цензуры. Из-за разногласий с кассельским двором в 1837 г. покинул Гессен. С 1841 г. — член верховного трибунала в Берлине, позднее — президент верховного земельного суда в Грейфсвальде. В 1850 г. возвратился в Кассель, встал во главе министерства и проводил прежнюю политику (до 1855 г.). Говоря о событиях 1849 г. в Гессене, К. Маркс писал, что «... курфюрст... сбросил маску...поставил у власти реакционное министерство во главе с имевшим дурную славу Хассенпflugом, распустил оппозиционную законодательную палату... и...ввел в Гессен-Касселе осадное положение»^[34].

Шеллинг, Фридрих Вильгельм Иозеф (1775–1854) — немецкий философ, видный представитель немецкого классического идеализма. Известность получил как идеолог иенского романтизма. Экстраординарный профессор Иенского (с 1798 г.), профессор Вюрцбургского (1803–1820 гг.), Эрлангенского (1820–1826 гг.), Мюнхенского (1827–1841 гг.) и Берлинского (1841–1854 гг.) университетов.

В разрабатываемой им натурфилософии и так называемой системе трансцендентального идеализма мысль Шеллинга двигалась по пути преодоления абсолютного противопоставления природы и духа, преодоления бытовавших взглядов на природу как сферу бессознательного, где действуют только механические силы и законы. В последнее десятилетие своего творческого пути Шеллинг выступал с проповедью реакционной «философии откровения».

Шерер, Вильгельм (1841–1886) — немецкий филолог. Профессор Венского (с 1864 г.), Страсбургского (с 1872 г.) и Берлинского (с 1877 г.) университетов. Занимался изучением немецкой средневековой и современной литературы. Ряд его работ посвящен также немецкой истории и истории немецкого языка. Шерер вошел в историю немецкой филологии как один из

наиболее одаренных интерпретаторов литературы и одновременно как один из крупнейших представителей позитивистской методологии (Шерера отличало стремление сделать филологию «точной наукой», использующей методы естественных наук).

Шлегель, Август Вильгельм (1767–1845) — немецкий историк литературы, критик, переводчик и поэт. Теоретик иенского романтизма. Брат Фридриха Шлегеля, муж Каролины Шеллинг (с 1796 по 1803 г.). Один из основателей журнала «Атенеум» (1798–1800 гг.). Автор блестящих переводов на немецкий язык пьес Шекспира и Кальдерона. Курсы лекций по истории литературы, прочитанные им в Берлинском и Венском университетах (1801–1804 и 1808 гг.), содержали систематическое изложение эстетической теории раннего немецкого романтизма.

В рецензии на журнал «Древненемецкие леса», издававшийся братьями Гримм, А. Шлегель подверг их резкой критике за бездоказательность ряда высказываемых там утверждений, обилие неточностей и отсутствие основательной филологической подготовки.

Шлоссер, Фридрих Кристоф (1776–1861) — немецкий историк. Профессор истории и философии во Франкфуртском лицее (с 1812 г.), профессор истории в Геттингенском университете (с 1817 г.). Основные труды: «Всемирная история в форме связного повествования» (9 тт., 1817–1841 гг.), «История XVIII века» (1823 г.), переведена на русский язык Н. Г. Чернышевским (8 тт., 1858–1860 гг.), «История XVIII и XIX веков до заката империи» (6 тт., 1836–1850 гг.), «Всемирная история для немецкого народа» (19 тт., 1842–1854 гг., русский перевод под ред. Н. Г. Чернышевского и В. А. Зайцева, 18 тт., 1861–1869 гг.).

Шмеллер, Иоганн Андреас (1785–1852) — немецкий лингвист. Основал школу в Таррагоне, где преподавание

велось в соответствии с педагогическими принципами Песталоцци. Участвовал в войне Германии с наполеоновской Францией. Языкознанием, в том числе диалектологией, начал заниматься после 1813 года. С 1828 г. Шмеллер — профессор германской филологии в Мюнхене; в 1840 г. становится библиотекарем Мюнхенской королевской библиотеки. А. Шмеллер пользовался репутацией одного из видных ученых-германистов, удачно сочетавшего знание диалектов современного языка с широкой эрудицией в области германской филологии.

Эвальд, Георг Генрих Август (1803–1875) — исследователь библии и востоковед. Профессор восточных языков в Геттингене (с 1827 г.), один из семи репрессированных профессоров Геттингенского университета («геттингенская семерка»); с 1838 г. — профессор в Тюбингене, в 1848 г. — снова в Геттингене. В 1867 г. за неповиновение прусскому королю был вновь смещен с должности. Работы Эвальда в области истории древнееврейского языка, а также филологической интерпретации текстов Ветхого и отчасти Нового завета пользовались среди ученых большим авторитетом.

Эйхендорф, Йозеф фон (1788–1857) — немецкий писатель. Учился в университетах Галле (1805/06 г.) и Гейдельберга (1807/08 г.), где он сблизился с кружком гейдельбергских романтиков — А. фон Арнимом, Й. Гёрресом и К. Brentano. Участвовал в освободительных войнах 1813–1815 гг. (сначала рядовым в подразделении стрелков Лютцова, затем в звании лейтенанта в составе одного из силезских пехотных полков).

Лирике Эйхендорфа, представляющей собой одно из наиболее значительных явлений немецкой романтической поэзии, свойственна простота и безыскусственность, близость к народной песне, неизменно светлая тональность и внутренняя гармония.

Эти качества во многом отличают и прозу Эйхендорфа; к наиболее известным его прозаическим произведениям относятся новеллы: «Мраморная фигура» (1817 г., опубл. в 1819 г.), «Из жизни одного бездельника» (1826 г., впервые переведена на русский язык в 1935 г.), романы: «Мечта и действительность» (1811-1812 гг., опубл. в 1815 г.) и «Поэты и их спутники» (1834 г.).

Эйххорн, Иоганн Альбрехт Фридрих (1779-1856) — прусский чиновник и государственный деятель. Государственную службу начал с должности ассессора берлинского суда; в 1813 г. перешел в ведомство, возглавлявшееся министром фон Штейном. Уже в первые годы своей чиновничьей карьеры обнаружил незаурядные способности к работе в административно-управленческом аппарате. В 1815 г. прусским канцлером фон Гарденбергом был приглашен в ведомство по делам оккупированных французских провинций. Благодаря усилиям Эйххорна Пруссии удалось добиться от Франции возврата многих произведений искусства, захваченных последней в годы наполеоновских войн. В последующие годы Эйххорн состоял чиновником в прусском министерстве иностранных дел, затем — советником в ведомстве государственного канцлера. В 1840 г. был назначен министром по делам образования и культов. В 1848 г. подал в отставку и фактически устранился от общественной и политической жизни страны.

Краткая библиография

Работы братьев Гримм

Deutsche Grammatik. 1. Teil Gottingen 1819. 2. Teil 1826. 3. Teil 1831. 4. Teil 1837.

Deutsche Mythologie. Gottingen 1835.

Taciti Germania ed. Gottingen 1835.

Über deutsche Runen. Gottingen 1821.

Die deutsche Heldensage. Gottingen 1829.

Kinder — und Hausmärchen. Berlin 1. Band 1812. 2. Band 1815.

Altdeutsche Walder herausgegeben. 1. Band Kassel 1813. 2. und 3. Band Frankfurt 1815 und 1816.

Deutsche Sagen. Berlin Teil 1. 1816. Teil 2. 1818. 2. Auflage 1865 und 1866. Irische Elfenmärchen. Leipzig 1826.

Deutsches Wörterbuch. 1854–1961.

Братья Гримм. Сказки. Т. 1–4. М., 1908–1912.

Братья Гримм. Сказки. М., «Художественная литература», 1978.

Литература о братьях Гримм

Albert Duncker, Die Brüder Grimm. Kassel 1884.

Reinhold Steig, Goethe und die Brüder Grimm. Berlin 1892.

Carl Zuckmayer, Die Brüder Grimm. Ebenhausen 1952.

Wilhelm Schoof, Zur Entstehungsgeschichte der Grimmschen Märchen. Hamburg 1959.

Hermann Gerstner, Die Brüder Grimm im Reich der Poesie und Sprache. Murnau 1961.

Wilhelm Schoof, Die Brüder Grimm in Berlin. Berlin 1964.

Manfred Lemmer, Die Brüder Grimm. Leipzig 1967.

Ruth Ratcliff. The brothers Grimm. London 1970.

Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958.

Штейниц В. Изучение народного творчества в ГДР. — «Известия» АН СССР. Отделение литературы и языка», 1955, т. 14, г. 5.

Штейниц В. Некоторые вопросы немецкой этнографии. — «Советская этнография», 1955, № 2.

---

notes

Примечания

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 79.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е. М., т. 2, 1955, с 562.

Новалис. Фрагменты. — В кн.: Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934, с. 121.

Ф. Шлегель. Фрагменты. — В кн.: Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934, с. 171.

Там же, с. 177.

Н. Я. Берковский. Романтизм в Германии. М., 1973, с. 56.

Тезис Савиньи приводится в передаче Вильгельма Гримма, выступавшего 31 октября 1850 года на торжественном заседании Берлинской академии наук по случаю 50-летия присвоения Ф. К. Савиньи ученой степени доктора права.

Deutsche Sagen. Hrsg. v. d. Brüdern Grimm. 2, Aufl.
Berlin, 1865–1866. Bd. I, 1865. S. VI–VII [Vorrede].

Гепиды — группа германских племен, родственных готам, в VI веке были покорены лангобардами.

Г. Гейне. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 6. М., 1958, с. 282.

J. Grimm. Deutsche Mythologie. Gottingen, 1835, S. III.

«Мифологические сказания не могут мыслиться созданными... преднамеренно...» — подчеркивает Шеллинг в работе «Философия искусства» (М., 1966, с. 113). Более подробно воззрения Шеллинга на мифологию излагаются в другой работе — «Философия мифологии».

J. Grimm. Deutsche Mythologie. Gottingen, 1835, S. 6.

Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. в 15-ти т. Т. 2.
М., 1949, с. 736.

W. Scherer. Jacob Grimm. Berlin. 1865, S. 161.

Фахверковая конструкция — дом, стены которого собраны из деревянных балок с заполнением промежутков кирпичом или камнем.

Стихи даны в переводе А. Щуплова.

Курфюрст — германский владетельный князь, имевший право участвовать в выборе императора.

Историческая школа права — одно из направлений в юридической науке конца XVIII — начала XIX века.

Большая Гейдельбергская рукопись песен миннезингеров относится к началу XIV века и содержит произведения 141 поэта (всего 7000 строф). Рукопись украшена рисунками, имеющими не только художественную, но и историческую ценность, поскольку они дают представление о придворных нравах и укладе жизни того времени. Во времена Тридцатилетней войны рукопись исчезла из Гейдельберга и спустя некоторое время была обнаружена в Париже. В 1888 году она была возвращена в Гейдельберг.

Эдда — один из величайших памятников мирового эпоса. Различаются две Эдды: Старшая, или стихотворная, и Младшая, или прозаическая.

Произведение названо по имени монастыря Вессобрунн, где оно было обнаружено в старинном рукописном сборнике.

Парцифаль — герой романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (ок. 1200–1210 гг.).

Обер-гофмаршал — старший придворный чиновник.

Вартбургский праздник 1817 года — встреча представителей всех университетов Германии, посвященная трехсотлетию Реформации и четвертой годовщине со дня Лейпцигской «битвы народов», положившая официальное начало студенческим корпорациям.

Имеется в виду реставрация Гессенского курфюршества.

Святая Женовьева (ок. 422-502) — легендарная покровительница и заступница народа во время нашествия гуннов.

Немецкий центнер — 50 килограммов.

«Гаудеамус» — название старинной студенческой песни на латинском языке.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 424.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, с. 238.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, ч. 2, с. 9.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 416.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 561.